

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДЫ И КОММУНИКАТИВНЫЕ
СТРАТЕГИИ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Труды
Международной научно-теоретической конференции

28 - 31 октября 2015 г.

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета
2015

УДК 1/316.77(130.1) + (303.01) + (159)

ББК 60

С69

Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества: Труды Междунар. науч.-теор. конф. 28-31 октября 2015 года СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. - 318 с.

Конференция представляет собой часть междисциплинарного исследовательского проекта, направленного на теоретическую разработку представлений об эффективных коммуникативных стратегиях в современном социуме. В публикуемых материалах обсуждаются особенности коммуникативного пространства современного социума, проблемы социального управления в информационном обществе, соотношение стратегий глобализации и коммуникации, особенности мотивации и манипуляции сознанием. В центре внимания – социокультурные среды и практики, обращенные к человеческому фактору, выделяющие ресурсы рефлексии, убеждения, понимания, свободного выбора.

Материалы докладов печатаются в авторской редакции

Оргкомитет конференции: М.П. Федоров (председатель), Д.И. Кузнецов (заместитель председателя), А.Н. Кобышев, О.Д. Шипунова (ученый секретарь), И.П. Березовская, Е.М. Гашкова, Е.Б. Тимерманис, В.А. Серкова, И.В. Коломейцев, Н.В. Никифорова, Н.В. Симанова

Ответственный за выпуск – профессор кафедры философии СПбПУ
О.Д. Шипунова

Печатается по решению
Совета по издательской деятельности Ученого совета
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ISBN 978-5-7422-5020-3

© Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого, 2015

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG POLYTECHNIC UNIVERSITY

SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENTS AND
COMMUNICATIVE STRATEGIES OF INFORMATION
SOCIETY

Proceedings

Of the International scientific-theoretical conference
October 28 - 31, 2015

Saint Petersburg
The Publishing House of Polytechnic University
2015

УДК 1/316.77(130.1) + (303.01) + (159)
ББК 60

Socio-cultural environments and Communicative strategies of information society: Proceedings of the International scientific-theoretical conference. Saint Petersburg: The Publishing House of Polytechnic University, 2015. - 318 p.

The conference constitutes a part of an interdisciplinary research project directed towards theoretical development of ideas on effective communicative strategies for modern society. In presented materials, discussion focuses on special features of communicative space of modern society, problems of social control in information network society, relationship of globalization strategies and inter-cultural communication, specific types of motivation and manipulation of contemporary young people consciousness and behavior. The focus is on those value-oriented Socio-cultural environments and practices addressing the human factor, involving resources of reflection, belief, understanding, freedom of choice.

All materials are printed in authors' version, wording and edition

Organization committee of the conference: A.I. Rudskoy (chairman), D.I. Kuznetsov (deputy chairman), A.N. Kobyshev, I.E. Timermanis, O.D. Shipunova (scientific secretary), I.P. Berezovskaya, V.A. Serkova, I.V. Kolomeyzev, E.M. Gashkova, E.B. Timermanis, V.A. Serkova, N.V. Nikiforova, N.V. Simanova

Executive editor: O.D. Shipunova, Professor, Philosophy Department of the Institute of Humanities, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University

Printed on the resolution of the Editorial and Publishing Council
of Peter the Great St. Petersburg State Polytechnic University

ISBN 978-5-7422-5020-3

© St. Petersburg Polytechnic University, 2015

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 316.77

ББК 60.0

Э.В. Баркова
Eleonora Barkova
barkova3000@yandex.ru

Масштаб личностного развития в целевых установках проектирования экокультуры информационного общества **The scale of personal development in the objectives of the design of ecological culture of the information society**

РЭУ имени Г.В. Плеханова
Plekhanov Russian University of Economics

В контексте экофилософской парадигмы поставлена проблема соответствия динамики информационно-технологического развития трансформациям масштаба личности и ее культуры.

Ключевые слова: масштаб личности, коммуникация, информационное общество, экофилософия, культура, форсайт-технологии.

In the context of eco-philosophical paradigm it was posed the problem of matching the dynamics of the development of information technology transformation the scale of personality and its culture.

Keywords: the scale of personality, communication, information society, ecophilosophy, culture, technology foresight

Сложившиеся в последние десятилетия парадигмы коммуникативистики ориентированы преимущественно на исследования коммуникативных актов и потоков, в которых открывается их самоценность, структуры, потенциал информационных технологий и обусловленных ими лингвистических и психологических социокультурных трансформаций. Но в контексте «человеческого измерения» реальности, которое характеризует субъектно-объектные и субъектно-субъектные связи, коммуникации выражает также уровень этих отношений, их смысловой и ценностный социокультурный аспект. Недооценка этого феномена приводит к тому, что и содержательные изменения масштаба формируемой личности при этом оказываются на периферии внимания теоретиков, обсуждающих проблемы

детерминант и стратегий развития информационного общества. Между тем, ценность информационно-технологических инноваций определяется не только новизной, мерой радикальности и оригинальностью, но и тем, в какой мере они оказываются эффективными как инструменты совершенствования мира человека, как формы открытия горизонтов дальнейшего освоения культуры, природы, космоса и перспектив самопознания и самоопределения.

С этой – масштабно-личностной – точки зрения коммуникативные стратегии информационного общества выявили кричащее противоречие: с одной стороны, в них получили развитие многообразные проявления личностной избыточности с характерными для них формами смелости, неординарности, амбициозности, готовности к созданию «сверхвозможных» проектов и миров; с другой – дефицит ответственных крупных личностей, творческая деятельность которых адекватна уровню сложности поставленных нашей эпохой задач и ориентирована на сохранение мира, человека и культуры. Между тем – и это характерная примета времени - в последнее время на ряде самых массовых и престижных молодежных коучей, в таких, например, структурах как «Бизнес-молодость», все более определенно звучит мысль о том, что препятствием для эффективного развития современного бизнеса и инновационных бизнес-проектов становится, - по их терминологии, с которой можно спорить - масштабирование личности. 23-30-летние бизнесмены уже ощутили границы своей общей культуры как тормоз для развития деловых успехов. Подчеркну, не недостаток коммуникативно-технологического обеспечения и информации «вообще», а вполне определенной информации, вводящей человека в мир глубокой мировой и своей родной культуры, в мир фундаментальных знаний, а не только моделей прикладных исследований, для освоения которых часто достаточно здравого смысла. Проблема повышения и масштаба личности в коммуникациях оказывается средством оценки их собственного качества – уровня современности, соответствия мировым коммуникативным тенденциям.

Ответом на этот социальный заказ в известном смысле можно считать рост интереса и изменение статуса экоориентированных проектов и исследований, в логике которых осуществляется *переход от информатизации к экологизации зрения и умозрения*, стремление видеть перспективы человека и его будущего. В ряде социально-экологических, эколого-культурных и антропологических работ показана связь востребованности опережающих коммуникативных стратегий информационного общества и перехода современной науки и философии к экофилософии (См. 1).

«Новую парадигму, формирующуюся в современной науке, можно назвать прежде всего экологической, так как в структуре современного научного познания определяющими интегрирующими тенденциями становятся тенденции «экологизации» (как когда-то «физикализации», «математизации», «кибернетизации» и т.д.). (2). Эта логика – зеркало, в котором отражается забота и стремление к восстановлению *онтологического* статуса коммуникаций, к обоснованию их укорененности в бытии культуры и природы Земли и космоса, а не только в их

информационных моделях. Новое концептуальное пространство информационного общества, в котором задается этот переход строится на основе экофилософии и традиций мировой Культуры.

Эта парадигма опирается на зарубежные и отечественные исследования, которые включают традиции науки XIX-XX века, прежде всего, работы классиков философии космизма, идеи Н.Н.Моисеева – автора формулировки экологического императива и междисциплинарной концепции развития образования в современной России, В.П.Казначеева, И.К.Лисеева и др. В зарубежной науке и культуре в последние годы получили известность практические и универсально-научные проекты сходной направленности глубинной экологии А.Нейса, Б.Деволла, Дж.Сешнса, а также Д. Бура, Энрико Корберы и др. Особо подчеркну сделанное в последние годы киевлянином В.Борейко – руководителем эколого-культурного центра и издателем трудов зарубежных экофилософов. Однако обобщающего анализа этого направления развития информационного общества, ведущего к созданию условий для нового масштаба личностного развития, пока нет.

В этом аспекте значительные возможности открываются через развитие содержательно переосмысленных форсайт-технологий, на основе которых возможна рефлексия экоинформационной картины мира. Но в отличие от целеполагающих стратегий известных форсайт-проектов «Детство- 2030» и «Форсайт образования – 2030», ориентированных на приведение бытия и «всех аспектов образовательной системы России к англо-саксонскому стандарту» (3) и снятию влияния государства «на школу вследствие того, что это влияние перехватывают институты информационной глобализации, действующие сквозь государственные и административные барьеры» (4), экофилософская методология в работе с информацией и потенциалом форсайт-технологий направлена на продвижение проектов, открывающих ресурсы человека и его природы, пути роста масштаба личности в условиях становящегося экоинформационного общества. Целостная информационная система "человек информационной эпохи -культура-природа-биосфера Земли» здесь выступает как единая и внутренне взаимосвязанная, а человеческая деятельность как ее органичная часть реализует концепцию устойчивого развития, включая в себя взаимодействие информационно-коммуникативной, экологической, культурной, социальной и экономической деятельности. Лишь в контексте и с учетом такой целостности *информация становится источником и потенциалом укрупнения масштаба личности*, восстановления творческой роли личности в развитии современного общества.

В соответствии с нормами экокультуры может развиваться основа партнерства «культура-экология-коммуникации-технологии», раскрывая взаимосвязь субъектов всех континентов и народов планеты, их интересов. Но одновременно обнаруживается и другая сторона зависимости субъектов - *человеческих* интересов, предпочтений, взглядов, технологий – от законов и требований природы и экологической культуры. Именно таким образом через инструменты форсайта коммуникативистика способна не только осваивать широту экоинформационных

возможностей и тесно связанных с ними экологических ограничений, но и включаться в сохранение целостности экобиологических систем, обеспечивая тем самым и свои перспективы.

В этой логике восстанавливается буквальный смысл форсайта как видения будущего, включая отдаленные перспективы человека, культуры, общества и природы, в технологиях которого связывается настоящее, будущее и прошлое, но ориентированное на обновление стратегий развития информационных технологий – источника не просто функционирования человеческой природы, а совершенствования Человека, Творчества и Культуры как цели экономического и технологического прогресса.

Литература:

1. См. подробнее: Баркова Э.В. Информационная экология в структурировании пространственно-временного континуума общества знаний // Человеческий капитал. 2014. №12 (72). - С. 96-105; Баркова Э.В. К исследованию мировоззренческих оснований экофилософии // Вестник Орловского государственного университета, 2013. № 1. С. 180-187; Бузская О.М. Социальная мембрана как принцип информационной экологии // Человеческий капитал. 2014. №12 (72). – С. 161-164; Ивлева М.И. Информационно-экологические ориентиры в концепции «трансубъективного» // Человеческий капитал. 2014. №12 (72). – С. 89-93
2. Сартаева Р.С., Нысанбаев А.Н., Сагикызы А. Экология человека в структуре современного научного познания // Вопросы философии. 2015. №4 http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1135&Itemid=44
3. Евзрезов Д.В. О форсайте российского образования // Философия образования. 2015. №4. С.23
4. Там же. С.27

УДК 1 (130.1)+(303.01)

ББК 60

Е.М. Гашкова
Elena Gashkova
elgashkova@yandex.ru

Проблема понимания в виртуальной и социальной реальности
The problem of understanding in virtual and social reality

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University

Автор обращает внимание на современные сложности виртуального общения, а также рассматривает трудности моделирования искусственного интеллекта и сознания. Камнем преткновения выступает проблема понимания, а также эмоциональное и нравственное содержание текста.

Ключевые слова: коммуникация, искусственный интеллект, сознание, виртуальное общение, язык, цель.

The author pays attention to the complexity of contemporary virtual communication and also considers the difficulty of modelling artificial intelligence and consciousness. The main difficulty is the problem of understanding and emotional and moral content of the text.

Keywords: communication, artificial intelligence, consciousness, virtual communication, language, purpose.

Самое сложное в коммуникации с помощью компьютера определить: «живое» или «неживое» взаимодействие осуществляется в данный момент. Каждый из нас вводил сложносочинённые и искажённые для восприятия пароли, чтобы подтвердить факт «человеческой», «живой» коммуникации. Философская проблема «понимания» пока не может быть разрешена техническими устройствами, тест А. Тьюринга, когда нужно «обмануть» трёх собеседников, так не пройден. Правда, совсем недавно в 2014 году зафиксирован один случай, когда машина притворилась «12-летним мальчиком с Украины с плохим знанием английского языка», что сразу предполагало недостаточно полное и адекватное понимание. Но мы знаем, как сложно и людям в обычном общении понять друг друга, прежде всего социально-психологически, социокультурно. («Счастье – это когда тебя понимают!»).

В создании искусственного интеллекта осуществляются попытки воспроизвести сознание человека как набор некоторых отдельных технических устройств. В реальности мы понимаем, что сознание человека не состоит отдельно из блока памяти и процессора, но в коре головного мозга, (где находится от 19 до почти 23 миллиардов нейронов) решаются сложные когнитивные задачи целостно, параллельно, многоканально. К тому же нейроны работают стохастически, способы их соединения носят случайный характер. Как тут не вспомнить «миллионера из трущоб», мальчика-индуса из одноименного фильма, который сумел победить в телевикторине, опираясь лишь на жизненный опыт, а отнюдь не на систематические знания.

Энциклопедическая способность почти любого компьютерного гаджета не предполагает оценки информации по критерию «истина-ложь», что делает такую техническую способность устройства в человеческом общении бессмысленной. К тому же «общество потребления» быстро сообразило, как использовать для манипуляций и собственной выгоды эту «нейтральность» компьютеров. Целый ряд профессий создан для того, чтобы информация о вашей фирме, товаре, цене, услуге и пр. оказалась в верхних строках поисковых систем. А если вы попали в сети компьютерного маркетинга и менеджмента, рекламы и других способов воздействия, то отделаться от контекстных вставок, навязанных анонсов, рекламных объявлений и прочего практически невозможно. Как только мы выходим за рамки потребления, например в религиозные или политические практики, то процесс распознавания, верификации текста становится ещё более сложным. «Языку присуща эзотеричность, которая в религиозном дискурсе основана на внутренней мистике языковых знаков, они создают эффект нереального. И религиозный, и политический дискурс театральны и суггестивны по своей природе» [1, 84].

Отсутствие в работе компьютера понимания «цели», неспособность к самосовершенствованию, а также к самоанализу, рефлексии существенно отдаляют мечты человечества об искусственном разуме. Однако способность воспроизводить ограниченный набор функций человека у различных устройств имеется и сейчас. Бурно развивается тема с беспилотными управляемыми аппаратами – дронами, которые очень активно используются в разных областях жизни человека. Но попытка заменить обычную профессию (доставлять пиццу по воздуху, обходя городские пробки) при помощи беспилотников закончилась неудачей. Перед учёными программистами стоит всё та же задача: понять, как устроен разум и сознание человека, чтобы попытаться воспроизвести его не вычислительными методами, а на какой-то другой основе, например, бионической, при помощи биотехнологий. А пока человечество ещё способно воспроизводиться естественным путём, социализируя личности с разнообразными характеристиками.

Литература:

1. Березовская И.П. Проблема религиозного дискурса в современной культурной ситуации // Коммуникативные стратегии информационного общества: труды Международной научно-теоретической конференции. – СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2013. – С. 83-85.

УДК 316

ББК 74.021 К 12

Е.А. Каверина
Elena Kaverina
kaverina_elen@mail.ru

**Культурно-исторический опыт событийных коммуникаций: от
традиционализма к модернизму**
**Cultural-historical experience of event communications: from traditionalism to
modernism**

Санкт-Петербургский государственный университет
St. Petersburg State University

Доклад посвящен философско-культурологическому анализу опыта событийных коммуникаций, в основе которых лежит символически выстроенное действо. Сегодня создание «специальных событий» стало коммуникационной технологией, направленной на достижение корпоративных целей различных геополитических, коммерческих и некоммерческих сообществ. Сила влияния данной технологии укоренена в опыте культуры. Традиции создания символически организованных событий и механизм их воздействия складывались на протяжении всего процесса развития человеческой культуры, интегрировали наследие различных цивилизаций, этнического своеобразия народов и исторического пути формирования наций. В

историческом контексте изучения обнаруживаются ключевые рубежи и радикальные мировоззренческие сдвиги, обусловившие появление многообразия форм символических действий и видов праздничных культур.

Ключевые слова: событийные коммуникации, праздники, ритуалы, традиции, праздничная культура, специальные события, событийный маркетинг.

The report focuses on the philosophical and culturological analysis of the experience of the event communications, which are based on symbolically constructed action. Today the creation of a "special event" has become a communication technology aimed at achieving corporate objectives of various geopolitical, commercial and non-profit communities. The impact of this technology is rooted in the experience of culture. The tradition of creating symbolically organized events and the mechanism of their effects has evolved throughout the process of development of human culture, has integrated the legacy of various civilizations, ethnic identity of peoples and the historical path of nation-building.

Keywords: special events, event marketing, event communications, holidays, rituals, traditions, holidays culture.

Различные формы событийных коммуникаций (мистерии, праздники) — прежде всего, формы культуры и важнейшие формы коммуникации между субъектами культуры. С философско-культурологической точки зрения событийные коммуникации и их различные конкретные формы можно рассматривать как репрезентацию ключевых смыслов и ценностных доминант типов культуры и обществ, организованную в форме символически выстроенного действия. Символическое событие можно назвать культурной формой, которая запечатлевает обнаруженные человеком смыслы и отражает черты, характеристики эпохи. Символическое событие изоморфно социокультурному пространству, в котором оно возникает.

В культурах архаики роль ритуала имеет первостепенное значение для хранения и передачи социокультурного опыта, поскольку мировоззрение имеет синкретичный характер, в котором отсутствуют границы между личным и общественным, религиозным и идеологическим. В эпоху архаики человек выстраивает и понимает мир через созданную и сакрализованную модель. Ритуал создает возможность единения с сакральным и формирует социальный опыт. Социальность конструируется посредством ритуальных коммуникаций. Д.-Э. Дюркгейм впервые разрабатывает классификацию ритуалов, выделяя ритуалы: табу, имитативные, мемориальные «культ предков», очистительные «траур». А. ван Геннеп выявляет «ритуалы перехода»: ритуал отделения, перемещения, объединения. Б. Малиновский определяет функции ритуала как действия, связующего человека и общество, оформляющего смену статуса.

К. Леви-Стросс говорит о том, что ритуальная коммуникация в примитивных обществах осуществляется на семиотической оси «природа-культура». Я. Ассман подчеркивает: в дописьменных культурах ритуал выполнял важнейшие социальные функции аккумуляции, хранения, передачи социально значимого общества,

являлся механизмом культурной памяти. В. Тернер отмечает: во время ритуала происходит гармонизация взаимодействия человека и социума, ритуал и есть основная форма и центр жизни в традиционных культурах. Эпоха VIII–III вв. до н. э., нареченная К. Ясперсом «осевым временем», задала новые духовные импульсы развитию человеческой культуры и цивилизации. На исторической оси времени с одной стороны разместился опыт общинной архаики, с другой — осознание «возможности выбора и ответственности», в результате которого на «место традиции мифов» были поставлены системы идей (С.С. Аверинцев).

В эпоху Античности праздничная культура занимает существенное место в жизни греческого общества. В тот период появились первые теоретические работы, посвященные философии и эстетике праздничной культуры. Философское осмысление праздника берет свое начало в трудах древнегреческих мыслителей Платона и Аристотеля. Античность дала опыт всеобщего народного праздничного действия — вдохновляющего идеала подлинного народного единства, воплотить который именно посредством создания символических праздничных событий пытались и при формировании новой формы государственности Франции в XVIII веке (под режиссерским патронажем Луи Давида), и при формировании нового советского государства в XX веке (под кураторством А. В. Луначарского). Римская культура дала опыт зрелища, разыгранного по законам шоу-действия, укрепила традиции гедонистического досуга. В Риме сформировалась эстетика праздников имперского государства, триумфальные шествия стали востребованным опытом организации военных парадов в СССР, Германии III Рейха, Италии эпохи Муссолини, в Северной Корее.

В средневековой культуре отчетливо проявляются три формата событийных коммуникаций: религиозные действия, имеющие церемониально-постановочный характер; городской праздник, проявляющийся в форматах карнавала, рыцарских турниров, передвижных спектаклей; корпоративный праздник, отражающий цеховую структуру общества.

Во второй половине XVI — начале XVII века, в эпоху барокко, центром светской жизни становится королевский дворец. Репрезентация королевской власти, отраженная в дворцовых церемониалах, строится по законам искусства. Театрализация, разыгрывание придворного ритуала являются отличительной чертой событийных коммуникаций эпохи. Барочная королевская культура дает образцы, на основании которых формируются официальный протокол, этикет и государственный церемониал.

В середине XVIII века ослабевает доминантная роль королевского дворца как центра притяжения общественности. Ю. Хабермас отмечает утрату культурного значения двора и переход первенства к городу. «Общественной власти» в лице государства противопоставляется «общественность», непосредственно не вовлеченная в исполнение властных функций. Рождается свободная, неофициальная, критическая «общественность». Происходит смена событийного центра. В начале эпохи Нового

времени появляется новый «культурный узел», формируется гражданское общество (Ю. Хабермас).

Новое время дает новые «точки роста» гражданского общества и частной гражданской инициативы, локализующиеся на новых дискуссионных площадках, которыми стали салоны, кафе, общества, театры, музеи; появляются новые каналы массовой коммуникации и, прежде всего, печатная пресса. Начинается время персональной инициативы в событийных коммуникациях.

В эпоху Нового времени происходит рождение наций, формирование национального самосознания и национальных государств, осознание национальной истории и ее ключевых дат. Самосознание национальных культур ищет и обозначает точки фиксации нации как субъекта истории, и формой такого означивания становится государственный праздник. Главными праздниками обозначаются именно национальные. Впервые в культуре в праздниках фиксируются и обретают легитимность ключевые национальные ценности (например, День независимости США).

Последняя треть XIX и начало XX века — начало эпохи формирования единого пространства культуры и, как следствие, появление международных праздников, международных промышленных и художественных выставок, формирование первых международных организаций («Красный крест», Международный олимпийский комитет). В ходе культурно-исторического развития выделились отдельные виды праздничных культур: народная, национальная, конфессиональная, светская, профессиональная, маркетинговая, корпоративная. Создание символических событий оказалось востребованным коммуникационным инструментарием в каждой из них.

УДК 316.77

ББК 60.0

Н.Г. Кац
Naum G. Kats
kats@andrew.cmu.edu

Общее наследие: диалог культур города
A common heritage: the dialog of cultures of the city

Карнеги-Меллон Университет, Питтсбург, США
Carnegie Mellon University, Pittsburgh, USA

В статье, с позиции анализа социокультурной среды, рассказывается об историческом прошлом и сегодняшнем дне Питтсбурга, современного постиндустриального города, являющегося моделью организации межкультурного пространства и интернациональной культуры, а также даются прогнозы о перспективах развития таких городов в мире.

Ключевые слова. Городская среда, этнические общины, постиндустриальный город интернациональной культуры, Национальные Комнаты.

This article, from a sociocultural position, addresses the historical past as well as the present of Pittsburgh, a modern, postindustrial city. It serves as a model for the development and establishment of cross-cultural spaces and international culture. The article also discusses the future potential of such developments in other cities.

Keywords. Urban environment, ethnic communities, postindustrial intercultural city, Nationality Rooms.

Межкультурные отношения начались, вероятно, с того момента, когда представители разных культур впервые вступили в контакт друг с другом. Мы можем только предположить, что такие отношения начались в самый ранний период истории человечества, не оставив нам никаких документированных следов. Сегодня, в условиях глобализации, когда мир становится все более комплексным, все более сложными выступают и отношения между носителями разных культур. На улицах европейских и американских городов постоянно встречаются и контактируют представители десятков национальностей и многих религий. Они живут по соседству, вместе пользуются общественным транспортом, работают, посещают спортивные залы и зрелища. Межкультурные коммуникации, хотим мы того или не хотим, осуществляются ежесекундно. Вот почему, любые провалы и непонимания между представителями разных культур могут иметь непредсказуемые последствия.

Интерес к изучению межкультурных коммуникаций в городской среде явился новым феноменом в развитии общественных наук после Второй Мировой войны. Так, в США он стимулировался развитием средств масс массовой коммуникации и транспортной системы, позволившим людям более активно путешествовать, учиться, работать и жить за границей. Само время потребовало научить людей эффективно функционировать среди носителей других культур, оказывать содействие студентам-иностранцам, ученым и представителям международного бизнеса, участвовать в международной кооперации, изучать опыт сотрудничества и развивать позитивные отношения с расово и этнически различными людьми внутри своей страны. Все это вместе взятое относительно недавно сделало межкультурные коммуникации специальной областью общественных наук, объединившей педагогов, филологов, историков, социологов и философов, со своим специфическим кругом исследовательских проблем и со своими специальными методами тренировки.

Начало изучению межкультурных коммуникаций в городской среде было положено учеными Государственного Университета Питтсбурга, где группа специалистов кафедр занимающихся вопросами коммуникации, начала анализировать и изучать отношения в среде студентов-иностранцев и их американских коллег. Региональный Совет по Международному Образованию и ряд других организаций города спонсировали серию семинаров и открыли специальную лабораторию по изучению межкультурных коммуникаций. Значительные гранты, предоставленные Национальной Ассоциацией по Делах Иностраннных Студентов и Институтом

Международного Образования, дали исследователям финансовую возможность продолжать свои работы в этой области более десяти лет. А в 1976 г.их результатом явилось открытие первого в США Института Межкультурных Коммуникаций при Стэндфордском университете. Институт подготовил значительное число специалистов в этой новой области науки. В последние годы существенная исследовательская работа была проделана учеными университета Миннесоты и Государственного Университета Портленда.

Тем не менее, до сих пор исследования начатые в послевоенный период в Питтсбурге не потеряли своей значимости. И это не случайно. Долгое время Питтсбург было принято называть «городом с улыбкой на лице». Основанный более 250 лет тому назад на крутых холмах, окружающих три реки, город в разное время испытал волны иммиграции, которые приносили сюда тех, кто решил сделать это индустриальный центр Пенсильвании своим домом. Немцы, итальянцы, ирландцы, венгры, поляки, русские, украинцы, литовцы и многие другие – и это далеко не полный лист представителей тех национальностей, которые поселились здесь. Большинство из переселенцев нашло работы на шахтах и предприятиях сталелитейной промышленности.

Часто их физический труд не требовал знания английского языка, а культура нового места обитания коренным образом отличалась от их национальной культуры и традиций. Это, в свою очередь, толкало «новых американцев» селиться вместе и создавать этнические общины. Интересно отметить, что природный ландшафт городатакже способствовал изоляции общин. Проживая в Питтсбурге компактными этническими группами, переселенцы хорошо знали друг друга, рождались, росли и вступали в брак внутри общины, ходили в одни и те же церкви, работали на одних предприятиях и, что важно, старались сделать жизнь своей общины как можно лучше. Так, немало эмигрантов из России поселились в Хомстеде, знаменитом своими сталелитейными предприятиями. И сегодня, подъезжая к этой части города, поневоле любишь головками церквей, украшающих его панораму. Трой-Хилл и Дойчтаун стали центрами немецкой общины, в Скворел-Хилле доминировали еврейские эмигранты, в основном из Восточной Европы, Лоренс-Вилл стал центром ирландской общины, Блумфильд был заселен итальянцами, а польская община разместилась на склонах Полиш-Хилла.

Прогресс индустрии и, особенно, быстрое развитие общественного транспорта и автомобильной промышленности, способствовали усилению контактов между общинами и как, следствие, ломке религиозных и этнических предрассудков о представителях других, соседних общин. И более того, нередкими, особенно после Второй Мировой войны, становились браки между представителями разных общин и разных религиозных конфессий. Границы когда-то независимых этнических групп постепенно сливались, уступая место вновь формирующимся районам города, которые, как и улицы, носили и носят старые названия. Тем не менее, как знак исторической памяти и семейной традиции, многие люди, живущие сегодня в черте так называемого «Большого Питтсбурга», по-прежнему являются членами тех же

религиозных общин, к которым принадлежали их бабушки и дедушки. К тому же, все знают, что лучшую национальную пищу надо искать в районах, где когда-то проживали выходцы из одной страны. Поэтому, например, любители качественных продуктов из Италии, покупают их в Блумфильде, а гурманы польской кухни отправляются на Полиш-Хилл и т.д. Пытаясь объяснить особую дружелюбность населения Питтсбурга, социологи пишут о своеобразной исторически сложившейся внутренней связи его населения. Неслучайно, поэтому, город занимает второе место среди городов США, по числу тех, кто родился, вырос и живет там. Учитывая высокую мобильность населения страны, этот факт, вероятно, говорит о многом.

Питтсбуржцы – настоящие патриоты своего города. Специалисты считают, важным фактором объединяющим их является трепетное обожание своих прославленных спортивных команд – футбольной команды «Стилерс», неоднократно выигравшей Супербол, и хоккейной команды «Пингвинс». Традицией, например, стало одевать на работу футболки с лого городской команды в день, когда она играет дома, в Питтсбурге. Жителей этого постиндустриального города объединяет и желание видеть его благоустроенным, чистым и уютным. Сегодня город официально принято считать наиболее комфортным для жизни в США.

Питтсбург по праву может считаться постиндустриальным городом интернациональной культуры (postindustrialinterculturalcity). Во-первых, город имеет население, включающее представителей различных национальностей, выходцев из разных стран, говорящих на многих языках и исповедующих различные религии. Во-вторых, большинство населения Питтсбурга рассматривает многообразие народов и языков как положительный его ресурс, а не как его проблему, и доброжелательно реагирует на представителей других культур, встречаясь и контактируя с ними в общественных местах и на работе. В-третьих, городские власти всячески поддерживают многонациональное населения. Они открыто борются со всякого рода предрассудками и дискриминацией и гарантируют каждому жителю города равные возможности, организуя всю структуру управления и адаптируя его городские учреждения и услуги к потребностям различных слоев населения, безущерба принципов прав человека, демократии и верховенства закона. В-четвёртых, город, в интересах гражданского общества, использует целый ряд стратегий по стимулированию взаимодействия между различными национальными группами. И, наконец, в-пятых, высокий уровень доверия и социальной сплоченности населения помогает предотвратить конфликты и насилие, повышает эффективность политики городских властей и делает город привлекательным как для людей живущих в нем, так и для инвесторов.

При этом жители Питтсбурга не забывают и о своих корнях, пытаясь сохранить память о тех, кто основал первые этнические общины. Еще во второй половине 1930-х гг., когда закончилось, в основном, строительство главного корпуса комплекса Государственного Университета Питтсбурга – Дворца Знаний, было принято решение о создании в нем так называемых национальных комнат. Программа создания

Национальных Комнат была разработана в 1926 г. Руфью Крауфорд Митчел по заданию ректора университета Джона Баумана.

Конечно, такая инициатива требовала значительных финансовых затрат. К тому же, начало программы совпало со вступлением экономики США в затяжной период Великой Депрессии. Тем не менее, сталелитейная промышленность города продолжала работать, обеспечивая определенную стабильность населению. Приступая к осуществлению своей программы, Р. Крауфорд Митчел разослала предложения каждой национальной общине Питтсбурга создать свою национальную комнату, которая бы отразила ее исторические корни и культурное прошлое. Для каждой планируемой комнаты община формировала организационный комитет, в задачи которого входил, в первую очередь, сбор средств, создание дизайна комнаты и приобретение необходимых экспонатов. В отдельных немногих случаях национальные общины получали поддержку из-за рубежа, когда правительства стран диаспоры присылали архитекторов, художников или же гарантировали финансовую помощь.

Детали дизайна каждой комнаты продумывались до таких мелочей, как выключатель света и дверные ручки. Приглашались иностранные дизайнеры, специалисты-рабочие, а в ряде случаев импортировались особо ценные строительные материалы. Например, дизайн греческой национальной комнаты представляет Афины V века до н. э., времен Перикла. Афинский архитектор Деметриос Кокотис создал проект комнаты, который включал много архитектурных деталей, мрамор для которых был вырублен в тех же карьерах, где древние греки добывали материал для строительства Парфенона.

Крауфорд Митчел оставалась на посту директора Национальных Комнат до 1956 г. Под ее руководством было построено 19 национальных комнат. С 1965 г. до наших дней эту позицию занимает Максин Брунс. Сегодня для посетителей открыты 30 национальных комнат, а в ближайшем будущем появятся еще две новые.

Первые комнаты, построенные в 1938-1957 гг., планировались и строились в среднем от трех до десяти лет каждая и их стоимость сегодня оценивается в \$350,957 американских долларов. Комнаты, открытые в последние годы, также являются продуктом в среднем десятилетней работы и стоят около \$500,000.

Сегодня Национальные Комнаты стали важным компонентом межкультурного обмена и воспитания населения Питтсбурга. Этому вероятно способствуют и принципы, которые были заложены еще в программе 1926 г., потребовавшей обеспечить для каждой комнаты дизайн, соответствующий лучшим национальным традициям; этот дизайн должен отражать определенный исторический период и быть культурно-эстетическим, а не политическим; исторический период, отраженный в дизайне каждой национальной комнаты, должен быть до 1787 г. (года основания Государственного университета Питтсбурга); какие-либо политические символы, как и портреты здравствующих особ, не допустимы в интерьере; разрешен только один политический символ, который может быть выбит на камне и должен находиться в коридоре, над входной дверью в национальную комнату; для обеспечения

правильного оформления комнаты, ее архитекторы и дизайнеры должны быть рождены и обучены за рубежом.

Важно также отметить, что Национальные Комнаты не являются музеем в чистом понимании этого слова, поскольку они служат классными помещениями и используются для проведения семинаров и занятий для небольших групп студентов, что помогает развивать у них уважение к носителям разных культур.

В последние годы много говорят о роли музеев в межкультурной коммуникации и обмене. Так, 2010 г. был объявлен ЮНЕСКО годом сближения культур. Думается, что Национальные Комнаты в Питтсбурге, с их отсутствием прямого акцента на политический компонент, способствуют правильному взаимопониманию между различными национальными группами населения города, поддерживают равноправие, достоинство и уважение к представителям других национальностей, помогают диалогу культур и социальной сплочённости населения города, а в глобальном масштабе – служат делу мира между народами.

В 2014 г. международная группа исследователей, объединившая музейщиков Канады и Нидерландов, закончила проект под названием «Содействие Диалогу Представителей Различных Культур Города: Перспективы для Монреаля, Антверпена, Гента и Роттердама». Задачей проекта было определить стратегии, используемые музеями мира в вопросах межкультурной коммуникации и изучить как музеи понимают свою роль в решении этих задач.

В результате совместной работы исследователи создали интересный вопросник, помогающий правильно оценить роль музеев в развитии понимания между представителями различных городских культур. Вопросник помогает понять качество работы музея через анализ социально-демографической среды города, в котором он находится, через анализ его экспозиции, с позиции межкультурного обмена и, наконец, через анализ новых проектов музея, с точки зрения взаимообмена и влияния культур.

Вопросник особенно хорош при организации посещения студентами музеев, особенно этнографических. Так, предвзяв экскурсию в такой музей, преподаватель может попросить студентов подготовить ответы на следующие вопросы:

1. Какие нации и народности проживают в вашем городе?
2. Как они относятся друг к другу и как вы относитесь к ним?
3. Какие религиозные концессии имеются в вашем городе?
4. Найдите памятники архитектуры и культуры города, отражающие историю и религию проживающих в нем национальных групп.
5. Как бы вы хотели улучшить городское управление? Что бы вы хотели сделать, чтобы улучшить жизнь в вашем городе и управление им?

После посещения музея, желательно попросить участников экскурсии написать сочинение. В качестве возможных тем, можно предложить студентам следующие:

1. Как экспозиция музея расширила ваше представления об историческом прошлом народов, живущих в городе?

2. Какие средства и материалы использует музей, чтобы помочь лучшему пониманию других народов и других культур.

3. Какова роль музея в формировании мнения его посетителей по вопросу отношения к другим национальностям, мигрантам и эмигрантам?

В заключение хотелось бы указать, что многое касательно будущего городов интернациональной культуры все еще остается загадкой. Смогут ли города, которые активно поддерживают межкультурное пространство, выжить как "острова в океане," привлекая всебольшую долю мигрантов, эмигрантов, а часто и просто нелегалов, стремящихся туда из-за безопасности, высокого качества жизни, развитой сферы услуг или привлекательности местного климата? Как в условиях роста в мире терроризма лучше контролировать приток нового городского населения? И, наконец, можно ли оптимизировать городскую и общенациональную политику с тем, чтобы свести к минимуму противоречия в решении юридических вопросов, касающихся права на гражданство?

Ясно одно, что будущее - за городами интернациональной культуры. И поэтому можно надеяться, что исторические и культурные традиции проживающих в них народов, как и взаимопонимание и уважение между ними, будут развиты, укреплены и продолжены новыми поколениями.

Источники и Литература:

Alberts, Robert C. Pitt: the Story of the University of Pittsburgh, 1787-1987. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1986 (596 p.)

Bruhns, E. Maxine. The Nationality Rooms. Fourth Edition. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1994 (60 p.)

Intercultural Cities: Toward a Model for Intercultural Communication. Edited by Ricard Zapata-Barrero. Cheltenham, UK: Edward Elgar Pub, 2015 (224 p.)

Jandt, Fred. E. An Introduction to Intercultural Communication: Identities in a Global Community. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc.; Seventh Edition, 2012 (448 p.)

Kats, Naum G. and Kats, Polina N. East Meets West: A Cross-Generational Analysis of Jewish Immigration from Russia to the United States. - *The Soviet and Post-Soviet Review*, Volume 37, No 1, 2010, pp. 97-106

Neuliep, James, W. Intercultural Communication: A Contextual Approach. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc; Sixth Edition, 2014 (528 p.)

Wood, Phil. Intercultural Cities: Towards A Model for Intercultural Integration: Insights From Intercultural Cities, Joint Action of the Council of Europe and the European Commission. Edited by Phil Wood. Strasbourg, FR: Council of Europe Publishing, 2010. (124 p.)

An Intercultural tool for Museums, November 2014.

http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/Cities/Newsletter/newsletter35/intercultural_museum_tool.pdf

Common Heritage: A Museological and Educational Approach to the Dialogue of Cultures and Civilizations

<https://search.yahoo.com/yhs/search?p=Common+Heritage%3A+A+>

[Museological+and+Educational+Approach+to+the+Dialogue+of+&ei=UTF-8&hsmp=mozilla&hsimp=yhs-002](https://search.yahoo.com/yhs/search?p=Museological+and+Educational+Approach+to+the+Dialogue+of+&ei=UTF-8&hsmp=mozilla&hsimp=yhs-002)

The Development of the Field of Intercultural Communication

<http://www.intercultural.org/documents/SIICResources.pdf>

УДК 316.77

ББК 60.0

В.В. Рябухина
Victoria Riabukhina
vicennea@bk.ru

Эволюция культуры в эпоху глобализации Evolution of culture in time of globalization

*Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
Petersburg State Transport University of Emperor Alexander I*

В статье рассматривается глобализация и культурная эволюция в перспективе естественного отбора с точки зрения механизма психологической информационной войны и международной пропаганды. Отправной точкой является новая наука - меметика которая дает инструменты для изучения информационных потоков в культуре понимание инструментов так называемого искусственного манипулирования культурой, например, "Инжиниринг культуры".

Ключевые слова: информация, коммуникация, мемы, меметика, эволюция, естественный отбор, информационные войны, пропаганда, традиции

The article examines globalization and cultural evolution in perspective of natural selection and takes a look at the mechanisms of psychological information war and international propaganda. The starting point is a new science named memetics which gives instruments to study information flows in culture and gives tools understand so called artificial manipulation of culture e.g. "engineering of culture".

Key words: information, communication, memes, memetics, evolution, natural selection, information warfare, propaganda, traditions.

Дарвинская эволюция и связанный с ней естественный отбор, является одним из важных открытий в истории человечества. В 1859 году Дарвин представил свою теорию, взяв для её поддержки биологию. Он использовал примером культурной эволюции, развитие языков. Вскоре его теория о том, что виды родились в результате естественного отбора, была принята довольно широко. Работу естественного отбора можно увидеть и в самом человеке на клеточном уровне. Сегодня наука окончательно приняла идею того, что жизнь на Земле эволюционировала небольшими шагами - от простого к сложному. Те, кто имеет лучшие возможности для выживания, захватывают ресурсы других, более слабых. Если развитие и происходит скачками, как это доказывают противники теории эволюции, то это можно объяснить так называемым явлением возникновения, эффектом emergentical. Золотое правило Аристотеля о том, что целое – больше, чем сумма его элементов и объясняет эффект возникновения.

Теория, представленная Дарвиным включает в себя видение о самоорганизующихся систем и происхождении механизмов. Но Дарвин не был первым. Одним из первых, кто разработал эту идею, был шотландский философ - Третий граф Шефтсбери (1670 - 1713 г.). Автор работ, собранных в трёх томах «Характеристики людей, нравов, мнений, времен», посвященных этическим, эстетическим, религиозным и политическим проблемам, инициатор школы "Моральное чувство". Моральное чувство — это врождённое человеку чувство симпатии к добру и антисимпатии к злу. Он описал взаимности теории морали, где было сказано о самоорганизации системы. Позже Адам Смит поддержал такой подход в своей знаменитой книге «Теория нравственных чувств» в 1759 году. Говоря об экономике Смит называет творца порядка "невидимой рукой". Это может быть рассмотрено как метафора теории самоорганизующихся систем.

Рождение культуры - результат естественного отбора. Культурная эволюция - тот же механизм: естественный отбор происходит в предложенных культурных аспектах жизни, после чего, остаются наиболее подходящие. В наше время, быстрого развития средств массовой информации, предлагается обильное количество культурных элементов, На индивидуальном уровне выбор в культуре менее контролируется и менее рациональный, чем раньше. На уровне же общества, результаты могут быть не предсказуемы, так как присутствует элемент возникновения.

Мы живем в эпоху глобализации, а это значит, время гармонизации, создания общих для всех законодательств, главным образом, в отношении торговли и объектов по отношению к ней. Этот процесс идет и будет продолжаться. Экономический рост рождает крупные рынки и это создает давление на так называемые «национальные культур», которые будут постепенно перемещаться в сторону некой одной общей культуры, по крайней мере схожести между культурами, в сторону глобальной культуры. Одновременно, стремительная эволюция коммуникационных технологий и техники позволяет и поддерживает такое развитие. Все уровни культуры могут рассматриваться как существ, которые стремятся выжить. Конфликты возникают, и мы видим их в ежедневных новостях по телевидению в политической жизни разных стран.

Культура есть механизм направленный на гармонизацию деятельности ее членов. Индивидуальное действие человека основано на поиски и потребление ценностей. Преобладающая культура всегда желает контролировать ценностную шкалу: какие ценности члены этой культуры должны попытаться достичь, и каких ценностей им следует избегать. Преобладающая культура также определяет, каким образом эти ценности люди должны попытаться достичь. Вопрос этики, морали, правил и традиций. Человек, который нарушает эти правила или традиции, должны попасть под «моральное руководство»: его будут убеждать в неправильности поведения, его шкала ценностей попадает под сомнение, на него будет оказано давление, ему будут угрожать и заставлять подчиниться общим правилам. На всех

уровнях культуры, существуют аналогичные средства для согласования. Тот же метод работает и между государствами.

Культура имеет иерархическую структуру, где рекурсивные уровни культуры образуют единое целое: от человека к семье, от семьи к племени, от племени к этнической группе до народа и на глобальном уровне. Что было правильно для человека в культуре страны, также действительно для культуры семьи и национальной культуры. Культура, которая находится на более высоком уровне иерархии, прилагает все усилия для гармонизации культур, которые под ним.

From "carnivore to informationvore"

От пожирателя мяса, до пожирателя информации.

Существует, однако, и другая, относительно неконтролируемая линия быстрого процесса эволюции культуры. Она поддерживается незапланированным развитием средств массовой информации, а также тенденции человека собирания и хранения информации. Человек из пожирателя мяса превратился в пожирателя информации. Особенностью характера человеческого вида является подражание. Мы подражать друг другу все время. Культурные элементы, такие как идеи, теории, моральных правил, привычки, мода и т.д. являются пакетами культурной информации, являющиеся предметами подражать. Они называются "мемами". Эти мемы и пожирают современные люди в большом количестве, каждый день. Распространение мемов резко возросло в последние десятилетия благодаря развитию средств массовой информации. Также возможность создания мемов увеличилась в разы в результате создания мемов-сфер и Интернету. Эволюция культуры проходит куда быстрее, по сравнению с генетическим развитием человека. Это вызывает противоречия и проблемы в жизни человека.

В прошлом доминирующая культура людей, складывалась из проверенных элементов, привычек и традиций, теперь культура состоит из большого мем-бассейна, где существуют много новых, в основном недолго живущих и практически непроверенных мемы. Это приводит к неопределенности на индивидуальном уровне. Мем - потоки живут в культуре на своих собственных условиях. Ученые спорят о том, что находится ли эволюция культуры на поводке у генов. Повседневный опыт показывает, что это не обязательно. Конечно, возможно, что гены смогут «ударить по тормозам» при слишком быстром неуправляемом распространении мемов и повлиять на культурную эволюцию. Сегодня мемы используют как инструмент влияния на общественное мнение, например, в рекламе и политике, не говоря уже об информационной войне.

Что значит информационная война, с точки зрения меметики? Единство культуры поддерживается традициями и сложившимися на их основе структурами. Эти мемы и структуры находятся в умах людей, которые живут в этой культуре. Чем больше их в головах, тем сильнее культура. Сильные культурные традиции - конструкции мемов - могут при нормальных обстоятельствах бороться с другими мемами - злоумышленниками. Традиции - сильнейшие черты культуры, живущие в мозгах почти каждого члена данной культуры и управляющие мышлением и

поведением. Экология традиций рассматривает, среди прочего, и фонд культурных традиций. Это и есть точка контакта с меметикой. Через меметику можно предсказать, какие мемы способны проникать в культуру или субкультуру и уже там создавать подходящую среду для стабильных культурных особенностей, а так же предсказать, какие меметические фонды культуры будут сформированы.

В случае информационной войны и интенсивной пропаганды, третья сторона, находящаяся не в данной культуре, но ведущая эту войну, запускает хорошо просчитанные мемы как бомбардировку традиционных структур и мемов комплексов. Целью является изменение в сознании людей предыдущих традиционных структур. Объектом такого нападения обычно являются индивидуумы данной культуры. Для бомбардировки используются инструменты СМИ и Интернет.

Сегодня, согласно Википедии, армия Соединенных Штатов имеет курсы под названием "Human Terrain System" (HTS), которые преподаются целенаправленно, с учетом той страны, в которую едут воевать. На курсах изучают культурную антропологию, социологию, политологию и основы меметики, для того, чтобы командиры и действующие военные не совершали больших ошибок, связанных с культурными различиями между странами, а так же могли правильно воздействовать на уровне менталитета аборигенов. Без этих знаний и Интернета Арабская весна 2010 года, которая продюсировала бунт была бы не возможной. После Арабской весны бунты продолжаются во многих Арабских странах.

Darwinian evolution and the natural selection associated with it is one of the major findings in human history. When Darwin presented his vision in 1859 and tried to get support for the idea in biology, he used cultural evolution as an example, in particular the development of languages. Soon it was fairly widely agreed the view that species were born via natural selection. Also inside an individual at cell level it was seen the natural selection to work. Today, science widely accepted view that life on Earth has evolved in small steps from simple towards complex. Those with best capabilities to survive have grasped from the other necessary resources to live on. If development has been significant jumps, they have been explained the through so-called emergent phenomena.

The theory presented by Darwin has an outlook on the self-organizing systems mechanisms' origin. Anyhow he wasn't the first who developed this idea. One of the first who can be mentioned is a Scottish philosopher, the third Earl Shaftesbury (1670 - 1713), the initiator of the "moral sense" school. He described a reciprocity moral theory where was told about self-organized system. Later Adam Smith published in 1759 his famous book *The Theory of Moral Sentiments*, where he maintains the same kind of approach. When speaking about economy Smith calls the creator of order "invisible hand", which can be considered to be the metaphor of same theory.

Birth of cultures is result of natural selection. Mechanism of cultural evolution is similar as in biology. The natural selection has accepted those cultural features from among several alternatives the most suitable in prevailing life conditions. Now when media is developing and its means are coming more versatile, building elements of culture are

available numerous. At individual's level making choices within the culture is less controlled and less rational than before. At community level, the results may be surprising due to the emergent phenomena.

We live in time of globalization, which means time of harmonizing legislation mainly concerning trading and the objects in relation to it. That is process that will continue. Economical growth needs larger markets, and it is main cause for globalization. This creates pressure on the so-called national cultures to be moved towards uniform culture, for convergence of them. Direction is towards a global culture. Simultaneous huge evolution of communication technics allows and supports such development. All the culture's levels can be seen as creatures, which seek to survive. Conflicts arise, and we see them daily TV news and in political lives of different countries.

Culture is a mechanism that aims to harmonize the activities of its members. The human individual action is based on the seeking of values. The prevailing culture wants to control what kind of values the members of the culture should try to reach and what to avoid. The prevailing culture also determines how those values should try to reach. An individual, who breaks those rules or traditions, gets moral guidance: persuade, his values get into questionable, to put pressure on him, to threaten him, and even to force him. On all levels of culture, there are similar means to harmonizing. The same method works even between states.

Culture has a hierarchical structure, where recursive levels of the culture form a whole: from individual to family, from family to tribe, from tribe to ethnic group, then up to nation and to global level. What was valid for the individual in culture that is also valid for family culture, for minority culture and for national culture: the culture which is on higher level of the hierarchy makes every effort to harmonize the cultures which are beneath it.

From "carnivore to informationvore"

There is, however, another relatively uncontrolled and rapid cultural evolution line. It is supported by completely unplanned development of media, as well as the human species' tendency to collect and to store information. Man has changed from a carnivore (meat eater) to informationvore (information eater). The human species' special character is mimicry. We imitate each other all the time. Cultural elements, such as ideas, theories, moral rules, habits, fashion etc. are packets of cultural information which are objects to imitate and they are named "meme". Those people devour. The Spread of memes has increased dramatically during last decades, thanks to the development of the media. Also the memes' creation has multiplied the as a result of the creation of "memes-sphere". Cultural evolution is extremely fast compared to the speed of the human genetic development and it causes out of command in individual's life.

Whereas in the past the dominant culture around people consisted of very deliberated and tested elements, habits and traditions, now the culture consists of a large meme-pool, where can exist very new, mostly short-lived and practically untested memes. This leads to uncertainty at the level of individuals. This applies to all of us.

Meme-flows live in a culture on their own terms and there are controversy opinions among scientists whether the cultural evolution is on genes' leash. Everyday experience

shows that this is not necessarily the case. It is of course possible that the development branches off too much, the genes hit the brakes. Memes can also be used on guiding public perceptions and behaving and this is the case e.g. in advertising and in politics; there is even talk about *information war*.

What this means from memetic's point of view? The unity of culture is maintained by traditions and established structures based on them. These memes and structures are located in people's minds whose live in the culture. What's more, the stronger the culture is. A strong cultural tradition-memes are able under normal circumstances to combat sporadic intruders.

Traditions are very strong culture traits, living almost in every culture member's mind and guiding their thinking and behaving. The ecology of tradition examines among other things on culture's pool of traditions. Here is the contact point with memetics. Memetics can predict which memes are able to penetrate the culture or subculture and there to form a permanent cultural features and what kind of meme-pools the culture will form.

In the case of Information war and the intense propaganda, the Third Party to bombard these structures with well- planned memes and meme-complexes. Its intention is to compensate in the minds of people the previous tradition structures. Object of such a treatment are the individuals of the culture, used instrument is many sided media which serves especially this purpose.

Today, according to Wikipedia, the army of the United States has a course entitled "Human Terrain System" (HTS), which are taught specifically, in view of the country, which are going to fight. The courses studied cultural anthropology, sociology, political science and the fundamentals of memetics to military commanders and operational personnel to avoid big errors associated with the cultural differences between the countries, as well as can properly influence the level of mentality of natives. Without this knowledge and the Internet facilities so called "Arab Spring" of 2010, which produced the revolt would not be possible. After the "Arab Spring" uprisings continue in many Arab countries.

Литература:

1. Aunger R. Darwinizing Culture: the status of memetics as a science. – New-York Oxford: University Press, 2000. – ISBN 0-19-263244-2
2. Aunger R. The Electric Meme: A New Theory of How We Think. – USA: Free Press publisher, 2002. – 400 p. ISBN 0-7432-0150-7
3. Blackmore S. The Meme Machine. – Oxford: Oxford University Press, 2000. ISBN 9780192862129
4. Carey J.W. Communication as culture: essays on media and society. – New York: Routledge, 1992 – 241 p. ISBN 0-04-445064-8
5. Cloak F.T. Is a cultural ethology possible? Human Ecology 3. 161-182. – New York: Springer Science, 1975.
6. Csikszentmihalyi M. The Evolving Self: A Psychology for the Third Millenium, New York, Harper Collins, 1993. – 386p. ISBN 0-06-016677-0
7. Darwin C. The Expressions of the Emotions in Man and Animals. – London: Fontana, 1999. – 472 p. ISBN 0-00-638734-9
8. Dawkins R. The Extended Phenotype –USA: Oxford University Press, 1999, – 336 p. ISBN: 9780192880512
9. Dawkins R. The Selfish Gene. – Oxford: Oxford University Press, 1976. – 224 p. ISBN 0-19-857519-X

10. Dawkins, R. Viruses of the Mind. Free Inquiry , summer 1993, vol. 13 nr 3
11. Delius, J. Of mind memes and brain bugs, a natural history of culture. / The Nature of Culture. Ed. Koch W.A. – Germany: Bochum Publications, 1989. – 702 p. ISBN 388 339 5536
12. Dennett D. C. Conscious explained. – USA: Penguin Books, 1993.– 528 p. ISBN 0140128670
13. Dennett D. C. Darwin's Dangerous Idea, Penguin Books,1996, 592 p. ISBN 9780140167344
14. Eskola A. Vuorovaikutus, muutos, merkitys. – Helsinki: Tammi, 1982. – 279 p. ISBN 951-30-5568-X
15. Fridson M.S. Confusion and Delusion, Tulipmania, the South Sea Bubble and Madness of Crowds. – NY: John Wiley & Sons. 1996. – 224p. ISBN 0-471-13312-4.
16. Hofstadter, D. R. Metamagical Themes: Questing for the Essence of Mind and Pattern. New York: Basic Books, 1985. – 884p. ISBN 0-465-04566-9
17. Kamppinen M. Laihonen P. Vuorisalo T. Kulttuurieläin. – Keuruu: Otava, 1989. – 231 p. ISBN 951-1-10352-0
18. Pech Richard J. Inhibiting Imitative Terrorism through Memetic Engineering. Journal of Contingencies and Crisis Management 11 (2) – 61p–66p, Amsterdam, Blackwell Publishing, 2003. ISSN: 0966-0879
19. Popper K.R. Eccles J. The self and its brains. – Berlin: Springer international, 1977. – 597 p. ISBN 3-540-08307-3
20. Smith Adam, The Theory of Moral Sentiments, Dover Publications 2006, - 347. ISBN: 9780486452913

УДК 316.77

ББК 60.0

А.Т. Кулсариева, А.Р. Масалимова
 А. Kulsarieva, A. Masalimova
 aktolkyn777@mail.ru

**«Активное гражданство» как модель построения
 социально-активного общества***
"Active citizenship" as a model for building socially active society

*Казахский Национальный Педагогический Университет имени Абая,
 г. Алматы, Республика Казахстан
 Kazakhstan National Pedagogical University named after Abay, Almaty, Kazakhstan*

В данной статье поднимается вопрос о политике, направленной на создание социально-активного общества. Миссия политики социально-активного общества состоит в том, чтобы продуцировать активных, уверенных в себе, самостоятельных граждан. Пути изменения системы социальных отношений, переход от «пассивности» к «активности» требуют проведения системного анализа и выбора эффективной методологии. «Активность» подразумевает желание и возможность обучения, самообразования, любовь к труду и совершенствование на протяжении всей жизни человека, а «пассивность» позволяет быть в определенной мере бездеятельным и поощряет стремление граждан к социальным гарантиям.

* Статья написана в рамках научно-исследовательского проекта «Культурологическая модель вхождения Казахстана в тридцатку развитых стран: проблемы интеграции и межкультурной коммуникации в изменяющемся мире».

Активное общество стремится к тому, чтобы все граждане были активными, независимо от личного уровня благосостояния. Но при этом следует учесть, что каждая страна строит свое активное общество с учетом исторического прошлого, национальных и культурных традиций, уровня благосостояния.

Ключевые слова: активное гражданство, модель социально-активного общества, вызовы современности, гражданская идентичность, Казахстан.

1. Идеиные и теоретические источники концепции построения социально-активного общества.

О различных аспектах построения социально-активного общества много пишут зарубежные и отечественные авторы. Современные исследователи в целом признают, что наиболее актуальным стал вопрос об изменении парадигмы человеческого развития и в этой связи возникает ряд проблемных пластов.

Одна из насущных проблем заключается в том, что на современном этапе обсуждаются перспективы существующих социально-политических моделей развития общества. Актуальность поиска ответов на вопросы обусловлена тем, что в условиях современности существуют определенные риски, связанные с политическими событиями и адекватности предлагаемых социальных моделей действительности. И, безусловно, важно понимать роль политики «активизации» в современных обществах, каким образом идея социально-активного общества реализуется в зависимости от идеологических и институциональных условий каждой страны. Каковы оценки эффективности и перспективы управления социальной сферой при условии развития социально-активного общества?

Исторический экскурс к истокам демократии свидетельствует, что в древнегреческих полисах воспитание граждан, формирование зрелого мужа из несмышленного ребенка обозначали понятием «пайдейя». В античности существовала уникальная система воспитания, благодаря которой человек формировался как личность, как гражданин. Основная ценность греческой «пайдейи» состояла в развитии у человека разумной способности суждения, чувства прекрасного, чувства меры и справедливости. Конечной целью являлось формирование истинного гражданина, патриота, личности с определенными ценностными установками и жизненной позицией.

Характеристикой гражданина демократического государства согласно Афинской демократии было активное политическое участие в жизни полиса. В известном обращении Перикла подчеркивается, что именно забота о делах полиса отличает подлинного гражданина Афин: «Одним и тем же лицам можно у нас и заботиться о своих домашних делах, и заниматься делами государственными, да и прочим гражданам, отдавшимся другим делам, не чуждо понимание дел государственных. Только мы одни считаем не свободным от занятий и трудов, но бесполезным того, кто вовсе не участвует в государственной деятельности. Мы сами обсуждаем наши действия или стараемся правильно ценить их, не считая речей чем-то вредным для дела» [1].

Согласно теории Эспинг-Андерсена, в индустриальном обществе понятием «гражданин» определялся работающий человек, который, благодаря своей трудовой биографии, при условии полной занятости, пользовался социальными правами, что позволяло ему поддерживать приемлемый уровень жизни в период безработицы, болезни и т.д. [2].

С эпохой постиндустриализма понятие «гражданин» существенно изменилось. Именно в этот период начался процесс перехода от понимания «гражданина» как пассивного субъекта в направлении «активного гражданина». Основными характеристиками «активного гражданства» выступают: независимость, личная ответственность, гибкость, территориальная мобильность, наличие профессионального образования и способность включаться в гражданское общество, чтобы удовлетворить свои интересы. «Активный гражданин» - это образец социального характера, который способен удовлетворить собственные запросы и потребности и соответствовать требованиям глобализированного и высоко конкурентного информационного общества [3].

Следуя идеям А. де Токвилля, Дж. С. Милля и многими другими, полагаем, что активное участие несет в себе воспитательный потенциал и мотивацию граждан с целью расширения их сознательности и способностей. «Гражданское участие может обогащать жизнь граждан различными путями. За пределами формальных институтов управления добровольные и некоммерческие организации, поддержанные, отчасти, пожертвованиями и участием индивидов, обеспечивают очень широкий спектр благ и услуг, которые не могут быть предоставлены ни государством, ни рынком. Есть свидетельство того, что более высокий уровень гражданской вовлеченности, особенно активное членство в группах и включение в социальные сети, имеет следствием большее удовлетворение индивидов качеством как своей частной жизни, так и жизни в сообществе» [4].

В работах Т. Маршалла «полное гражданство» предполагает, что индивид как гражданин участвует во всех сферах экономической, социальной и политической жизни [5]. И если государство благосостояния внедряет новые социальные технологии, то и институционально структура самого благосостояния меняет свои формы. Соответственно такие изменения создают новые формы участия.

Во многих развитых странах формирование социально-активного общества рассматривается как лучший и наиболее приемлемый способ борьбы с бедностью и социальной маргинальностью. Идея изменения пассивного подхода к активности в пределах социальных систем очень популярна. «Активность» подразумевает желание и возможность обучения и дальнейшего трудоустройства, а «пассивность» обозначает стремление граждан к социальным гарантиям, и позволяет быть в определенной мере бездеятельным.

Активное общество подразумевает существование активного рынка труда, так как «быть уверенным в себе» означало, прежде всего, «быть уверенным в завтрашнем дне», т.е. иметь работу в долгосрочной перспективе и соответственно, потенциал карьерного роста. Активное общество стремится к тому, чтобы все граждане были

активными, независимо от личного уровня благосостояния. Но при этом следует учесть, что каждая страна строит свое активное общество с учетом исторического прошлого, национальных и культурных традиций, уровнем благосостояния.

2. Особенности социально-политического развития Казахстана на текущий период.

В Казахстане, по мнению авторов статьи, одной из «болевых точек» социальной жизни современного общества является отсутствие мотивированных жизненных стратегий. Наблюдения показывают, что большая часть общества - люди, которые не находят применения своим знаниям, способностям, не находят своего места в жизни, не могут организовать и иметь свое дело, выстроить стратегию личностного развития и развития своего бизнеса. Данные свидетельствуют, что в республике граждане прекрасно разбираются в экономике, в политике, но при этом занимают пассивную позицию. Недостаточно реализуют собственные возможности и не заботятся о «рынке сбыта» интеллектуальных продуктов, как правило, все ожидают помощи извне. Эта проблема, по мнению исследователей, является решаемой в рамках современной социальной инженерии.

Казахстан за годы своей независимости четко следует своему избранному пути в формировании сильного, стабильного, процветающего государства в среднеазиатском регионе. На заре своего становления была принята стратегическая программа «Казахстан-2030», в которой главной целью, к 2030 году стояла вхождение в число 50 высокоразвитых стран мира. Это задача была решена досрочно, стремительно развиваясь, страна достигла успеха во многих секторах экономики, социального, политического развития. В Послании 2014 года народу Казахстана, Президент озвучил новую «Стратегию Казахстан 2050: один народ, одна страна, одно будущее».

В ней целью является вхождение в тридцатку высокоразвитых мировых держав. Амбициозные планы и задачи предстоит государству и народу претворять в жизнь. Для реализации поставленной цели разрабатывается комплекс масштабных мер. Лучшие исследовательские институты, научные центры, аналитические и экспертные группы занимаются разработками в области анализа и оценки текущей ситуации, прогнозов дальнейшего развития, разработки выбора методологических подходов, теоретических решений и практической реализации, корректировки понятийного аппарата и выработки рекомендаций для всех уровней государственной службы, социальных институтов, слоев населения.

Проводятся комплексные исследования в области экономики, социологии, политологии, культурологии, истории страны, права и других сфер социально-гуманитарного знания.

Совсем недавно Президент страны Н.А. Назарбаев озвучил пять институциональных реформ. Каждая из пяти институциональных реформ - это ответственность и большая работа. Успех таких реформ может быть обеспечен при двух слагаемых: при твёрдой воле власти и народа. Предлагаемый план действий, путь в будущее кардинально меняют систему общественных отношений. При всей

масштабности цели, задачи конкретны и решаемые, направлены на то, чтобы общество и государство были и экономически, и политически стабильными.

Создание не коррумпированного, профессионального государственного аппарата, служащего народу. Главная задача - соблюдение меритократии. Как известно, меритократия – власть наиболее достойных, наиболее одаренных - достоинство измеряется интеллектом, также заботящихся о благе остальных членов общества. И главное, меритократическая система управления дает интеллектуальной элите общества возможность приблизиться к общественным ресурсам, а также обеспечивает для нее максимальный уровень самореализации.

Исследователями, аналитиками в качестве одной из моделей предлагается строительство системы управления по образцу: «Государство – Общественные организации – Индивид», базирующегося на принципах гражданского согласования. Это важный фактор, позволяющий избегать обострения внутренних противоречий, укреплять политическую стабильность. Реформы будут эффективны, если общество и государство будут едины и стабильны, а все преобразования иметь конкретный результат.

Среди 100 шагов, нацеленных на реализацию 5 институциональных реформ, важнейшие направления развития внутренней и внешней политики Республики Казахстан Президент Н.А. Назарбаев обозначил осуществление административных реформ и модернизацию исполнительной власти. Предназначение реформы содействовать государственному аппарату в его переходе на принципы корпоративного управления, транспарентности и подотчетности обществу. Казахстан отличает противостояние публичных и частных интересов, подмена общественного интереса корпоративными интересами чиновничества, неэффективное использование ресурсов, низкий уровень обслуживания населения на местах, игнорирование интересов потребителя, отчуждение граждан от органов управления, разрыв между потребностями казахстанского общества и уровнем эффективности функционирования системы государственного управления.

Идея реформы заключается в осуществлении перехода от «государственного администрирования» к «государственному менеджменту», то есть ставка делается на управленческие функции, что предполагает самостоятельность и инициативность для госорганов, наряду с ответственностью государственных служащих. Система менеджмента, как известно, подразумевает улучшение качества государственных услуг.

Очень важно в современных условиях формировать систему развития гражданских навыков, культивировать чувство принадлежности к конкретному социуму, культуре, социальной ответственности. Для этого, на наш взгляд, необходимо использовать модель «активного гражданства» как лучший и наиболее приемлемый способ борьбы с духовной нищетой и коррупцией, маргинализмом и социальным инфантилизмом. Модель «активного гражданства» предполагает независимость, личную ответственность, гибкость и максимальную мобильность, способную создавать новые биографии, адаптированные к изменяющимся условиям.

Эта модель будет служить в дальнейшем формированию социально-активного общества.

Литература:

1. Хрестоматия по античной литературе: в 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 40.
2. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. - Cambridge, 1996. – P. 26-33.
3. Walker, A. A strategy for active ageing // International Social Security Review. Vol. 55. No 1. Pp. 121-39.
4. Macedo, Stephen. Democracy at Risk: How Political Choices Undermine Citizen Participation, and What We Can Do About It. Washington, DC, USA: Brookings Institution Press, 2005. P. 4-5.
5. Marshall, T. Citizenship and social class // in T.H. Marshall and T. Bottomore. - Citizenship and social class. - London: Pluto Press, 1992.
6. Назарбаев Н.А. Послание народу Казахстана: «Стратегия Казахстан 2050:» 14.12.2012
7. Назарбаев Н.А. «Современное государство для всех. Пять институциональных реформ» / Выступление на XVI Съезде партии Нур-Отан // <http://www.akorda.kz/>
8. Назарбаев Н.А. План нации – сто шагов реализации реформ // <http://www.kazpravda.kz>

УДК 377.112.4

ББК 60.0

Л.П. Халяпина
Liudmila Khalyapina
lhalapina@bk.ru

Интернет-коммуникации как новая коммуникативная реалья глобального мира Internet-communication as a new communicative reality of global world

*Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St.Petersburg Politechnic University*

Динамика распространения Интернет-коммуникации и, соответственно, повышения ее «удельного веса» в процессах коммуникации в целом не имеет аналогов. Интернет-коммуникация является наиболее распространенным объектом анализа среди новых информационных технологий, – прежде всего в силу своего глобального характера и темпов развития. Следовательно, Интернет-коммуникация в отличие от компьютерно-опосредованной коммуникации предполагает глобальный характер коммуникации, межкультурное взаимодействие представителей поликультурного мира, что, в свою очередь требует хорошего уровня владения иностранными языками. Автор предлагает результаты анализа самого явления «Интернет-коммуникация» с точки зрения её речевых особенностей, а также пути и направления развития системы обучения иностранным языкам в условиях глобального мира с учетом выявленных особенностей.

Ключевые слова: коммуникация, Интернет-коммуникация, интерлокутивная модель, интеракция, интернет-дискурс, лингвистические характеристики устной речи, письменная речь.

Dynamics of the internet-communication spreading out and, as a result, growing of its role in the process of communication in general doesn't have analogies. Internet-communication is the most spread out object of analysis among new information technologies due to its global character and development tempo. Therefore internet-communication as opposed to computer-mediated communication determines the global character of communication, intercultural interaction between representatives of polycultural world, which in its turn, requires a well enough level of foreign language. The author offers the results of study of the notion "internet-communication" defining its particular speech features. The ways of further development of the system of foreign language education in the terms of global world including the results of study are proposed.

Key words: communication, internet-communication, interlocutive model, interaction, internet discourse, linguistic characteristics of aural speech, written speech.

В теории коммуникации, социологии и психологии, исследующих понятие «коммуникация» в целом, в исследованиях, посвященных вопросам коммуникации в Интернет-среде, нет однозначности в отношении к терминам «Интернет-коммуникация» и «Интернет-общение». Одни авторы рассматривают эти понятия на уровне синонимических, другие вкладывают в их содержание различную семантику.

Важной особенностью Интернет-коммуникации, с нашей точки зрения, является переосмысление самого подхода к процессу коммуникации. Традиционная модель коммуникации (или информационно-кодовая модель) как передачи информации не отражает компонента взаимодействия, вызывающего обоюдную ответственность за успешную интеракцию и процессы скрытой адаптации собеседников.

Важной для такого понимания Интернет-коммуникации является интерлокутивная модель ее реализации. Эта модель отражает интеракционную природу коммуникации. Интерлокутивные модели в большей или меньшей степени выражают концепт коммуникативного интеракционизма и делают акцент на решающей роли интеракции и диалога в коммуникации. Коммуникация рассматривается как первичная форма человеческого «опознания» и как основа интересубъективности, через которую выражается двусторонность всех отношений. Интеракция при этом определяется как действие, идущее от одного субъекта другому, вид обратной связи, в которой каждый субъект влияет на вербальные акты другого посредством создаваемого образа [1].

В качестве проблемного вопроса в теории Интернет-коммуникации встает вопрос о специфике речевого аспекта данного вида коммуникации: относится ли текст, возникший в результате Интернет-коммуникации, к устной или письменной речи [2].

Различие между письменной и устной речью является фундаментальным в коммуникации. В своей статье «Языковые аспекты виртуальной коммуникации» М. Б. Бергельсон выдвигает гипотезу, что виртуальная коммуникация – письменная по форме, но лишенная многих атрибутов последней, является своего рода мостиком между обеими [3].

В отечественной и зарубежной литературе можно найти данные многочисленных исследований, рассматривающих особенности устной и письменной форм коммуникации, которые представляется необходимым проанализировать прежде, чем выявить специфику речевой деятельности в Интернет-среде.

Основными лингвистическими признаками письменной речи в ряде исследований отмечаются: монологический характер, терминологичность, литературно-книжная лексика, распространенность высказывания, законченность, логическая последовательность [4]. Письменная речь строится в виде связной последовательности дискретных элементов, каждый из которых находится в определенных отношениях с предыдущими и, в свою очередь, детерминирует последующие: развертывание смысла осуществляется как закономерное наращивание структуры.

Устную речь характеризует неструктурированность, диффузность и невоспроизводимость. Возможность непрерывно контролировать взаимопонимание приводит к тому, что из двух, часто конфликтных устремлений: к экономии речевых усилий, с одной стороны, и удобопонятности – с другой, перевес получает первое. Разговорная ситуация предельно минимизирует требования к определенности значений, выявленности смысловых отношений. Стремление к упрощению высказывания усиливается спонтанностью и динамизмом разговорной коммуникации. Говорящий зачастую предпочитает сконструировать новое слово, чем отыскивать нужное обозначение в памяти. Словотворчество, как и соседствующий с ним автоматизм, облегчает процесс построения речи и активно используется [5].

Достаточно подробный суммированный итог сравнения характеристик устной и письменной речи представлен в исследовании Дэвида Кристалла [6]:

Сравнение характеристик устной и письменной речи

Устная речь	Письменная речь
1. Речь развивается во времени, она динамична, мимолетна. Речь является частью взаимодействия, в котором оба участника обычно присутствуют, и говорящий обращается к определенному адресату/нескольким адресатам.	1. Развивается в пространстве, она статична, долговременна. Письменная речь является результатом ситуации, в которой пишущий обычно удален от читателя и не знает (за исключением некоторых случаев) своего адресата.
2. Интервал между отправителем и получением сообщения очень мал, скорость получения сообщения равна скорости звука, все варианты сообщения предлагаются для интерпретации получателем. Спонтанность и скорость обмена высказываниями делает затрудненным использование комплексного планирования. Необходимость думать и говорить одновременно приводит к	2. Между отправлением и получением сообщения всегда существует временной промежуток. Пишущий должен это учитывать и предвидеть возможность различной интерпретации сообщения адресатом в зависимости от тех или иных условий. Письменная речь допускает повторное прочтение и внимательный анализ и способствует развитию точной организации сообщения и сжатости

<p>употреблению несвязанных конструкций, повторений, перифраз и высказываний-комментариев (you know, you see, mind you и т.п.). Интонация и паузация делят длинные высказывания на более короткие фрагменты, поддающиеся восприятию, а границы предложений остаются неясными.</p>	<p>выражения, часто со сложной синтаксической структурой. Единицы высказывания (предложения, параграфы) обычно легко определить с помощью пунктуации и расположения на странице.</p>
<p>3. Поскольку участники обычно находятся лицом к лицу, можно использовать паравербальные факторы, например, выражение лица собеседника, жесты, мимику, для передачи значений. Словарь устной речи часто неопределенен и характеризуется использованием слов, напрямую связанных с ситуацией общения (дейктические выражения типа that one, in here, right now).</p>	<p>3. Отсутствие визуального контакта означает, что участники коммуникации не могут положиться на контекст для передачи/разъяснения какой-либо информации. В письменной речи не используются дейктические выражения, так как они могут создавать двусмысленность.</p>
<p>4. Многие слова и конструкции являются характеристиками устной (особенно неформальной) речи, например, сокращенные формы (isn't, he's). Очень распространены длинные сложносочиненные предложения, причем часто они достаточно запутанны. В выражениях могут использоваться бессмысленные слова (thingamajig), непристойности и сленг, не употребляющиеся в письменной речи или встречающиеся только как графические эвфемизмы.</p>	<p>4. Некоторые слова и конструкции являются характеристиками письменной речи, например использование нескольких сложноподчиненных предложений в рамках одного предложения, тщательно продуманные синтаксические структуры, длинные (иногда на несколько строк) предложения, встречающиеся в документах. Некоторые лексические единицы, встречающиеся в письменной речи, не встречаются в устной, например, названия химических соединений.</p>
<p>5. Устная речь обслуживает социальные, или фатические, функции, например, времяпрепровождение или любая ситуация, в которой предпочтительнее каузальный, незапланированный дискурс. Она также выражает социальные отношения, личное мнение и отношения благодаря наличию широкого спектра оттенков, которые могут быть выражены просодией, и сопровождаться невербальными средствами.</p>	<p>5. Письменная речь обслуживает фиксирование фактов, обмен идеями, решает задачи запоминания и изучения. Письменные записи легче хранить и изучать, таблицы демонстрируют отношения между объектами, конспекты способствуют развитию памяти, текст предоставляет читателю возможность прочтения с приемлемой для него скоростью.</p>
<p>6. В устной речи существует</p>	<p>6. Ошибки и другие</p>

<p>возможность изменить высказывание во время произнесения (начать снова, сделать оговорку и т.п.). Однако ошибки, уже произнесенные, нельзя взять назад: говорящий должен отвечать за последствия. Для устной речи характерна ситуация, когда собеседники перебивают друг друга, а также заминки, задержки в разговоре.</p>	<p>несоответствия требованиям в письменной речи могут быть устранены в процессе проверки, и читатель даже не будет знать, что они были. Если они и возникают в процессе письма, то это никак не отражается на окончательном варианте письменного текста.</p>
<p>7. Уникальность устной речи связана в основном с просодией. Нюансы интонации, контрасты громкости, темпа, ритма, паузы, различные тональные характеристики голоса не могут быть отражены на письме достаточно адекватно.</p>	<p>7. Уникальные особенности письма связаны с его оформлением – страницы, строки, заглавные буквы, пространственная организация, пунктуация. Только некоторые правила графики связаны с просодией, например, восклицательный и вопросительный знаки, курсив. Некоторые виды письма – таблицы, графики, формулы – не могут быть эффективно воспроизведены вслух, они требуют визуального подкрепления.</p>

Электронные среды коммуникации и Интернет как их совокупность возвращают ключевой аспект устного способа общения: одновременность действия, восприятия и реакции. Восприятие снова становится основным фактором общения.

Для того чтобы определить специфику речевого аспекта Интернет-коммуникации, необходимо было соотнести характеристики устной и письменной речи с различными типами дискурса из Интернет-сети. Так, анализ теоретических и практических материалов (web-сайтов, электронной почты, синхронных и асинхронных chat – конференций, виртуальных миров), позволил нам охарактеризовать разные точки зрения, подтверждающие идею о том, что Интернет-коммуникации свойственны признаки как письменной, так и устной речи.

Наиболее интересными и актуальными для нас являются следующие положения, по-разному доказывающие отражение ключевых характеристик устной речи в Интернет-дискурсе:

1. Выделение характеристик, приближающих Интернет-коммуникацию к реальной коммуникации «лицом к лицу»:

- она развивается во времени, предполагая получение ответа немедленно;
- ей свойственна мимолетность, т.к. послания могут быть немедленно стерты (так, например, происходит в ситуации с электронной почтой) или могут выпасть из внимания коммуниканта, будучи быстро прокрученными с экрана дисплея (в ситуации с chat- конференцией);
- высказывания коммуникантов носят характер «срочности и энергетической силы», характерной для общения лицом к лицу [6].

2. Наличие специфических черт устной речи в материалах Интернет дискурса, которые определены как на основе структурной организации устной речи, так и её экстралингвистических характеристиках:

- присоединительный характер – для устной речи характерно большее, по сравнению с соединением и подчинением, использование бессоюзной связи, что создает эффект «нанизывания предложений»;

- сгруппированность – устная речь стремится выстроить детализированное описание объекта, а не дать четкое, краткое утверждение. Таким образом, для речевого акта характерно создание «замороженных» фраз, которые для сохранения значения должны оставаться неизменяемыми;

- чрезмерность, насыщенность, поскольку устная речь опирается на память. В речевом акте слушатель может в какой-то момент отвлечься, и говорящий должен будет повторить сказанное, чтобы убедиться в том, что он услышан и понят;

3. Технологические особенности Интернет, которые формально объединяют Интернет-коммуникацию и устный вид речевой деятельности. В частности, отмечается возможность передавать просодию или паралингвистический аспект языка (интонацию, ударение, паузацию, ритм, громкость голоса) при помощи специальных графических средств (специфический спеллинг и пунктуация). К числу средств, которые формально приближают Интернет-коммуникацию к устной речи относятся и так называемые смайлики и эмотиконы, которые восполняют отсутствие средств кинесики и проксемики, характерных для живого общения.

Соглашаясь с тем, что Интернет-коммуникация имеет характеристики как устной, так и письменной речи, мы в то же время разделяем мнение ученых, которые считают, что это совершенно новый вид речевой деятельности. Наряду с чертами устной и письменной речи, Интернет-коммуникация имеет собственные специфические особенности, которые отличают её как от устной, так и от письменной.

Различие между устной речью и Интернет – коммуникацией, прежде всего, связано с применением компьютерных технологий. В качестве отличительной особенности называется отсутствие одновременной ответной реакции в коммуникации. Послание не отправляется получателю одновременно с печатанием, а лишь после того, как послание завершено полностью. Принимающая сторона при этом не может каким-либо образом отреагировать на послание отправляющей стороны в процессе формирования этого послания, не может прервать, кивнуть в знак согласия и т.д. Иначе говоря, ответная реакция отсрочена во времени, общение в сети Интернет осуществляется в более медленном темпе по сравнению с живым общением.

В связи с этим в англоязычных исследованиях появились такие термины, как “netspeak” и “web-speech”, которые определяются следующим образом:

- «netspeak – это скорее письменная речь, сделавшая несколько шагов по направлению к устной, чем устная речь, зафиксированная на письме. Это нечто

особенное, своего рода «устная речь + письменная речь + электронно-опосредованные особенности» [6];

- “webspeech” – это особая языковая структура, которая представляет собой комбинацию текстуальных стратегий и форм разговорного дискурса. Уникальность данного явления заключается в попытке преодолеть неполноценность письменной среды.

Анализ отечественных работ, касающихся данной проблемы, также позволяет заключить, что Интернет-дискурс рассматривается в большинстве случаев как гибрид устно-письменной речи, содержащей признаки публичной, диалогической и монологической речи [7,8,9].

Далее нами был исследован вопрос о том, в какой степени характеристики устной и письменной речи присущи различным жанрам Интернет-дискурса. Говоря о степени сходства каждого из них с устной или письменной речью, отмечается следующее: наиболее близко к устной речи можно отнести синхронные chat-конференции, web-сайты занимают самое отдаленное положение, а электронная почта и асинхронная chat-конференция – промежуточное.

Дискурс web-сайта представлен как линейным текстом, так и нелинейным.

Линейная форма текста, характерная для письменной речи, является преобладающей на web-сайтах, однако здесь присутствует и нелинейный тип текста. При нелинейном просмотре текст считывается не в той последовательности, в которой он зафиксирован: пользователь просматривает материалы сайта в соответствии со своими интересами, прочитывая таким образом только частичную информацию, оставляя без внимания другую его часть. Дизайн web-страницы располагает для этого такими возможностями, как цвет, движение, вспышки, с тем, чтобы привлечь внимание.

Все лингвистические характеристики, присущие письменной речи, свойственны электронному варианту дискурса *web-сайтов*: 1) развитие речи в пространстве, 2) логическое развитие событий, 3) взаимосвязь частей дискурса, 4) визуальная контекстуализация, 5) тщательное структурирование, 6) использование сложных грамматических конструкций, 7) допустимость повторения.

В то же время характеристики, присущие обычной письменной речи в условиях web-сайтов существенным образом изменяются, в частности «восприятие текста осуществляется вертикально, а не горизонтально, текст перемещается по экрану, появляется и исчезает, цвет и форма текста может изменяться, он может быть дополнен анимацией».

Разнообразие дискурса следующего вида Интернет-коммуникации – *электронной почты* – проявляется как в размерах посланий, так и их стилистических особенностях. В данном случае также сказывается влияние требования срочности и быстроты, которые предъявляются к электронному посланию. В результате возникают определенные лингвистические характеристики, которые варьируются в зависимости от адресата и цели сообщения.

В частности, наблюдается тенденция к неформальному стилю письма, на что указывает употребление сокращенных форм, свободных конструкций предложений, эллиптических предложений (*Will let you know*), разговорных аббревиатур (*bye, cos, v slow, s/thing*), акронимов. Также в e-mail можно отметить значительное использование различных вопросов. Например:

*Am I asking too much? Does this seem workable to you? Can you get to it, do you think? Do you *want* to get to it?!*

Риторический вопрос становится общепринятым в электронной переписке и встречается чаще, чем в других видах письменного английского языка. Например:

Have you ever wanted to see ... if it`s sunny in San Francisco? If there`s new snow at Vail? What traffic is like on Interstate 10 in Phoenix? Well, you can!

Вообще, стилистическая согласованность может иметь место внутри определенной группы пользователей электронной почты (например: студенты, школьники и т.д.).

В целом, можно сказать, что для электронной почты характерны две большие группы различного типа стилистической согласованности: официально-деловой и неформальной. Для официально-делового электронного сообщения присущи следующие языковые и речевые особенности коммуникации в Интернет:

1. Языковые: проявляются в основном на уровне лексики: употребление акронимов и жаргонизмов является характерным для данного вида коммуникации. Орфографические и грамматические особенности Интернет коммуникации нетипичны для официально-деловой коммуникации в Интернет.

2. Речевые: проявляются в наличии характеристик как письменной, так и устной речи, что позволяет говорить о явно выраженном промежуточном положении данного жанра Интернет-дискурса между письменной и устной речью. Так, в числе характеристик письменной речи можно выделить следующие: 1) развитие речи в пространстве, 2) визуальная контекстуализация, 3) тщательное структурирование, 4) использование сложных грамматических конструкций, 5) допустимость повторения.

К числу характеристик устной речи относятся следующие: 1) социальная интерактивность, 2) определенная степень спонтанности, 3) развитие речи во времени (в некоторой степени) 4) а определенных Интернет-сообществах допускается свободная конструкция предложений, использование акронимов.

Асинхронная (то есть отложенная во времени) интеракция является основной характеристикой следующего вида Интернет-коммуникации – асинхронной chat-конференции.

Асинхронная chat-конференция (форум) – это телекоммуникационная конференция с отсроченным доступом, т. е. асинхронная связь, которая представляет собой обмен письменной информацией. Все ее материалы сохраняются автоматически и снабжаются служебной информацией. Поэтому количество смысловых нюансов, содержащихся в такой конференции, гораздо больше, чем в ее традиционных аналогах. Форумы представляют собой отдельные почтовые листы, посвященные темам, интерес к которым объединяет пользователей. Материалы

форумов могут стать для участников источником актуальных сведений об образовательных проблемах, новейших образовательных технологиях, новостях из мира образования.

В данном режиме работают новостные группы (newsgroups), электронные конференции (e-conferences), листы рассылок (mailing lists- LISTSERV). Статистические данные только в области английского языка говорят о постоянном наличии в среде Интернет нескольких сотен конференций, более 50 тематически организованных новостных групп (отдых, наука, бизнес, компьютеры, спорт и т.д.). Материалы новостных групп и электронных конференций генерируются в одном месте – у руководителя группы. Он рассылает материалы после предварительной обработки. Таким образом, участники групп получают рассылки и работают с ними в удобное для них время.

Материалы дискуссии могут быть доступными для пользователя по требованию. К дискуссии можно присоединиться в любое время, даже после того, как основное время обсуждения уже прошло.

Специфика осуществления интеракции в отложенном режиме оказывает свое влияние на языковые и речевые особенности данного жанра. Отсутствие ограниченности во времени способствует преобладанию письменных характеристик речи (ограниченность в пространстве, визуальная контекстуализация).

Вместе с тем для данного жанра специфичны и некоторые особенности устной нелинейной формы интеракции с соответствующими лексическими и грамматическими последствиями: использование электронных жаргонизмов, сокращений, несложных грамматических структур. В некоторых исследованиях подчеркивается, например, особая частотность конструкций, содержащих личное местоимение I и глаголов, выражающих собственное мнение (think, feel, know), что характерно для устной речи [10]. Короткие ответы придают этому жанру характер разговора, а не просто переписки. Язык асинхронной chat-конференции – это смешение неформального письма и эссе, разговорного монолога и диалога.

Таковы основные языковые и речевые особенности Интернет-коммуникации, которые мы рекомендуем включать в процесс обучения иностранным языкам. Наряду с компетенциями в области английского языка как языка глобальной коммуникации, а также в области нескольких иностранных языков, мы считаем необходимым для языковой личности владеть знаниями о языковой и речевой специфике Интернет-дискурса с тем, чтобы иметь возможность полноценно исследовать Интернет-дискурс и самим участвовать в процессе дискурсопорождения.

Все это дает основание для включения вопросов, связанных с изучением особенностей речевой деятельности в Интернет-среде в систему обучения иностранным языкам, так как без сформированности необходимых компонентов данного вида деятельности будет проблематично осуществлять полноценное взаимодействие с представителями других культур посредством Интернет-коммуникации как новой коммуникативной реалии глобального мира.

Литература:

1. Riva G. and Calimberti C. The Psychology of Cyberspace: a socio-cognitive framework to computer-mediated communication: <http://cybertherapy.info/pages/cyber.htm>
2. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций). Автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Волгоград, 2001.- 43 с.
3. Bergelson, Mira В. Языковые аспекты виртуальной коммуникации/ Mira В/Bergelson.- Электрон.дан.(1 файл). Загл. с экрана; Режим доступа: <http://www.ffl.msu.ru/people/mbergelson/29.htm>
4. Климанова Л.Н. Соотношение устной и письменной форм коммуникации при обучении функциональной разновидности английской научной речи// Материалы Всероссийской конференции «Наука и практика: диалоги нового века».- Томск: Твердыня, 2003.- С. 90-97.
5. Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Зачесова И.А. Речь и структура коммуникации// Межличностное общение/ Сост. и общая редакция Н.В.Казариновой и В.М.Погольши.- Спб.: Питер, 2001.- 512 с.
6. Crystal D. Language and the Internet.-Cambridge, 2001.- 272 p.
7. Войскунский А.Е. Групповая деятельность в Интернете // Психологический журнал.-1999.- т.20, №1.-С. 126-132.
8. Войскунский А.Е. Речевая деятельность в ходе компьютерных конференций // Вопросы психологии.- 1991.- №6.- С. 142-147.
9. Колокольцева Т.Н., Лутовинова О.В. (науч. ред.) Интернет-коммуникация как новая речевая формация. Коллективная монография / — М.: ФЛИНТА : Наука, 2012. — 328 с.
10. Herring, S. C. Introduction// Herring S. C. (ed.) Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives.-Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996.- P.1-12.

УДК 341.1
ББК 66.2

О.Г. Филатова, А.В. Чугунов
Olga Filatova, Andrey Chugunov
polit.pr@jf.pu.ru

Электронное управление в процессах евразийской интеграции
E-governance in the processes of Eurasian integration

Санкт-Петербургский государственный университет, Университет ИТМО
St. Petersburg State University, ITMO University

Представлен исследовательский проект, связанный с развитием интеграционного потенциала евразийской территории в части выработки общих стандартов электронного управления.

Ключевые слова: электронное управление, информационное общество, евразийская интеграция.

The article formulates the uniform standards of e-governance, providing the investigation project of Eurasian integration.

Keywords: e-governance, Eurasian integration, information society

В настоящее время идет активный процесс интеграции стран Евразийского пространства. С 1 января 2015 года вступил в новый этап развития Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Глубоким потенциалом в этой связи обладает разработка общих технологий электронного управления. Сотрудничество государств в сфере развития и становления форм электронного управления способствует ускорению процессов интеграции стран единой экономической зоны. Принимая во внимание ведущие мировые тенденции, связанные со всеобщей информатизацией и развитием концепций электронного управления, можно констатировать, что эта область, в рамках углубляющегося сотрудничества стран ЕАЭС, нуждается в дополнительном изучении.

До последнего времени в исследовательской практике отсутствовали проекты проведения комплексных исследований, позволяющих отследить процессы развития электронного управления не только в одной стране, но и на межгосударственном уровне. Исследовательских центров евразийской тематики, реализующих крупнейшие проекты и инициативы, в том числе в сфере технологий электронного правительства, создано в России немного. Одним из таких центров является Центр технологий электронного правительства (ЦТЭП), основанный в Санкт-Петербургском национальном исследовательском университете информационных технологий, механики и оптики в мае 2009 г., возглавляемый одним из авторов настоящего доклада. В настоящее время ЦТЭП работает над масштабным исследовательским проектом, сфокусированным на Евразийском пространстве (грант РГНФ № 15-03-00715). Научная проблема, на решение которой направлен проект, связана с изучением влияния моделей электронного управления на процессы евразийской интеграции. Основными направлениями исследований для решения данной проблемы будет выявление стандартов, технологий, методов электронного управления стран Евразийского экономического союза, оценка, прогнозирование и разработка методов повышения эффективности реализации проектов открытого правительства в целях ускорения евразийской интеграции, а также новые модели и инструменты электронного взаимодействия между гражданами, бизнесом и органами власти на межгосударственном уровне. Данные тематики находятся в русле мировых тенденций развития междисциплинарных исследований и их проработка уже ведется исследовательским коллективом, что нашло отражение в опубликованных коллективных работах [см., например 1,2].

Конкретной задачей в рамках проекта является сравнительный анализ моделей функционирования электронного управления стран - участниц Евразийского экономического союза (и других региональных блоков), и использование результатов анализа для создания оптимальной модели электронного управления в целях евразийской интеграции и устойчивого развития. Авторы выдвигают ряд гипотез. Первая гипотеза состоит в том, что для постсоветских стран характерны общие черты в развитии информационного общества, особенно для государств Евразийского экономического союза: близкие места в рейтингах (ООН, Всемирного банка, МСЭ и WEF), а также схожесть законодательства и институтов. Вторая гипотеза: чем сильнее

политическое сотрудничество стран, тем больше похожи их стратегии, институты и законы в сфере развития информационного общества. На основе сравнения программных и стратегических документов, а также анализа институтов постсоветских стран, где активно развивается интеграция (Беларусь, Казахстан и Россия), необходимо определить, какая из этих гипотез работает и какие модели использования технологий электронного управления наиболее эффективны для достижения целей успешной интеграции и опережающего развития стран Евразийского экономического союза.

Литература:

1. Болгов Р.В., Зиновьева Е.С., Карачай В.А. Развитие информационного общества в странах Таможенного союза: правовые аспекты // Управленческое консультирование. 2015. № 1(73). С. 41-50.
2. Болгов Р.В., Мисников Ю.Г., Филатова О.Г., Чугунов А.В. Системы электронной идентификации граждан в сравнительной перспективе // Межотраслевая информационная служба. 2015. № 2 (171). С. 71-76.

Секция 1. ФИЛОСОФИЯ КОММУНИКАЦИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДЫ И ТОПОСЫ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 316.77
ББК 87.3 С32

В.А. Серкова
V.A. Serkova
henrypooshel@rambler.ru

Является ли язык надежной основой коммуникации Is language a solid foundation of communication

*Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University*

С позиции феноменологии анализируется язык как средство передачи смыслового содержания.

Ключевые слова: феноменологическая аналитика языка, языковая коммуникация, понимание, свободные ассоциации

From the standpoint of phenomenology examines language as a means of transmission of the semantic content.

Keywords: phenomenological analytics of language, linguistic communication, understanding, free association

Если коротко уточнить причину, по которой и лингвистика, и семиология с позиции феноменологии “выводятся за скобки”, т.е. если указать на причину их невозможности стать методологической или фактологической базой исследования, – это будет “всеобщая, неизбежная двусмысленность речи” [1].

Бесперспективность такого рода исследований для Гуссерля – не просто предполагаемый тупик в заданном семиотикой направлении, а результат кропотливейшей работы со значениями, выражение и смыслом, проведенной во втором томе “Логических исследований”, столкновения с определенными и неразрешимыми в рамках логического анализа трудностями. Сюда относится проблема “неполного выражения”, изложенная в четвертом исследовании, а также вопросы, связанные с многослойностью выражения. Оглядываясь на работу, произведенную во втором томе “Логических исследований”, Гуссерль позднее пишет: “Полное прояснение принадлежащих сюда структур доставляет значительные

трудности. Уже признание того, что после абстрагирования от чувственного слоя гласящих слов в наличие действительно остается еще одно наслоение такого же вида, как предполагали мы это здесь, стало быть, в любом случае – даже в случае сколь угодно неясного, пустого, чисто вербального мышления – слой выражающего означения и нижний слой выражаемого, – уже это одно дается нелегко, а тем более уразумение сущностных взаимосвязей всех этих наслоений” [2].

То направление, которое приняла у Гуссерля аналитика смысла в “Логических исследованиях”, не имело развития в его феноменологии. На этапе трансцендентальной феноменологии (“Феноменология внутреннего сознания времени”, “Идеи”, “Формальная и трансцендентальная логика”, “Начало геометрии”) Гуссерль окончательно определяет для себя, что в феноменологическом дескриптивном описании он не может опираться на язык. Язык является формальной структурой, поэтому его отношения с актами сознания имеют опосредованный характер. Лингвистическая конструкция для Гуссерля является только нормативной формой, такой же отвлеченной от реального процесса производства смысла, как и логическая. Ни в них, ни для них неосуществим принцип аподиктичности. Интуирование смысла идет скорее в разрез “фактам языка”. Но тем не менее на позднем этапе развития феноменологической концепции Гуссерль с иных позиций возвращается к тем проблемам, которые он исследовал во втором томе “Логических исследований”. На первый план выдвигаются проблемы идеальной предметности, а также вопросы, связанные с языком как системой описания, хранения и традирования идеальных содержаний.

И хотя Гуссерль не имел намерения утвердить на основе языка принцип всех принципов, т.е. найти в языке аподиктическую базу интуиций, тем не менее можно предположить, что в своей ранней пред-феноменологической философии он прошел стадию “искушения языком” и впоследствии ясно представлял себе причины логической противосмысленности, укорененные в природе языка и связанные с его функционированием (сюда относятся все случаи эквивокаций, парадоксов, паралогизмов и т.д.). Он никогда не шел на поводу у языковой инерции, которая используется как производящая сила, например, в постмодернистской традиции. Многие философы этой ориентации начинали как феноменологи, хотя, трудно, наверное, представить более разрушительное для феноменологического метода его использование, чем во французском постмодернистском дискурсе, тем более что ни Ж. Деррида, ни Ж. Бодрийяр, ни Ж. Делез, кажется, не ставили перед собой подобных целей. Но в большинстве случаев, вся гуссерлева практика осуществления многообразных редукций, сводится, у постмодернистских философов, как правило, к “феноменологическому мотиву”, как выражается Ж. Деррида.

В “Начале геометрии” Гуссерль пишет: “Легко заметить, что уже в человеческой жизни, и прежде всего в индивидуальной, от детства до зрелости, изначально чувственно-созерцательная жизнь, в разнообразной активности создающая на основе чувственного опыта свои изначально очевидные образы, очень быстро и по нарастающей впадает в искушение языком. Она все больше и больше впадает в речь и

чение, управляемые исключительно ассоциациями, вследствие чего последующий опыт довольно часто разочаровывает ее в таком вот образом полученных оценках.

Теперь можно сказать, что в интересующей нас здесь сфере науки, мышления, направленного на достижение истин и на избегание заблуждений, нас с самого начала очень заботит, разумеется, каким образом можно воспрепятствовать свободной игре ассоциативных образов” [3].

То, что может быть извлечено из этого фрагмента позднего произведения Э. Гуссерля, весьма симптоматично для всей его феноменологии в целом. Исследованию языка как системе объективации идеальной предметности посвящен второй том “Логических исследований”. В “Начале геометрии” Гуссерль ретроспективно подтверждает, что поворот к трансцендентальной аналитике, определившей основное содержание его феноменологии, не был случайным. Лингвистически-логическая или семиологическая концепции знания, в которых язык является не только выражением, но вообще основной формой опыта, для Гуссерля является неприемлемыми, он полагает, что на этой основе невозможно построить фундаментальную теорию сознания.

Гуссерль рассматривает язык как своеобразную осадочную духовную породу и предупреждает о “вечной опасности при неизбежной седиментизации духовных произведений в форме окаменевших языковых приобретений...” [4].

Гуссерль полагает, что языковые образования представляют собой жесткие смысловые сцепления (“языковые окаменелости”), которые “могут быть переняты кем бы то ни было только пассивно” [5].

В семиотическом исследовании язык анализируется только как “низший слой выражения”. В “Идеях” он весьма скептически оценивал возможности адекватного смыслового выражения, которое могло бы быть осуществлено в лингвистике или в семиологии: “Из низшего слоя не вступают в выражающее означивание целые измерения вариабильности, и эти последние, а также их корреляты вообще не получают <выражения> – так модификация относительной ясности и отчетливости, аттенциональные модификации и т.д.” [6].

Для философа язык таит в себе опасность как система, в которой не прекращается свободная игра ассоциаций. В связи с этим возникает вопрос о необходимости препятствовать такому способу конструирования предметности и смысла.

Можно, по-видимому, утверждать, что аналитика языкового выражения во втором томе “Логических исследований” оказалась неудовлетворительной для Гуссерля потому, что язык, как любая другая идеальная конструкция, включает “неотмыслимые рефлексии” (“в сущности выражения никогда не могут рефлексироваться все обособления выражаемого”). Язык не является изначально прозрачной структурой, он сам требует своего многообразного прояснения, которое может осуществляться посредством феноменологических редукций. Суть феноменологического прояснения содержания языковых актов в дескриптивном описании состоит в том, что посредством ноэзо-ноэтического анализа из этих

содержаний вытесняются смысловые случайности, проясняются механизмы ассоциативных сцеплений смысла.

Несмотря на критику теории ассоциации и принципа ассоциаций и глубочайшее к ним недоверие, Гуссерль не исключает для себя возможности их исследования в аналитике интенциональных импликаций. В феноменологическом аспекте ассоциативные отношения могут быть поняты как смыслы, схваченные в новой связи. Ассоциация в этом значении проявляется в регрессирующей в бесконечность последовательности смысловых отсылок. Процессы привлечения смыслов, формирования цепочек ассоциаций с точки зрения Гуссерля сознательно коррелируются только в поэтических актах [7].

Но редукции в отношении языка являются проблематичными постольку, поскольку недостижим такой рефлексивный очевидностный уровень анализа, в котором бы чистое значение, чистая предметность и чистый смысл находились в абсолютно однозначном сущностном отношении.

Гуссерль обращает внимание на то, что сам факт многообразных передач, трансляций смыслов посредством языка еще не обеспечивает конституирования объективности идеального образа. Необходимы специальные операции для того, чтобы удостоверить устойчивость смыслового осуществления “идеальных предметов” [8]. Требуется не только ревизия содержания транслируемого, но и анализ актов, делающих возможным такого рода трансляции.

Именно здесь проявляется уникальная роль письменных способов выражения смысла, которые преобразовывают возможность “просто чувственного” восприятия, пассивно вызванного значения, в идеирование – в “особого рода активность”. Гуссерль называет такие акты реактивациями. По аналогии с реактивирующими актами восприятия речевые реактивации осуществляются непрерывно с тем, чтобы “осевший” смысл вновь стал очевидным. Из таких процессов складываются “понимательные цепи повторений”. В них находит место “собственное актуальное осуществление опредмечивающей активности, но в то же время и очевидное сознание идентичности духовного образа в произведениях получившего сообщение и его отправившего. Произведения могут, сохраняя тождественность, распространяться от одного лица к его ближним, и в понимательной цепи этих повторений очевидное переходит как таковое в сознание другого. В единстве сообщающегося сообщества ... многих лиц многократно воспроизведенные образцы будут осознаваться не как одинаковые, но как один общий” [9].

В связи с этим “делом общей ответственности” Гуссерль полагает заботу об однозначности языкового выражения и о сохранении однозначного выражающего результата посредством тщательнейшей выделки точных слов, предложений, фразовых взаимосвязей – “и так [должен поступить] не только каждый отдельный новоизобретатель, но и каждый ученый как товарищ по научному сообществу при перенятии того, что подлежит перенятию” [10].

Что касается собственно феноменологических терминов, в которых осуществляется дескриптивное описание, Гуссерль не может отрицать того, что эти

понятия не могут не происходить из общего языка и не быть в силу этого многозначными и неопределенными по смыслу. Более того, они “должны оставаться в текущем состоянии, как бы в постоянной готовности немедленно дифференцироваться по мере продвижения анализа сознания и по мере распознавания все новых феноменологических наслоений” [11].

Но в целом остается до конца неясным, каким образом понятия присоединяются к интуированным данностям. Показателен пример виртуозной работы самого Гуссерля, которую он проделал в “Феноменологии внутреннего сознания времени”. Сравнение гуссерлева восклицания, что в аналитике темпоральных структур сознания “для всего этого не хватает слов”, с блестящим результатом его феноменологической работы с текучими временными сущностями показывает, что Гуссерлю все-таки удается подчинить язык условиям дескриптивной аналитики. Можно надеяться, что это служит свидетельством того, что для феноменологии оказывается доступным выражение слоя подлинных очевидностей сознания.

Литература:

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. Т.1. Общее введение в чистую феноменологию. М: Дом интеллектуальной книги: Анашвили, 1999. С. 268
2. Там же. С. 271.
3. Гуссерль Э. Начало геометрии. М., 1996. С. 222
4. Там же.
5. Там же.
6. Гуссерль Э. Идеи... С. 274.
7. Там же. С. 54.
8. Гуссерль Э. Начало геометрии. С. 220.
9. Там же.
10. Там же. С. 222–223
11. Гуссерль Э. Идеи... С. 186

УДК 316.77

ББК 60.0

В.А. Лобастова

Vera Lobastova

beshent@bk.ru

Апперцептивное переживание «другого» как *alter ego*
The apperceptive experience of the "other" as *alter ego*

Санкт-Петербургский государственный университет
St. Petersburg state University

Феноменологическая философия создает интенциональную теорию сознания, которая раскрывается через смыслополагающую функцию и синтетический характер сознательной деятельности. Трансцендентально-феноменологический метод демонстрирует условия возможного построения имманентного опыта сознания, в котором выделяются сферы собственного опыта и опыта «другого». В рамках

интерсубъективного опыта осуществляется коммуникация, в процессе которой конституируются общие феномены.

Ключевые слова: Гуссерль, феноменология, сознание, интерсубъективность, коммуникация.

The phenomenological philosophy frames the intentional theory of consciousness which is based on conceptualizations and synthetic processes. The transcendental-phenomenological method demonstrates conditions of a possible construction of the immanent experience. Fields of the own experience and “the other” experience are distinguished there. The communication is performed as part of the intersubjective experience. General phenomena are constituted in the process of the communication.

Keywords: Husserl, phenomenology, consciousness, intersubjectivity, communication.

С феноменологической точки зрения коммуникация понимается как общение субъектов, в котором происходит процесс обмена чувствами и мыслями, мнениями и идеями. Для успешного достижения своей цели взаимопонимания, этот обширный и многоуровневый процесс требует тщательной организации и нуждается в особом управлении, которое и осуществляют субъекты как участники коммуникативного действия. Чтобы в результате их согласованных действий возникло взаимное понимание, необходимо прояснить условия возможности построения коммуникативного процесса в рамках конституирующей природы субъекта.

Поле сознательной деятельности субъекта представляет собой совокупность многочисленных и разнообразных переживаний, которые составляют его имманентный опыт. Структура субъективного имманентного опыта содержит два уровня переживаний – эмпирический и трансцендентальный. Согласно интенциональной природе сознания, каждое отдельное переживание указывает на соответствующий ему предмет или объект, который, будучи интенциональным, конституируется в имманентном опыте субъекта.

Каждый интенциональный объект обретает коррелятивный статус существования относительно субъекта, переживающего его в данный момент, следовательно, принадлежит только этому конкретному субъекту и неотделим от него. Такое субъект-объектное отношение взаимозависимости оказывается результатом процесса конституирования как смыслополагающей функции сознания субъекта. А это означает, что в акте восприятия субъект приписывает объекту такой смысл, каким он его переживает в сознании. Конечно, полагаемый субъектом смысл не ограничивается всего лишь одним актом восприятия, а требует процесса неоднократного подтверждения, который осуществляется в непрерывном потоке согласованных актов как восприятия, так и воспоминания.

Точно также субъект конституирует и самого себя, наделяя себя конкретным смысловым содержанием: кто он такой и чем обладает. Эта процедура самоконституирования осуществляется уже на трансцендентальном уровне имманентного опыта, который обнаруживается после проведения трансцендентальной редукции.

В пределах своего собственного изначального мира трансцендентальный субъект конституирует другого субъекта в модусе alter ego как психо-физическое существо. Другое эмпирическое ego переживается в моем сознании на основании непосредственной данности меня самого как конкретного ego. Такое опосредованное осознание одного предмета в модусе соприсутствия с актуальной самоданностью другого предмета осуществляется в акте аналогизирующей апперцепции.

Опосредованное познание другой монады может способствовать более глубокому пониманию моей собственной монады, раскрытию ее общих и отличительных признаков, а также выявлению ее новых черт, незамедлительно вызывающих все новые и новые ассоциации. Все это говорит об обратимости ассоциативного синтеза, в котором у интенциональных предметов, вступающих в аналогизирующее единство, возможно взаимное обогащение их конститутивных ноэтических смыслов.

УДК 172

ББК 87

И.А. Авдеева
Irina Avdeeva
avdeeva@rambler.ru

К проблеме факторов нормативного регулирования интернет-пространства About the problem of regulatory factors of the Internet space

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
M.V. Lomonosov Moscow State University*

Интернет-пространство как пространство коммуникативное и являющееся частью пространства социального, как бы оно ни декларировалось и позиционировалось на заре своего появления, тем не менее не может остаться вне какой-либо нормативной регуляции. При этом речь идет, главным образом, не просто об этическом регулировании интернета как пространства глобальной коммуникации, а о все большем включении разноплановых и разнородных регулятивных факторов в развитие и функционирование интернет-пространства. На сегодняшний день можно говорить уже об определенных сложившихся уровнях подобной регуляции.

Ключевые слова: глобальные коммуникации, интернет, этика в интернете, регулирование интернет-пространства, этическое регулирование, нормативная регуляция в сети.

Internet space as a communicative space and a part of the social space, if it is not declared and positioned at the beginning of its appearance, can not remain outside of any regulation. This regulation involves mainly not just an ethical factors but some various regulatory ones in the development and operation of the Internet space. Today we can speak about determined existing levels of this regulation.

Keywords: global communications, the Internet, ethics on the Internet, regulation of the Internet space, ethical regulation, the normative regulation of the network.

Бурное развитие Интернет-пространства как пространства коммуникации глобального масштаба естественным образом вывело его в своеобразный «топ-лист» многих научных и околонучных дискуссионных площадок. Одним из вопросов, связанных с проблемой изучения интернет-пространства как пространства коммуникативного, стал вопрос о его этическом регулировании и саморегулировании, а точнее, вопрос демонстрации тенденций к установлению какой-либо нормативной регуляции вообще и социальной регуляции в частности.

Формирование своего рода этической парадигмы интернета началось практически одновременно с превращением «интранет-сети» в «интернет-сеть» на основе принципа свободы, провозглашенного ее «отцами-основателями». Как заявил один из «отцов-основателей» Интернета, Т. Бернерс-Ли «ограничения, призванные сохранить для интернета свободу - это всё же ограничения. Тогда как интернет процветает в отсутствии ограничений» [1].

Собственно, ничего экстраординарного не случилось – многовековая история общества знает немало социальных (в широком смысле) движений, поднявших знамя свободы. Экстраординарным стало то, что этот сугубо начальный и, судя по накопленному историческому опыту, мало что определяющий этап, заложил искаженную основу для подавляющего большинства последовавших исследований коммуникационных процессов в Интернете, красной нитью которой стали алармистские ожидания или же утопические прогнозы. И сегодня свобода как принцип функционирования Интернет-пространства является объектом поклонения или критики на многих дискуссионных площадках и во многих исследованиях.

Однако, пока отцы-основатели декларировали, экономические законы влияли, государственная необходимость требовала, а дискуссанты дискутировали, социальные процессы развивались своим чередом, формируя реально действующие этические принципы Интернет-коммуникаций. Их формирование шло по двум основным направлениям – через профессиональную и пользовательскую этики. Развитие сети сформировало в интернет-пространстве новые и гораздо бóльшие по объему аудитории, социальный и возрастной состав которых был гораздо более пестрым. Они принесли с собой и соответствующие ценности. Эти аудитории достаточно быстро трансформировались в «интернет-сообщества» или «виртуальные сообщества». При этом велосипед не изобретался – в коммуникационное пространство Интернета – «виртуальный мир» - просто переносились этические принципы мира реального.

Последнее время сформировался еще один фактор, который оказывает существенное влияние на коммуникационное пространство Интернета – фактор незападных цивилизаций и соответствующих парадигм. Дальнейшая «национализация» Интернета за счет расширения «незападного» его сектора – вполне оформившаяся и достаточно устойчивая тенденция. Функционирование и развитие

Рунета, Узнета, Казнета – состоявшийся факт. Более того, вполне правомерно выделение таких его секторов, как христианский, иудейский и исламский. При этом следует отметить, что конфессиональное основание для идентификации представляется серьезно зауженным, данью стереотипам, не отражающим всей полноты и разнообразия этих секторов.

Таким образом, процесс социально-нормативного и этического регулирования интернет-пространства не только представляется очевидным, но также комплексным многофакторным процессом и неотъемлемой частью развития интернет-пространства.

Литература:

1. Berners-Lee Tim. Net Neutrality: This is serious. Интернет-ресурс <http://dig.csail.mit.edu/breadcrumbs/node/144>

УДК 316

ББК 60

Е.К. Барановская
Evgenia Baranovskaia
baranovskaya.ek@yandex.ru

Сетевые ресурсы как новый вид коммуникативного пространства **Net resources as a new kind of communication space**

МУЧ «Апшеронский историко-краеведческий музей»
Municipal Institution "Apsheron historical museum"

Коммуникативные практики на площадках сетевых ресурсов обладают рядом уникальных характеристик, которые необходимо учитывать при работе с социокультурными группами на площадках сетевого коммуникативного пространства. Особенности социальных сетей, сетевых энциклопедий, игровых порталов.

Ключевые слова: коммуникация, социокультурные группы, интернет, целевая аудитория, социальная сеть.

Communication practice at the net resources sites have some unique features, which are necessary to remember when you work with social cultural groups in the net space. Special features of the social nets, net encyclopedias, game portals.

Keywords: communication, socio-cultural groups, Internet, target audience, social net.

Воспроизведение коммуникативных практик на площадках сети интернет привело к формированию нового вида коммуникативного пространства. Возникновение новой коммуникативной среды можно смело назвать тем самым событием, после которого «перемены получают столь всеохватывающий характер, что следствием их становится полная перемена всего образа жизни людей и всех их

культурных представлений» [1].

Этот вид коммуникативного пространства возник недавно и на сегодняшний день уже в достаточной степени структурирован, что позволяет анализировать аудиторию, а также перенести на вновь образованные площадки принципы управления социокультурными группами. При этом следует различать сетевые ресурсы и отдельные, изолированные от сети программы или материалы на различных носителях, поскольку такие программы не предполагают коммуникативных процессов.

Классификация сетевых ресурсов находится в стадии формирования. Наиболее популярной на сегодняшний день является точка зрения, при которой сетевые ресурсы делятся на информационные, коммуникативные, коммерческие и различного рода online-сервисы, в разной степени использующие основные типы коммуникаций.

Последний класс в основном несёт в себе прикладную функцию. Границы между первыми тремя классами не всегда чёткие. К примеру, коммуникативные ресурсы, то есть ресурсы, призванные осуществлять общение пользователей, могут содержать в себе страницы коммерческих организаций или справочную информацию. В то же время коммерческие сайты часто содержат разделы общения online или offline (форумы, книги отзывов) и фактически представляют собой площадку для общения группы по интересам.

Социальная сеть, как площадка, наиболее полно отражающая идею коммуникативного взаимодействия в сети, формирует различного рода сообщества и выступает как место взаимодействия групп и их координации.

При этом социальная сеть предполагает идентификацию пользователя в соответствии с реальным субъектом, который «обустраивает» виртуальное пространство своей персональной странички в соответствии со своим вкусом и настроением. Конечно, полная идентификация соблюдается крайне редко, также, как и абсолютная анонимность пользователя. Чаще всего, пользователь позиционирует себя в сети в качестве виртуального образа, но в соответствии со своими реальными интересами.

Информационные и справочные ресурсы в меньшей степени становятся площадкой для взаимодействия пользователей, поскольку являются местом размещения конкретной информации, чаще всего справочников, словарей, сборников тематических статей с заявленным не анонимным автором.

Однако, нельзя не упомянуть о так называемой концепции Web 2.0. Принцип наполнения контента рядовыми пользователями позволяет в значительной степени продвигать идеи и догмы при относительной анонимности. Фактически авторами контента становятся обычные люди, чаще всего не обременённые специальной профессиональной подготовкой и находящиеся в поле своего мировоззрения. Конечно, в ряде подобных ресурсов присутствуют модераторы (например, Википедия), однако в большинстве случаев это исключительно добровольная и бесплатная деятельность столь же непрофессиональных пользователей, не считающих необходимым выйти за рамки субъективности, а зачастую и политической

ангажированности. Таким образом, отвечают за правомерность и публичность изложенной информации люди не только профессионально безграмотные, но и необъективные. Естественно, что при такой «цензуре» на страницы «народных» энциклопедий попадает огромное количество непроверенного материала весьма спорного качества.

Одним из популярных видов сетевых ресурсов по праву считаются так называемые компьютерные игры, которые обладают совсем иными коммуникативными особенностями. Реклама игровых порталов обычно выглядит так: создай свой идеальный мир в игре (название). Здесь субъект создаёт свой образ, который представляет игровому сообществу. В тоже время этот образ (персонаж) существует в виртуальном мире, обладающим чертами реального мира с определённой структурой и законами. Популярными ресурсами на сегодняшний день являются порталы с тематикой сродни литературному жанру «фэнтези», а также боевые симуляторы.

Игровое общение, также как и другие виды сетевого коммуникативного пространства, обладает рядом характеристик: доступность коммуникации, высокая степень анонимности, независимость от географического местоположения, свобода от влияния социального статуса, высокая скорость обмена информацией.

Безусловным преимуществом сетевой коммуникации является независимость от географической принадлежности. Возможность мгновенной передачи информации из любой точки мира, которая подключена к глобальной сети, позволяет взаимодействовать на одной тематической площадке представителям не только различных городов, но и государств.

Языковое ограничение во многом снижается благодаря ставшим популярными в последнее время online-переводчикам, а также использованию интернациональных общепонятных символов.

Кроме доступности восприятия, такие символы способствуют скорости донесения информации до собеседника, поскольку нет необходимости писать длинный описательный текст, а достаточно поставить символ. Культура виртуального общения на сегодня буквально насыщена всевозможными знаками – «смайликами» (от англ. smile – улыбка), которые обозначают проявление каких-либо человеческих чувств. Таким образом, человеческое общение в виртуальном пространстве наполнилось знаками-эмоциями. Вероятно, это явилось попыткой «очеловечить» общение с помощью компьютерных систем.

Если проанализировать сетевые ресурсы с точки зрения адекватности реального субъекта и виртуального образа, то можно заметить, что принадлежность к определённой социальной группе часто замалчивается не только представителями маргинальной части пользователей, но и представителями так называемой элиты общества. Мотивации для подобного поведения безусловно разные, но приводят к одинаковому поведению: желанию скрыть реальный социальный статус. Таким образом, маргинальная и элитарная часть общества ищет себя в новых формах общения, абстрагированных от необходимости учитывать социальное положение.

Коммуникативные сетевые ресурсы предполагают некоторую анонимность: вместо имён используются «ники», а личная информация часто не совпадает с реальностью. Таким образом вопрос идентификации личности ставится в зависимость от желания человека позиционировать себя в сети определённым образом, исключительно исходя из собственных представлений о своей личности и желания выглядеть в наиболее выигрышном свете. При этом человек не борется со своими психологическими проблемами в реальной жизни, а культивирует их в себе, компенсируя неадекватность реального общения виртуальными симулякрами

Нельзя утверждать, что виртуальное общение имеет исключительно отрицательное значение. Зачастую именно обезличенное общение позволяет преодолеть жизненные трудности и пережить тяжёлые моменты в реальной жизни. Однако необходимо учитывать насколько человек адекватно оценивает реальность и значение виртуального существования.

О важности подобной оценки говорит мироощущение ребёнка, воспитанного на компьютерных играх и виртуальной реальности. Наиболее ярко это заметно в отношении детей к смерти. Порой можно услышать, как родители говорят ребёнку: «Не выходи на дорогу, а то тебя может сбить машина и ты умрёшь!». А в ответ: «Мама, так у меня ещё останется две (или больше) жизни». Таким образом реальная оценка жизни нивелируется игровыми программами, а привычка к обезличенному виртуальному общению оставляет нерешёнными проблемы коммуникации в реальности.

Созданное виртуальное коммуникативное пространство прекрасно соответствует игровой концепции Йохана Хейзинга и согласно дифференциации относится к играм социальной направленности [1]. Условия данного «игрового» пространства позволяют нивелировать социальные условности реальной жизни, этническую и государственную принадлежность, а также создаёт высокую степень анонимности субъекта. Эти свойства сетевого коммуникативного пространства необходимо учитывать при анализе аудитории и субъектов коммуникации.

Следует отметить, что бизнес-структуры и маркетинговые службы уже несколько лет занимаются изучением и классификацией так называемой целевой аудитории с целью повышения продаж и эффективности рекламы. В то же время идеологические, политические, религиозные организации также используют наработки маркетологов для привлечения адептов. В этой связи хочется отметить необходимость комплексного анализа сетевого коммуникативного пространства с целью определения возможности работы с социокультурными группами, сформированными с учётом особенностей коммуникативной среды.

Литература:

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. Технический прогресс как культурологическая проблема // СПб., 2000. С. 622
2. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня // М., 2004.

Специфика конституирования диалогических отношений в современном обществе: попытки преодоления Чуждости
The specifics of the constitution of dialogic relations in modern society: attempts to overcome the Strangeness

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
Nizhny Novgorod State Linguistic University im.N.A. Dobrolyubova

XX век, как известно, внес существенные изменения в жизнедеятельность людей, а следовательно, и во взаимоотношения между ними. Появление средств массовой информации, все более усиливающаяся механизация всей жизни, исчезновение из нее рефлектирующей основы, укорененности в традиции, – эти и другие насущные проблемы с явной очевидностью встают перед лицом человека XX и XXI веков. Ситуация усугубляется усиливающейся разобщенностью индивидов, переходящей во враждебность, явное или скрытое противостояние.

Ключевые слова: общение, общество, социум, человек, одиночество, индивидуализация, размыкание, Другой, Чужой, коммуникация, диалог.

XX century, as it is known, has made significant changes in vital activity of humans, and, consequently, in the relationships between them. The emergence of the mass media, more and more increasing mechanization of all life, the disappearance of reflective base, rootedness in tradition - these and other pressing issues with clear evidence stand before the face of a man of XX and XXI centuries. The situation is aggravated by the increasing fragmentation of individuals, turning into hostility, obvious or hidden opposition.

Keywords: communication, community, society, man, loneliness, individualization, opening, friend, stranger, communication, dialogue.

Тенденции развития так называемого информационного общества определили содержание нового неклассического варианта философии (Ю. Хабермас, Н.Луман, К. Апель и др.) – коммуникативной. Изменения в социокультурной реальности человека, способов восприятия им окружающей действительности, что происходит под влиянием коренного изменения современной информационно-коммуникативной ситуации, усиления влияния техники на индивидуальную жизнь человека, процесс «наложения новой культуры на старую» (А. Тоффлер) [1, с. 264] – все это дезориентирует личность в условиях современной действительности, выявляет

качественно новые способы адаптации к характеристикам постиндустриального общества.

Отечественные и зарубежные исследователи замечают ряд угроз, которые несет с собой информационная цивилизация. В XX веке с появлением средств массовой коммуникации появляется феномен «человека массы», благодаря чему формируется унифицированный стиль поведения и мышления. Формулируется мифологическое восприятие действительности, что позволяет человеку ускользать в мир фантазий и грез, созданных и растиражированных средствами массовой информации. «Мы погружаемся в пространство мировой инфосферы, которое оказалось живым и все более втягивает нас в себя, заменяя все иные виды общения» [2, с 28]. В результате остается нерешенность многочисленных проблем экзистенциального бытия индивидов, появляется ощущение скуки, тревожности, рутинности повседневного существования, рушатся традиционные связи между людьми. Все это дает основание говорить о серьезной антропологической проблеме в глобальном масштабе.

Тенденция коммуникации (общения) как примата внутри философского диалога действительно выступает важнейшим признаком современной (и не только западной) философии. К. Ясперс пишет о "философской коммуникации", Х.-Г. Гадамер говорит о необходимости вести философский диалог, Ю. М. Лотман и некоторые другие развивают в нашей стране идею "диалога культур", которая стала сегодня методическим принципом философии культуры.

Классической чертой общества новой формации является стандартизация мышления и структур поведения, конформизм, унификация схем поведения людей, что приводит человека к обезличиванию. «Расширяется «псевдокультурное» поле общения, диалог в котором осуществляется по принципу узнавания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур» [2, с 36]. Происходят процессы разрушения социальных и духовных структур, присущих «традиционным» типам общества, для которых характерны устойчивые нравственные и эстетические ценности, более гармоничное мироощущение. Отношения между людьми носят характер фрагментарной и сжатой во времени, поверхностной связи.

Теоретическим источником большинства концепций диалога XX века стали радикальные исследования сознания, предпринятые в рамках феноменологии Э. Гуссерлем и его учениками и единомышленниками. Гуссерль создал основания для концепций диалога, развивавшихся многими выдающимися философами современности. Например, М. Хайдеггер, с самого начала творческого пути определявший человеческое бытие через совместность приобщения к бытию, позднее связал свои взгляды на природу человека с фразой И.Х.Ф. Гельдерлина «Мы — разговор» и развил концепцию разговора (Gespräch), который зависим от со-бытия человека и бытия.

Индивид в современном обществе, обеспокоенный бессмысленностью своего существования, осознает окружающий его хаос и пропасть между предметом и предметом, между человеком и человеком, между человеком и Богом. Мартин Бубер обстоятельно подошел к данной теме. Философ отстаивал ту точку зрения, согласно

которой любая встреча одного «я» другим «я» обязательно должна носить диалогический характер, и именуется это «со-вторым-бытие». В своей основополагающей книге «Я и Ты» Бубер пишет: «Между тобой и им – взаимность даяния, ты говоришь ему Ты и отдаешь себя ему; он говорит тебе Ты и отдает себя тебе» [3, с.23]. Мыслитель в своих философских исканиях делает попытку преодолеть индивидуалистическое, абсолютистское, довлеющее понимание сущности «я» посредством рассмотрения и признания важности «мы» как органической общности различных «ты».

Подобная точка зрения встречается и у отечественного философа Николая Бердяева. Сознание себя «я» предполагает, согласно Бердяеву, сознание наличия других «я». «Личность не существует, если нет ее отношения к другим личностям, к личности Бога, к личности другого человека, к сообществу людей» [4, с. 81]. Обособление, уединение «я» от всякого другого «я», от «ты» есть самоистребление. Более того, «я» перестает существовать, когда рядом не существует «ты», утверждает философ. «Я» может познавать себя в процессе собственной деятельности. Эта деятельность возможна в том случае, если существует не только активно-деятельное «я», но и другие «я». Стоит отметить, что речь идет не о существовании объектов вокруг «я», а о существовании таких же субъектов, активно-творческих «ты».

Не смотря на тот факт, что средства массовой информации создают ситуацию «столкновения всех со всеми» (Карл Ясперс), в обществе наблюдается незримое, но пугающее явление отчуждения и развития крайнего индивидуализма. «Индивидуализация – это новая социальная реальность, в которой перестают совпадать функциональные параметры существующих социальных структур и траектории человеческой жизни» [5, с. 250]. Более того, начинает распространяться остро переживаемое чувство одиночества человека, его разобщенности с миром, ощущение ненужности и бессмысленности существования, что приобретает метафизический смысл. Создаются предпосылки для глубочайшего осмысления происходящих в общественном сознании перемен. Формируются философские учения экзистенциализма, персонализма, философской и социальной антропологии, где фундаментальное значение приобретает постановка проблемы отношения между Я и Ты, Я и Другими.

Изначально философия экзистенциализма являла собой попытку построения принципиально новой онтологии. Наиболее отчетливо это проявилось в призыве Хайдеггера «вернуться к бытию», забытому, согласно Хайдеггеру, классической европейской философией. Именно «поворот к бытию» был главным в построениях экзистенциалистов. М.Хайдеггер также говорит о том, что любой человек не есть изолированное существо. О существовании других субъекту известно с достаточной очевидностью, так как он вынужден жить и действовать среди множества других. Однако, это совместное бытие, «со-бытие» людей приводит к тому, что вместо уникального и единственного в своем роде субъекта появляется что-то среднее и безликое. Это явление философ называет *das Man*. «*Das Man*, «люди» повергают меня в вечное неприсутствие, я – везде с людьми, я не-в-себе...» [6, с. 87].

Противопоставляя мир всеобщего и взаимозаменяемого (das Man) миру яркой индивидуальности, Хайдеггер обличает характерные черты современной ему эпохи.

Похожие идеи встречаются у М.М.Бахтина, который полагал, что соприкосновение с любым предметом культуры становится спрашиванием и беседой, то есть диалогом. «Диалогическая структура коммуникации выступает как медиум, который объединяет собой письмо и устную речь, текст и его лингвистические контексты, язык и его внеязыковые компоненты» [7, с. 45]. Диалог, с точки зрения Бахтина, есть способ взаимодействия сознаний. Понимание, по его мнению, возникает там, где встречаются два сознания. Понимание вообще возможно при условии существования другого понимающего сознания. Диалогические отношения, по Бахтину, — это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все проявления человеческой жизни. Чужие сознания, согласно Бахтину, нельзя созерцать, анализировать, определять как вещи — с ними можно только диалогически общаться.

Проблема диалогичности общения достаточно длительное время не выделяется в разряд самостоятельной в отечественной философии. Общение, понимаемое как отношения между людьми внутри человеческого сообщества, мыслится русскими философами неразделимо от понятий соборности и всеединства (Хомяков, Соловьев, Бердяев, Франк, Ильин и др.). Отечественный мыслитель Бердяев утверждает, что общество, лишенное глубинных бытийственных основ, живого человеческого общения, экзистенциального выхода «я» к «ты», принадлежит к объективированному, детерминированному, атомизированному миропорядку. Разобщенное общество, где люди разъединены, индивидуалистически уединены, является ложной общностью, представляет собой общение отчужденных, враждующих атомов. Такое общество отвращено от тайн Божественного мира. Человек лишен возможности общения с настоящим живым человеком, с Духом. В процессе общения вступают объекты, закрытые, уединенные. Общение носит поверхностный механизированный характер. Личность не раскрывается, не показывает своей Божественной сущности, любви, своей сопричастности к миру иному. «Основы человеческого общества заложены в божественном миропорядке» [8, с. 51], — пишет Н.А. Бердяев.

В повседневном мире разобщенных объектов глубинный экзистенциальный мир «другого» не представляет особого интереса, как отмечают многие исследователи в области современной коммуникативистики. Мы не делаем попытки проникнуть в другое «я», так как он нам не интересен. Мы воспринимаем другого человека поверхностно, механически, вскользь, походя, не задерживаемся рядом с ним, не выходим к «ты», не «хотим утвердить лик в каждом «ты»» [8, с. 57]. Если «ты» оказывается субъектом, то у «я» возникает желание подойти к «ты» ближе, попасть внутрь его, чтобы перестать быть одиноким. При восприятии «другого» «я» присуща интуиция к познанию его внутреннего мира. В наличии этой интуиции раскрывается значение и смысл общения между личностями. Духовно-душевный мир человека помогает открыть выражение его лица, глаз, мимические движения и жесты. Характер восприятия «другого» — эмоциональный, симпатический, даже эротический,

по мнению мыслителя. Вполне оказывается возможным узнать о жизни человека не только то, что на виду, то, что человек сознательно показывает и открывает, но также и то, что он не демонстрирует (сознательно или бессознательно). Но всегда остается тайна личности, в которую проникнуть невозможно, как утверждает Бердяев. Вся глубина внутреннего «я» не открывается, остается непостигнутой, неразгаданной. Полностью постичь другое «я» невозможно, так как каждый «я» однократен и неповторим.

Литература:

1. Тоффлер, А. Футурошок [Текст] / Оформление обложки С. Шикина // А. Тоффлер. – СПб.: Лань, 1997.
2. Миронов, В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии [Текст] / В.В. Миронов // Вопросы философии. 2006. № 2.
3. Бубер, М. Я и Ты [Текст] / Пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольда, послесл. П.С. Гуревича // М. Бубер. – М.: Высш. шк., 1993.
4. Некрасова, Е.Н. Живая истина. Метафизика человеческого бытия в русской религиозной философии XX века [Текст] / Е.Н. Некрасова. – М.: Мартис, 1997.
5. Маринов, М.Б. Влияние социальной индивидуализации на стратегию жизни личности [Текст] / М.Б. Маринов // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4.
6. Лещев, С.В. Понятие, смысл и идентичность: логика коммуникативного и коммуникационного [Текст] / С.В. Лещев // Философские науки. 2003. № 3.
7. Касавин, И.Т. М. Бахтин и Ю. Лотман. У истоков коммуникативно-семиотического подхода к языку и сознанию [Текст] / И.Т. Касавин // Философские науки. 2003. № 6.
8. Бердяев, Н.А. Философия неравенства / Состав., предисл. и примеч. Л.В. Полякова [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: ИМА-пресс, 1990.

УДК 167.1

ББК 87.2: 71

Н.В. Даниелян
Naira Danielyan
vend22@yandex.ru

Трансформация процесса коммуникации под влиянием развития новых технологий
Transformation of Communication Process under Influence of New Technological Developments

*Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»
National Research University of Electronic Technology*

Рассматривается идея, что под влиянием новых технологий происходит возникновение научно-технического комплекса, приводящего к сращению естественных, гуманитарных и социальных наук. Это влечет за собой трансформацию языка коммуникации, который начинает носить универсальный характер, что приводит к появлению микросообществ и новых социальных институтов глобальных

коммуникаций, таких как, например, Интернет, представление информации теряет жесткие границы и носит изменчивый характер. Делается вывод, что «виртуальная реальность», как следствие подобного рода коммуникации, превращается в одну из наиболее актуальных проблем на сегодняшний день.

Ключевые слова: информационные технологии, научно-технический комплекс, коммуникация, познание, сообщение, «виртуальная реальность».

The article considers the idea that modern information technologies lead to the emergence of a scientific-technical complex which leads to the unification of natural, social and humanitarian sciences. The result is a transformation of the communication language that begins gaining a universal character and the emergence of micro societies and new social institutions of global communication, e.g., Internet. Thus, information representation is losing strict borders and has a changeable nature. The author makes a conclusion that virtual reality as a consequence of such kind of communication turns out to be one of the most topical contemporary challenges.

Key words: information technologies, scientific-technological complex, communication, cognition, message, virtual reality.

Очевидно, что информационные технологии не могут развиваться и использоваться в вакууме, поэтому значительная доля социального эффекта отдельно взятой технологии приходится на способ ее применения отдельными людьми или группами в конкретных социальных ситуациях, что предполагает принятие во внимание целого ряда политических, экономических и социальных аспектов, в которых применяется данная технология. Следовательно, как отмечает А.П. Огурцов, «возникает новая форма пересечения областей исследования, новые формы единой стратегии научно-технического комплекса, где фундаментальное знание вырастает из прикладного, а прикладное знание дает мощный импульс и техническим разработкам, и новым способам теоретической мысли» [1, с.472]. Это приводит к появлению новых перспектив для развития науки.

При таком подходе научное знание начинает трактоваться как построение вероятных гипотез, проходящих точки бифуркации, в которых происходит выбор траектории дальнейшей эволюции знания. Основным предметом исследования становятся сложные, динамические системы, которые включают в себя такие уровни, как, например, технический, управленческий, социальный, и другие. Любое познание превращается в социальный акт, так как в процессе коммуникации между представителями различных областей знания появляются нормы и стандарты, не связанные с отдельно взятым автором, а признанные всем сообществом, вовлеченным в данный процесс. Это приводит к тому, что подобные стандарты затем становятся характеристикой общественного стиля мышления, что влечет за собой трансформацию языка коммуникации, который начинает носить универсальный характер, в результате происходит «поворот к лингвистике, к лингвистическим методам» [1, с.484]. Они позволяют постичь науку во всем многообразии ее функций: проводить анализ языка различных областей знания, раскрывать «научный дискурс

как сеть коммуникаций с их взаимоинтенциональностью и взаиморефлексией» [2, с.496], рассматривать естественнонаучное знание в контексте коммуникативных отношений. Полагаю, что данный тезис справедлив также для социальных и гуманитарных наук.

Однако подобные модели имеют и ряд недостатков. По мере их ускорения, увеличения мобильности и гибкости, уменьшения локальной привязанности, они приводят к появлению микросообществ и новых социальных институтов глобальных коммуникаций, которые обмениваются информацией в виде сообщений, обычно имеющей текстовую форму. Нельзя не согласиться с А.В. Назарчуком, который полагает, что «человек становится генератором сообщений» [3, с.69]. Таким образом, в качестве фундаментальной единицы общества выступает не индивид, а сообщение. Из совокупности сообщений в зависимости от их характера и содержания формируется жизнь индивида, микросообщества или социального института. Перестает быть важным, кто является носителем сообщения, на первый план выходит его содержание. То есть значимым становится не то, откуда послано сообщение и кто его автор, а его инновационное содержание и компетентность автора в предоставляемой информации. Но сообщение и его понимание не всегда могут быть соотнесены друг с другом. На примере Интернета можно утверждать, что отправитель сообщения зачастую не осведомлен относительно его реципиента. Так и реципиент в свою очередь очень часто не может быть уверен, что сообщение отправлено именно ему, а также выделить, что именно в этом сообщении является информацией, сопровождаемой некоторой установкой или интенцией, то есть предметность обсуждения приобретает размытый характер. «Коммуникация на уровне общества в целом хотя и остается возможной, но не может образовывать устойчивые, самокорректирующиеся последовательности сообщений» [4, с.106], так как представление информации теряет жесткие границы и постоянно изменяется.

Возникает некая конструкция, «виртуальная реальность», в которой человек не может выйти за ее пределы, он живет «в пределах мнимой знаковой системы, устанавливающей между людьми воображаемые связи и замещающей собой реальный мир с его проблемами и трудностями» [5, с.21]. Данная проблема на сегодняшний день превращается в одну из наиболее актуальных.

Литература:

1. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях. Часть вторая: Философия науки: Наука в социокультурной системе. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2011. 495с.
2. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях. Часть первая: Философия науки: Исследовательские программы. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2011. 503с.
3. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление.// Вопросы философии. №7. М., 2008. С.61-75.
4. Антоновский А.Ю., Емелин В.А. Инфообщество и технология адаптации к его структурам.// Эпистемология и философия науки. Т.XXXI, №1. М., 2012. С.90-107.
5. Огурцов А.П. Постмодернизм в контексте новых вызовов науки и образования.// Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». №1 (4). М., 2006. С.3-27.

Прекариат: проблема развития коммуникативных стратегий
Prekariat: the problem of development of communication strategies

Северо-Западный институт управления РАНХиГС
North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

В современном обществе обозначился новый социальный класс – прекариат, включающий различные социальные группы и характеризующийся ущемленностью прав и нестабильностью положения. В основе производства этого класса лежит механизм отчуждения. Остается проблемой развитие внутренних коммуникаций в условиях, способствующих отчуждению.

Ключевые слова: социальный класс, прекариат, отчуждение, коммуникативные стратегии.

In modern society, it marked a new social class - prekariat, including various social groups and characterized by restricting the rights and position of instability. At the heart of the production of this class is the mechanism of exclusion. There remains the problem of the development of internal communications in an environment conducive to alienation.

Keywords: social class, prekariat, alienation, communication strategies.

Исследование изменений в социальной структуре общества традиционно является главной задачей социологии. В последние десятилетия в фокусе исследований оказывается новый социальный класс - прекариат, представляющий собой своеобразную трансформацию среднего класса и явившейся ответом на развитие рыночной системы в сторону ее большей либерализации.

Прекариат (от лат. *precarium* – «неустойчивый», «нестабильный»), как отмечает Г. Стэндинг,- это растущий класс, пользующийся минимальными доверительными связями с капиталом или государством, не имеющий никаких отношений общественного договора, что бы обеспечивало гарантии труда в обмен на субординацию и лояльность. Прекариату характерен «урезанный» статус, его главная характеристика – «временный работник» [1, С.19]. Структуру прекариата составляют: временные работники, работники с неполной занятостью, безработные, мигранты, люди, живущие на пособие, криминализованная беднота, стажеры, подрабатывающие студенты, а также креативные работники, фрилансеры. Это социальные группы, которые вовлечены в систему гибкого рынка труда, подавленные культурой сверхурочной работы и преданности компании, что сочетается с отсутствием

гарантий вознаграждения за усилия и не дает права на стабильное будущее. Гибкость как принцип заложен во всей системе: в занятости, должностной структуре, в оплате труда, в профессиональных навыках, в ролевой структуре. Поэтому одна из характерных черт прекариата – это принцип жить одним днем, не имея возможности прогнозировать грядущее завтра. Прекариату свойственна раздробленность, он слишком не однороден, представители прекариата страдают противоречивой идентичностью, это, в свою очередь, препятствует развитию солидарных стратегий. Определяя прекариат как «опасный», Стэндинг отмечает его классовую незрелость. Опасный для общества - этот социальный класс еще не стал единым целым со своей программой, лидерами, атрибутикой.

Ж. Т. Тощенко подчеркивает механизм отчуждения, который лежит в основе «прекариации». В прекариат попадают те, кто оказывается жертвой отчуждения от результатов труда и от самого общества, кто подвергается эксплуатации в сфере использования знаний, труда и квалификации, и ощущает ухудшение качества жизни [2]. Отчуждение формируется на основе восприятия несправедливости окружающей жизни, ощущения враждебности, что являются следствием объективной ситуации лишения права контроля условий жизни. Отчуждение как чувство исключенности блокирует поведенческие намерения в точках возможного солидарного взаимодействия. Специфической чертой прекариата является то, что он состоит из весьма автономных групп, слишком различающихся по своим социальным и социокультурным характеристикам. И объективно нет основания для их солидаризации.

В системе, состоящей из различных по природе элементов, чьи стратегии выживания сильны, но разнонаправлены, порядок и управляемость возможны либо с помощью авторитарных приемов, либо с помощью усиления демократических принципов, приводящих к почти хаосу для активизации самоорганизационных процессов. Поэтому рост прекариата чреват политическим заказом на авторитаризм. Одним из возможных выходов является демократически ориентированное развитие коммуникативного пространства городов, т.к. прекариат – это, прежде всего, городской социальный класс. Сегодня в городской среде практически нет специально сконструированных пространств, где бы свободно выражались точки зрения разных групп о наболевших проблемах и, возможно, формировались бы черты осознания новой общности.

Литература:

1. Г. Стэндинг Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 201. – 328с.
2. Ж.Т. Тощенко Прекариат – новый социальный класс // СоцИс, 2015, №6 //toschenko.ru/publication/26

УДК 316.3:004(075.8)

ББК 32.973.202я73

М.В. Джиган
Maria Dzhigan
mariadjigan@rambler.ru

**Информационное общество как инновационное общество:
философия, технология, политика.
Information society as innovation one: philosophy, technology, politics**

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ»
National Research University of Electronic Technology*

В статье рассматриваются понятия информационного и инновационного общества. Идёт их сравнение, анализ и сопоставление. Также рассматривается их связь с наукой, технологией и политикой.

Ключевые слова: информационное общество, инновационное общество, наука, технология, политика.

The definitions of the information and innovation societies are considered in this paper. There are comparison and analysis of them. We also consider their relationship to science, technology and politics.

Keywords: information society, innovation society, science, technology, politics.

Информационным называется общество, главными факторами развития которого являются производство и использование научно-технической и другой информации [1]. Появление нового типа общества является основным признаком наступления информационного общества. Оно формируется как результат социальной революции. Информационная технология приобретает глобальный характер и приоритет по сравнению с другими ресурсами, так как охватывает все сферы социальной деятельности человека.

Выражение «информационное общество» встречается у Д. Белла как новое название для постиндустриального общества, которое подчеркивает не его положение в последовательности ступеней общественного развития, то есть после индустриального общества, а информацию - основу определения его социальной структуры. Прежде всего, информация для Д. Белла связана с научным, теоретическим знанием. В его трактовке информационное общество обладает всеми основными характеристиками постиндустриального типа общества (экономика услуг, центральная роль теоретического знания, ориентированность в будущее и обусловленное ею управление технологиями, развитие новой интеллектуальной технологии) [2, с.242].

Инновационное общество – это высокоэффективная социально-экономическая система, которой присущ основанный на знаниях и повсеместно доступных

информационных технологиях интенсивный способ производства, при котором источником конкурентного преимущества становится новое качество человеческих ресурсов, их способность не только с высокой частотой генерировать новые рациональные идеи, но и обеспечивать максимальный темп их внедрения [3].

Главная задача развития инновационной системы органами государственного управления заключается также в создании, развитии и поддержке инфраструктуры инновационной деятельности, представленной в образе наукоградов, технопарков, инновационно-технологических инкубаторов, центров трансфера технологий, агентств инновационной информации. Функционирование разных элементов государственного управления инновационными процессами по замыслу госчиновников должно «координироваться в рамках единой федеральной инновационной системы...» [4].

Инновационные процессы в современном мире имеют взрывообразный «кумулятивный эффект», что приводит к изменению не только устоявшихся стереотипов социокультурной жизни, но и ломке социальных прогнозов развития человечества. «Сегодня однозначно ответить на вопрос, что больше угрожает развитию цивилизации: избыток инноваций или их недостаток – трудно <...>. В инновационном историческом процессе перманентно актуализировались то его разрушительная сторона, то другая – созидательная» [5].

Литература:

1. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью. Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Алгоритм, 2002. 112с.
2. Даниелян Н.В. Конструктивистский и научно-рациональный подходы в естественных науках: Монография. М.: Издательство МГОУ, 2011. 266с.
3. Атоян В.Р., Лопухин В.Ю. Ориентир на инновации: к вопросу теории инновационного общества // Креативная экономика: ежемесячный науч.-практ. журн. 2010. № 10. С. 49–55.
4. Государственное управление инновационными процессами [Электронный ресурс]. URL: <http://institutiones.com/inno-vations/215-2008-06-17-11-15-34.html> (дата обращения: 11.05.2014).
5. Капустин В.С. Синергетика социальных инновационных процессов // Сайт Центра «Стратегии динамического развития» С.П. Курдюмова «СИНЕРГЕТИКА». – М., 2007. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/Kpstn.htm> (05.10.2010)

УДК 930.85
ББК 60.033.1

Т.Б. Карулина
Tatiana Karulina
tkarylina@mail.ru

«Эволюция» или трансформация: морфология культур Освальда Шпенглера «Evolution» or transformation: the morphology of the cultures of Oswald Spengler

*Московский городской педагогический университет
Moscow City Teacher Training University*

Концепция Шпенглера представляет собой единый взгляд на морфологию истории и вытекающую из нее политическую историю Европейской культуры.

Говорить об эволюции идей Шпенглера возможно только рассматривая его наследие не как единое целое, а в соответствии с интересами анализирующих его авторов. Идею наследие хорошо Шпенглера вписывается в подходы, существовавшие в 20-30 годах двадцатого века, как в Германии, так и в Европе.

Ключевые слова: морфология культур, история, культура, прусский социализм, цезаризм, естественно-исторический процесс, пруссачество.

Spengler's concept is a single perspective on the history and morphology arising from her political history of European culture. Talking about the evolution of the ideas of Spengler is only possible considering his legacy not as a whole, and in accordance with the interests of analyzing its authors. The ideological heritage fits in well Spengler approaches existing in the 20-30 years of the twentieth century, both in Germany and in Europe.

Keywords: morphology of cultures, history, culture, Prussian Socialism, Caesarism, natural historical process, Prussianism.

*«Построить все произведение с расчетом на конечную катастрофу»
Ф.Ницше*

«Стоит ли еще говорить о культурологии Освальда Шпенглера? Разве дело идет не о vieux jeu, не об исчерпавшей себя интеллектуальной сенсации 20-х годов, утерявшей для нас всякую актуальность?» [1, с. 132]. В России Шпенглер был известен с 1922 года, когда перевели первый том «Заката Европы», «Пруссачество и социализм», «Пессимизм ли это?». После «философского парохода», Шпенглер почти был выведен из оборота, и вернулись к нему в конце 60 годов XX века. В «Вопросах литературы» выходит статья С.С.Аверинцева «Морфология культуры» О.Шпенглера, интерес к Шпенглеру возвращается, о нем начинаю писать и переводить на русский: в конце 90-х появляются переводы «Заката Европы», позднее политические работы: «Годы решений (Германия в опасности)», «Восстановление германского рейха», новый перевод «Пруссачества». И опять, многие исследователи творчества Шпенглера делают то, что делали во время его первых переводов на русский: у них существует ДВА Освальда Шпенглера: Шпенглер «Закатов» и «Первовопросов» (Urfragen), и Шпенглер – автор «Пруссачества и социализм», «Reden und Aufsätzen». Но ведь есть еще один Шпенглер – Шпенглер «Мыслей» («Gedanken»), посмертного цитатника для солдат Reich, надерганных из его работ. И еще цитата С.С.Аверинцева: «Наследие Шпенглера явственно распадается на слои, чрезвычайно различающиеся по мыслительной фактуре, ценности и значимости. Различие в уровне бьет в глаза: иногда трудно поверить, что тот же самый человек, который написал «Закат Европы», способен был подвергать выводы этой книги заведомому извращению (с точки зрения своей же собственной логики) в публицистических трактатах типа «Прусской идеи и социализма». Но и единое, замкнутое в себе сочинение — оба тома «Заката Европы» — при ближайшем рассмотрении расслаивается на эксперименты исторического прогнозирования, на политическую теорию тоталитаристского толка и на философию культуры в собственном смысле (темперамент автора дает всем этим уровням

интимное эмоциональное единство, но сообщить им обязательную логическую связь он не может)» [1, с. 132].

Интерес к произведениям и идеям Шпенглера ни в России, ни на Западе не затухает. Но, как провокатор в философии, пророк грядущих «Закатов (Untergang)», в разные периоды жизни Европы, Шпенглер востребован не во всем многообразии и полифонии идей, к нему возвращаются в соответствии со встающими перед Германией и Европой проблемами. Интерес к его произведениям и поднимаемым проблемам можно схематически представить так: «Закат Европы» оба тома – Политические произведения: «Пессимизм ли это», «Пруссачество и социализм», «Двойной лик России», «Воссоздание Германского рейха», и другие политические работы – «Человек и техника» - «Годы решений» или апокалипсис и эсхатология (для всего Западного мира) в синхронно-диахронном срезе - судьбы и задачи Германии (в свое время Шпенглер заметил, что отличие немцем от русских в том, что у русских родина-мать, у немцев-отец) Vaterland, брошенного своими Abendlandische соседями (соседями по культуре) и преданного внутренними врагами «интеллигентами, журналистами и прочим сбродом», поиски вождя для восстановления (Neubau – нового строительства Reiches) – и последняя работа, вышедшая при его жизни «Годы решений» (1933), осознание того, что Германия выбрала не того вождя, «свистуна и барабанщика», который разрушит Германию. Если посмотреть все статьи и книги Шпенглера, выпущенные при жизни, можно увидеть, как меняются его взгляды на морфологию культур, как прошлое, история становится объектом политической манипуляции. Примером может служить восприятие русской культуры в двух разных: «Закате Европы» и «Двойном лике» - Восходящее развитие «русско-сибирской культуры» и полностью насильственно измененная Россия под влиянием западных реформ Петра и Ленина.

Когда речь идет о «морфологии» культур, важнейшим для Шпенглера оказывается общая прекрасная картина мировой истории как цветения отдельных культур, и здесь он не отклоняется от своих исходных методологических идей: «безлюдности» истории как «космической силы», естественно-исторического процесса, где люди «присутствуют» в истории, не определяя и не изменяя ее, действуя в ней органично, в соответствии с общим ее течением. Но после революции в Германии, когда Шпенглер увидел, во что его Германию превратили «жалкие революционеры», необходимость «отойти от пропасти» общей для всей Западной (Закатной, «Untergang» культуры) становится для него важнейшей. И на первый план выступают именно «политизированные» идеи и методы в структурировании истории: «Легионы Цезаря» могут, оказывается, вмешаться в естественный, макрокосмический поток истории. Политик Шпенглер заслоняет собой историка, он начинает воспринимать только судьбу Германии, без целостного видения единой фаустовской культуры. Он начинает говорить только о судьбе Германии, единая и целостная фаустовская культура отходит на задний план. Хотя, замечает Г.Тавризян, уже в «Закате Европы» «на поздней стадии культурного цикла Шпенглер отводит доминирующую роль организационной структурированности, характеру

политического устройства общества [2, с.32]», и Шпенглером предлагается «идеология всепронизывающей государственности», потому что «Египетский стиль» политической организации обнаруживается в бюрократической административной структуре любого современного высокоразвитого государства» [2, с.33] или «Это организованное вокруг идеи государственности, «тотальное» понимание культуры у Шпенглера делает ее почти синонимом к понятиям «нации», «государственного организма», «государственной формы» [1, с. 147].

Но Шпенглер не просто не рассматривал общество как объект социального знания и социальных связей, оно таковым быть не могло и не было для него - оно безлюдно, особенно в первом томе «Заката». Это было «естественное» разворачивание витальности из почвы и крови – сугубо биологических основ. Люди – носители природных качеств крови и почвы – естественные сословия – дворяне и крестьяне, именно поэтому Шпенглер крайне негативно относился к «третьему сословию», не выросшему из крови и почвы – города не органичны культуре и макрокосму (и ненавидел слово «массы»). Политическая доктрина Шпенглера проникнута романтико-героическим духом и направлена на воспитание политика, необходимого Германии, только сильная личность способна изменить историю, потому что народ есть то, что из него сделали, судьба народа зависит от личности, а не от взглядов, теорий и постановлений,... от личности, которая делает или может сделать то, что должно быть сделано [7].

Насколько продуктивной для философии истории была его «морфология», позволявшая вычленив в пестром богатстве разных, резко отличающихся от друг друга и непонятных друг другу культур, его отрицание европоцентризма в истории, видно в гениальных прозрениях Шпенглера, оставшихся пока без внимания в его разрозненных тетрадах, посвященных, в том числе ушедшим цивилизациям, попытках расшифровки мертвых языков.

Соединение прежде несоединимого в исторических подходах и описаниях прошлого, соединение в единую яркую, живую, движущуюся и осязаемую, картину давно умершей культуры, мастерство именно описания, портрета, мешало увидеть и рационально воспринять Шпенглеровскую методологию. Именно богатство описания, к тому же описания невербальных форм ушедшей культуры рождало то особое восприятие, которое на основе нескольких набросков, но очень живописных, позволяет каждому читающему Шпенглера воссоздать свою картину яркого солнечного дня Греческой (аполлоновской) культуры и коричневых и плотных сумерек фаустовской – зрители (читатели) дорисовывают многое сами. Именно невербальность элементов живого организма культуры дает возможность многослойной, многосмысловой, многоинтерпретируемой коммуникации читателя со Шпенглером. Отстраненность автора, «глаза бога» в восприятии культур, и в тоже время, нашу «включенность» (за счет яркости описания) порождала иллюзию отсутствия историка, особой коммуникации читателя с «исторической реальностью» - безлюдная история требовала каждый раз особого сопереживания, в соответствии с особенностью каждой специфической культурой. «Шпенглер доверяет только

«молчаливому», непреднамеренному выявлению содержания культуры (содержания не столько смыслового, сколько «структурного») в формах этой культуры, которое можно сравнить с таким же выявлением внутренней структуры растения в его внешнем облике; ведь листья, лепестки, изгибы стебля тоже «говорят» что-то нашему глазу, и «речь» их можно воспринять и передать» [1, с.146].

Философия истории Шпенглера уже в «Закате Европы» поднимала политические вопросы и предлагала политические идеи. Да, в «Закате», особенно в первом томе, политическая философия политика и политические идеи были связаны в основном с цивилизацией – позднейшим состоянием культуры, и описывался либо Египет, либо аполлоновская или фаустовская культуры. Но политика и политическое – важный органический элемент его «морфологии». Уже в первом томе политика и политическое – сущностные феномены фаустовской культуры. Второй том, синхронная история мира – наполнен политикой и политическими решениями настолько, что читателю становится понятно, что «Закат Европы» писался не для портретирования прошлого, но для создания политического будущего. Фантастический успех «Заката Европы», вышедшего из печати удивительно вовремя, катастрофа (Untergang), предсказанная Шпенглером в 1914 году превратили его в духовного лидера «консервативной революции», автора «пруссского социализма». Целью Шпенглера становится национальное возрождение Германии, на основе «пруссского социализма» для восстановления Deutschland (Германии), Reich. Доказательства необходимости возрождения Германии для всего фаустовского мира у Шпенглера: «немецкая социалистическая революция произошла в 1914 году» [5, с.21], с XVIII века «руководить судьбами Западной Европы начинают германские народы» [5, с.47], и «прусская идея исключительна» [5, с.62], а «Пруссия была самым настоящим государством в самом глубоком смысле этого слова» [5, с.96]. Необходимость восстановления Германии вызвала, как считал Шпенглер, политический и «исторический» анализ возможностей консервативной революции, политических союзников и политических противников внутри Reich, «обучение» сторонников, привлечение на сторону консервативной революции молодежи, оценка внешних сил и возможностей их поддержки Германии, и усилия по изменению настроения в самой Германии для консолидации сил. Первый заголовок «Заката Европы» - «Либеральное и консервативное» ясно показывает, что главным для Шпенглера всегда оставался государственный контекст, который он «вписывал» в историю культур, но, в соответствии с «победившей» в послереволюционный период идеей необходимости политического и экономического «Neubau des deutschen Reiches» (восстановления, и как улучшенная постройка немецкого рейха) восстановления, возрождения рейха, вся картина всемирной истории становится не нужной. Главное – политика, и необходимость лидера и поддерживающих его сторонников. И Шпенглер видит свою задачу в объединении Deutschland (Германии), объединении «народа».

Целостное рассмотрение работ Освальда Шпенглера позволяет увидеть тот акцент, который Шпенглер делал на политических и государственных вопросах уже в

«Закатах» и выстроить его политическую доктрину, как, возможно, главную в то время (20-ые - 30-ые годы двадцатого века) для Германии. Вероятно, эта многослойность и стала той «основой» для обращения концепции Шпенглера в разные периоды жизни Германии и Европы: от «бурного» интереса к автору «Закатов» в послевоенной и послереволюционной Германии 1918-1925 годов, стремления Геббельса и Элизабет Фёрстер-Ницше привлечь его на сторону Гитлера и НСДАП в 1933 году, возвращение к идее Шпенглера в период возникновения идей единой Европы (от союза «Угля и Стали») и в современной западной философии. Привлекали к Шпенглеру и активных сторонников и активных противников его «пророческие» (сбывшиеся) «прогнозы», как называл подобное С.С.Аверинцев «негативная ценность наследия Шпенглера»: «Положительно, Шпенглеру больше везло с прогнозами относительно изучения прошедшего, чем с пророчествами об актуальных событиях... [1, с.137]». Подходы к истории, прошлому и стремление его реконструировать несут в себе варианты: историки при минимуме схематизации, стремящиеся собрать целостность прошлого через разные виды и "факты" истории, мелочи и осколки, философы, максимально схематизирующие действительность путем «открывания» законов реконструируемого прошлого, схематизация дает возможность прошлому «самому» представить целостные периоды, картины, эпохи, ступени, не попадающее в схему не «видится» или не считается значительным для реконструкции прошлого и историки, скорее историки политических идей, для которых история выступает основой для политической коммуникации современности – не знание, о прошлом, а средство легитимизации настоящего. Политическое, политическая доктрина и политическая программа Шпенглера должны рассматриваться как теория и как коммуникация. Теория – то, что органически должно следовать из морфологии культуры и укладываться в эволюцию жизни культур, коммуникация – то содержание политических статей и выступлений, которое проговаривается философом в соответствии с аудиторией слушателей или читателей: германским промышленникам говорится иное и иначе, чем германской молодежи или германскому дворянству («нации» Германии). И есть еще одна коммуникация – читатели будущего.

Коммуникация, в которую вступает с читателем и слушателем Шпенглер в своих политических работах, совершенно иная, он стремится сделать читателя и слушателя со-автором, со-товарищем, уже полностью исключены «глаза бога». Слушателей, как и Шпенглера (он на этом настаивает, если аудитория – пруссаки, но не Михели, к которым обращены его политические статьи и лекции) должна волновать единственная реальность – трагически преданная Германия, преданная «естественными» носителями «фаустовской культуры», к которой помимо Германии относится вся Западная Европа, так и преданная внутренними врагами – журналистами, интеллигентами и пр. Коммуникация, в которую вовлекает нас Шпенглер, потрясающе владеющий как письменной, так и устной речью, должна противопоставить Германию врагам и помочь пруссакам (пруссак – не уничижительное имя, у Шпенглера это «Preussentum») объединиться, для Шпенглера,

как и для других представителей немецкой политической мысли, нация была равна империи. «Тенденция эпохи, сказавшаяся в шпенглеровском понимании пределов культуры, — уклон к тотальной политизации социальных феноменов. Слово «тотальный» звучит достаточно неприятно, вытаскивая за собой по ассоциативному сцеплению еще более одиозно слово «тоталитарный». Именно так оно и должно быть воспринято — с той диктуемой историзмом оговоркой, что упомянутый уклон отчасти оправдан как реакция на дихотомию выродившегося либерализма: нечистая государственность и невинная — ибо никчемная, сиречь «идеальная» — культура» [1, с. 146].

«Возникает вопрос, который ставит под сомнение широко распространившуюся ныне интерпретацию шпенглеровской философии истории как, в первую очередь, концепции «эквивалентных культур». Действительно ли это было главной задачей Шпенглера? Идет ли у него речь об «эквивалентных культурах» - или, фактически, о культурно-исторических *аналогах* «заката Европы», слепках с судеб одной культуры? Очевидно, между тем, что предпочтения Шпенглера отданы, в первую очередь, не морфологии культур, как таковых, но той «логике» истории, согласно которой возникают и исчезают эти миры культур, характеру исторического развития [2, с. 32]. Также как Маркс видел естественность и неизбежность пролетарской революции, тотальность ее, исходя из формационной структуры Западной истории, строя доказательства от конца истории к началу, так и Шпенглер, «увидев» «Закат Европы», стал искать его во всемирной истории. В качестве непосредственного объекта анализа у Шпенглера выступают, по существу, все те же культуры: это отчасти Египет; но главное, античность и Западная Европа. Идея «повторяемости» и, следовательно, «равнозначности», обращена к Европе: множество культур повторяют, показывают гибнущей Европе ее судьбу. Главная тема – необратимость исторического времени; «эквивалентность культур» - это в Шпенглеровском контексте прежде всего негативная «эквивалентность», суть которой можно выразить словами: от судьбы не уйти [2, с. 32].

«Негативная ценность наследия Шпенглера: немецкий философ довел ряд усвоенных им основоположений до абсурда, а наблюдать *reductio ad absurdum* определенной точки зрения всегда полезно для науки. Положительно, Шпенглеру больше везло с прогнозами относительно изучения прошедшего, чем с пророчествами об актуальных событиях...» [1, с. 137]. Такая оценка С.С.Аверинцева произведений Шпенглера хорошо иллюстрируется самим Шпенглером: «Капиталистическая экономика опротивела всем до отвращения. Возникает надежда на спасение, которое придет откуда-то со стороны, упование, связанное с тоном чести и рыцарственности, внутреннего аристократизма, самоотверженности и долга. ...Цезаризм *растет* на почве демократии, однако его корни уходят глубоко в основания крови и традиции» [3, с. 625] и далее «Появление цезаризма сокрушает диктатуру денег и ее политическое оружие – демократию. ...Политическая сторона жизни доказывает-таки, что она сильнее» [3, с. 681]. И в качестве вывода вновь С.С.Аверинцев «Только тогда, когда каждая истинная интуиция и каждая ложная предпосылка Шпенглера

действительно станут прозрачными для всех, можно будет спокойно счесть, что его наследие окончательно преодолено. Пока этого не случилось, о нем стоит говорить...» [1, с. 133].

Литература:

1. С.С.Аверинцев. «Морфология культуры» О.Шпенглера // Вопросы литературы. 1968.# 1.С. 132-153
2. Г. Тавризян. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». Москва, РОСПЭН 2009
3. О. Шпенглер. Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т.2. М.: Академический Проект, 2009
4. О.Шпенглер. Закат Европы. Т.1.М.Пг. 1923
5. О. Шпенглер. Пруссачество и социализм. Москва, Праксис. 2002
6. O.Spengler. Jahre der Entscheidung. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München. C. H. Beck. 1933
7. O.Spengler. Reden und Aufsätzen. München. C. H. Beck. 1937

УДК 316.7

ББК 60.0

Е.К. Луговая
Elena Lugovaya
lugek@yandex.ru

Традиционная культура и проблема спасения реальности Traditional culture and the problem of salvation of the reality

*Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
St.Petersburg State Institute of Cinema and Television*

Утрата современным человеком пространственной определенности и телесной полноценности представляет серьезную угрозу для сохранения его самоидентификации. Выход из тупика, по мнению автора, следует искать не в продолжении экспериментирования с культурой, а через обращение к "корням".

Ключевые слова: традиционная культура, информационное общество, виртуализация реальности, самоидентификация, телесная полноценность.

The loss of a modern man of spatial certainty and usefulness of physical poses a serious threat to the preservation of its identity. Exit out of the impasse, according to the author, not to be found in the continuation of experimentation with the culture, but through an appeal to the "roots".

Key words: traditional culture, information society, virtualization of reality, self-identification, bodily usefulness.

Сегодняшний интерес к фольклору вызван серьезными изменениями в культуре. По мере модернизации жизни общества человек последовательно утрачивал ощущение незримых нитей, связывающих его с другими людьми, природой и космосом в целом. В прагматической гонке за прогрессом человеку представлялось

необходимым отбросить мудрость предков как вериги, мешающие быстрому продвижению в «светлое завтра». Конечная цель модернизации так и не достигнута, но уже очевидны утраты. Во-первых, мы потеряли пространственную определенность: с момента появления глобальной информационной паутины и образования кибернетического пространства людей стало невозможно разделять физическими препятствиями и временными расстояниями. В кибернетическом пространстве все движется со скоростью света, а это ведет к дематериализации реальности. Стремление к прозрачности, проницаемости, транспарантности уничтожает физический мир, с его тяжестью, непроницаемостью и инертностью. Характерно, что сторонники киберпространства сравнивают его с христианским раем, так как личность здесь, наконец, освобождается от ограничений, связанных с физическим существованием. Во-вторых, мы теряем телесную полноценность и оформленность. Парадоксально, но постоянные манипуляции с собственным телом ради приведения его в соответствие с принятыми в обществе стандартами формы, запаха и цвета лишили нас способности слышать и чувствовать его. И, наконец, можно говорить об утрате европейцами своей духовной основы – веры в личность и ее возможности. Для соответствия новой реальности человеку потребовалось стать пластичным, приспособляемым, освободиться от избыточной сложности. Долговечность, надежность – эти идеалы прошлых эпох уже не применимы ни к вещам, ни к людям; важным сегодня считается умение «вливаться» и «быть в курсе». «Прозрачность» делает людей «интерактивными», доступными для всевозможных комбинаций и связей, но не для ответственной мысли. Люди поверили в свою одинаковость, человек стал безразличен к собственной субъективности, к собственному отчуждению, к собственному мнению. Для виртуальной реальности подходят только виртуальные люди, и современное западное общество преуспело в созидании своих новых членов, причем не только за счет обезличивания, омассовления людей, но и за счет привлечения эфемерных персонажей, сконструированных моделей, «детей из пробирки». Вся эта эфемеризация жизни во всех ее проявлениях неизбежно ведет к кризису адаптации, потери душевного равновесия и к полной невозможности самоидентификации.

Повернуть историю вспять невозможно, но есть возможность сознательного обращения к культурному опыту предыдущих эпох как средству обретения психического, социального и экологического равновесия. Традиционная культура, также как мифологическое сознание, имеет диффузный, нерасчлененный характер, она основывается на принципе партиципации (сопричастности или включенности во все процессы, с которыми имеет дело человек). Различные традиционные культуры при всей своей вариативности по сути являются удавшимися формами первичной самоорганизации человеческого сообщества, сориентированными на порядок природного мира (космоса). Благодаря уверенности в неразрывном единстве своего существования со своей общиной, природой и космосом, человек традиционной культуры обретал ощущение защищенности и наполненности своей жизни смыслом. Особенностью, теперь можно добавить спасительной, традиционных культур

является их локальный характер, под которым понимается не только привязанность к географическому месту существования, но и сплоченность социального тела. Они представляют собой разросшуюся родовую общину, не утратившую духовную и телесную целостность. Причем сплоченность представителей традиционного общества носит по большей части телесный характер, ибо осознание предметного мира происходит у человека параллельно с осознанием своего тела. В традиционном обществе тело является условием любого восприятия и понимания пространства в целом; близостью к собственному телу человек и оценивает мир, наделяя его бинарным характером.

Также как сегодня приводятся научные подтверждения пользы религиозных постов, молитв и медитаций, можно попытаться обосновать реальный терапевтический социокультурный эффект от использования в жизни современного человека практик традиционной народной культуры. Осуществление подобной задачи потребует привлечения знаний специалистов из разных областей социальных и гуманитарных наук. Совершенно очевидно, что незаменимым помощником в деле «обретения корней» может стать продуманная государственная политика не только по сохранению традиционной народной культуры, но и по возвращению ей достойного места в системе воспитания и образования будущих граждан.

УДК 316.28: 772.3

ББК 60.5

О.А. Сусская
Olga A. Susskaya
susskaya@bigmir.net

**Методология научного осмысления социальных коммуникаций
как регуляторов социальной реальности**

**The methodology of scientific comprehension of social communication as regulators of
social reality**

*Национальный университет «Киево-Могилянская Академия»
National university "Kievo-Mohylanska Academy"*

Теоретические позиции исследований в сфере социальной коммуникации становятся все более и более актуальными. Презумпция открытости и координации является важным методологическим трендом современных исследований социальных наук.

Ключевые слова: методология, социология, научный дискурс, коммуникация.

Theoretical positions by social communication research become more and more actually. Presumption of unveiling and coordination is the important trend of modern social science methodology.

Keywords: methodology, sociology, science discourse, communication.

Переосмысление категории презумпции открытости и координации связей с общественностью (в т.ч. научного их присутствия в образовательном дискурсе), присущее системам управления и власти последних десятилетий XX века, способствовали трансформации научного видения многих проблем, носящих как глобальный, так и территориальный характер. Именно переакцентуация роли науки в общественной жизни стала основой для артикуляции в социологическом и социопсихологическом дискурсе вопросов многомерности использования социальных коммуникаций (прикладной аспект), и нашла отражение в социофилософском теоретизировании (методологический аспект). Теории принципиальной координации и причинности (каузальности) на протяжении долгого времени определяли стремление ученых к *mathesis universalis*, концепции системы, интегрального знания в катезианской традиции, что практически разрушил постмодернизм, напоминая что гармония есть во всем (М.Фуко, Ж.Делез) или её вообще нет (Г.Башляр, Ж.Бодрийяр, У.Эко). И тогда, по мнению У.Эко – «отсутствующая структура» диктует условия существования и осознания «внеструктурных» смыслов [1].

Соответственно теории принципиальной координации между нашим «Я» и средой существует неразрывная связь. Объективный мир (макросреда) не могут мыслиться без конкретного «Я», принадлежащего тому, кто его воспринимает. Кроме этого существуют так называемые «аффекциональные отношения», характеризующие ощущения приятного, известного, истинного и пр., формирующие тип и характер отношений с окружающим миром. Люди в своем опыте имеют дело лишь со значениями, представленными в словесном сообщении (Ю.Хабермас) – ощущениями «элементов» окружающего мира. Хотя У.Эко определяет теорию принципиальной координации, как «возвращение к Авенариусу» это, напротив, позволяет ему исследовать и современные процессы, происходящие в социокультурном пространстве, где формируются большинство «нитей» социальных коммуникаций [2].

Вырисовывается некоторая презумпция необходимости открытости и координации существования таких систем как связи с общественностью и других видов социальных коммуникаций для установления координатных точек, на которые может опираться личность как в условиях «устоявшейся гармонии», так и в мире «бесструктурных» смыслов. Обращаясь к понятию *презумпция*, означающего «предположение основанное на вероятности» (в отличие от юридического понимания этого термина, указывающего на «признание факта» юридически достоверным лишь тогда, когда не будет «доказано обратное», можно в рамках символического универсума М.Фуко, согласиться, что среда представляет своего рода «пройденный этап», где «понимание жизни, труда и языка как энергии привело к тому, что ...на место формального описания пришла органическая витальность, место представления заняла творческая активность» [1, с.352].

В то же время социология, противопоставляющая «конфликт и правило» и психология с её диалектикой «функции и нормы», по мнению У.Эко, подготовили научное видение того, как под знаком оппозиций *значения и системы, сообщений и кодов*, именно эти науки, включая этнологию (этносоциологию) и психоанализ,

изучают системы глубинных детерминаций, коллективных и индивидуальных [Ibid]. Правила соотношения *сообщений и кодов сегодня* продуцируются безусловно, не только социальными науками. Опираясь на этнологию (Дж.Моул) можно убедиться как изменяются ретроспективные оценки и перспективные ожидания, как на фоне общей интеграции возникают новые отличия «национальной психологии народов Новой Европы» [3]. Методологические основания исследований «образа социума» в социокоммуникативных системах сегодня представляют определенные трудности, в т.ч. для понимания многомерности социокоммуникативного пространства. Расхождение между социологическими, коммуникативистскими и психологическими подходами порождает неточность или «вульгаризацию интерпретаций». Так, зачастую интерпретации социологических данных («полстерских» по своей природе), представляются не имеющими методологической глубины и обоснованности, использование результатов таких исследований как основания для прогнозов и моделей развития событий – ограничено. Когда идеология становится «маркетингово ориентированной» – она приближается к своему концу; идеология научности и глубины, презумпции открытости и координации социальных коммуникаций призваны (при наличии надежной методологической базы) вывести науку из тупика не востребованности её социально-регулятивных функций.

Литература:

1. У. Эко. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Умберто Эко; Пер. с итал. А.Г.Погоняйло, В.Г.Резник, ред. М.Г.Ермакова. – СПб: ТОО «Петрополис», 1998. – 432 с.
2. О.А.Сусская. Межкультурная коммуникация в информационном обществе. Монография. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, AV Akademikerverlag GmbH &Co. KG, 2013. – 164 с.
3. Дж. Моул. Особенности национальной психологии народов новой Европы: бизнес, общение, успех /Джон Моул; пер. с англ. О.Л.Сергеевой. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 381с.

УДК 070

ББК 76.120.4

А.А. Колосова, Н.В. Поплавская
Alevtina Kolosova, Natalia Poplavskaya
Koloso-Alla@yandex.ru

Инновационная журналистика: определения и толкования **Innovative Journalism: Definitions and Interpretations**

Российский университет дружбы народов
Peoples' Friendship University of Russia

В статье рассматриваются определения инновационной журналистики. Авторы обращают внимание на различие их интерпретаций как в англоязычной, так и русскоязычной литературе.

Ключевые слова: инновация; инновационная журналистика; медиапродукт; цифровые технологии; медиасфера; профессиональная культура.

The paper considers definitions of innovative journalism. The authors pay attention to distinction of their interpretations both in English-language and Russian-language literature.

Key words: innovation; innovative journalism/innovation journalism; media product; digital technologies; media sphere; professional culture.

Современное информационное общество невозможно представить без инноваций. Сам термин *инновация* пришел к нам из английского 'innovation', означающего: 1) новая идея, метод или изобретение; 2) внедрение новых идей или методов [1].

В «Большом толковом социологическом словаре терминов онлайн» инновация трактуется как:

1) разработка и внедрение различного рода новшеств, порождающих значимые изменения в социальной практике;

2) конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке;

3) нововведение;

4) изменение, развитие способов и результатов деятельности людей;

5) явления культуры, которых не было на предшествующих стадиях ее развития, но которые появились на данной стадии и получили в ней признание («социализировались»); закрепившиеся (зафиксированные) в знаковой форме и (или) в деятельности посредством изменения способов, механизмов, результатов, содержаний самой этой деятельности [2].

Вот и в медиасфере появилось новое словосочетание - *инновационная журналистика*.

Как и любой новый англоязычный термин, внедряемый в русскоязычное пространство, он имеет несколько прочтений и значений.

Вопрос понимания этого термина осложняется тем, что существующие в английском языке два словосочетания - *Innovation Journalism* и *Innovative Journalism*, несущие разную смысловую нагрузку, переводятся на русский язык одинаково: *инновационная журналистика*.

В первом случае (*innovation journalism*) речь идет о журналистике, которая связана с освещением инноваций, журналистике, которая освещает *инновационную тематику, изобретения, внедрение новых технологий в производство* и т. д., т.е. журналистике об инновациях (*journalism about innovations*). До 2002 года термина 'innovation journalism' не существовало [3].

С 2011 года Министерством образования и науки РФ проводятся конкурсы инновационной журналистики «Tech in Media», призванные «поощрять и стимулировать деятельность журналистов, освещающих инновационные процессы, а также привлекать внимание широких слоев общества к вопросам технологического развития России» [4]. В данном случае под словосочетанием «инновационная журналистика» (*innovation journalism*) подразумевается журналистика, объектом которой являются инновационные процессы и вопросы технологического развития.

Во втором случае (*innovative journalism*) речь идет об инновациях в журналистике (*Innovations in Journalism*) [5]. Прилагательное *innovative* означает

новый, отличающийся от предыдущих, лучший, чем предыдущие [6], т.е. в данном случае *'Innovative Journalism'* связан с нововведениями в журналистике.

Что делает журналистику инновационной? По мнению зарубежных исследователей – это «свежие, привлекающие к участию» способы создания увлекательной журналистики. В качестве примера приводится известный в журналистских кругах и уже ставший хрестоматийным первый мультимедийный проект *'Snow Fall'*, опубликованный *The New York Times*. Именно этот визуальный формат многие называют будущим журналистики [7]. Среди других проектов: *ProPublica's big data projects*, *Eight Immortals*, *The Reuters iPad app*, *The Los Angeles Times*, *News21's 100 Gallons*. Все они, по мнению Марка Бригза, отличаются творческим и эффективным использованием цифровых технологий для создания статьи или передачи информации [8]. Анализируя данные проекты, автор приходит к выводу о том, что инновационная журналистика – это применение новых способов рождения журналистских текстов с помощью цифровых технологий; технологий, которые позволяют представить информацию, статью иммерсивным, т.е. обеспечивающим эффект присутствия за счет одновременного воздействия на несколько каналов восприятия (например, зрение и слух), и интерактивным способом [9].

В 2014 году в Казанском (Приволжском) федеральном университете была утверждена программа для бакалавров «Инновационная журналистика», включающая такие темы, как «Мобильная журналистика», «Мобильный репортер - новый тип журналиста», «Корпоративные электронные СМИ как инновационная форма журналистики», «Web-сайт как форма инновационной журналистики» [10]. Таким образом, понятие «инновационная журналистика» непосредственно связано с мобильной журналистикой, созданием корпоративных электронных СМИ и интернет-журналистикой.

Связывая появление словосочетания «инновационная журналистика» с изменением среды, в которой функционирует медиаотрасль; внедрением информационных технологий и компьютеризированных систем, И. М. Дзялошинский под инновационной журналистикой понимает такую журналистику, которая характеризуется тремя признаками: во-первых, использует новые методы поиска и обработки информации; во-вторых, опирается на новые схемы организации производства и выпуска медиaproдукта, тщательно изучая аудиторию; в-третьих, формирует новую профессиональную культуру, ориентированную на принципиально иные, по сравнению с традиционной журналистикой, смыслы своей деятельности, когда журналист рассматривает себя как заинтересованного участника совместного с аудиторией поиска решений сложных жизненных проблем [11]. Главная идея такой журналистики, по мнению исследователя, заключается в том, что «журналистам следует рассматривать читателей, зрителей, слушателей не как фон или пассивных наблюдателей, а как участников решения важных вопросов». Для определения такой журналистики И. М. Дзялошинский использует термины «гражданская», «коммунитарная», «гуманитарная» журналистика, «журналистика соучастия» и т.п.

«Основной функцией/ролью так понимаемой журналистики становится «модератор диалога... Это та функция, которая способна перевести конфликт, разрушающий единство, в конфликт, выявляющий проблему, чтобы приблизить к его разрешению не на уровне уличной потасовки, но на позициях разумного и прагматического публичного диалога» [12].

Итак, на сегодняшний день в зарубежной и российской культуре существуют следующие толкования инновационной журналистики: журналистика, связанная с инновационной тематикой, изобретениями и внедрением новых технологий в производство. В английском языке такое понимание журналистики заключено в словосочетании *'innovation journalism'*. Второй термин – *'innovative journalism'* – в зарубежной литературе связан с внедрением и использованием в журналистике цифровых технологий, прежде всего с так называемой «увлекательной журналистикой». В российской литературе английский термин *'innovative journalism'* – инновационная журналистика – трактуется как цифровая, мобильная, или Интернет-журналистика. И, наконец, об инновационной журналистике (*innovative journalism*) нельзя не говорить как о журналистике информационной эпохи, обладающей новой профессиональной культурой.

Литература:

1. Longman Dictionary of Contemporary English <http://www.ldoceonline.com/dictionary/innovation>.
2. Большой толковый социологический словарь терминов онлайн <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/f/innovatsija.html>.
3. Journalism Driving Innovation - Innovation Driving Journalism <http://www.slideshare.net/ejc/david-nordfors-innovation-driving-journalism-journalism-driving-innovation-interfacing-innovation-brussels>.
4. V Всероссийский конкурс инновационной журналистики <http://tech-in-media.ru/>
5. David Nordfors, Innovation Driving Journalism Journalism Driving Innovation Interfacing Innovation Brussels 2009 <http://www.slideshare.net/ejc/>
6. Longman Dictionary of Contemporary English <http://www.ldoceonline.com/dictionary/innovation>
7. What the New York Times's 'Snow Fall' Means to Online Journalism's Future - The Wire <http://www.thewire.com/technology/2012/12/new-york-times-snow-fall-feature/60219/>.
8. What makes journalism 'innovative'? Lessons from this year's Scripps Howard Awards by Mark Briggs <http://www.poynter.org/news/media-innovation/207335/>
9. Ibid.
10. Программа дисциплины «Инновационная журналистика» <http://kpfu.ru/pdf/portal/ooop/94654.pdf>
11. Дзялошинский И. М. Инновационная журналистика: модное словосочетание, или путь развития ТелеЦЕНТР №1(21) МАРТ 2007) <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/statii/dzyalosh-02/dzyalosh-02.pdf>
12. Там же.

**Секция 2. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ СРЕДЫ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА – НАУКА, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ**

УДК 140.8
ББК 87

Л.Д. Петряков
Leonid Petriakov
tkstudia@yandex.ru

**Философский дискурс: вечные проблемы против «вечных» истин
Philosophical discourse: against the eternal problem of eternal truths**

*Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Ярославский филиал)
Leningrad state University named after. A. S. Pushkin (Yaroslavl branch).*

Всякое исследование начинается с проблемы, а заканчивается теорией объекта, предполагающей идеальный предмет в качестве его модели. При этом теория расширяет наше понимание проблемы, но зачастую не решает её. Попытки решения значимых социальных проблем характерны для литературы, а не науки. Требуется качественный переход от множества частных, конфликтующих друг с другом теорий к фундаментальным основаниям «вечных проблем».

Ключевые слова: дискурс, истина, проблема, идеальный предмет, литературное произведение.

Every study begins with problems and ends with a theory of the object, assuming a perfect subject as his models. This theory expands our understanding of the problem, but often does not solve it. Attempts to solve important social problems characteristic of literature, not science. Requires a quality transfer from a variety of private, conflicting theories are the fundamental bases of the "eternal problems".

Keywords: discourse, truth, problem, perfect subject, literary work.

Любое утверждение, хотя и направлено на объект, имеет в виду его подобие – идеальный предмет, который является теоретической моделью. Идеальный объект – это противоречивая гармония эклектики, т.е. такое соединение частей, которое может повторяться и воспроизводится как целое, «правильное», обладающее внутренним порядком. Эта особенность идеальных объектов была показана на примере анализа законов логики Аристотеля русским логиком Васильевым (Воображаемая логика).

Идеальные модели, созданные платонизмом, аристотелизмом, кантианством, марксизмом... мы, зачастую принимаем за критерий объективной истины. Хотя

понимаем, что идеальный предмет соотносится с реальным объектом как поверхность математической сферы – с поверхностью Земли. Таковы: «идеальное государство» Платона и реальное государство; концепция «естественного права» и реально существующее право. Их авторы видят мир единой структурой либо конкуренцией множества систем, процессуально либо статично и т.п. Мироззрения, взятые в «чистом виде» остро противоречат друг другу, но в решении частных вопросов, применительно к конкретным проблемам они могут создавать гармонические сочетания. Так, кантианство и гегельянство гармонично сочетаются в педагогической теории И. Ф. Гербарта. Теории личности Канта, Кьеркегора и Ницше могут быть когерентны между собой. Это даёт возможность конструировать идеальные предметы «второго порядка» и создавать локальные онтологии.

Хотя такое сочетание может быть и дисгармоничным. Приспосабливаясь к многообразию объектов, мировоззрение комбинирует идеальные предметы, создавая более или менее противоречивые, но логически связные комплексы. Но в случае применения этих комплексов к новым объектам их внутреннее противоречие становится явным и разрушает теорию, приводя её вновь к альтернативе идеальных предметов.

Помогают или препятствуют пониманию реальных проблем идеальные предметы теорий? Таких, как: проблема войны и мира, человека и государства, личности, смерти и бессмертия, индивидуализма и коллективизма. Традиция рассмотрения или (объективная) проблема центрируют и замыкают дискурс? Традиция может «не видеть» игнорировать определённые проблемы, но мы живём в мире, где люди разных традиций вынуждены понимать друг друга, следовательно, наиболее значимые проблемы являются объективной данностью для всех.

Проблемный анализ, воздерживающийся от теорий, характерен для литературы. Литературное произведение, рассматривает проблемную ситуацию, т.е. такую, где следование нормам и ценностям, приводит к парадоксальному результату, противоречащему представлениям о справедливости, разумности, гуманности то есть комплексу высших ценностей. Решение данного противоречия писатель и его герои нередко видят в необходимости трансформации, т.е. изменения подчинённых норм. В процессе дискурсивной трансформации меняются все утверждения рассматриваемого дискурса, возникает новый «возможный мир»: «На дне» М. Горького, «Улитка на склоне» А., Б. Стругацких, «Поколение П» В. Пелевина. Другие авторы, в свою очередь, конфликтуют или дополняют данное представление и происходит «слипание» нескольких подходов к проблеме в единый комплекс. Что помогает находить нетривиальные решения таких проблем, как «война за веру», убеждения (Б. Лонгиер).

Требуется качественный переход от множества частных, конфликтующих друг с другом мировоззрений к фундаментальным основаниям «вечных проблем». Переход, при котором сама проблема стала бы основой формирования мыслящего её дискурса.

Познавательный потенциал коммуникативной рациональности
Cognitive potential of communicative rationality

Московский педагогический государственный университет» (МПГУ)
Moscow State Pedagogical University

На современном этапе развития философии раскрывается познавательная роль коммуникативной рациональности в теоретическом и практическом плане, применимая к междисциплинарной и «человекоразмерной» стратегиям научной деятельности.

Ключевые слова: коммуникация, философская картина мира, теория познания, человекоразмерность, междисциплинарность, субъект познания.

At the present stage of development of philosophy reveals the cognitive role of communicative rationality in theoretical and practical terms applicable to the interdisciplinary and «human dimensionality» strategies of scientific activity.

Keywords: communication, philosophical picture of the world, theory of knowledge, human dimensionality, interdisciplinarity, the subject of cognition.

Многообразие понимания коммуникативной рациональности отражает богатство ситуаций человеческого общения, поэтому её исследование предполагает использование всего «комплекса средств, которыми располагает философская теория познания» [1, с.5], включающего в себя методы изучения разнообразных процессов информационного обмена, полипарадигмальности, учёта влияния ценностных компонентов. Понятие коммуникативной рациональности происходит от латинских слов «communicare» (общаться, соединять), «ratio» (разум) и большинством авторов принимается в качестве теоретической конструкции и социокультурной проективной модели. Его содержание зависит от различных методологических и эпистемологических положений и принципов, которые включают в себя целый спектр логических, семантических, социокультурных и других важных аспектов. Философия интерсубъективности, определяемая «коммуникативным разумом» способна адекватно «осмыслить социальные процессы и предложить смылосозидающие альтернативы» [2, с. 517]. Поэтому перспективы общественного развития связывались с расширением сферы применимости коммуникативной рациональности, а не только коммуникации, что повлияло на перенос эпистемологических понятий в язык символически транслируемой интеракции. К традиционному подходу в познании были добавлены актуальные проекты коммуникативного участия и взаимопонимания. Для анализа проблемы «необходимо выяснить, что представляет собой рациональный

подход в теории коммуникации» [3, с. 59]. Коммуникативная рациональность с позиций эпистемологического подхода оценивается в качестве рубежа, от которого «отправляются главные тенденции развития эпистемологии» [4, с.12]. Современная познавательная ситуация способствует раскрытию этого универсального методологического подхода, применимого во многих сферах человеческих отношений. Проективно-конструктивная и коммуникационная деятельность присутствуют в областях обыденного, специального, научного, философского знания и неразрывно связаны с объективным процессом познания. Коммуникативный поворот в философии, «постоянный рефлексивный пересмотр символических концептуализаций, наличных дискурсивных практик, их непрерывная корректировка и трансформация коммуникативных технологий, расширение форм коммуникаций и повышение их интенсивности» [5, с. 481] обусловили трансформацию методов современной теории познания. Современная исследовательская программа предполагает разработку особой стратегии, включающей в себя рациональный анализ предметов и явлений окружающего мира, выявление коммуникативных взаимодействий между ними. Осмысление и развитие представлений о коммуникативной рациональности, как правило, происходит в важном, но узком аспекте философской картины мира, определяемом консенсуально-коммуникативными интенциями. В результате, идея коммуникативной рациональности реализуется в переосмыслении роли субъекта в исследовательском процессе. Вместе с тем, понимание коммуникативной рациональности всё чаще отождествляется с познавательной деятельностью, проводимой в рамках «человекоразмерного» и «междисциплинарного» подходов.

Литература:

1. Касавин И.Т., Порус В.Н. Введение // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. - М.: ИФРАН, 2009. - С. 3-10.
2. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1. Fr. a/M., 1981. - 533 s.
3. Даниелян Н.В. Рациональная коммуникация и коммуникативная рациональность: две стороны одной медали // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. - 2015 - № 1 (Т. 2. Философия). - С. 59-69.
4. Порус В.Н. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. - М.: ИФРАН, 2009. - С. 11-24.
5. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: в 3 ч. Ч. 2: Философия науки: Наука в социокультурной системе. - СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. - 495с.

Научная коммуникация как предмет философского анализа **Scientific communication as an object of philosophical analysis**

Северо-Кавказский Федеральный университет
North Caucasian Federal University

В статье осуществляется тематизация проблемы исследования научной коммуникации. Рассмотрены концептуальные основания философского анализа научной коммуникации в рамках логико-эпистемологического, историко-критического подходов, эпистемологического конструктивизма.

Ключевые слова: философия, научная коммуникация, научное сообщество, логико-эпистемологический подход, историко-критический подход, конструктивизм

The article carried theming problems of research of scientific communication. Conceptual foundation of philosophical analysis of scientific communication in the framework of the logical-epistemological, historical-critical approach, epistemological constructivism.

Keywords: philosophy, scientific communication, scientific community, logical-epistemological approach, the historical-critical approach, constructivism

Изучение системы научного общения весьма актуально в контексте глобализации и внедрения информационных технологий, трансформации современного общества в общество знания, информационное общество. В философии на данный момент наблюдается недостаток в разработке теоретико-методологических оснований исследования, обобщающих накопленный потенциал социально-философской мысли в области осмысления специфики и сущности научной коммуникации в период коренных глобальных социокультурных и мировоззренческих трансформаций.

Понятие «научная коммуникация» в философии не получило однозначной и строгой концептуализации. Научная коммуникация понимается как механизм развития науки, суть которого состоит в движении информации посредством взаимодействия между исследователями, принимающего различные формы на разных стадиях познавательного процесса. Также научная коммуникация как совокупность получения, передачи и представления информации может быть рассмотрена в трех взаимосвязанных аспектах: как основного механизма функционирования и развития науки, как важнейшего средства связи ее с обществом, а также как условия формирования личности ученого. Таким образом, в научной деятельности можно выделить внутреннюю коммуникацию (внутри науки) и внешнюю (взаимодействие

представителя научного сообщества с обществом и властью). Исследование научного познания сквозь призму научных коммуникаций весьма продуктивно, так как позволяет реформировать традиционную гносеологию путем объединения эпистемологических (внутринаучных) и социально ориентированных концептуальных схем [1].

Проблема исследования научных коммуникаций тематизируется в XX веке в области истории, философии и социологии науки. Актуализация обращения исследовательского интереса к научным коммуникациям связана с изменениями в трансляции и функционировании научного знания в обществе, с углубляющейся дифференциацией видов научно-исследовательской деятельности, с увеличением объема и интенсификацией темпов производства научных знаний. Институционализация науки, вызванная как социальным запросом, так и внутринаучными трансформациями, стала причиной превращения науки в вид профессиональной деятельности, в которую оказались вовлечены десятки тысяч людей. Научное производство предполагает определенную систему организации исследовательской деятельности, особый образ жизни, наличие специфической системы ценностей, норм и традиций научного творчества. Профессиональная научная деятельность, таким образом, представляет коммуникативный процесс, предполагающий обращение к множеству участников, каждый из которых играет определенную роль в производстве и распространении научного знания.

В русле логико-эпистемологического анализа в философии науки складывается логико-нормативный подход [2] в исследовании научных коммуникаций. Он опирается на философские идеи неопозитивизма, суть которого заключается в стремлении выработать эталонный язык науки, логически непротиворечивый и очищенный от псевдопроблем. Идеальный язык обеспечил бы достижение понимания участниками научного коллективного взаимодействия и освободил бы исследователей от необходимости решать вопросы, порожденные несовершенством обыденного языка. В нормативном понимании язык науки должен быть ясным, точным и ценностно-эмоционально нейтральным, это позволило бы избежать коммуникативных и концептуальных барьеров. Однако в действительности данный идеал оказался недостижим, так как реальная история науки и функционирование научного сообщества не вмещаются в формально-логические схемы логико-нормативного подхода, что было продемонстрировано в историко-критическом анализе науки.

В рамках историко-критического подхода к анализу науки формируется представление о науке как информационно-коммуникативном процессе, главным актором которого является коллективный субъект. При таком подходе учитываются все многообразные связи участников научного общения с обществом, а также внутривнутридисциплинарные и междисциплинарные контакты членов научного сообщества. Акцентуация внимания на ангажированность науки, ее обусловленности социально-политическими и экономическими отношениями порождает представление о научной коммуникации как зависимой от потребностей и интересов

отдельных групп, как научных коллективов, так и не имеющих непосредственного отношения к науке.

С позиций конструктивистского подхода в осмыслении научных коммуникаций научное знание не является отражением или соответствием объективной действительности, а конструируется в процессе познания, оно социально и исторически обусловлено. Субъект познания и объект его познания составляют единую систему, взаимно детерминируют друг друга. В результате познания создаются различные версии реальности, каждая из которых обладает правом стать истинной.

Итак, в философском исследовании научной коммуникации можно выделить логико-нормативный подход, цель которого в создании идеального языка науки; историко-критический подход подчеркивает социальную обусловленность научной коммуникации; научная коммуникация с точки зрения эпистемологического конструктивизма есть деятельность научного сообщества по конструированию научного знания.

Литература:

1. Сергодеева Е.А. Традиции в современном обществе: особенности конструирования идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2013. 1 (113). С. 138-143.
2. Выдрин О.В. Научная коммуникация: к методологии исследования // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Вып. 15. 2009. № 42 (180). С. 112-117.

УДК 1:001

ББК 87.25

Е.С. Некрасова
Elena Nekrasova
nekrasovakinoart@gmail.com

Профессиональные ученые и интернет-энциклопедии «Википедия» Groves of Academe and Wikipedia

*Санкт-Петербургская академия театрального искусства
St.Petersburg State Theatre Arts Academy*

Википедия представляется научному сообществу, включая преподавателей университетов, образцом ненаучного стиля и поверхностного знания, изобилующего ошибками. Однако такие принципы создания Википедии как демократизм и отсутствие профессионального ценза позволяет ей не только оставаться самым массовым информационным ресурсом современного мира, но и воплощать идеалы европейского научного проекта.

Ключевые слова: Википедия, Мертон, универсализм, философия науки, медиа.

Wikipedia is represented to groves of academe, including teachers of universities an embodiment of the unscientific style and superficial knowledge abounding with mistakes.

But such principles of creation of Wikipedia as democratism and absence of the professional qualification allows it not only to remain the most mass information resource of the modern world, but also to embody ideals of the European scientific project.

Keywords: Wikipedia, groves of academe, Merton, media.

Википедия сегодня – самый массовых информационный ресурс. Созданная в 2001 году, на сегодняшний день она содержит более 17 миллионов статей по самым разным темам. При этом Википедия является своеобразным символом поверхностного знания, упрощенной манеры подачи информации и неэнциклопедичных тем. Известны случаи, когда университетские преподаватели запрещали своим студентам пользоваться ею [4]. Недостатки Википедии связаны с основным принципом ее существования – контент в ней может создавать каждый желающий. Это противоречит важнейшему критерию европейского интеллектуального проекта - профессионализации, в рамках которой дилетантов и любителей заменили оплачиваемые профессионалы. А в Википедии автор часто не обладает специальным знанием и научной степенью, а значит не легитимирован научным сообществом. Функцию экспертного сообщества здесь берут на себя сами авторы и читатели, которые могут вносить в статьи практически любые изменения. Но, несмотря на это, Википедия реализует главные принципы европейской науки. Прежде всего стремление к нейтральности и универсализму, близкие к тому, как они понимались в традиции Роберта Мертона [3]. Это реализуется за счет самого главного принципа Википедии – абсолютного авторского демократизма, выражающегося в отсутствии профессионального ценза и отсутствии предпочтения какой-то одной точки зрения. Любая статья в Википедии, кем бы она не была написана – профаном-любителем или экспертом, – может быть исправлена и дополнена. Конечно, есть опасность, что концептуальная нейтральность и взвешенность позиции будут достигнуты путем подчинения материала усредненному вкусу, ведь количество авторов каждой статьи потенциально бесконечно. Это дало медиа-философу Норберту Больцу право назвать эту энциклопедию «самоорганизацией дилетантского знания» [1]. Он сравнивает ее авторов с хайдеггеровским *das Man*, имеющим два противоположных друг другу лица. Первое он называет информационными каскадами, в которых автор разделяет ответственность за содержание с кем-то, кто более уверен в своем интеллектуальном уровне. В этом случае коллектив окажется глупее индивидуума, потому, что должен будет соответствовать «уровню рассудка, распределенного на многих» [1]. Второе лицо – «роевой разум», мудрость многих, когда «масса глупых может быть умнее, чем самый умный», потому что каждый может включать свои разномастные суждения в общее мнение. Отчасти Больц прав. Сами википедисты выявляют в формировании контента энциклопедии две разнонаправленные «волны». Первая - разрушающая, приносящая некачественную информацию. Вторая – ассенизационная и креативная, занимающаяся исправлением результатов первой и созданием доброкачественного контента. Согласно этой теории, в Википедии первоначально может возникнуть вполне кондиционный текст. Но со

временем в нем могут появиться недоброкачественные правки, которые надо будет исправить. Процесс этот может регулярно повторяться. Можно предположить, что почти любая статья в Википедии требует постоянной проверки администратором или кем-то из автора. Таким образом, в Википедии присутствует элемент личной ответственности, свойственный информационному каскаду. Но научную нейтральность реализует именно механизм роевого разума. Это связано с тем, что основной целью существования Википедии является компиляция т.е. транслирование уже имеющегося знания. Поэтому автор здесь – «учетная запись», посредник в перетекании информации из разрозненных бумажных (как правило) источников в единую он-лайн-энциклопедию. При этом автор может быть профессиональным ученым, писать под собственным именем и указывать на своей личной странице образование и сферу научных интересов. Тому есть примеры. Но все это само по себе не может служить дополнительным аргументом при создании википедической статьи. Иллюстраций здесь служит история с академиком А.Н. Рудым, создателем одной из школ в геоморфологии. Рудой написал в Википедии ряд статей, в которых излагал свою теорию, не репрезентируя альтернативную точку зрения. После этого завязалась онлайн перепалка – другие авторы указывали, что такой стиль написания статей недопустим, академик в ответ ссылался на свой научный авторитет (история, рассказана автору петербургским википедистом П. Каганером). Для научного сообщества аргументы Рудого выглядели бы вполне адекватно, но в интернет-энциклопедии, чья задача – исчерпывающе описывать имеющиеся научные теории, научные степени и репутация не имели никакого веса. Разумеется, нейтральность Википедии носит потенциальный, а не актуальный характер, и там постоянно происходят столкновения мнений. Однако нельзя не признать, что коллективный разум в Википедии наиболее приближен к идеалу ученого, которого Р. Мертон называет «бесстрастный и безличный индивид» [2].

Литература:

- 1.Больш Н. Азбука медиа. М., 2011.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С.757.
- 3.Мирская Е.З. Р.Мертон и этос классической науки // Философия науки. Выпуск 11, 2005.С.11-29.
4. <http://www.thetimes.co.uk/tto/technology/internet/article1861006.ece>

УДК 304.444+316.77+0.21

ББК 60.55.74+78

Т.Ю. Гранчак
Tetiana Hbranchak
granchakt@ukr.net

Социокультурный дискурс национальных библиотек как источник определения приоритетных маркеров национальной памяти
Socio-cultural discourse of national libraries as a source to determine the priority of national memory markers

Национальная библиотека Украины имени В. И. Вернадского
The Vernadsky National Library of Ukraine

Статья посвящена обоснованию социокультурного дискурса национальных библиотек как источника определения приоритетных маркеров национальной памяти.

Ключевые слова: библиотека, дискурс, национальная память, национальное самосознание, идентичность, национальные библиотеки

The article is devoted to the justification of social and cultural discourse of national libraries as a source for the study of the priority national memory markers.

Keywords: Library, discourse, national memory, national identity, identity, national libraries

Библиотечная деятельность традиционно ориентирована на общественные нужды, маркером которых являются запросы пользователей и государственный заказ, который, учитывая его влияние, стоит выделить среди других пользовательских запросов.

Соответственно, библиотечная деятельность (в частности, систематизация фондов, организация новых коллекций, комплектование новыми документами и т. п.), как и библиотечно-информационная продукция (создаваемые библиотекой информационные продукты, среди которых – библиографические указатели, монографические издания, виртуальные и традиционные выставки, библиотечные мероприятия и т. д.), в большей или меньшей степени несут на себе отпечаток того концепта национального сознания, который является доминирующим в обществе и/или определен приоритетным на правительственном уровне, что проявляется в определенном социокультурном дискурсе библиотеки.

В процессе осуществления своих социальных функций – в первую очередь, информационной, культурно-образовательной и идейно-воспитательной – библиотека участвует в социокультурном дискурсе, выступая в роли лидера-интерпретатора, влиятельного актора, или, по крайней мере, попутчика определенного дискурсивного поля.

При этом социокультурный дискурс библиотеки в итоге определяет те смыслы, которые будет «запоминать» пользователь, и те, которые обречены на забвение и

«стирание» из национальной памяти, трансформируя соответствующим образом национальное сознание. В дальнейшем в процессе реализации мемориальной функции библиотека приступает к хранению созданных библиотечно-информационных продуктов, а вместе с ними – и сформированного вокруг них дискурса, и их последующей трансляции от поколения к поколению, влияя, таким образом, на воспроизведение специфического концепта национального сознания.

В случае продуктивного подхода к управлению информационно-коммуникационными процессами общественные ожидания определяют государственный заказ и информационную политику библиотеки, в случае манипулятивного – наоборот, государственный заказ будет определять политику библиотеки и влиять, в том числе и через библиотеку, на формирование общественных потребностей и ожиданий.

Таким образом, анализ содержательного наполнения библиотечной деятельности, произведенных и распространяемых библиотекой смыслов позволяет определить те узловые акценты концепта национальной памяти, которые будут создавать в дальнейшем информационный каркас, матрицу национального сознания. Речь идет о том, какую память будут хранить и формировать библиотеки. И в первую очередь – национальные, являющиеся не только центрами хранения зафиксированных в документном виде идейно-ценностных ориентиров национальной общности, но и институтами осуществления государственной политики памяти.

Применение метода дискурсивного анализа позволяет определить ту смысловую нагрузку, тот комплекс идей и представлений, с помощью которых библиотека как актор социокоммуникативного процесса участвует в объяснении и конструировании информационной реальности. При этом в дискурс, подлежащий анализу, целесообразно включать не только те идеи, которые были представлены открыто, но и те идеи и представления, которые пользователь мог получить в результате собственной интерпретации представленного контекста, а также интенции, присущие представленным текстам, их направленность на реализацию определенного результата (например, легитимацию определенной социальной проблемы), скрытые (латентные) значения, контекст их создания.

Определение ключевых аспектов социокультурного дискурса библиотек позволяет выявить особенности их взаимодействия в процессе коммуникации с другими субъектами общественного развития, такими как государство, общественность, другие информационные институты, отдельные граждане, а также раскрыть специфику участия библиотек в процессе формирования национальной памяти и создания информационной основы для конструирования концептов национального сознания.

**Жанр музыкальной заставки: некоторые коммуникационные и
просветительские возможности**
Genre of musical advertisement: some communicative and educational possibilities

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg State Conservatoire*

Область популярных музыкальных жанров не может быть сведена к концертно-бытовой музыке песенно-танцевального характера. Она включает также разнообразные формы медиа-музыки, заключающие в себе значительные возможности повышения культуры слушательского музыкального восприятия. Авторами доклада рассматриваются характерные особенности жанра музыкальных радиозаставок, представляющие интерес для музыкального образования в качестве своеобразного введения в сферу классической музыки.

Ключевые слова: экспериментальная эстетика, компьютерная музыка, жанр музыкальной заставки, информационное общество.

The area of popular musical genres cannot be reduced to concert and everyday-life music of song and dance character. It includes also various forms of media music that have considerable possibilities of cultural advance for musical perception of their listeners. The authors of the report analyze the characteristic features of the genre of broadcast musical advertisements that may be applied in the field of musical education as a 'bridge' to the sphere of classical music.

Key words: experimental aesthetics, information technologies, computer music, genre of musical advertisement, information society.

В музыкально-научной и музыкально-публицистической литературе стали уже обычным явлением критические оценки современного состояния популярных музыкальных жанров ([1 – 4] и др.). Эти жанры, однако, не являются чем-то однородным и не сводятся лишь к концертно-бытовым (песенным или песенно-танцевальным по преимуществу) композициям, вокруг которых в основном и разворачиваются эстетические и социологические дискуссии. В круг популярных жанров входят также различные формы медиамузыки (термин, введённый в А.В. Чернышовым), предваряющей, обрамляющей и сопровождающей радио- и телепередачи (и их позднейшие аналоги, связанные с широким распространением компьютерной техники). Эти формы представляют самостоятельный музыкальный интерес (в том числе – с точки зрения проблематики жанров академической музыки)

и содержат в себе значительные возможности позитивного воздействия на культуру музыкального восприятия слушателей.

Настоящее сообщение основано на выводах анализа (включающего также личный слушательский опыт авторов) образцов жанра музыкальной рекламной заставки, практикуемых в радиопередачах 1-го канала программ «Радио России» и «Радио России – Санкт-Петербург» (включая федеральные и городские выпуски новостей). В ходе анализа удалось выявить следующие особенности содержания и формальной структуры этих заставок: 1) ориентация на фундаментальное психологическое представление «кажущегося настоящего» (2 – 10 сек., в среднем – 5 – 7 сек., – оптимальное время экспонирования целостного музыкального образа [5]) и связанные с этим нетривиальные подходы к принципам музыкального формообразования; 2) стилистическое разнообразие самого музыкального материала, охватывающего значительный круг традиций (исторических и современных) и в определенной степени ориентирующего слушателей в особенностях этих традиций; 3) тенденцию к объединению исходного материала в контрастные «блоки» на небольших отрезках времени, приводящую в ряде случаев к созданию динамичных полистилистических композиций [6], в том числе – с участием своеобразных «лейтмотивов» (блоки реклам «Радио России»); 4) выход музыкального материала в более широкую область «искусства звуков» [7], в которой находят проявление различные по своей природе знаковые системы [8]. Необходимо отметить художественно-убедительный характер музыкального материала анализируемых заставок, а также широкое участие электронно-компьютерных технологий в его формировании (музыкально-исполнительском «производстве») и последующей обработке и объединении в рамках более крупных построений («постпроизводстве»).

Общеизвестным фактом воздействия практики радиовещания на музыку академических жанров является роль этой практики в формировании электроакустической музыки [9, с. 195 - 197], а также новаторские концепции музыкальной формы на этой основе, в том числе – идея «момент-формы» [10], определившая принципы построения ряда произведений К. Штокгаузена, в частности – его композиции «Гимны» (с участием электроники), в позднейшей музыкально-исторической перспективе постепенно приобретающей значение одной из классических симфоний второй половины XX века. Музыкальный материал радиореклам, при всех его примечательных особенностях в данном отношении, в целом подчинен иным задачам, сравнительно с произведениями академической музыки, и не все проблемы, существенные для этой последней, находят в нем отчетливое выражение (это касается, например, проблемы объектной ориентации музыкального мышления, особенно важной при создании программных музыкальных композиций [11- 16]). Представляется, однако, несомненным, что содержание этого материала, равно как и его местоположение в программах радиовещания, по своим характеристикам может способствовать приобщению его слушателей к сфере музыкальной классики в самом широком диапазоне ее исторического развития, что создает также примечательные возможности для использования образцов

рассматриваемого жанра (наряду с другими жанрами медиа-музыки) в просветительских и педагогических целях [17- 20].

Литература:

1. Шилов С. М. Международная конференция «СМО-2003» в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена // Современное музыкальное образование-2003: материалы Междунар. научно-практ. конф. / под общ. ред. И.Б. Горбуновой. СПб.: РГПУ, 2003. С. 6 – 7.
2. Космовская М. Л. Музыка и экономика в эволюции цивилизаций (от исторических фактов к насущным проблемам) // Современное музыкальное образование-2010: материалы Междунар. научно-практ. конф. / под общ. ред. И.Б. Горбуновой. СПб.: ЛЕМА, 2011. С. 12 – 16.
3. Хайнер Е.В. Soft Way to Mozart – и Русская Школа Музыки // Современное музыкальное образование-2013: материалы Междунар. научно-практ. конф. / под общ. ред. И.Б. Горбуновой. СПб.: РГПУ, 2014. С. 39 – 42.
4. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Комплексная модель семантического пространства музыки и перспективы взаимодействия музыкальной науки и современного музыкального образования // Научное мнение, 2014. № 8. С. 238-249.
5. Орлов Г.А. Временные характеристики музыкального опыта // Проблемы музыкального мышления. М.: Музыка, 1974. С. 22-28.
6. Шнитке А.Г. Полистилистические тенденции в современной музыке // Соколов А. С. Введение в музыкальную композицию XX века. М.: ВЛАДОС, 2004. С. 146 – 149.
7. Моль А. Искусство и ЭВМ. М.: Мир, 1975. 165 с.
8. Каган М. С. Морфология искусства. Л.: Искусство, 1972. 185 с.
9. Когоутек Ц. Техника композиции в музыке XX века. М.: Музыка, 1976.
10. Stockhausen K. Momentform // Stockhausen K. Texte. Bd. 1. Köln: DuMont Schauberg, 1963. S. 189 – 210.
11. Горбунова И.Б. Эра информационных технологий в музыкально-творческом пространстве / Материалы XII Санкт-Петербургской международной конференции «Региональная информатика – 2010». СПб., 2010. С. 232 – 233.
12. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Кибиткина Э.В. Музыкальное программирование: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. 195 с.
13. Горбунова И.Б., Чибирёв С.В. Музыкально-компьютерные технологии: к проблеме моделирования процесса музыкального творчества: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. 160 с.
14. Горбунова И.Б., Чибирёв С.В. Компьютерное моделирование процесса музыкального творчества // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. № 168. С. 84-93.
15. Горбунова И.Б., Романенко Л.Ю., Чибирев С.В. Моделирование процесса музыкального творчества с использованием музыкально-компьютерных технологий // Вестник Иркутского государственного технического университета, 2013. № 4 (75). С. 16-24.
16. Горбунова И.Б., Заливадный М.С. Музыка, математика, информатика: пути взаимодействия и проблемы современного этапа / В сборнике: Субкультуры и коммуникативные стратегии информационного общества. Труды Межд. науч.-теоретич. конф. 2014. С. 81-83.
17. Горбунова И.Б., Горельченко А.В. Музыкальный компьютер в детской музыкальной школе: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 68 с.
18. Белов Г.Г., Горбунова И.Б., Горельченко А.В. Музыкальный компьютер (новый инструмент музыканта): учебное пособие для 10-11 кл. общеобраз. учреждений. Победитель конкурса по созданию учебной литературы нового поколения для средней школы, проводимого НФПК и Министерством образования Российской Федерации. СПб.: СММО Пресс, 2006. 212 с.
19. Лаптева В. А. Музыкальное сопровождение процесса образования (из опыта работы лаборатории музыкальных технологий) // Современное музыкальное образование-2006: материалы Междунар. научно-практ. конф. / под общ. ред. И.Б. Горбуновой. СПб.: СММО-Пресс, 2006. С. 156 – 158.
20. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии в подготовке педагога-музыканта // Проблемы музыкальной науки, 2014. № 3(16). С. 5-11.

Эйлерова категория «приятности» музыки как предвосхищение понятия информации в эстетической оценке явлений
Euler category of the "pleasures" of music as an anticipation of the notion of information in the evaluation of aesthetic phenomena

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg State Conservatoire*

Проблемная ценность теории Эйлера отчетливо обнаруживается в предпринятом ее автором опыте систематизации отношений между звуками и созвучиями (преимущественно – звуковысотных) на основе характеристики «приятности» (или «благозвучия», *suavitatis*) [1]. При неубедительности предлагаемого Эйлером (хотя исторически вполне объяснимого) абстрактно-математического подхода к выявлению сущности этой категории (по природе своей – социально-психологической [2]) и значения ее конкретных музыкальных проявлений, опыт этот тем не менее примечателен содержащейся в нем более общей идеей комплексного показателя *сложности* (соответственно – упорядоченности) логической организации музыки, данной со стороны ее восприятия субъектом. Идея эта близка позднему понятию информации, существенному для эстетической оценки явлений [3]; при этом значение данного понятия (так же как и эйлеровской категории «приятности») не ограничивается чисто логической областью, оно включает и более конкретное смысловое содержание. Помимо этого – общефилософского по существу – понятия (в исследовании и практическом применении которого довольно быстро обнаружился музыкально-эстетический аспект [2; 4; 5]), позднейшая теоретическая мысль о музыке выдвинула (преимущественно – в XX в.) ряд других, более «локальных» по значению характеристик подобного же рода; к ним относятся, например, обобщающие характеристики «плотности» ([6; 7] и др.), «напряженности» [8; 9; 10]), «звуковой температуры» [11] музыкальных построений и т. п. При этом часть опытов систематизации музыкально-логических отношений на основе указанных характеристик (например, «напряженности» созвучий и их систем) сыграла заметную роль в осмыслении новых логических закономерностей музыки XX в., способствуя тем самым внесению «ясности и стройности» (по известному выражению С. Танеева [12, с. 233]) в их применение на практике. Очевидно, однако, что структурные принципы этих обобщений (при неравнозначности их содержания) обнаруживают черты сходства с аналогичным опытом Эйлера, и это дает основания оценивать сам данный опыт как заключающий в себе

перспективу крупного исторического масштаба и значения. Направленность этой перспективы не совпадает с некоторыми из исходных положений музыкальной теории Эйлера, ориентирующих на простоту (а не на определенное соотношение простоты и сложности) созвучий как на выражение наибольшей «приятности» и «совершенства» [1, гл. 2, § 8, 13]; однако присущая эйлеровским музыкально-теоретическим работам тенденция сверять производимые теоретические расчеты с данными непосредственного музыкального восприятия (что отмечено, в частности, в исследовании [13]) приводит и самого их автора к выводу об оптимальном благозвучии как занимающем некое срединное положение между доступными восприятию минимумом и максимумом сложности [1, гл. 8, § 13 – 16].

Интерес представляет и сходство некоторых из рассматриваемых Эйлером созвучий с высоким показателем сложности (по исходным посылкам теории Эйлера – «убывающего благозвучия») с практиковавшимся в клавирной музыке этого же времени «аччакатурами» (взятием звуков аккорда одновременно со звуками мелодической фигурации). Вместе с тем вполне ясными становятся и определенные черты «пространственной односторонности», присущие рассмотрению данной проблемы у Эйлера, и напрашивается вывод, что показатель симультанной «приятности» необходимо должен быть дополнен аналогичным показателем, характеризующим особенности перехода элементов построения друг в друга, относящиеся к области музыкального времени в отличие от пространственных аспектов функционирования музыки.

Перспективную значимость обнаруживают и другие идеи Эйлера, относящиеся к деталям логической организации музыки (соответственно – функционирования категории «приятности»). Такова, в частности, выдвигаемая ученым идея звуковысотного тождества горизонтали и вертикали [1, гл.5, § 3], предполагающее относительную независимость характеристики «приятности» созвучий от фактора времени. Значение этого положения теории Эйлера имеет два аспекта, охватывающие как область логики, так и область психологии музыкального восприятия. С одной стороны, данное положение соответствует реально наблюдаемому психологическому явлению симультанирования музыкальных построений заметим, что в данном случае конечным результатом такого симультанирования, по Эйлеру, является не звук, но показатель «приятности», выражаемый отвлеченным числом). С другой стороны, это положение фактически составляет своеобразную параллель к процессам, которые происходили (хотя преимущественно в «периферической» форме, не находившейся в центре внимания) в музыкальной практике XVII – XIX вв. и уже в XX в. вышли «на передний план» музыкально-исторического процесса, приведя, в частности, к образованию полиаккордового («полигармонического») склада многоголосия [4; 14] и к развитым формам свободного контрапункта, допускающим – соответственно «регламентам» конкретных художественных задач – любое число голосов и любые сочетания звуков в одновременности [15].

Эйлером предпринята попытка создания универсальной (и охватывающей тем самым также другие проводимые аналогии со звуковыми явлениями) шкалы периодических процессов, выходящей далеко за пределы музыкальной области; несмотря на очевидные черты упрощенности, свойственные данной шкале (как и представленному в той же книге [16] аналогичному опыту систематизации пространственных масштабных единиц), она тем не менее примечательна как пример выхода (своего рода «прорыва») музыкознания в сферу других наук, создающий определенные предпосылки и для выхода музыкальной практики в другие области художественной (и в целом человеческой) деятельности. Отмеченные особенности музыкальной теории Эйлера позволяют говорить о ее высокой эвристической значимости, вполне подтвердившейся последующим развитием как теории музыки, так и самой музыкальной практики ([17 – 24] и др.).

Литература:

1. Euler L. Tentamen novae theoriae musicae ex certissimis harmoniae principiis delucide expositae. Petropoli, 1739. 263p.5.Зарипов Р. Х. Кибернетика и музыка. М.: Наука, 1971. 233 с.
2. Зарипов Р. Х. Творчество в алгоритмических рамках // Сюита для персонального компьютера с оркестром. М.: Знание, 1989. С. 3 – 25.
3. Крюковский Н. И. Кибернетика и законы красоты. Минск: БГУ, 1977. 256 с.
4. Мийо Д. Политональность и атональность (1923) // Кокорева Л. Н. Дариус Мийо. Жизнь и творчество. М.: Музыка, 1984. С. 283 – 296.
5. Пирс Дж. Символы, сигналы, шумы. М.: Мир, 1967. 334 с.
6. Křenek E. Extents and Limits of Serial Techniques // The Musical Quarterly, 1960, №2. P. 210 – 232.
7. Schillinger J. The Schillinger System of Musical Composition. V. 1 – 2. New York: Carl Fischer, 1946. 1640 p.
8. Курт Э. Романтическая гармония и ее кризис в «Тристане» Вагнера (1920). М.: Музыка, 1975. – 545 с.
9. Оголевец А. С. Введение в современное музыкальное мышление. М. – Л.: Музгиз, 1946. 482 с.
10. Hindemith P. Unterweisung im Tonsatz. T. 1. Mainz: B. Schott's Söhne, 1940. 260 S.
11. Xenakis I. Musiques formelles. La Revue musicale, № 253/254. Paris, 1963. 232 p.
12. Танеев С. И. Материалы и документы. Т. 1. М.: АН СССР, 1952. 535 с.
13. Церлюк-Аскадская С.С. Музыкально-теоретическое наследие Леонарда Эйлера в свете эволюции учения о звуковысотной организации. Автореф. ... кандидата искусствоведения. Киев, 1987. 18 с.
14. Cowell H. New Musical Resources. New York: Alfred A. Knopf, 1930.- 145 p.
15. Теория современной композиции. М.: Музыка, 2005. 624 с.
16. Bielawski L. Strefowa teoria czasu i jej znaczenie dla antropologii muzycznej. Kraków: PWM, 1976. 228 s.
17. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Кибиткина Э.В. Музыкальное программирование: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. 195 с.
18. Горбунова И.Б., Чибирёв С.В. Музыкально-компьютерные технологии: к проблеме моделирования процесса музыкального творчества: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. 160 с.
19. Горбунова И.Б., Чибирёв С.В. Компьютерное моделирование процесса музыкального творчества // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. № 168. С. 84-93.
20. Горбунова И.Б., Романенко Л.Ю., Чибирев С.В. Моделирование процесса музыкального творчества с использованием музыкально-компьютерных технологий // Вестник Иркутского государственного технического университета, 2013. № 4 (75). С. 16-24.

21. Горбунова И.Б., Заливадный М.С. Музыка, математика, информатика: пути взаимодействия и проблемы современного этапа / В сборнике: Субкультуры и коммуникативные стратегии информационного общества. Труды Межд. науч.-теоретич. конф. 2014. С. 81-83.
22. Горбунова И.Б., Горельченко А.В. Музыкальный компьютер в детской музыкальной школе: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 68 с.
23. Белов Г.Г., Горбунова И.Б., Горельченко А.В. Музыкальный компьютер (новый инструмент музыканта): учебное пособие для 10-11 кл. общеобраз. учреждений. Победитель конкурса по созданию учебной литературы нового поколения для средней школы, проводимого НФПК и Министерством образования Российской Федерации. СПб.: СМЮ Пресс, 2006. 212 с.
24. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии в подготовке педагога-музыканта // Проблемы музыкальной науки, 2014. № 3(16). С. 5-11.

УДК 316.77

ББК 60.0

И.Б. Горбунова, М.С. Заливадный, И.О. Товпич
Irina B. Gorbunova, Mikhail S. Zalivadny, Irina O. Tovpich

**Ценность традиции: музыкально-теоретические воззрения Л. Эйлера и
информационные технологии в музыке**
**Information Technologies In Music And Leonhard Euler's Theoretical Views On
Music**

Статья посвящена рассмотрению музыкально-теоретических воззрений выдающегося швейцарского ученого Л. Эйлера в контексте развития и становления информационных технологий в музыке и музыкально-компьютерных технологий. Несмотря на исторически объяснимую ограниченность, эти воззрения характеризуются чертами большой эвристической значимости, что придает им актуальность вплоть до настоящего времени. В статье указывается на приближения Эйлера к понятию информации в музыке, анализируется выдвинутая им оригинальная трактовка проблем гармонии, выявляется перспективное значение связи между звуковысотной и ритмической организацией музыки, рассматриваемой ученым в более широком ряду периодических процессов.

Ключевые слова: Леонард Эйлер, теория музыки, гармония, ритм, теория информации, музыкально-компьютерные технологии, информационные технологии в музыке, семантическое пространство музыки.

The article is devoted to the analysis of the theoretical views on music expressed in the works by the famous Swiss scientist (having been working in Russia for a long time) Leonhard Euler (1707 – 1783) in the context of development and formation of information technologies in music and music computer technologies. Despite the historically explainable bounds of these views, they proved to be remarkable for numerous features of high heuristic significance that are important up to nowadays. The text of the article points out Euler's rapprochements to the notion of information in music, his original interpretation of harmony problems, as well as of the relations between pitch and rhythm organization placed in the more general series of periodical processes.

Keywords: Leonhard Euler, music theory, harmony, rhythm, theory of information music computer technologies, information technologies in music, music semantic space.

Информационные технологии в музыке объединяют разные уровни музыкальной семантики, включая различные аспекты музыкальной логики и психологические закономерности музыки, в том числе различные формы музыкальных синестезий, что подробно проанализировано в [1; 2; 3; 4; 5]. Одним из источников такого анализа является принцип *комплексного подхода к рассмотрению фундаментальных закономерностей музыки* [6; 7 и др.], основой которого послужили теория и практика *комплексного анализа музыкальных произведений*, составляющих одно из характерных направлений в развитии музыкознания. Логические закономерности строения музыкальных произведений стали предметом целенаправленного изучения музыкантов, начиная с рубежа XVIII - XIX вв. (в теоретических работах этого времени обнаруживаются элементы теории множеств, природа которых, однако, не была в то время осознана, поскольку математика и теоретическое исследование музыки развивались во многом различными путями [8; 9]). Фундаментальные идеи, способные составить теоретическую основу таких исследований, представлены рядом значительных работ [10; 11; 12 и др.]. В них намечаются связи и параллели между теоретико-множественными и теоретико-вероятностными аспектами изучения музыкально-логической системы (более подробный анализ данного аспекта рассматриваемой проблемы приведён в [13; 14]).

В дальнейшем *информационность* музыкально-логических структур характеризуется на основе статистической теории информации К. Шеннона. Благодаря «двойному» – теоретико-вероятностному и теоретико-множественному – применению матриц присутствует и постановка вопроса о синтезе различных подходов к изучению информации, имеющая несомненную перспективную ценность. В качестве одного из шагов на пути решения этой проблемы применительно к музыкально-логической области возможно использование системы «банальностных вычетов» (соответственно частоте повторения того или иного элемента или сочетания элементов) из значений величин, характеризующих разнообразие соотношений между элементами в тех или иных музыкальных построениях, при *информационной оценке* этих последних (подробнее см. [15]).

Хотя понятие «*информационные технологии*» возникло и получило распространение лишь в XX веке в связи с развитием компьютерной техники, проблематика информационно-коммуникационной деятельности существовала на всех предшествующих исторических этапах. Это относится и к понятию «информация», обозначающему сведения, которые «прибавляют нечто новое к некоторому имеющемуся представлению» (А. Моль). Для темы данной статьи важно, что ряд приближений к этой проблематике осуществлялся на основе теоретического исследования музыки, способствуя тем самым также обогащению содержания музыкально-научных дисциплин. В этом ряду видное место занимает работа выдающегося швейцарского ученого Леонарда Эйлера (1707 – 1783) «Опыт новой

теории музыки, ясно изложенной в соответствии с непреложными принципами гармонии» (1739); автор ее неоднократно обращался к теоретическим вопросам изучения музыки и впоследствии [16].

Близкая к *понятию информации* (субъективно воспринимаемого разнообразия) характеристика «приятности» созвучий выдвигалась Л. Эйлером в [17], при этом автором книги рассматривались различные аспекты этой характеристики, в частности, результаты объединения созвучий в тональности и переходы одних тональностей к другим (подробнее рассмотрено в [13]. Как показали более поздние исследования, *понятие информации* является весьма существенным для эстетической оценки явлений; при этом значение данного понятия (так же как и эйлеровской категории «приятности») не ограничивается чисто логической областью, оно включает и более конкретное смысловое содержание [18; 19]. Помимо этого – общефилософского по существу – значения *понятия информации*, в теоретическом его рассмотрении и практическом применении достаточно чётко выявляется также музыкально-эстетический аспект [10].

Оценки, даваемые музыкально-теоретическим (и примыкающим к ним по проблематике) работам Л. Эйлера в литературе по истории музыкознания, весьма противоречивы. Так, некоторые из авторов склонны видеть в музыкально-теоретических построениях Эйлера пример «неудачи (или: ошибки) великого ученого» (см., например: [20]). Доля основательности, которую содержат в себе такого рода суждения, заключается, по-видимому, в том, что многие из положений, выдвинутых Эйлером в его трудах по теории музыки, не следует воспринимать лишь в непосредственном их смысле, как уже готовое решение музыкально-научных проблем, которыми появление этих положений в свое время было обусловлено. «Гиперкритические» трактовки эйлеровского музыкально-теоретического наследия, однако, нередко оставляют без внимания сложности, свойственные самому процессу научного исследования, в результате чего реальные закономерности развития науки о музыке оказываются тем самым представленными в явно обедненном виде. В этом отношении более реалистичную позицию занимают те авторы, которые, не отрицая черт ограниченности в музыкальной теории Эйлера, высказываются о ней в целом положительно, видя ее основную ценность в постановке ряда фундаментальных вопросов теоретического музыкознания, равно как и в присущей музыкально-теоретическим работам Эйлера (подобно другим трудам ученого) тенденции к применению последовательно научных методов при рассмотрении изучаемых явлений [21].

Проблемная ценность теории Эйлера отчетливо обнаруживается в предпринятом ее автором опыте систематизации отношений между звуками и созвучиями (преимущественно – звуковысотных) на основе характеристики «приятности» (или «благозвучия», *suavitatis*) [22]. При неубедительности предлагаемого Эйлером (хотя исторически вполне объяснимого) *абстрактно-математического подхода* к выявлению сущности этой категории (по природе своей – социально-

психологической [10]) и значения ее конкретных музыкальных проявлений, опыт этот тем не менее примечателен содержащейся в нем более общей идеей комплексного показателя *сложности* (соответственно – упорядоченности) логической организации музыки, данной со стороны ее восприятия субъектом. Идея эта близка позднему *понятию информации*, существенному для эстетической оценки явлений; при этом значение данного понятия (так же как и эйлеровской категории «приятности») не ограничивается чисто логической областью, оно включает и более конкретное смысловое содержание. Помимо этого – общефилософского по существу – понятия (в исследовании и практическом применении которого довольно быстро обнаружился музыкально-эстетический аспект [10; 19; 22]), позднейшая теоретическая мысль о музыке выдвинула (преимущественно – в XX в.) ряд других, более «локальных» по значению характеристик подобного же рода; к ним относятся, например, обобщающие характеристики «плотности» ([23; 24] и др.), «напряженности» [25; 26]), «звуковой температуры» [2] музыкальных построений и т. п. При этом часть опытов систематизации музыкально-логических отношений на основе указанных характеристик (например, «напряженности» созвучий и их систем) сыграла заметную роль в осмыслении новых логических закономерностей музыки XX в., способствуя тем самым внесению «ясности и стройности» (по известному выражению С. Танеева [27, с. 233]) в их применение на практике. Очевидно, однако, что структурные принципы этих обобщений (при неравнозначности их содержания) обнаруживают черты сходства с аналогичным опытом Эйлера, и это дает основания оценивать сам данный опыт как заключающий в себе перспективу крупного исторического масштаба и значения. Направленность этой перспективы не совпадает с некоторыми из исходных положений музыкальной теории Эйлера, ориентирующих на простоту (а не на определенное соотношение простоты и сложности) созвучий как на выражение наибольшей «приятности» и «совершенства» [17, гл. 2, § 8, 13]; однако присущая эйлеровским музыкально-теоретическим работам тенденция сверять производимые теоретические расчеты с данными непосредственного музыкального восприятия (что отмечено, в частности, в исследовании [21]) приводит и самого их автора к выводу об оптимальном благозвучии как занимающем некое срединное положение между доступными восприятию минимумом и максимумом сложности [17, гл. 8, § 13 – 16].

Аналогичную перспективную значимость обнаруживают и другие идеи Эйлера, относящиеся к деталям логической организации музыки (соответственно – функционирования категории «приятности»). Такова, в частности, выдвигаемая ученым идея звуковысотного тождества горизонталей и вертикалей [17, гл. 5, § 3], предполагающее относительную независимость характеристики «приятности» созвучий от фактора времени. Значение этого положения теории Эйлера имеет два аспекта, охватывающие как область логики, так и область психологии музыкального восприятия.

В своих теоретических положениях Эйлер исходит из нетемперированного строя, и эта, казавшаяся в свое время архаичной, сторона его теории обнаруживает новые перспективные возможности в условиях развития современного электронно-компьютерного музыкального инструментария. Однако им же предложена система измерения интервалов в логарифмах частот с основанием 2, – иначе говоря, в долях октавы [17, гл. 7, § 4], – однотипная в своей логической основе с равномерно-темперированными строями. Тем самым Эйлером в его теории фактически учитываются оба принципа формирования звуковысотных (и ритмических) систем, игравшие видную роль в истории музыки, а именно – принцип сложения и деления элементов системы; конкретная же форма соотношения этих принципов определяет своеобразие позиции ученого по данному вопросу, также содержащей в себе черты «развернуто выраженной проблемности». В этой связи следует отметить и произведенную Эйлером в поздний период музыкально-научной деятельности теоретическую разработку 24-ступенной темперации с учетом интервала «натуральной малой септимы» (соотношения частот 7 : 4) [21, с. 342].

Отмеченные особенности музыкальной теории Эйлера позволяют говорить о ее высокой эвристической значимости, вполне подтвердившейся последующим развитием как теории музыки, так и самой музыкальной практики. В общей картине развития теоретической мысли о музыке в XVIII в. оригинальные идеи Эйлера занимают видное место, существенное для создания объективного представления о фундаментальных достижениях этого этапа истории теоретического музыкознания. Активное обращение к музыкально-теоретической концепции Эйлера в современных условиях оказалось весьма полезным и способным привести к новым плодотворным теоретическим и практическим результатам.

Развитие *информационных технологий в музыке* во второй половине XX – начале XXI века существенно обогатило, например, содержание понятия «*экспериментальная эстетика*» (выдвинутого еще в последней четверти XIX в.), усилив в нем активный, творческий элемент. В своем нынешнем виде экспериментальная эстетика включает как проверку идей, выдвигаемых в ходе изучения традиционных искусств, с помощью современных технических средств и *музыкально-компьютерных технологий (МКТ)* [28; 29; 30], так и непосредственное выявление художественно-практических возможностей новых, «экспериментальных» форм, жанров и видов искусства (светомузыка, электроакустическая и «пространственная» музыка, видеоарт, театрализованные представления «Звук и Свет» и др., возникновению и развитию которых эти средства способствуют.

Показательный пример в данном отношении представляет область *компьютерной музыки* (более широко – сфера компьютерного музицирования) на всех этапах исторического развития, равно как и на проявляющихся в ходе этого развития уровнях содержания музыкального материала (логика, акустика, комплексная семантика) [31; 32; 33; 34]. На протяжении всей эволюции

компьютерного музицирования выдвигание художественно-практических задач происходило во взаимосвязи с теоретическим исследованием закономерностей музыки, что подробно рассмотрено нами в работах [35; 36; 37; 38]. Рассматриваемый со стороны исследования музыки, этот процесс интересен присутствующими в нем проявлениями перехода от понятийно представленных обобщений изучаемых (или прогнозируемых) музыкальных явлений к их практическому конкретно-образному моделированию (ранее возможному лишь в очень ограниченном объеме), что непосредственно сближает музыкально-исследовательскую деятельность с самой художественной практикой (см., например, [39; 40; 41; 42]).

Внедрение *МКТ* в образовательный процесс и возможности *компьютерного музыкального творчества как новой информационно-трансляционной системы* позволяют актуализировать подготовку и переподготовку высококвалифицированных специалистов различных уровней, востребованных в современном обществе, а также раскрывают новые перспективы в художественном образовании и музыкальной педагогике.

Литература:

1. Горбунова И.Б. Информационные технологии в музыке. Т. 1: Архитектоника музыкального звука: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 175 с.
2. Горбунова И.Б. Информационные технологии в музыке. Т. 2: Музыкальные синтезаторы: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. 205 с.
3. Горбунова И.Б. Информационные технологии в музыке. Т. 3: Музыкальный компьютер: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. 412 с.
4. Горбунова И.Б. Информационные технологии в художественном образовании / Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии: Научное издание / под ред. С.В. Клягина, О.В. Шипуновой. - СПб.: Изд-во Политехн. ун –та, 2013. С. 192-202.
5. Горбунова И.Б., Заливадный М.С. Информационные технологии в музыке. Т. 4: Музыка, математика, информатика: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. 180 с.
6. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Комплексная модель семантического пространства музыки и перспективы взаимодействия музыкальной науки и современного музыкального образования // Научное мнение, 2014. № 8. С. 238-249.
7. Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах. М.: Классика-XXI, 2011. 816 с.
8. Marx A. V. Die Lehre von der musikalischen Komposition. Bd. 1. 644 S. - Bd. 2. 616 S. - Bd. 3. 633 S. - Bd. 4. 600 S. - Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1837–1846.
9. Riemann H. Grundriss der Kompositionslehre. – Т. 1. 234 S. – Т. 2. 149 S. - Leipzig: Max Hesse, 1897.
10. Зарипов Р. Х. Творчество в алгоритмических рамках // Сюита для персонального компьютера с оркестром. М.: Знание, 1989. С. 3 – 25.
11. Эйзенштейн С.М. Вертикальный монтаж // Эйзенштейн С.М. Избр. произв. в 6 т. Т. 2. - М.: Искусство, 1964. С. 189 - 266.
12. Xenakis I. Musiques formelles. La Revue musicale, № 253/254. Paris, 1963. - 232 p.
13. Горбунова И.Б., Заливадный М.С. Музыкально-теоретические воззрения Леонарда Эйлера: актуальное значение и перспективы // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, 2012. № 4 (Т. 2). С. 164-172
14. Горбунова И.Б., Заливадный М.С. О математических методах в исследовании музыки и подготовке музыкантов // Проблемы музыкальной науки, 2013. № 1(12). С. 272-276.
15. Горбунова И.Б., Заливадный М.С. Опыт математического представления музыкально-логических закономерностей в книге Я. Ксенакиса «Формализованная музыка» // Общество. Среда. Развитие, 2012. № 4(25) С. 135-139.

16. Эйлер Л. Опыт новой теории музыки, ясно изложенной в соответствии с непреложными принципами гармонии. СПб.: Нестор-История, 2007. 273 с.
17. Euler L. Tentamen novae theoriae musicae ex certissimis harmoniae principiis delucide expositae. Petropoli, 1739. 263 p.
18. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Мир, 1966. 351 с.
19. Пирс Дж. Символы, сигналы, шумы. М.: Мир, 1967. 334 с.
20. Герцман Е. В. Леонард Эйлер и история одной музыкально-математической идеи // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. М.: Наука, 1988. С. 321 – 332.
21. Церлюк-Аскадская С.С. Музыкально-теоретическое наследие Леонарда Эйлера в свете эволюции учения о звуковысотной организации. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Киев, 1987. 18 с.
22. Мийо Д. Политональность и атональность (1923) // Кокорева Л. Н. Дариус Мийо. Жизнь и творчество. М.: Музыка, 1984. С. 283 – 296.
23. Křenek E. Extents and Limits of Serial Techniques // The Musical Quarterly, 1960, №2. P. 210 – 232.
24. Schillinger J. The Schillinger System of Musical Composition. V. 1 – 2. New York: Carl Fischer, 1946. 1640 p.
25. Курт Э. Романтическая гармония и ее кризис в «Тристане» Вагнера (1920). М.: Музыка, 1975. 545 с.
26. Оголевец А. С. Введение в современное музыкальное мышление. М. – Л.: Музгиз, 1946. 482 с.
27. Танеев С. И. Материалы и документы. Т. 1. М.: АН СССР, 1952. 535 с.
28. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии - новая образовательная творческая среда // Universum: Вестник Герценовского университета, 2007. № 1. С.47-51.
29. Горбунова И.Б. Феномен музыкально-компьютерных технологий как новая образовательная творческая среда // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. № 4 (9). С. 123 – 138.
30. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии в подготовке педагога-музыканта // Проблемы музыкальной науки, 2014. № 3(16). С. 5-11.
31. Горбунова И.Б. Музыкальный компьютер: монография. СПб.: «СМИО Пресс», 2007. 399 с.
32. Горбунова И.Б. Музыкальный звук: монография. СПб.: Изд-во «СОЮЗ», 2006. 165 с.
33. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Кибиткина Э.В. Основы музыкального программирования: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 195 с.
34. Горбунова И.Б. Архитектоника звука: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2014. 125 с.
35. Горбунова И.Б., Панкова А.А. Компьютерное музыкальное творчество как средство формирования информационной компетентности современного музыканта-педагога // Вестник Иркутского государственного технического университета, 2013. №9 (80). С. 256-261.
36. Горбунова И.Б., Панкова А.А. Музыкально-компьютерные технологии как фактор становления профессиональной компетентности современного музыканта-педагога // Вестник Иркутского государственного технического университета, 2013. №12 (83). С. 390-395.
37. Горбунова И.Б., Панкова А.А. Компьютерная музыка. Т. 1: Компьютерное музыкальное творчество: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И Герцена, 2013. - 190 с.
38. Горбунова И.Б., Панкова А.А. Компьютерное музыкальное творчество: теория и практика. Saarbrucken, Germany. 2014. - 125с.
39. Горбунова И.Б., Чибирёв С.В. Музыкально-компьютерные технологии: к проблеме моделирования процесса музыкального творчества: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. - 160 с.
40. Горбунова И.Б., Чибирёв С.В. Компьютерное моделирование процесса музыкального творчества // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. № 168. С. 84 - 93.
41. Горбунова И.Б. Новые художественные миры. Интервью профессора РГПУ им. А.И. Герцена И.Б. Горбуновой // Музыка в школе, 2010. № 4. С. 11-14.
42. Горбунова И.Б. Эра информационных технологий в музыкально-творческом пространстве / Материалы XII Санкт-Петербургской международной конференции «Региональная информатика – 2010». СПб., 2010. С. 232 – 233.

УДК 324:008(470+571)

ББК 66.2:71.0(2)

Т.Б. Синицын
Tihon Sinitsyn
tihonsin@mail.ru

**Проявления византийской эстетической традиции в современной
художественной культуре Севастополя и Крыма**
**The manifestations of the Byzantine aesthetic tradition in contemporary art culture of
Sevastopol and Crimea**

*Крымский Федеральный университет,
филиал гуманитарно–педагогической академии (г. Ялта)*
Crimean Federal University, branch of Humanitarian and Pedagogical Academy (Yalta)

В работе выявлена тенденция влияния византийской эстетической традиции в современной художественной культуре в г. Севастополе и республике Крым.

Отмечено значение воздействия византийского стиля на создание современными авторами произведений художественной культуры. Отдельное внимание уделяется вопросу возрождения византийской стилистики в современном крымском сакральном православном искусстве.

Выводы, сформулированные в данном исследовании, могут быть использованы в аспектах эстетики, искусствоведения и культурологии.

Ключевые слова: Византия, православие, византийский стиль, художественная культура, эстетика, искусство.

This work showed a trend of aesthetic influence of the Byzantine tradition on contemporary art in the city of Sevastopol and the Crimea Republic.

The importance of the impact of the Byzantine style on creation works of artistic culture by modern authors is noted. Special attention is paid to the revival of the Byzantine style in the modern Crimean Orthodox sacred art.

The conclusions of this research can be used in aspects of aesthetics, art and cultural studies.

Keywords: Byzantine, Orthodox, Byzantine style, art culture, aesthetics, art.

Византийская художественная традиция на протяжении веков продолжает оказывать заметное влияние на формирование эстетических особенностей Российской культуры и в частности визуального искусства. В данной работе отметим особую роль уникального специфического художественного наследия Крыма в процессе интеграции византийской эстетической традиции в художественную культуру России. Крымский полуостров на протяжении длительного времени является своеобразным перекрестком культур, местом компактного проживания различных самобытных

народов, что способствует интенсивному взаимодействию и взаимопроникновению разнообразных художественных особенностей. Особую роль в этом процессе сыграло распространение православной культуры и связанной с ней византийской эстетической традиции. На протяжении столетий Крымский полуостров испытывал прямое политическое, социальное, культурное и духовное влияние Византии. Средневековый Херсон (Херсонес) и княжество Феодоро, располагавшееся в горах Юго-Западной части полуострова, являлись своеобразными форпостами византийского присутствия в Таврике. В последующие века византийская эстетическая традиция, выражавшаяся в определенной стилистике произведений искусства, так же продолжала оказывать влияние на культурное бытие народов полуострова. Однако, подлинное возрождение данной традиции началось после вхождения Крыма в состав Российской империи. Именно в эту эпоху активизировалось исследование и воссоздание древних византийских монастырей, храмовых комплексов, была организована реставрация средневековых мозаик и фресок, были проведены археологические раскопки и осуществлена реконструкция старинных храмов. Особый интерес к византийской эстетической традиции наблюдается в настоящее время. В современном Крыму и в Севастополе возрождаются древние православные храмовые сооружения, созданные в византийский период; в наше время современные иконописцы всё чаще обращаются к византийской стилистике при создании настенных росписей и станковых икон. Традиции византийского церковного пения используются в современной литургической жизни православного Крыма. Своеобразное влияние византийской эстетики ощущается и в отдельных примерах современного местного декоративно-прикладного искусства, а также светской станковой живописи. Следует отметить, что возникает определенная тенденция в сфере проникновения аллюзий на византийское искусство в современную массовую культуру и дизайн, формирующиеся в том числе, и на территории Крыма. Всё это обуславливает актуальность выбранной темы.

Целью настоящего исследования является определение роли влияния византийского стиля в православной художественной культуре Крыма и выявления тенденции к возрождению данной стилистики.

На развитие и утверждение эстетических предпочтений византийского общества существенно повлияло православное христианство. Именно православное мировоззрение стало для византийского общества тем колоссальным духовным источником, который на протяжении столетий определял и формировал культурные и социальные приоритеты жителей многонациональной Византии и государств, находившихся в сфере ее влияния. Византийское мироощущение отражалось в особенностях религиозной традиции и философии, космологии, письменности, образовании; распространялось на все сферы искусства — в архитектуру и поэзию, музыку и визуальное искусство [4].

Яркая византийская эстетическая среда воплотилась в уникальной и своеобразной стилистической традиции. Византийский стиль формировался и

обогащался на протяжении длительного времени, постепенно приобретая характерные черты.

По мысли культуролога А.П. Садохина, в художественной культуре, в частности в искусстве влияние и распространение византийского стиля по-разному усваивалось в различных регионах. Так в одних случаях формировались самобытные варианты византийского стиля, в других византийская стилистика существенно трансформировалась, а в иных – «византийский стиль оказывался мощным и плодотворным стимулятором развития национальных художественных культур» [5].

В Крыму византийский стиль многообразно перерабатывался на протяжении многих веков, а также оказывал прямое влияние на формирование самобытной местной художественной культуры.

В настоящем исследовании термин «художественная культура» понимается, как «совокупность процессов и явлений духовно-практической деятельности по созданию, распространению, освоению произведений искусства или материальных предметов, обладающих эстетической ценностью» [3]. Центральной частью художественной культуры является искусство, в частности визуальное искусство.

Отметим, что художественная стилистика византийского искусства унаследовала эстетические идеи античности и восточного мира. «Смешение греко-римских и восточных традиций наложило отпечаток на общественную жизнь, государственность, религиозно-философскую атмосферу, культуру и искусство византийского общества. Византия пошла своим историческим путем, во многом отличным от судеб стран как Востока, так и Запада» [4].

Переработанные античные и восточные художественные формы в творчестве православных художников Византии получили новое духовное наполнение и содержание. В условиях формирования крымского художественного наследия, поликультурный феномен византийского искусства получил особую благоприятную среду. Крымский полуостров на протяжении тысячелетий являлся своеобразным «мостом» для взаимодействия разнообразных культур Востока и Запада, местом проживания и миграций многочисленных народов. На полуострове происходил процесс трансформации и взаимопроникновения разнообразных духовных и эстетических традиций. В этих условиях роль влияния византийского стиля в формировании местной православной художественной культуры постепенно возрастала и становилась одной из наиболее значимых.

Рассмотрим некоторые примеры проявлений православной художественной культуры Крыма, которые свидетельствуют о воздействии византийской традиции. До настоящего времени на территории полуострова сохранились уникальные образцы средневековой византийской сакральной архитектуры. В качестве примера можно привести храм Иоанна Предтечи в г. Керчь. Постройка данного сооружения относится к VIII-IX векам. Данное сооружение многократно перерабатывалось и достраивалось. Однако, современный облик храма приближен непосредственно к традициям классического византийского стиля. В перечне наиболее значимых средневековых, византийских архитектурных объектов отметим: скальные

монастырские комплексы пещерных монастырей Юго-Западного Крыма, многочисленные средневековые византийские базилики Херсонеса, храм пророка Ильи в с. Солнечная Долина, православные средневековые храмы в г. Феодосия, византийский храм Двенадцати Апостолов на территории Судакской крепости, который в последствии был преобразован в армянскую церковь. Традиции византийской эстетики оказали влияние также и на более позднюю православную архитектуру Крыма. В XIX веке в условиях российского Крыма были созданы Свято-Владимирский собор на территории Херсонеса (г. Севастополь), Свято-Владимирский собор на главном городском холме г. Севастополя и Свято-Никольский собор в г. Евпатория. Эти сооружения наиболее явно унаследовали черты византийской стилистики. Возрождение элементов византийского зодчества характерно и для современных сакральных построек Крыма, например: храм в честь иконы Божией Матери «Всецарица» при Ливадийской больнице, часовня Новомучеников и Исповедников Российских на ялтинской набережной, восстановленный храм Святого Луки в с. Лаки, подворье монастыря святых мучеников Космы и Дамиана в Партените, новые храмовые и жилые постройки на территории Свято-Успенского Бахчисарайского мужского монастыря. На территории возрождающегося Свято-Успенского монастыря в г. Бахчисарае влияние византийской эстетики на создание и воссоздание новых храмовых построек, гостиницы для паломников и братских келий. Отметим, что в данном регионе, на примере конкретного памятника подобное влияние является органичным и актуальным.

Следует отметить, что в настоящее время наблюдается возрастающий интерес к традиции канонической византийской иконописи и настенной монументальной живописи. В византийском стиле работают многие современные иконописцы, расписывающие православные храмы Крыма. В качестве примера приведем современные росписи в храме Архангела Михаила в г. Алушке, росписи в храме великомученика Пантелеймона на территории Инкерманского монастыря, росписи храма Св. Параскевы на территории Топловского Свято-Параскевиевского монастыря, росписи храма Архангела Михаила (Севастополь). Многие современные православные храмы Крыма украшаются станковыми иконами, выполненными в византийском стиле.

Наблюдается возрастающий интерес к каноническим византийским иконописным традициям. Некоторые современные крымские иконописцы привносят элемент византийского стиля в авторские иконы и миниатюрные произведения декоративно-прикладного искусства. В таком направлении работает, например, крымская художница Н.Ю. Макриди. Декоративные произведения данного автора имеют ярко-выраженную византийскую стилистику. Элементы византийской эстетики оказывают влияние и на светскую жанровую живопись местных крымских художников: Юрия Чурсина, Елены Вильчуковой, Николай Дудченко, Александра Тюнькина и др.

Оказывает византийская эстетическая традиция влияние на творчество современного севастопольского художника-графика Владимира Новикова (г. Севастополь). Данный художник на протяжении длительного времени занимается реставрационными работами в храме Воздвижения Креста в Ливадии. В свою авторскую и прикладную графику В. Новиков привносит элементы византийской стилистики; это ощущается и в создании композиции, и в работе над фактурами, и в самом содержании картин.

Уникальное, пронизанное глубоким символизмом византийское искусство открывает широкий спектр тем для творчества современных художников и дизайнеров. Данную мысль подтверждает создание экспозиции уникальной художественной выставки, которая экспонировалась в г. Севастополе в июле-августе 2015 г на территории Херсонесского историко-археологического заповедника. В рамках проведения научно просветительского форума «Византия.ru» и воспоминания даты 1000-летия па князя Владимира с 26 июля по 15 августа 2015 года проводился уникальный визуальный проект, выраженный в формате выставки. Данный проект осуществлялся при поддержке администрации президента РФ, Правительства Севастополя, Московского патриархата РПЦ, Севастопольского благочиния, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», МЧС России и МОО «Всенародный собор».

Яркие современные авторы, представлявшие в частности Московскую Академию художеств и Московский музей современного искусства представили разнообразные произведения, выполненные в живописных, декоративных, объемно-пространственных техниках. На выставке имели место: батик, фотография, витраж, инсталляция, малая пластика (скульптура), коллаж, декоративная и мозаичная живопись.

В стенах Херсонесского заповедника прошла международная научная конференция «II Владимирские чтения». Конференция была подготовлена совместно Российской академией художеств, Херсонесским заповедником, Крымской епархией и институтом археологии. В ней приняли участие ученые из России, Греции, Сербии, Великобритании. Форум-фестиваль «Византия.ru» был подготовлен по поручению администрации президента РФ. Кураторами художественного проекта стали академики Н.А. Мухина и А.М. Лидов. В проекте приняли участие около 200 художников и 50 учёных из разных стран.

Основной целью данного проекта, по мысли авторов, являлось создание уникального эстетического пространства, открытого для диалога разных поколений.

Особое внимание авторы проекта уделили программе «возвращения иконического» в современное визуальное искусство, воспроизведение таких образов, которые составляли суть византийской духовной культуры, определившей базовые эстетические принципы национальной традиции России [4].

Очевидно, что художественная традиция Византии содержала такую мощную эвристическую силу, что эстетические образцы, сформированные в этом обществе, нашли разнообразное продолжение в культурной жизни различных государств.

Зародившиеся в Византии эстетические принципы, выраженные в определенной стилистике, имели исторические перспективы, их влияние ощущается и в наши дни.

Выводы:

Духовное наследие Византии оказало разнообразное воздействие на формирование православной художественной культуры Крыма, определяло особую роль данной эстетической традиции. Влияние специфического византийского стиля на сакральное искусство Крыма ощутимо и в настоящее время. В современном искусстве Крыма прослеживается тенденция к возрождению элементов византийской стилистической специфики. В Византии были сформированы особенные эстетические идеи, их эвристическая мощь оказалась настолько сильной, что на протяжении последующих веков они продолжают воздействовать на художественную культуру современного общества.

Литература:

1. Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. – К.: «Путь к истине», 1991. – 408 с.
2. Игнатов В.С. Художественная культура России XIX – XX в.в. // Сетевой журнал «Культуролог» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа к статье: <http://www.kultu-rolog.ru/library/culturology/ignatov-vs-xudozhestvennaya-kultura-rossii-xix-%E2%80%93-xx-vv/> (дата обращения: 28.02.2015).
3. Лихачева В.Д. Искусство Византии IV–IX вв. – Л.: Искусство, 1981. – 310 с.
4. Научно-просветительский творческий форум и выставка «Византия.ру» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа к статье: <http://www.rah.ru/news/detail.php?ID=29935> (дата обращения: 13.10.2015).
5. Садохин А.П. Культурология: теория и история культуры: Учебное пособие. – М.: Эксмо, 2007. – 624 с. – (Образовательный стандарт XXI) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа к статье: http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadohin-culturology-teor_i_ist_cult-2007-a.htm#_Toc170586900 (дата обращения: 28.02.2015).

УДК 316.42

ББК Ч.70/79

Р.А. Иванова
Rimma Ivanova
agraphari@gmail.com

О значении информационных технологий в музейной сфере About value of information technologies in the museum sphere

*Санкт-Петербургский государственный Политехнический университет
St. Petersburg State Polytechnic University*

В настоящее время функционирование музеев стало тесно связано с процессом глобализации, что определяет наличие новых характерных черт в музейной сфере и актуализирует применение универсальных и специальных PR-технологий.

Ключевые слова: социокультурное и информационное пространство, музейная сфера, информационные технологии, PR-технологии.

In present days functioning of the museums became closely connected with globalization process that defines existence of new characteristic features in the museum sphere and actualizes application of universal and special PR technologies.

Keywords: social, cultural and information space, museum sphere, information technologies, PR technologies

Начало XXI века ознаменовалось значительными изменениями в мировом культурном сообществе, появлением понятий «новой культуры» и «маркетинга музея», а также возрастающим значением применения информационных технологий в сфере культуры и музеев, в частности.

Музей - это, прежде всего, институт социальной памяти, хранилище национального богатства и принадлежащего обществу историко-культурного и природного наследия. Однако на современном этапе музеи сталкиваются с рядом серьёзных проблем, связанных, прежде всего, с системой финансирования.

Чтобы избежать финансовых неудач, эффективно конкурировать на рынке досуга, привлекать внимание туристов, создавать дополнительные возможности для образования, музеям необходимо использовать современные новейшие технологии деловой активности. Современная стратегия выживания уже принесла в традиционный музейный язык новые понятия: менеджмент, маркетинг и PR, которые способствуют организации современного музейного дела и управлению музейной деятельностью.

Процессы информатизации, насыщение социокультурного пространства компьютерными технологиями, все более широкое использование сети Интернет в социокультурных учреждениях приводят к радикальным изменениям в этой системе. У современных музеев, как части социокультурного пространства, уже нет выбора – использовать или нет те или иные технологии. Этот вопрос предопределен и регулируется достаточно жестко современными рыночными отношениями, требующими новых направлений профессиональной подготовки, включения будущих специалистов в жестко очерченный круг необходимых современному обществу компетенций. Музей должен реагировать на эти вызовы, которые обусловлены технологическими факторами, но имеют и важные социальные измерения, направления и тенденции модернизации. Сама парадигма современного музея претерпевает существенные изменения, отвечая требованиям времени, происходит трансформация функций музея.

Музей, рассматриваемый как социальный институт, представляет новые способы и приемы подачи материала, разрабатывает новые, проекты, направленные на привлечение различных категорий посетителей. Усиливается процесс переноса музейных экспозиций в виртуальное информационное пространство, что является важным механизмом и, в то же время, условием эффективной деятельности музея. Совершается поворот от модели музея как учреждения, к модели коммуникационного обмена в более широкой интерпретации, включающей различные задачи.

В XXI веке функционирование музеев стало тесно связано с понятием глобализации, что определяет наличие новых характерных черт в музейной сфере, таких как: мультикультурализм, как явление неконфликтного сосуществования в социокультурном пространстве различных культурных систем, культурная

гомогенизация, денационализация, формирование единого информационного пространства посредством Интернета, создание международных профессиональных сообществ музейных работников, формирование норм и стандартов деятельности [1].

Для того чтобы музей, не оставался только в кругу собственных проблем, необходимо создать условия для перехода к существованию в современном социокультурном пространстве. И решение этой проблемы возможно, в том числе и средствами PR-технологий.

Таким образом, актуальность применения универсальных и специальных PR-технологий в музейной сфере связана с необходимостью существенной модернизации последней в контексте современной социокультурной и экономической ситуации. Помимо этого, необходим анализ имеющегося на сегодняшний день арсенала подобных технологий, и адаптации их к условиям деятельности современного музея и выработке новых, эффективных форм и приёмов, способствующих повышению всесторонней привлекательности музеев.

Литература:

1. Именнова, Л. С. Музей в глобальном мире: инновации и сохранение традиций / Л. С. Именнова // Известия ПГПУ им. В. Г. Беллинского. - 2011. - № 24. - С. 34-38.

УДК 304.2+7.067

ББК 6/8+85

В.А. Колычева
Valeria Kolycheva
the-val@rambler.ru

Рынок русского искусства: изнутри и снаружи **Market of the Russian art: inside and outside**

Санкт-Петербургский государственный университет
St. Petersburg State University

Становление рыночной экономики в России сопровождалось фундаментальными изменениями во всех сферах жизни общества. Переход к рынку затронул и сферу культуры – произведения перестали рассматриваться лишь как духовные ценности. Началась постепенная интеграция русского искусства на международный художественный рынок. То, что этот процесс особенно важен для России наглядно подтверждается неоспоримым фактом: общеизвестно, что только количество памятников (без какой-либо оценки их культурного и духовного вклада в мировую историю искусства), находящихся на ее территории, существенно превосходит аналогичные запасы ряда других стран. К настоящему моменту в России накоплены редкие культурные активы, остающиеся, увы, в значительной степени не работающими. Возникает естественный вопрос – почему?

Ключевые слова: Россия, рынок, искусство, государство, общество.

The development of the market economy in Russia has been accompanied with fundamental changes in all the spheres of life of the society. The transition to the market system has affected the cultural sphere as well, the works of art stopped being considered as purely spiritual values. The Russian art has started its gradual integration into the international art market. The importance of this process for Russia is proved by the indisputable fact: it is common knowledge that the number of art memorials (without reference to their cultural and spiritual contribution to the world history of art) situated on the Russian territory considerably supersedes that of many other countries. At present outstanding cultural assets have been accumulated in Russia which unfortunately remain inactive for the most part. The question arises: why?

Keywords: Russia, market, art, state, society.

Настоящее обследование посвящено одному из ярких национальных арт-рынков – российскому. Отправной точкой для него послужило имеющееся противостояние двух его составляющих – внешней и внутренней частей. Удачи русского искусства на международных аукционах – с одной стороны, и крайне замедленное развитие местных продаж – с другой. Заметное отставание внутрироссийского рынка от общемировых норм продиктовано совокупностью причин, группирующихся вокруг трех стрессовых проблем: (1) пробелов в законодательстве на различных уровнях; (2) отсутствия специалистов, квалифицирующихся на стыке экономики и искусства, и способных качественно провести операцию по оценке памятника; (3) укоренившегося в социуме пренебрежения к профессиям творческого характера и как следствие художественного диктата галеристов по отношению к мастерам.

Играя негативную роль для эволюции российского арт-рынка в целом, данные проблемы не идут в разрез с позициями двух его участников. Во-первых, внутренняя слабость рынка оказывается на руку институту посредничества, искусственно раздувая его значимость. Во-вторых, верховная власть страны придерживается достаточно сдержанной позиции по вопросам вложений в сферу культуры и искусства. Это ведет к тому, что решения проблемных аспектов торговли произведениями непрерывно откладываются, пропуская вперед более насущные вопросы. Печальным итогом в частности явилась отмена популярной ярмарки «Арт Москва» [1], во многом являвшейся стартом для новаторских направлений в искусстве.

Возвращаясь к внешней, международной стороне российского художественного рынка, заметим, что имеющиеся успехи аукционных продаж не являются безоблачным. Основными покупателями русского искусства остаются россияне, причем сделки совершаются преимущественно с предметами антиквариата. Показательно, что эти тенденции позволяют зарубежным экспертам обращать внимание своих соотечественников на рынок современных русских мастеров как на весьма инвестиционно притягательный [2].

Глобальная цель данного обследования заключается в нахождении оправданных решений для болезненных вопросов российского художественного рынка.

Представляется, что первостепенными рекомендациями, распределенными по акторам рынка, должны стать следующие: (1) арт-аналитики – разработка отечественными учеными междисциплинарной теоретико-методологической базы для изучения феномена российского рынка искусства; (2) игроки – создание объективной системы прав и обязанностей прямых (мастера, галеристы, коллекционеры) и косвенных (эксперты-оценщики, страховщики) участников рынка; (3) государство – регулирование и контроль высшей властью сферы определения общих правил функционирования художественного рынка, его налоговой и информационной политик; (4) общество – переориентация национальных приоритетов на сохранение культурного достояния, а также возрождение спонсорства и меценатства. Причем по высшей планке последняя мера становится, чуть ли не самой важной: мировое признание художников должно исходить из вердикта национального рынка. И чем более развито общество, тем более близкую к объективной оценку оно выставит произведениям своих современников.

Литература:

1. Агунович К. «Надо находить в себе силы завершать убыточные проекты»_(Интервью с В. Бычковым.) // The Art Newspaper Russia. 11 сентября 2014 г. URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/774/>
2. Van der Vorst P. Russian Art: To Buy or Not to Buy // The Huffington Post United Kingdom. December 19, 2014. URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/patrick-van-der-vorst/russian-art-to-buy-or-not_b_6346914.html

УДК 76.01

ББК 60.0

А.С. Шутова
Alyona Shutova
alena-sh888@yandex.ru

Анализ форматов коммуникативного взаимодействия музейной экспозиции с посетителем

Analysis of formats of communicative interaction museum exposition with the visitor

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin*

В статье анализируются экспозиций музеев с точки зрения содержания информации и способов ее подачи зрителю, с целью выявления наиболее эффективных форм коммуникации с аудиторией.

Ключевые слова: музей, музейная экспозиция, музейная коммуникация, выставка, современные технологии.

In article are analyzed expositions of the museums from the point of view of contents of information and ways of its giving to the viewer, for the purpose of identification of the most effective forms of communication with audience.

Keywords: museum, museum exposition, museum communication, exhibition, modern technologies.

В XXI в. процессы пересмотра идеалов и ценностей становятся все более интенсивными. Для общества как никогда актуально формирование уважительного отношения к традициям, переосмысление старых и освоение новых ценностных установок. Одним из механизмов, способным удовлетворять эти индивидуальные и общественные потребности, является музей как социокультурный институт. Однако существуют противоречия, препятствующие реализации продуктивного потенциала музея: противоречие между потенциалом музея как хранителя социально-культурной памяти человечества и его востребованностью обществом; противоречие между богатством историко-культурного наследия хранимого музеем и его невыразительной презентацией в формах музейной коммуникации.

Согласно определению, принятому Международным советом музеев (ИКОМ) музей – это «постоянное некоммерческое учреждение, призванное служить обществу и способствовать его развитию, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и его среде обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей» [7].

Развитие информационных технологий привело к потреблению обществом значительного потока информации, в том числе и историко-культурной направленности. Информация стала более доступной. Для ее получения не обязательно стало идти в музеи и библиотеки – традиционные источники знаний историко-культурной области. Классические музейные экскурсии не дают достаточного объема адаптированной информации и эмоций «неподготовленному» человеку. Возникла необходимость внедрения новых форм коммуникации. Современные способы и формы коммуникации внутри музея, основанные на передовых технологиях и практиках позволяют по-новому интерпретировать историческое и культурное наследие, выстраивая новые системы общения с посетителем.

Цель данной работы – выявить, каким образом осуществляется обновление и расширение традиционных форм музейной работы для удержания посетителей, удовлетворяя их эстетические, информационные, интеллектуальные и психологические потребности наиболее полно. Организация различных мероприятий учебного, научного, развлекательного характера на базе музеев, а также информационно-образовательная работа с потенциальной аудиторией вне стен музея, в данном исследовании не рассматривается.

Специфика музея, отличающая его от других институтов культуры, заключается в том, что музейный показ предназначен, прежде всего, для зрительного восприятия. Музейная экспозиция – ключевой термин музееведения. Наиболее полным представляется определение А.Б. Закса в Российской Музейной Энциклопедии: «Музейная экспозиция – целенаправленная, научно-обоснованная демонстрация музейных предметов, связанных единством содержания, композиционно организованных, откомментированных, технически и художественно оформленных, в

совокупности создающих специфический (музейный) образ природных, общественных или культурных явлений и процессов, органично связанная с социальными функциями музея. Экспозиция музейная возникает в связи с потребностью использования собрания музейного в просветительских целях, а также для эмоционального воздействия на посетителя. Открывая возможность непосредственного контакта человека с культурными и научными ценностями, экспозиция музейная составляет основу коммуникации музейной...» [6; 355]. В настоящее время экспозиция также является основной формой музейной коммуникации.

Музейная коммуникация может быть внешней и внутренней. Внешняя коммуникация направлена на связи, распространение информации и общение за стенами музея, внутренняя ориентирована на коммуникационные процессы в стенах музея. В рамках данной работы рассматривается внутренняя музейная коммуникация. Пионером разработки коммуникационных представлений в музееведении стал Д. Камерон, предложивший рассматривать музей как особую коммуникационную систему. Согласно его определению, музейная коммуникация представляет собой процесс общения посетителя с «реальными вещами». Условием этого процесса является способность аудитории понимать «язык вещей» и способность создателей экспозиции выстраивать с помощью экспонатов невербальные пространственные «высказывания».

Современная экспозиция как средство коммуникации является особым синтетическим научно-художественным произведением, которое создается в соответствии с единым концептуальным замыслом, определяющим принцип отбора, группировку и интерпретацию экспонатов на основе научного, сценарного и художественно-дизайнерского проектирования. Ее формирует совокупность элементов: архитектура, музейные предметы, воспроизведения музейных предметов и внемузейных объектов, научно-вспомогательные материалы – схемы, карты, диаграммы, таблицы для установления смысловых связей между отдельными группами предметов, тексты, специально созданные произведения экспозиционного искусства, информационные технологии. Комментарием к экспозиции и представленным в ней музейным предметам служат экскурсии, лекции и другие формы просветительской деятельности музея.

Стремление к повышению роли музеев в организации досуга людей влияет на экспозиционную и культурно-образовательную деятельность. Это наглядно проявилось в тенденции к внедрению интерактивных технологий, погружение и включение аудитории в культурно-историческую среду музея, использование элементов шоу, разработке новых оригинальных приемов создания экспозиционных комплексов.

В результате исследования ряда российских музеев можно сделать вывод, что в зависимости от содержания информации и способов ее трансляции в рамках внутренней музейной коммуникации все экспозиции можно подразделить условно на: устаревшие, традиционные и современные.

Устаревшие формы выставки практикуют психологически устаревшие способы подачи информации, используют стандартные, официально признанные методы отбора и экспонирования. Такая форма статична и представляет собой набор музейных предметов, связанных территориально и исторически. Цель экспозиции – транслировать информацию, прочтение которой возможно только в одном ключе и не подразумевает обратной связи. В основе структуры музейной организации четкая экспозиционная логика, определяющая движение посетителя, создающая необходимые барьеры между посетителем и экспонатом. В таком формате организованы многие региональные выставки. Среди музеев С.-Петербурга к этому типу экспозиции можно отнести Зоологический музей. Обладая одной из самых богатых коллекций экспонатов в мире, музей не способен вызвать интерес у рядового посетителя. Логичная последовательность систематической коллекции и однообразная ритмичность в построении экспозиции быстро утомляют зрителя. Слабое освещение, устаревшее единообразное оборудование и научно-вспомогательные материалы, серые, требующие ремонта интерьеры, абсолютное отсутствие каких-либо современных технологий и творческих приемов в оформлении не могут привлечь аудиторию, следовательно, деятельность экспозиции не эффективна.

Традиционная выставка, ориентируясь на стандартные способы подачи информации, внедряет определенные технические новшества и современные наработки в области проектирования и дизайна. Зритель воспринимает информацию однозначно, от него не требуется индивидуальных интерпретаций. Вовлечение посетителя в двустороннюю коммуникацию носит периодический характер. К такому типу экспозиции можно отнести большинство музеев С.-Петербурга, Москвы, некоторые региональные музеи. Они поддерживают интерес аудитории разнообразием и уникальностью экспонатов, ансамблевыми, наличием шедевров мирового искусства, качественным уровнем подачи информации, поддержанием в отличном состоянии памятников архитектуры, интерьеров, экспонатов. Использование новых технологий экспонирования классическими музеями можно проследить на примере выставки известного архитектора Захи Хадид, работающей в стиле деконструктивизма. На момент исследования выставка проходила в Николаевском зале Эрмитажа. Экспозиция подготовлена в рамках архитектурной программы проекта «Эрмитаж 20/21», призванного собирать, изучать и экспонировать произведения XX – XXI веков. Был использован один из современных методов проектирования экспозиции «Музей в музее». Соседство классицистического парадного Николаевского зала и космических построек архитектора производит сильное эмоциональное воздействие. Сложная конструкция экспозиции, повторяющая архитектурные проекты Хадид, дает возможность почувствовать ход ее мысли. В одном зале сосредоточено более 300 экспонатов: макеты, фото, картины, мебель, дизайнерские вещи. На больших экранах демонстрируются слайды, иллюстрирующие работы архитектора. Выставка демонстрирует, как язык традиционной архитектуры трансформируется в новый, переключается с прошлым.

Современная форма выставки использует неординарный подход к методам отбора и экспонирования. В рамках одной экспозиции могут быть представлены различные, в том числе и современные виды объектов: скульптура, живопись, графика, инсталляция, видео-арт, перформанс. Все элементы экспозиции подчинены формированию единого образа. Восприятие и интерпретация этого образа зависит от зрителя, который выступает активным участником коммуникативного процесса. Музей оперативно реагирует на мировые события, потребности общества. Внедряя новые технологии и оригинальные способы подачи информации с использованием анимации, звука, особых арт-пространств, музей позволяет посетителю взглянуть на представленные работы через призму своего мировоззрения, тем самым создать собственное произведение искусства. Проекты экспозиций современного типа приближают искусство к публике, позволяют каждому найти в нем что-то близкое или новое. Большую роль играют пространственное разнообразие, богатство эффектов освещения и цветовой гаммы, призванные поразить зрителя сделать его путешествие по музею интересным. Ярким представителем музея современного типа является галерея современного искусства «Эрарта» в г. С-Петербурге. Галерея активно внедряет нестандартные способы экспонирования на основе современных технологий. В музее представлены озвученные истории картин – аудиоинсталляции по мотивам произведений музейной коллекции, написанные профессиональными музыкантами, которые оживляют полотна звуками, музыкой и шумами. Изоанимация – короткометражные анимационные фильмы развивают работы художников во времени, объясняя или обыгрывая их сюжеты. Интерпретации картин, выполненные профессиональными аниматорами, помогают аудитории по-новому взглянуть на живописные произведения из экспозиции музея. Тотальные инсталляции U-Space дают посетителю возможность пережить особый эмоциональный и ментальный опыт. Во время посещения этих арт-пространств зритель проживает иную жизнь. Для каждого она разная, в зависимости от особенностей индивидуального восприятия. Изолитература – эссе, сопровождающие отдельные экспонаты коллекции Эрарты, являются не просто комментариями или интерпретациями картин они раскрывают внутренние смыслы, часто более глубокие, чем первоначальный авторский замысел.

Исследование экспозиций музеев на предмет организации коммуникации со зрителем позволило разработать классификацию в зависимости от содержания информации и способов ее трансляции. В условиях возрастающего потока информации низкого культурного уровня, переосмысления ценностных установок общества пространство экспозиции, может представлять собой не только форму демонстрации музейных предметов, но и форму коммуникации, благодаря которой человек помимо обогащения своего культурно-исторического и социального опыта, приобретает новый эмоционально-психологический и художественный опыт. Наиболее жизнеспособными в этом процессе становятся музеи, реализующие принципы концептуальности, технологичности, интерактивности, вариативности, синтетичности.

Литература:

1. Быстрова Т.Ю. Использование художественных механизмов в современных музейных коммуникациях (на примере проекта «Искусство путешествий» УОЛЕ, 2013-2014). / УрФУ, Екатеринбург, 2014 г.
2. Гиль А.Ю. Эволюция музея в контексте становления информационного общества / Вестник Томского государственного университета. 2008 г., № 306.
3. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия/ Отв. ред. А. Щербакова. Сост. Н. Копелянская. М.: Фонд Михаила Прохорова; Творческая группа «Музейные решения», 2012.
4. Мягтина Н.В. Музееведение./ Учебное пособие, Владимирский государственный университет, 2010 г.
5. Павлова Н. Новые смыслы музейной коммуникации: от бытия знания к событию постижения / Музейная коммуникация: модели, технологии, практики. Российский институт культурологии МК РФ, Москва, 2010 г.
6. Российская музейная энциклопедия. Т.2. Москва: «Прогресс» «Рипол классик», 2001 г., С.355-357.
7. Международный совет музеев [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://icom.museum/the-vision/museum-definition/>

УДК 009+30

ББК 60

В.А. Сергеев
Vladimir Sergeev
vas@omzg.sscs.ru

О нормативах функционирования информационно-коммуникативного пространства

About standards of performance of information and communication space

*Институт вычислительной математики и математической геофизики СО РАН,
г. Новосибирск*

*Institute of Computational Mathematics and Mathematical Geophysics (ICMMG) of Siberian
Branch of Russian Academy of Sciences (SB RAS), Novosibirsk, Russia*

В статье моделируется влияние взрывных социальных перемен в центре некоторой страны на её периферию. В качестве моделей взяты катастрофические процессы геологии. Сепаратизм является главным моделируемым явлением. Для него и для его родственных терминов уточнены определения, выработаны новые фрагменты политологии, даны рекомендации для актуальной политической практики.

Ключевые слова: модели социальных катастроф, сепаратизм, национальность, нация, этнос, принципы сепаратизма, ситуации сепаратизма, федерализация, санация страны.

The paper simulates the impact of explosive social changes at the center of some country to its periphery. The catastrophic processes of geology are taken as models. Separatism is the principle simulated phenomenon. The definitions of separatism and related terms are specified, new fragments of Political Science are worked out and recommendations for actual political practice are given.

Keywords: models of social catastrophes, separatism, nationality, nation, ethnic group, the principles of separatism, separatism situation, federalization, rehabilitation of the country.

1. Под информационно-коммуникативным пространством (ИКП) будем понимать географические и мегабитно-информационные объёмы в социуме (с онлайн-информацией на разных каналах или на разных носителях в архивах памяти). С термином ИКП связано понятие «**социальной коммуникации**», трактуемое как [1] «обмен информацией между социальными субъектами (индивидами, социальными институтами)». **Средства массовой информации (СМИ)** являются интерфейсами такого обмена. От их качества существенно зависят не только нематериальные характеристики социума, но и все характеристики материальной сферы (в конечном итоге). Системные основы изучения СМИ обобщены кратко в монографии [2]. Возможности и характер социальной коммуникации в ИКП определяются свойствами **инномедиа** [3] = среды социума, состоящей из разнообразных учреждений и субъектов, влияющих на процессы (а) генерирования, (б) сертификации, (в) отбора и (г) просвещенческого распространения знаний, а также из коммуникативной сети между ними.

Инномедиа (как среда для СМИ) может быть разделена на следующие части [3] : **властно-управленческая среда** (главная, определяющая всё в тоталитарно-диктаторском социуме и многое — в ином социуме), **научная среда** (вырабатывающая наиболее достоверные, сложные и новые объективные знания), **образовательная среда** (в разной степени успешно транслирующая эти, а также иные знания), **техническая среда** (воплощающая эти знания в практически значимые товары и услуги — в разной степени оперативно, полезно и успешно, в капстранах — под своекорыстную и рекламно-обманную диктовку бизнеса) и **среда искусства** (включая религию) - распространяющая инициативно и вненаучно эмоционально-возбуждающими средствами не столько знания науки, сколько индивидуальные и племенные фантазмагии неких творцов, психическая вменяемость и образованность которых, зачастую, крайне ограничена, а воздействие их произведений на массовую серую публику бывает весьма велико [12].

В идеале СМИ сами могли бы осуществлять успешно процессы (а), (б), (в) и (г). Однако для оптимальных (а), (б) и (в) им не хватает научности и позитивного административного ресурса (если только некоторое СМИ не находится на щедрой и мудрой господдержке), а для (г) — научной и дидактической обеспеченности.

2. Какими должны быть Власти и СМИ в Государстве? Образно говоря, они должны быть, как воздух и вода. Без воздуха-Власти нельзя прожить и минуты; он всем и всюду необходим; его не замечают, если он чист, полезен и не удушлив. Без воды-СМИ можно обходиться, но не долго; она даёт силы и энергию (если она чиста); но она же отравляет, сумасбродит и убивает, если она грязна и ядовита. А если и воздух, и вода тошнотворны и токсичны?!

Что же мы наблюдаем в пригосударственных российских СМИ (Р-СМИ) с января 2014-го года? **События в Украине** последних полутора лет резко изменили их характер. Количество очевидной дезинформации и однобокой тенденциозной истерии о том, что творится у наших украинских «братьев славян» на огрызке гигантской Российской империи («тюрьмы народов» - продукта захватчиков и карателей, по В.И Ленину), в этих СМИ беспрецедентно!

Каким **нормативам** должны подчиняться СМИ и их работники? Ответ прост: законам, этике (журналистской и общечеловеческой) и совести (личной нравственности) [4]. А если корысти и чистогану (как «первая древнейшая»)? - оставим без ответа. Совесть очень разнообразна и индивидуальна, о ней не будем. А вот что касается остального, то есть статьи законов (в частности, Уголовного кодекса РФ — УК РФ [5] и Конституции РФ [6], нарушение которых судебно наказуемо), и различные нормы этики (в частности, содержащиеся в [7] и [8]).

«Международные **принципы** профессиональной **этики** журналиста» П1 - П10 (принятые на международной встрече журналистских организаций в Париже 20.11.1983 [7]) гласят следующее. П1: «право граждан на достоверную информацию». П2: «объективное освещение событий — долг журналиста». П3: «социальная ответственность журналиста». П4: «профессиональная честность журналиста». П5: «общественный доступ к информации и участие в СМИ». П6: «уважение частной жизни и достоинства». П7: «уважение общественных интересов». П8: «уважение всеобщих ценностей и многообразия культур». П9: «борьба против войн и других бед, грозящих человечеству». П10: «развитие нового мирового информационного и коммуникационного порядка». Здесь П1 — П5 близки и направлены против дезинформации. С ними перекликается ветхозаветная заповедь №9 «не лжесвидетельствуй!» [8] и максима А.И Солженицына «Жить не по лжи!». Принципы П8 и П10 не вполне конкретны. А вот П9 важен именно для текущих событий в Украине. Заметим сразу, кстати, что систематическое «**на Украине**» в устах телеведущих главных госканалов РФ есть неуважение к стране Украина (не к территории!), как и в [9], нарушающее П8. Уместно вспомнить главную этическую заповедь Христа из Нагорной проповеди [8] : «Возлюби даже и врагов своих!» (руководствуются ли ею якобы православные мамонтовы и прохановы?!). А уж присмотреться к, видимо, слишком категорично отброшенным принципам «Морального кодекса строителя коммунизма» [10] вполне «не грех», - «сам Бог велел»: из 12 этих принципов 10 успешно применимы для любых стран, идеологий, строев и народов.

Что же касается предполагаемых **нарушений законов** центральными российскими СМИ, то в тональности многих новостийных сюжетов и ток-шоу их телеканалов отчётливо, навязчиво, истерично, зомбирующе все эти полтора года звучали мотивы разжигания национальной и социальной ненависти и розни, поддержки террористов и бандитов Востока Украины (пытающихся решить вопросы сепаратизма и федерализма мятежным насильственным путём), призывов к гражданской войне в Украине, подталкивание высших российских властей к военной

агрессии против Украины («благо» эти власти сами, дав индульгенцию в марте 2014 года Путину по его просьбе на, практически, гитлеровское военное вторжение в Украину, оказались на грани преступления). А это уже — **возможные составы преступлений**, предусмотренных в статье 29 Конституции и в статьях УК РФ: в статье 353 (Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны - с наказанием лишением свободы до 15 лет), в статье 354 (Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны - до 3 лет), в статье 205.2 (Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма — до 5 лет), в статье 212 пункт 3 (Призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами; здесь «массовыми» считаются беспорядки, сопровождаемые насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителям власти, - до 3 лет), в статье 280 (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности - до 5 лет), в статье 282 (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации — до 5 лет), в статье 129 (Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию — до 3 лет).

3. Костры информационной войны до сих пор не гаснут на телеэкранах всех ведущих прогосударственных каналов России. Весь 2014-й год, в половине 2015-го года телеумельцы истерически разжигали ненависть к центральным властям Украины («хунте», «нелегитимным», «нацистам», «фашистам») и обеляли агрессивные банды вооружённых сепаратистов («народ», «повстанцы», «ополченцы», «мирные граждане», «дети и старики»), в которых едва ли не большинство составляют профессиональные военные из России. Акты двойной морали и всяческое искажение достоверной информации происходили поминутно и журналистами, и политическими лидерами РФ. Всё — по известным рецептам [11,12]. Проявлениям **национализма** в Украине лживо либо безграмотно лепились ярлыки «**нацизма**» и «**фашизма**», запугивали жупелом **антисемитизма**. (Заметим, что антисемитизм проявляется в Украине не в большей степени, чем в России [13]). Политговоруну не удосуживаются понять, что главный мотив сотрудничества бандеровцев и части прибалтов с Вермахтом состоял в выборе «западенцев» «между двух зол» (по их мнению) — Гитлера и Сталина — в пользу Гитлера (как меньшего из зол), - видимо, как и у генерала Власова (хотя я не оправдываю упомянутых). В ходе разноаспектного освещения одних и тех же событий вещатели однобоко демонизировали знаковые личности; например, с одной стороны, называли Степана Бандеру фашистом, не упоминая о том, что он был, помимо сотрудничества с Гитлером, и самоотверженным патриотом украинского народа [14] (за что его и почитают современные украинские

националисты), а с другой стороны, справедливо называя Сталина палачом массовых преступных репрессий, голодомора и предателем ленинцев [15], умалчивают о том, что он заботился о трудовом народе, был советско-интернациональным патриотом СССР и руководил (не без провалов!) Страной при разгроме фашистов. И не проводят параллели с Россией Ельцина-Путина; а надо!

По наглости, кровавости и преступности антиконституционный переворот Ельцина в сентябре-октябре 1993 года (с расстрелом из танков здания высшей власти России, с гибелью многих сотен защитников Конституции) перекрывает сравнительно безгрешный [20] и безжертвенный (не считая одной сотни погибших с обеих сторон от пуль неизвестно чьих снайперов) переворот в Киеве, связанный с бегством Януковича от своих обязательств и от своего президентства. Так где более мрачна «хунта» и «нелегитимна» власть - в Москве или в Киеве?!

По жестокости и кровавости борьба Кремля с сепаратистами Кавказа с 1994 года по сию пору, унёсшая сотни тысяч жизней, с обстрелами легко вооружённых боевиков ракетами и снарядами из самолётов, вертолёт, танков, пушек, с убийством федералами законно избранных президентов Ичкерии Дудаева и Масхадова, тысячекратно трагичнее украинских «разборок». А почему пропутинские говоруны, подзуживая Кремль вторгнуться в Украину для защиты «соотечественников», опираясь на безнаказанный опыт вторжения 8.8.2008 в Грузию, противятся аналогичной операции в Сирии по «принуждению к миру» Башара Асада (как и ранее — Саакашвили), хотя тогда в Грузии за 5 дней погибло около 100 человек, а в Сирийской гражданской войне за 2 года погибло более 200 000 ?!

4. Уточним определения и понятия важных терминов, которыми жонглируют мастера ядовитых СМИ, и дадим некоторые советы.

Фашизм (=Ф) определяется по-разному [14]. Синтезируя эти мнения и его признаки, предлагаю следующее. Фашизм — это: (1) тоталитарная (политически, экономически, культурно), (2) террористическая (внутри Страны), (3) агрессивная и захватническая (вне Страны) (4) диктатура (5) капитала (6) с шовинизмом, расизмом, нацизмом, (7) с геноцидом «неполноценных» и «вредных» народов, (8) с культом личности «Вождя» (фюрера, дуче и др.). Для германского 3-го Рейха характерны все эти 8 признаков. Для СССР Сталина — лишь (1), (2), (3), (4) и (8). Для современных «западенцев» Украины только частично (5) и (6), а для РФ — частично всё, кроме (7). Исходя из этого непрерывное обзывание из Москвы «фашистами» активистов «Правого сектора», «Свободы» и даже властей Киева неуместно.

Сепаратизм (С) (как стремление народа, этноса к собственной государственности) не должен считаться предосудительным, если он не реализуется средствами террора. Но беда в том, что на уровне ойкумены сепаратизм остаётся полузапретным процессом, не обеспеченным всемирно принятыми законами «развода» этносов. Да и кого считать «этносом»? Соглашаясь с [16], **этносом** надо считать **любую** группу людей, ощущающую себя особенной по некоторым признакам культуры (главное — их **самоопределение!**). **Нация** = это граждане (разных (или нет) национальностей — по самоидентификации, по «крови») одной страны S. На

основе каких принципов правители разных стран вырабатывают свои **отношения к сепаратизму?** До сих пор решая, как относиться к сепаратизму, правители руководствуются (в зависимости от собственной выгоды) одним или несколькими из следующих **принципов:**

принципом-Н «неделимости страны S (своей либо чужой) и её территориальной целостности», недопустимости выхода Sk из S;

принципом-П «права народов (=этносов) Sk, входящих в S, на самоопределение вплоть до отделения», полагая даже вооружённую борьбу против S за отделение от S нравственной, легитимной и даже законной;

принципом-Ж «права народов S и Sk на жизнь» (как высшего права, стоящего выше войн за сепаратизм или против сепаратизма);

принципом-З «запрета на вмешательство (военное и\или дипломатическое и\или экономическое и\или пропагандистское) со стороны страны Q во внутренние дела страны S, имеющей проблему сепаратизма с частью Sk этой страны S»;

принципом-Д (обратным принципу-З) «допустимости вмешательства страны Q во внутренние дела страны S, имеющей проблему сепаратизма с частью Sk этой страны S (по приглашению властей S или Sk или без оно, по решению Совбеза ООН или без оно), вплоть до военного вторжения, для «принуждения властей S к миру», или для «предотвращения гуманитарной катастрофы», или для свержения «недемократического деспотического режима властей S», или для подавления «незаконных террористических бандитских формирований», правящих в Sk ;

принципом-А «допустимости аннексии страной Q части Sk страны S» (вопреки воле властей S и законов страны S) во имя «справедливого возвращения некогда утраченной территории», «воссоединения с братским народом».

Опираясь на те или иные принципы Н, П, Ж, З, Д, А, правители стран (а вслед за ними и поддерживающие их СМИ) постоянно ведут **политику двойной морали**, когда сепаратистские проблемы одной страны решаются ими на основе одних принципов, а такие же проблемы другой страны — на основе других принципов. В частности, не отпуская из России Чечню, Дагестан, Татарстан, власти РФ опирались на принцип-Н (усеяв Россию десятками тысяч трупов в борьбе с сепаратистами, тогда как во всех событиях 2014-2015 годов в Восточной Украине погибло не более 6000 человек); а «откусывая» от Грузии Абхазию и Южную Осетию, от Украины — Крым, власти Кремля педалировали на выгодные им принцип-П и принцип-А. В Сирии (в которой боевые действия правительственных войск Башара Асада против местной оппозиции, не считая Игил, унесли за 4 года войны более 200 000 жизней) Кремль руководствуется принципами Н и Д, помогая Асаду. Каковы мотивы этого вмешательства: выхода из роли захватчика-террориста вхождением в роль борца с террористами?, попытка обелить себя в глазах российского населения после затратной и разрушительной тупиковой войнушки в Восточной Украине?, «понтново» продемонстрировать сохранившуюся с советских времён военную мощь? В любом случае, инициация баталий и грандиозные траты денег на них, на силовые структуры, на молельные дворцы, на пышные шоу и «стройки века», на затратные продукты

придворного пиара в ущерб «социалке» при обнищании россиян выглядят скорее диверсионными, чем патриотичными.

Детально, с формальных позиций, **ситуации сепаратизма** рассмотрены мною в [21].

Политикам при проявлениях С всегда нужно действовать мирно, не доводя до силовых столкновений; снимать нарождающиеся противоречия политическими, экономическими и культурологическими мерами; не раздражать жителей в Sk резкими заявлениями и действиями властей S; вовремя начинать спокойный, вдумчивый и справедливый «бракоразводный» процесс (когда устремления Sk из S стали уже слишком велики и необратимы). Совсем не идя навстречу пожеланиям сепаратистов, жестоко пресекая их попытки отделения от S, проблемы лишь загоняют внутрь, а не ликвидируют. Особая **добрая, мирная** забота всех должна быть о **молодых нациях**, в частности, - украинской !

С федерализацией (Ф) — то же самое. Понятийный мрак в этой сфере также мешает регулированию. Можно доказать в качестве строгой теоремы, что количество всех возможных вариантов Ф бесконечно. Все эти варианты политологи и юристы пытаются втиснуть в прокрустово ложе известной тройки «унитарное, федеративное, конфедеративное» государство. А суть в том, что каждый вариант Ф есть договор между Sk и S о том, какие и в какой мере права и обязанности Sk и S находятся в их совместном ведении, а какие — только в ведении Sk и только в ведении S. Но нет главного: международного закона о необходимых и допустимых фрагментах сценариев федерализации, о порядке её узаконивания, её возможного пересмотра и о её содержании в любой отдельной стране S.

Что делать для устранения дискриминации, страданий народов Sk в S при С- и Ф-войнах? Необходимо: (1) срочно выработать и принять международные законы об С и Ф; (2) международно осудить как тягчайшие преступления государственного терроризма все формы вмешательств любой страны Q, не приглашённой высшей властью страны S в эту страну, для решения в ней проблем С и Ф; (3) высшим властям страны S жёстко пресекать противозаконные (особенно силовые!) методы С и Ф, идущие от любых Sk . И важно понять, что азартно и масштабно идущая в Мире дорогостоящая борьба с **терроризмом (=Т)** тщетна без уместных шагов к утолению жгучих нужд тех, кто взялся за оружие. Не оправдывая Т, в [17] справедливо отмечается, что «Т появляется как ответная реакция на длительное затягивание решения политических проблем». Примеры тому — не только на Северном Кавказе (где продолжается тысячежертвенная война, начатая Россией летом 1999 года под выборы в РФ нового президента-«преемника»), но и в Сирии, в Северной Ирландии, в Испании, в Турции, в Китае, в Шри-Ланке и т.д.

В определении Т в законе [18] отсутствует фиксация субъектов-исполнителей террора. В книге [19] констатируется, что общепринятого определения для Т нет. Отметим следующее. {1} Субъектами Т (организаторами и исполнителями) могут быть не только индивидуумы или их группы, но и целые государства. Они осуществляют Т **в форме** войн (широкомасштабных, ограниченных или

диверсионных), в форме государственных переворотов, в форме геноцида и массовых репрессий [17,19,20]. В этом случае имеет место **государственный терроризм (ГТ)** в военной форме (ВГТ). Особо опасна при этом опора на уголовников и спецназ. {2} Помимо военного ГТ странами применяется дипломатический ГТ (ДГТ), экономический ГТ (ЭГТ) и медийный (информационно-идеологический) ГТ (МГТ). {3} Возможными **целями** ГТ страны-террориста Q являются противозаконные или несоразмерно жестокие действия властей Q против граждан Q или частей Q_k, а также против властей другой страны S, против граждан в S или частей S_k в своих политических, экономических или идеологических интересах.

Оккупация и захват Крыма в марте 2014 года с помощью спецназа РФ («зелёных человечков» без опознавательных знаков, «вежливых людей») явилось комплексным актом ГТ = ВГТ+ДГТ+ЭГТ+МГТ России против Украины. Таким же ГТ является содействие России сепаратистскому бандитизму и терроризму в Восточной Украине в последующее время. В этом — предмет для подачи иска Украиной в Гаагский трибунал. Прискорбно и позорно, что вслед за президентом Путиным ведущие Р-СМИ целый год тиражировали ложь о том, что в ходе присоединения Крыма к России на территорию Украины не вводились воинские подразделения России (кроме тех, которые по договору находятся на военно-морской базе в Севастополе). Эту ложь разоблачил сам Путин, рассказав подробно в документальном фильме «Крым. Путь на Родину», продемонстрированном 16 марта 2015 года в эфире телеканала «Россия-1».

Почти все революции в странах S насильственны [20]; однако новая власть страны S всегда подавляет прочих мятежников из S_k, законно и закономерно стремясь к миру и стабильности. Так было и в России после улично-московской революции сентября-октября 1993 года; Путин, придя к власти, только усилил эту тенденцию. На этом фоне систематически повторяемое соображение по телеканалам Р-СМИ о том, что если в столице, в Киеве, федеральные повстанцы вправе были насильственным путём свергнуть Януковича, то и сепаратисты в Донбассе имеют право насильственным путём отделиться от остальной Украины, со стороны донбасцев является заблуждением, а со стороны Р-СМИ — подлостью и диверсией.

Литература:

1. Шипунова О.Д., Бунеева А.М. Информационно-коммуникативное общество: предпосылки и концепции // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды 4-ой Междунар. науч.-теор. конф.- СПб., 2011 .- С.64-71.
2. Беленко В.Е. Современные средства массовой информации: типологический аспект. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. - 174 с.
3. Сергеев В.А. Коммуникации в инномедиа //Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды 6-ой Междунар. науч.-теор. конф., 20-23.11.2013, Спб. - С.294-303.
4. Сергеев В.А. К системному анализу проблем этики в журналистике. - Доклад, сделанный на 5-ой Международной конференции «Журналистика — категория нравственная», Новосибирск, 11-15 мая 2011 г.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации (вступил в силу с 1.1.2007, посл. редакция от 3.2.2014). - Википедия на 21.4.2014.

6. Конституция Российской Федерации. - М.: Центризбирком РФ, 2003 (принята референдумом 12.12.1993, посл. редакция от 11.4.2014). - 62 с.
7. Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 264 с.
8. Каретникова М.С. Библийская этика.-С-Пб.: Библия для всех, 2012.-166с.
9. Вассерман А.А. Украина и остальная Россия. - М.: АСТ, 2013. - 544 с.
10. Материалы XXII съезда КПСС. - М.: Госполитиздат, 1961. - 464 с.
11. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. - М.: Алгоритм, 2000. - 736 с.
12. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. - Вопросы философии. - 1989. - № 3,4.
13. Мухин А.А. и др. Еврейское сообщество. - М.: Алгоритм, 2005. -. 240 с.
14. Википедия, URL: <http://ru.wikipedia.org/>
15. Сергеев В.А. Генезис-гипотезы WE20 // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды 5-ой Междунар. науч.-теор. конф.- СПб., 2012.- С.137-145.
16. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. - М.: Наука, 1987. - 334 с.
17. Жаринов К.В. Терроризм и террористы: Исторический справочник / под. общ. ред. А.Е. Тараса. - Мн.: Харвест, 1999. - 606 с.
18. Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму».
19. Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений / под. общ. ред. А.Е. Тараса. - Мн.: Харвест, 2000. - 448 с.
20. Петров М.Н. Механизмы государственных переворотов: Историко-теоретическое исследование / под. общ. ред. А.Е. Тараса. - М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. - 400 с.
21. Сергеев В.А. Минимизация ущерба рифтогенных дислокаций // Субкультуры и коммуникативные стратегии информационного общества: Труды Междунар. науч.-теор. конф.- Спб.: Изд-во Политехн. ун-та 2014.- С.182-188.

УДК 001+006

ББК 60

В.А. Сергеев
Vladimir Sergeev
vas@omzg.sssc.ru

Сертификация коммуникативной информации Certification of communicative information

*Институт вычислительной математики и математической геофизики СО РАН,
г. Новосибирск
Institute of Computational Mathematics and Mathematical Geophysics (ICMMG) of Siberian
Branch of Russian Academy of Sciences (SB RAS), Novosibirsk, Russia*

В статье уточняются значения терминов «информация» и «онтология». Классифицируются и обсуждаются ситуации различного отношения к недостоверной информации её распространителя и получателя. Рассматриваются вопросы верификации и кастинга информации. Введены вектор верификации данных, его компоненты, другие классифицирующие параметры для верификации данных и построена классификация на основе этих параметров.

Ключевые слова: информация, онтология, недостоверная информация, сертификация, верификация и кастинг информации.

The article clarifies the meanings of the terms "information" and "ontology". Situations of different approaches to the false information by distributor and receiver are classified and discussed. The questions of verification and casting information are

considered. The vector of data verification, its components and other parameters for classifying data verification are introduced and classification is constructed on the basis of these parameters.

Keywords: information, ontology, unreliable information, certification, verification and casting information.

1. Понятие «информация» является центральным при выработке эффективных коммуникативных стратегий в современном обществе. При создании единого информационного пространства (страны или ойкумены) необходимо выбирать оптимум между энтропийным неуправляемым ростом информации и негэнтропийной её систематизацией [1]. Для этого необходимы уточнения и сути информации, и требований к ней. Важно не только давать определение термину «информация», но и осуществлять оценивание свойств информации и её распространения [2]. Важен также вопрос о влиянии особенностей психики приёмника (=реципиента) на адекватность понимания принятой информации (особенно — воспринимаемой интуитивно, с каналами герменевтики) [3].

Информационные технологии являются необходимыми и важными средствами сбора, накопления, поиска и передачи информации, в частности, в образовательных системах. Среда социума, состоящую из разнообразных учреждений и субъектов, влияющих на генерирование, сертификацию, отбор, распространение и восприятие информации, а также коммуникативную сеть между этими учреждениями и субъектами, предлагаю называть «**инфомедиа**» [4].

Кванты и блоки информации входят в состав знаний, теорий и онтологий, являющихся основой и науки, и практики, и образования.

Термин «онтология» в последние годы вошёл в арсенал работ и в поле внимания специалистов по ИТ-технологиям в науке, в образовании и в производстве. На конференции ЗОНТ-2013, организованной на базе Института математики СО РАН, где, в частности, имел место и мой доклад [5], состоялась итоговая дискуссия части ведущих российских специалистов в области научных онтологий. Консенсусным решением дискуссии стало понимание того, что место «онтологий» среди «знаний» [6] и «теорий» должно быть промежуточным [7].

Содержание **онтологии** представляется расплывчатым в системе следующих интеллектуальных и информационных продуктов, охарактеризованных мною в работах [5,8]:

► **модели и оболочки:** формализационная модель предметной области (ПО), математическая модель ПО, целевая (проблемная, задачная) ситуация для ПО, задача и постановка задачи;

► **знания,** включая данные, преобразованные данные, базы и банки данных, объекты (включая динамические - процессы), описания объектов, базы и банки объектов, зависимости между данными, отношения между объектами, законы и закономерности, структуры на данных и объектах, системы, алгоритмы, модели,

классификации, типизации, экспозиции, понятия, определения, термины, тезаурусы, проблематики, оценки, информацию;

▶ **нормативы** верификации и кастинга знаний;

▶ **теории.**

Вопрос о том, какие из продуктов, перечисленных выше до знаний, и какие продукты из знаний следует относить либо к онтологии, либо к теории, - это вопрос договорённости или чьёго-либо произвола. Система всех онтологий наполняет как совокупный мировой информационный канал распространения знаний и теорий (в частности, благодаря образовательным информационным технологиям), так и информационные базы и банки. Таким образом, онтология как часть **науки** является интерфейсом между знаниями и теориями.

2. Уточним, что следует понимать под «информацией» [6].

Ситуация S , связанная с термином «информация», задаётся семёркой:

$$S = \langle \text{ГИК}, \text{ПИК}, \text{ИК}, \text{ИФ}, \text{П}, \text{Н}, \text{В} \rangle .$$

Здесь термиксы имеют следующие значения. **ГИК** – это генератор информационного кода (Г-субъект), **ПИК** - приёмник информационного кода (П-субъект), **ИК** - информационный код, **ИФ** - информационный файл, **П**, **Н**, **В** - свойства информации: **П** - её понятность (как для источника, так и для приёмника), **Н** – её нужность (для данной цели, проблемы, задачи П-субъекта и\или Г-субъекта), **В** - важность (информативность для достижения или решения данной цели, проблемы, задачи). Диапазоны возможных значений: $0 \leq \text{П} \leq 1$, $0 \leq \text{Н} \leq 1$, $0 \leq \text{В} \leq 1$.

Все **ИФ** разделим на реальные и виртуальные; реальные **ИФ** разделим на командные и некомандные. В реальном **ИФ** может содержаться некоторый текст, фильм, фото, алгоритм действий - для субъекта (человека, множества людей, животного, растения или их группы) либо для аппарата (компьютера, станка, машины, технологического комплекса и т.п.). В виртуальном **ИФ** могут содержаться представления, мысли, воспоминания человека или животного. В **ИК** подобная информация не содержится. Но когда приёмником (субъектом либо аппаратом) воспринимается некий понятный ему (=интерпретируемый) **ИК**, то приёмник либо просто воспроизводит **ИФ**, соответствующий данному **ИК** (переводит **ИФ** из своей долговременной памяти в оперативную – «вспоминает»), либо сделав это, тут же запускает соответствующий алгоритм действий.

3. Достоверность информации. Использование информатики и информационных технологий в образовательном процессе любого уровня требует осознания отношения к достоверности распространяемой информации. Осознавать это необходимо и получателям (П), и распространителям (Р) информации. Ситуации отношений П или Р к недостоверной информации (НИ) могут быть перечислены и представлены с помощью следующей формальной классификации в табличной форме. Здесь отношение П или Р к НИ могут быть негативными (-), нейтральными (~) или позитивными (+).

Отношение П к НИ		-		~		+				
Отношение Р к НИ		-	~	+	-	~	+	-	~	+
Номер ситуации	класса	1	2	3	4	5	6	7	8	9

В этой таблице ситуация класса 1 (когда и П, и Р относятся к НИ негативно), казалось бы, является наиболее предпочтительной для любого социума. Это соответствует известному призыву А.И.Солженицына «Жить не по лжи!». Однако на практике реализуются и другие классы, даже класс 9: например, когда в роли Р выступают СМИ государства, имеющее множество жгучих проблем, но при этом и Р, и П (население, потребляющее СМИ, в которых изобилуют беспроблемные «веселуха» и «развлекуха») предпочитают исказить информацию, скрывая язвы общества и серьёзный поиск решений. Все другие классы ситуаций, содержащие либо (-), либо (~), также для меня не приемлемы.

4. Верификация и кастинг информации. Эти процедуры, означающие проверку истинности (ложности) данных, знаний и информации и отбрасывание из их множества ложных, важны не менее, чем сами эти реалии.

По моему мнению справедливы следующие утверждения [6].

Утверждение А: если все индивиды некоторого замкнутого сообщества (социума) *C* всегда и абсолютно правдивы, то: (1) резко упрощается и удешевляется система управления в *C*; (2) резко уменьшается число ошибок, сбоев и катастроф в *C*.

Утверждение Б: если лживость индивидов некоторого замкнутого сообщества *C* всегда максимальна, то: (1) управляемость в *C* не возможна; (2) число ошибок, сбоев и катастроф в *C* близко к максимально возможному.

Подробно о том, что следует относить к «**данным**», являющимся исходной информационной основой любой сферы науки, образования и практики, говорится в [6].

И практические, и теоретические данные могут быть точными (детерминированными, безошибочными – высшей достоверности), неточными (со случайными ошибками в известных пределах – средней достоверности) и гипотетическими (с неизвестными ошибками – низшей достоверности).

Аксиома достоверности данных: волюнтаристически и необоснованно повышать достоверность данных (от низшей к средней, от средней к высшей или от низшей к высшей) недопустимо. Это приводит к неконтролируемым ошибкам при решении практических и теоретических задач. Тот, кто делает это умышленно, - либо глупец, либо лжец, либо мошенник.

В разумном и честном социуме *C* за продуцируемую и распространяемую ложь в данных, знаниях или информации должны следовать суровые и неотвратимые наказания! И требует широкого общественного признания тот факт, что всякая религиозная идеология и соответствующая ментальность основаны на психопатологии и наглой лжи их носителей.

Главным средством борьбы с ложью является изменение менталитета членов социума *C* посредством системы преимущественно государственного (а не семейного) воспитания, у лучших отобранных педагогов. Во многих семьях педагогически не образованные и зачастую безнравственные родители и опекуны, в условиях недостатка времени, навыков, сил и средств, воспроизводят себя в детях ментально, парализуя нравственный прогресс общества. Без изменения менталитета не помогут ни хорошие законы, ни праведные нравоучения (естественно, при адекватных правителях стран мира).

5. Вектора верификации данных. Пусть *d* – это данные, а *S(d)* — это количественно выраженная степень достоверности этих данных: (а) точных, (б) неточных или (в) гипотетических. Это — безразмерная величина, имеющая смысл вероятности, с таким диапазоном изменений: $0 \leq S(d) \leq 1$. Для (а) $S(d)=1$, для (б) $0 < S(d) < 1$, для (в) $S(d)=?$, т.е. не определено. Обратная величина к *S(d)* — это риск *R(d)* ошибки за счёт данных; $R(d) = 1 - S(d)$; $0 \leq R(d) \leq 1$.

Вектором верификации данных *V(d)* будем называть двойку:

$$V(d) = \{Q(d), S(d)\}.$$

Здесь компонента *Q(d)* задаёт процедуру, с помощью которой определено значение *d*. При $Q(d) = 1$ значение *d* определено с помощью эталонированной измерительной системы (ЭИС) на основе прибора с датчиками либо экспертно в ходе эксперимента или наблюдения. Роль прибора может играть человек, эталонированный как прибор. Тип и величина погрешности прибора (=ошибка измерений) должна быть определена в ходе эталонирования. Шкала измерения для *d* должна быть фиксирована (тип шкалы, её единица, её минимум и максимум). При $Q(d) = 2$ значение *d* определено неэталонированным экспертом (или наблюдателем, свидетелем — интуитивно или органолептически) или не известно, как.

На основании изложенного ситуации, характеризующие верифицированность и неискажённость данных, определяются следующими параметрами и их значениями:

<1> источник данных известен: (да), (нет);

<2> каково *Q(d)*: $Q(d) = 1$ или $Q(d) = 2$;

<3> каково значение *S(d)*: $S(d)=1$, $0 \leq S(d) \leq 1$, $S(d)=?$

<4> относительные количественные веса значимости для экспертов или свидетелей заранее установлены: (да) или (нет);

<5> эксперты или свидетели честны (т. е. не лгут и не состоят в сговоре): (да), (нет), (?) .

По этим параметрам с учётом их допустимых сочетаний построена формальная классификация ситуаций для верификации данных, представленная в таблице ниже.

<1>	да						нет
<2>	1			2			2
<3>	$S(d)=1$		$0 \leq S(d) \leq 1$		$S(d)=?$		$S(d)=?$
<4>	да	нет	да	нет	да	нет	нет

<5>	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет	?
Номер класса	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13

Эта таблица может быть полезна для любых сфер науки, образования и практики, в частности, для гуманитариев: социологов, историков и юристов и других. В ней ситуация класса 1 является самой предпочтительной, а ситуация класса 13 — самой нежелательной.

Литература:

1. Волкова В.Н. Применение теории систем для исследования роли коммуникаций и единого информационного пространства как основы негэнтропийных тенденций в обществе // Субкультуры и коммуникативные стратегии информационного общества: Труды Междунар. науч.-теор. конф.- Спб.: Изд-во Политехн. ун-тета, 2014.- С.9-12.
2. Луковкин С.Б. Информация как инструмент управления социальными процессами // Субкультуры и коммуникативные стратегии информационного общества: Труды Междунар. науч.-теор. конф.- Спб.: Изд-во Политехн. ун-тета, 2014.- С.15-16.
3. Шипунова О.Д. Метадискурсивные каналы влияния в коммуникативной практике // Субкультуры и коммуникативные стратегии информационного общества: Труды Междунар. науч.-теор. конф.- Спб.: Изд-во Политехн. ун-тета, 2014.- С.33-38.
4. Сергеев В.А. Система инномедиа // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 28.2.2014: в 12 частях. Часть 9; М-во обр. и науки РФ. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. - С. 119-122.
5. Сергеев В.А. К формальному и математическому представлению знаний и онтологий. - Доклад, сделанный на 4-ой Всероссийской научной конференции с международным участием «Знания – Онтологии – Теории» (ЗОНТ-2013), Новосибирск, Институт математики СО РАН, 8–10 октября 2013 г.
6. Сергеев В.А. Верификация и кастинг данных, информации, знаний и их носителей в социуме // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды 4-ой Междунар. науч.-теор. конф.- СПб., 2011.- С.137-145.
7. Сергеев В.А. Гендерная модель онтологии // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 28.2.2014: в 12 частях. Часть 9; М-во обр. и науки РФ. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. - С. 113-116 .
8. Сергеев В.А. Задачи и инновации в IT-системах // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды 5-ой Междунар. науч.-теор. конф.- СПб., 2012.- С.81-91.

Секция 3. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДЫ И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 378.4

ББК 74.58

И.П. Березовская
Irina Berezovskaya
ipberezovskaya@mail.ru

Российское университетское образование. История и современность **Russian University education. The history and modern-ness**

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St.Petersburg Politechnic University

Санкт-Петербургский Государственный Университет путей сообщения Императора Александра I
Petersburg State Transport University

Автор осуществляет краткий исторический обзор развития университетского образования в России, указывая на основные этапы его становления, существенные характеристики, и существенные отличия развития университетского образования в России от университетского образования на Западе.

Ключевые слова: университет, образование, знание, наука.

The author provides a brief historical review of the development of University education in Russia, pointing to the main stages of its formation, the essential characteristics of, and significant differences in the development of University education in Russia University education in the West.

Keywords: University, education, knowledge, science.

До эпохи петровских реформ в России были университеты средневекового типа. К таковым относят Московскую славяно-греко-латинскую академию и Киево-Могилянскую академию. Цель средневековой науки — хранить освященное традицией знание, классифицировать его и разъяснять, дабы оно было понятным современникам и потомкам, сохраняло для них актуальность, отвечало их повседневным нуждам. Ученый Средневековья — не исследователь, а эрудит, классификатор и комментатор. И таких комментаторов и готовил средневековый университет. Фактически университет был типичной средневековой корпорацией наподобие цеха ремесленников.

Произошедшие в XVI—XIX веках изменения экономической, политической, и социальной жизни не могли не сказаться на жизни университета. Университеты старого типа перестали отвечать требованиям нового общества, они стали угасать и превратились в объект нападков со стороны идеологов Просвещения, которые видели

в университетах отживший атрибут феодализма и противопоставляли им специализированные профессиональные высшие школы. В Германии XVII—XIX веках был создан модернистский гумбольдтовский исследовательский университет, который совместил в себе старую форму с новым содержанием. Средневековый университет пользовался правом самоуправления и независимостью от юрисдикции местных властей, вместе с тем свободы преподавания он был лишен: церковь контролировала, какие знания раздает университет и соответствуют ли они религиозной традиции. Модернистский (гумбольдтовский) университет — государственное учреждение. Государство в лице министра образования подбирает кандидатуры для занятия в нем профессорских должностей, при этом сохраняя за ними право на возведение в степень и даруя свободу преподавания и учебы. Однако, главное отличие модернистского университета от средневекового в том, что задуман он был его создателями (Фихте, Шлейермахером, Гумбольдтом) как научное учреждение. И если средневековая наука призвана была хранить, классифицировать и комментировать священные традиции знания, но новая модернистская наука (образец которой — экспериментальное математизированное естествознание), утверждает, что не обладает истиной, а ищет ее. Поэтому и преподаватель в модернистском университете — это не Учитель с большой буквы, имеющий ответы на все вопросы, а ученый-исследователь, который ищет истину совместно со своими студентами и в ходе этого учит их основам научного поиска. Итак, модернистский университет — прежде всего научное, а уж потом образовательное учреждение.

Модернизация университетского образования в России началась постепенно с петровскими реформам. Первоначально российским университетам были представлены те же привилегии, что и европейским университетским корпорациям. Но по мере того, как университеты укоренялись в России, они заметно менялись, превращаясь в государственные высшие учебные заведения, отличающиеся от западных университетов. Эти отличия были не малочисленны, так еще с XVIII века сложилось разделение высшего образования и науки. Для проведения научных исследований и получения нового социально значимого научного знания была учреждена Академия наук. Университеты же, с появлением министерства народного просвещения в начале XIX века передаются под его контроль и превращаются преимущественно в образовательные и воспитательные, а не в научные учреждения.

В период с 1917 по 1922 год был принят ряд декретов и подзаконных актов, которые в корне изменили российское высшее образование. Вузы превратились в просветительские организации, где преподаватели читали желающим лекции на разные темы и проводили для желающих практические занятия. В ходе сталинской реформы 1932—1938 годов сложилась советская высшая школа в ее классической форме, в которой она просуществовала вплоть до эпохи перестройки и либерализации. В ней на первом месте были институты — технические, педагогические, сельскохозяйственные, которые готовили специалистов для промышленности, сельского хозяйства и сферы образования. Университеты играли

подчиненную роль: прежде всего, они обеспечивали школы, техникумы, институты педагогами общетеоретических дисциплин.

В 1990-е годы понятие «университет» в России настолько расширилось, что практически утеряло смысл. Практически все бывшие институты переименовались в университеты, тем самым, видимо, желая приобрести символические дивиденды. В 2000-е в рамках реформы высшего образования государство начало искать новый облик университета. Результатом этого поиска пока может быть появление федеральных университетов и научно-исследовательских университетов. Федеральные университеты призваны готовить региональную элиту, специалистов, востребованных хозяйственной и культурной жизнью региона, и обеспечивать региональные программы и проекты. Исследовательский же университет должен обладать способностью не только генерировать знания, но и обеспечивать эффективный трансфер технологий в экономику; проводить широкий спектр фундаментальных и прикладных исследований.

Реформа высшего образования, начавшаяся в 2001 году, еще не окончена (радикальное сокращение вузов и ППС планируется завершить к 2017 году), однако общие ее черты, а также основные результаты уже видны. Главная особенность этой реформы в том, что реформа проводилась и проводится авторитарным путем, преимущественно преследует интересы государства, в то время как интересы всех остальных участников образовательного процесса (родителей абитуриентов, студентов, профессорско-преподавательского состава и администраций вузов) практически игнорируются.

УДК 316.77

ББК 60.0

А.Б. Бушев
Alexandre B. Bouchev
alex.bouchev@list.ru

Обучаемый эпохи масс-медиа The student of mass media epoch

*Тверской государственной университет
Tver State University*

На пересечении полей цифровых медиа (конвергентных медиа) с мультимедийностью их материалов и не масс-медийных, но столь модных мультимедийных цифровых ресурсов для (само)образования возникает поле медиаобразования и медиаграмотности, которое вновь делает актуальным старую проблему – технологии хороши, но что они позволяют понять субъекту.

Ключевые слова: обучаемый, рефлексия, понимание, фрагментаризация мира, масс-медиа

At the crossroads of digital media with their multimedia content and multimedia recourses created outside the realm of mass media (the latter being so modern and popular in distance education studies) there stands the problem of media education and literacy, that once again makes the issue of comprehension of the subject rather acute. The technologies are fine but how do they help the subject comprehend the reality?

Key words: student, reflexivity, fragmentation of the outlook, mass media

На пересечении полей цифровых медиа (конвергентных медиа) с мультимедийностью их материалов и не масс-медийных, но столь модных мультимедийных цифровых ресурсов для (само)образования возникает поле медиаобразования и медиаграмотности, которое вновь делает актуальным старую проблему – технологии хороши, но что они позволяют понять субъекту. Иными словами, в новых условиях мультимедийности контента субъект образования вновь оказывается перед старым вопросом риторики и герменевтики - сколько я понял, что я понял и почему. Ведь одной из задач риторики Ю.В. Рождественский считал умение разбираться в массе текстов, окружающих человека. Обучаемый вновь поставлен перед задачами не только понимать, но и репродуцировать и продуцировать контент, самому оперировать с ним.

Субъект образования быстро привык к возможностям технологии – для него не составляет труда собственно техническая сторона получения всего контента посредством одного экрана, в том числе ресурсов масс-медиа, кино, телевидения, сети. Есть у современного обучаемого и «иностранный язык в действии» – возможность понять и перевести иноязычный контент, хотя часто банально не хватает знания иностранного языка, в особенности не английского. И тут, как показывают психолингвистические эксперименты, есть поле работы для образовательных технологий – обучить в должной мере иностранным языкам для понимания современного контента. Но вот что оказалось сложнее – приоритизировать контент, оценивать его, иерархизировать знания, т.е совершать когнитивные операции с ними, делать знание индивидуальным.

Сегодня в условиях массового общества мы имеем дело с *мозаичной культурой*, суть которой хорошо выражает русская поговорка: «Полуграмотный хуже неграмотного». На фоне развития глобальной культуры отмечается и феномен *фрагментаризации картины мира*. Современная языковая личность далека от идеала. В этой связи нами давно изучается *феномен «новой неграмотности»* - сочетание глобального и локального, невежественности в фундаментальном и осведомленности в узких вопросах, отсутствие панорамно-исторического подхода, аксиологии, декларация приоритетности вкуса и впечатлений, отсутствие познавательной мотивации.

Социологи связывают проблемы культурной грамотности с проблемами элитарности и отмечают, что целый ряд факторов – типовое преподавание, плохое комплектование библиотек, провинциализация образования и т.д. – не обеспечивают воспроизводство интеллигенции, способствуют пассивности, конформизму,

консерватизму, не обеспечивают воспроизводство национальной культуры и существование самых сложных и рафинированных форм знания, науки, коммуникаций. Казалось бы, вот поле деятельности для медиаобразования, будь оно дешевым субститутом образования традиционного...

При этом социологи предупреждают о связи деградации образованного слоя с все более отчетливой проблемой институциональных рамок культурной консерватизации, инерции самовоспроизводства и самоидентификации массы [1]. На фоне массового сознания общепринятым тоном оказываются услужливость, подражательность, цинизм, эпигонство и апатия.

В цифровизации образования вновь актуален баланс знания и понимания. Одинаково бесперспективны абсолютизация знания и абсолютизация понимания и творчества. Важен исторический метод в преподавании гуманитарной культуры, а не фрагментарный. Борьбой с американизацией должен, по нашему убеждению, явиться полилингвизм нового поколения. Никуда не деться и от экстенсивного чтения.

Оценим, насколько актуальной оказывается *риторико-герменевтическая парадигма образования*, разработанные в герменевтике *техники понимания текстов*.

Литература:

1. Гудков Л. Д. Негативная идентичность. М.: НЛЮ, ВЦИОМ-А, 2004. С. 11.

УДК 14: (00+62)

ББК 60.0

А.А. Карташова
Anna Kartashova
anianaumova@mail.ru

Актуальные сдвиги в образовательном процессе информационного общества¹ **Current developments in the educational process of the information society**

Томский политехнический университет
Tomsk Polytechnic University

В статье изменения в образовательной сфере рассматриваются в связи с формированием инновационного образования. Показано, что инновации влияют на содержание, структуру, методы и средства обучения, на взаимосвязь науки, образования и производства. Доказано, что инновации являются основным средством устойчивого развития образовательных процессов, обеспечивающим конкурентоспособность развития государств.

Ключевые слова: образование, инновации, информационное общество, наука, производство, экономика.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта 15-03-00812 «Молодежный портрет» будущего: методология исследования репрезентаций

The changes in education of the article addressed in connection with the formation of innovative education. It is shown that innovations affect the content, structure, methods and means of teaching, the relationship of science, education and production. Proven that innovations are a key tool for sustainable development of educational processes ensuring the competitiveness of national development.

Keywords: education, innovation, information society, science, production, economy.

Основным транслятором научного знания в современных государствах является система образования, а центральное место в процессе оборота знаний принадлежит научным и образовательным структурам. В новых условиях, образование, как форма организации воспитания и передачи систематизированных знаний и информации, подвергается существенной трансформации во всех странах мира. Это проявляется в различных формах: усложнении самого процесса обучения, расширении институциональных форм и структуры организации этой сферы деятельности, диверсификации ее финансового механизма. Теперь образование рассматривается как средство для инновационного развития и обеспечения устойчивости социальной системы государств [1.С.131].

Инновации в образовании связаны с изменениями в содержании, структуре, методах и средствах обучения и воспитания. Инновационная деятельность является важнейшим инструментом повышения качества и конкурентоспособности образования.

Инновационное образование с одной стороны, предполагает тесную связь между образованием и наукой, а, с другой – между наукой и производством. Знание теперь объявляется ценным только при наличии возможности его практического использования. Получение новых и изменение старых знаний в основном происходит в процессе общения, коммуникации. У современных специалистов, прежде всего, востребованы такие качества, как умение общаться, знание (вербальных и невербальных) представителей других культур [2.С.87-95]. Коммуникативные навыки позволяют «связать» процесс получения знаний с условиями и требованиями инновационного общества [3.С.115-117].

Взаимосвязь науки, образования и инноваций реализуется на базе крупных университетов технологических и научных парков, инкубаторов технологий и т.д. Поэтому у преподавателей и студентов появляется возможность участвовать в технологическом развитии наукоемких отраслей. Система образования в инновационном вузе должна быть открыта современным научным исследованиям и современной экономике.

Современное образование особое внимание уделяет когнитивным наукам. Это свидетельствует о необходимости и возможности перехода к такой образовательной парадигме, которая в качестве основной стратегической установки и главной цели имела бы производство научного знания. Становление образования инновационного типа сделало актуальным ряд теоретико-методологических проблем: соотношение традиций и инноваций, критерии оценки нового в образовании, содержание и этапы

инновационного цикла, отношение к инновациям разных субъектов образования, эффективное управление инновациями, подготовка педагогических кадров, готовых к инновационной деятельности и ряд других [4.С.78-79].

Инновации являются основным средством устойчивого развития образования в целом и высшей школы в частности.

Литература:

1. Карташова А.А. Университет как сложная саморазвивающаяся система/ Вестник науки Сибири. №2 (8). ТПУ.2013. С. 131-135.
2. Лукьянова Н.А., Петров В.В. Коммуникативная компетентность – ресурс повышения качества инновационного образования // Философия образования. 2007. С. 87- 95.
3. Лукьянова Н.А., Гальцова Н.П. Коммуникативные практики: конструирование и управление в инновационном образовании // Высшее образование в России. – 2007. – № 8. С. 115–117.
4. Тодосийчук А.В. Теоретико-методологические проблемы развития инновационных процессов в образовании. – М., 2005. – 81 с.

УДК 37.01

ББК 88.32

А.В. Чистяков
Anatoly Chistyakov
afrika28@yandex.ru

Социально-коммуникативные опасности и перспективы информационно-коммуникационных технологий в виртуальном образовательном пространстве
Socio-communicative risks and prospects of information and communication technologies in virtual education space

Шахтинский институт (филиал) ЮРГПУ(НПИ) им. М.И. Платова
Shakhty Institute (branch) SRSPU (NPI) named after M.I. Platov

Рассматриваются опасности и перспективы использования новых информационно-коммуникационных технологий в формировании виртуального образовательного пространства.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, с Интернет, виртуальное образовательное пространство

Discusses the dangers of and prospects for the use of new information and communication technologies in creating a virtual educational space.

Keywords: information and communication technologies, Internet, virtual educational space

Возможности применения новых информационно-коммуникационных технологий в образовании чрезвычайно широки, т.к. с их помощью резко возрастает наглядность изучаемого предмета, расширяется информационная база, развивается игровой момент, благодаря которому можно рассматривать различные варианты поведения изучаемого предмета и т.д.

В этой связи следует указать на возникающие опасности лавинообразного вторжения в образование таких технологий.

Компьютерные программы безличны и личность педагога они не могут подменить. Индивидуальность, яркость, неповторимость личности Педагога, Учителя - не повсеместно существующий дар, от которого мы, тем не менее, отказываемся, элиминируя личность Педагога из образовательного процесса. Кроме того существует возможность появления психологической зависимости человека от компьютера, возникновения Интернет-зависимости. Интернет-зависимость (Internet addiction) поведенчески проявляется в том, что люди до такой степени предпочитают жизнь в Интернете, что фактически начинают отказываться от своей «реальной» жизни, проводя большую половину суток в виртуальной реальности. Термин «зависимость» заимствован из лексикона психиатров для облегчения идентификации проблемы Интернета. Проблема, таким образом, ассоциируется с характерными социальными и психологическими проблемами.

Опасность излишне широкого применения компьютеров в образовании связана с тем, что пользователь может привыкнуть к отсутствию необратимых процессов в объекте, да и вообще утратить способность ориентации в реальности, если ее компьютерная модель симулирует реальную действительность со значительным искажением. Это мы наблюдаем в компьютерных играх, когда пользователь приобретает с помощью своего компьютерного «двойника» способности, которыми в реальной жизни он никогда обладать не будет: невероятную силу, ловкость, умение летать, да еще и бессмертие, или хотя бы парочку-другую «жизней». Поэтому очерчивание границ применения компьютера в образовательном процессе нам представляется не менее важным, чем выявление его положительных результатов. Отметим, что сделать это не так-то просто, поскольку, как весьма верно заметил Тейяр де Шарден, начальную стадию любого ответвления развития очень трудно найти при рассмотрении онтогенеза, так как она весьма слаба и малочисленна.

Формализация содержания предмета не всегда идет на пользу его изучению. Обучение с помощью компьютера предполагает некоторую последовательность операций, продумываемую создателем программы обучения. Однако степень эффективности от выполнения этих операций (даже без учета материальных вложений в обеспечение компьютеризации) – все еще величина неизвестная. Сравним обучение языку в естественной среде и с помощью компьютера или Интернета. Изучение языка с использованием информационно-коммуникационных технологий требует более значительных усилий.

Глобальные сети в значительной степени интенсифицируют и ускоряют учебный процесс благодаря тому, что они используются в качестве наиболее быстрого способа коммуникации и получения необходимой информации. Все учебные заведения имеют собственные странички, где помещаются данные о преподаваемых курсах и программах, организационной структуре, профессорско-преподавательском составе и т.д. Интернет-пользователи получают возможность свободного доступа ко многим вузовским архивам и электронным библиотекам. Развивается дистанционное обучение: во многих странах мира оно уже стало неотъемлемой частью процесса преподавания.

Опыт функционирования западных моделей дистанционного обучения показывает, что они расширяют круг обучаемых, «снимая» возрастные и социально-временные ограничения, налагаемые на лиц пожилого возраста и позволяют в значительной степени расширить диапазон социальных возможностей не только пенсионеров, но и людей, в той или иной степени ограниченных в получении необходимого образования.

Все это – положительные возможности использования новых информационных технологий. Однако переход за границы применения компьютерных технологий в образовании, определяемых эффективностью полученных результатов, ведет к виртуализации самого образования, т.е. превращению его в процесс, лишь симулирующий реальное образование.

Главное противоречие современной системы образования - противоречие между непрерывным увеличением объема знаний и количества источников информации и ограниченными физиологическими и психофизиологическими возможностями человека по успешному усвоению этих знаний. Кроме того, глобализация и универсализация цивилизации, культуры, экономики, права, политики, технологий и производств, т.е. все современные тенденции постиндустриального общества, требуют смены образовательной парадигмы (ведущей образовательной идеи): от практического, догматического и объяснительно-иллюстративного типов образования к адаптирующему и развивающему типам обучения.

УДК 124.5

ББК 87.6

Е.В. Палей
Elena Paley
ev-paley@mail.ru

**«Право на ошибку» vs стратегии достижений в системе ценностей
современного образования***

**«The right to a mistake» vs strategy of achievement in the system of values of modern
education**

*Ивановский государственный химико-технологический университет
Ivanovo State University of Chemistry and Technology*

В статье образование рассматривается как становление человека, связанное с испытаниями и преодолением трудностей. Указывается на аналогию сферы образования пространству научной лаборатории. Демонстрируется опасность современной тенденции на максимальное достижение успехов и формирование инфантильного субъекта образования.

Ключевые слова: система ценностей образования, образование как становление, субъект образования.

* Подготовлено при поддержке проекта РГНФ № 15-03-00833а.

The article examines the process of education as the development of the person interlinked with tests and overcoming of difficulties. It focuses on the analogy of educational area and space of scientific laboratory. The article shows the danger of the current stress on achieving successes and, then, the formation of the infantile subject of education.

Keywords: system of values of education, education as development, the subject of education.

Подлинное образование - всегда становление, испытание и преодоление, изменение степени вовлеченности человека в мир, движение внутри собственного Я, поиск новых горизонтов переживания и понимания. В познавательном плане испытанием служит столкновение с неизвестностью, пребывание на границе непознанного, в противостоянии с ним, формирующее готовность к открытиям, преодоление замкнутости себя. Расставаясь с иллюзиями невежества, человек вырывается из привычной области значений повседневности, создавая индивидуальную картину сущего, построенную на новых знаниях. В социальном плане образование как испытание выводит на проблему включения личности в историю и традицию, приобщения к знаниям и ценностям как составляющую процесса развития общества, требующую мужества созидания единого коллективного будущего и преданности избранному идеалу.

Наличие целой системы институционально оформленных испытаний делает образование по сути происходящего в нем подобным научной лаборатории, где общество искусственно создает необходимые условия для «эксперимента над становящимся человеком». В результате этого испытания человек включает себя в пространство свершившегося и еще-не-состоявшегося, становится потенциально способным «быть самим собой». Здесь обучающийся должен демонстрировать решимость, готовность к настоящей рефлексии, очерчивающей неизбежность и возможность существования, масштабы и способы активности человека.

Любое подлинное испытание неизбежно включает возможность неудачи и состояние несовершенства. Образование подразумевает, что обучающийся периодически находится в состоянии неуверенности (половинчатости овладения чем-то, недопонимания); в этом смысле незнание и неумение в рамках образовательной практики – норма. В процессе получения образования человек имеет «официальные права на ошибки», для этого отводится время и специальные люди, сопровождающие на пути к совершенству. «Лабораторность» образовательной сферы ограничивает испытательное пространство и снимает риск этого испытания – риск не запомнить, не обрести, не понять; человеку разрешается на определенном этапе *попробовать* себя в новом. А оценки служат критерием правильности попыток, их движения в сторону идеала.

Необходимость существования современного образования в условиях экономической конкуренции, возрастающая значимость проблемы доверия в отношении отдельных учреждений образования на рынке образовательных услуг

вынуждает университеты уделять много внимания демонстрации своих целей и ценностей для материальной, информационной и карьерной привлекательности, поддерживая положительный имидж для повышения конкурентоспособности и поддержания стабильности, добиваясь этим доверия у целевой аудитории. Позитивность формируемого виртуального университетского образа складывается из двух стандартных составляющих: демонстрации успеха и привлекательности жизни в данном вузе.

Современная система образования построена на ценностях новизны и эффективности, требующих, чтобы *любые* испытания были успешными. Оценка работы обучающегося становится способом зафиксировать успех, а не критически указать на недостаток; негативные характеристики исчезают из системы контроля. Тотальность удачной попытки – главная иллюзия современной образовательной парадигмы, ее миф. При этом субъект образования неизбежно идеализируется, утверждаясь в правильности всех своих действий. При этом институциональная модель, рассчитанная на «регистрацию успехов», оказывается неадекватной реальному образовательному взаимодействию. Пропагандируемая сегодня установка на массовое достижение максимальных результатов в действительности демонстрирует низкое качество образования. Это ведет к потере готовности обучающихся прилагать усилия, особенно обостряющейся в контексте потребительского отношения к образованию. Современная система ценностей предполагает установку на комфортность образовательной среды, ее максимальное удобство для потребителя образовательных услуг. Для этого не нужны ни мужество, ни упорство, ни преодоление себя. Образование воспринимается как доступное развлечение.

Такое стремление к «гарантированному успеху» порождает нового инфантильного субъекта образования, поведенческая модель которого в равной степени обусловлена и упрощенным представлением об образовательной траектории как линейном поступательном движении к цели, и все разрастающейся практикой технического контроля за образовательным процессом, утверждения универсальных форм обучения и методов проверки знаний. И этот «не испытанный образованием» субъект оценивает образование как средство *адаптации* к изменяющейся действительности, *удобную форму* поиска правильной жизненной позиции. Новый субъект образования не способен в полной мере реализовать требование профессиональной и индивидуальной мобильности, умения существовать в пространстве информационной открытости и неопределенности, вести самостоятельный поиск, декларируемое как основная цель во всех официальных образовательных документах. Не меньше сложностей возникает и в плане искажения таких воспитательных задач образования, как формирование уважения к труду, к носителям знаний и традиций, правильного понимания профессиональной и социальной иерархии, установки на сотрудничество. Наличие подобных противоречий серьезно затрудняет развитие всей образовательной действительности.

Происходящие трансформации выстраивают совершенно иную систему ценностей, где вместо решимости и мужества фигурируют дисциплина и подчинение, вместо неопределенности и поиска – покой и успех, вместо долга и обязательства – любопытство и удовольствие. Поэтому рефлексия образования как попытки (как «возможно успешного») становится актуальной, поскольку интегрирует образовательное пространство вокруг конкретной личности (а не иллюзорно-идеальной модели).

УДК 378.102

ББК 75.4

Л.М. Волкова, А.А. Голубев
Ludmila Volkova, Alexander Golubev
volkovalm@bk.ru

**Теоретические основы физической культуры
в университетском образовании гражданской авиации**
Theoretical bases of physical culture in the University education of civil aviation

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации
Saint-Petersburg state University of civil aviation

Рассматриваются новые форматы образования в гражданской авиации, усиления эмоциональной окраски обучения в университете.

Ключевые слова: теория физической культуры, гражданская авиация

Discusses the new formats of education in aviation, enhance the emotional learning at the University.

Keywords: theory of physical education, civil aviation

Сегодня среди первоочередных задач университетского образования определены меры: укрепление здоровья обучающихся, совершенствование учебно-методического обеспечения образования. Перед высшей школой ставится задача по обновлению и совершенствованию технологий образования на базе создания и широкого внедрения инновационных высокоэффективных методов, обобщения современных технологий и их адаптации для образовательных систем.

Современное развитие авиационной техники, внедрение автоматизированных систем, увеличение числа совершенных приборов на борту самолета и другие факторы не только приводят к улучшению условий труда летчиков, но и делают этот труд более сложным. Совершенствование техники предъявляет повышенные требования, как к специальным знаниям, так и к физической и психофизиологической подготовке летного состава [2]. В настоящее время значимо усиливается процесс информатизации высшего профессионального образования, в том числе и по физической культуре, современные технологии дают реальную возможность поднять эффективность обучения в вузе. Сегодня происходит переориентация учебно-

воспитательного процесса с воспроизведения образцов готовых знаний, умений и навыков на овладение компетенциями физической культуры, на формирование у обучающихся потребности в физическом совершенствовании [1].

Все это настоятельно требует улучшения качества подготовки летного состава, повышения физических и психофизиологических возможностей специалистов гражданской авиации. Немалая роль в решении этой проблемы отводится теоретической подготовке по физической культуре, приобретению знаний, навыков и умений, которые необходимы для самостоятельной физической подготовки. Высокий уровень теоретической подготовки в области физической культуры и спорта в значительной степени определяет и эффективность летной деятельности.

Теоретическая подготовка по физической культуре является органической частью профессиональной подготовки специалистов гражданской авиации. Она осуществляется во всех периодах профессиональной и спортивной деятельности. Каждый пилот несет личную ответственность за свою психофизиологическую подготовленность и обязан систематически повышать ее уровень, а также теоретических знаний в области физической подготовки.

На основе накопленного к настоящему времени опыта различных инноваций, изучения вклада в обучающие технологии отечественных и зарубежных школ был разработан компьютерный учебник по дисциплине «Физическая культура», который рекомендован НМС по физической культуре Минобразования РФ для студентов вузов. Основная целевая установка учебника - широкое внедрение инновационной технологии и повышение эффективности образования в высшей школе [3].

На основе учебника были разработаны лекции-визуализации, при проведении которых применяются технические средства обучения, что особенно эффективно при проведении теоретических занятий по физической культуре. Использование лекций-визуализаций связано и с другими формами проведения занятий (словесным изложением, объяснением, вопросами, закреплением материала и т.д.), наглядная информация играет роль своеобразного ударения, благодаря которому резко усиливается активность восприятия.

Организация обучения, как нам представляется, должна быть направлена на то, чтобы устранить у студента безразличие к образованию, придать процессу познания эмоциональную окраску. Информационные технологии позволяют значительно расширить возможности предъявления учебной информации, применение цвета, графики, фото слайдов, видеоматериала, диаграмм и т.д. помогают восприятию, усиливают мотивацию, вносят элемент занимательности.

Литература:

1. Бушма Т.В., Зуйкова Е.Г., Волкова Л.М., Волков В.Ю. Компьютерные технологии на учебных занятиях по физической культуре в вузе//Культура физическая и здоровье/НТЖ ВАК, Воронежский пед. ун-т. – 2015. № 1(52), С. 69-72.
2. Горелов А.А., Макаров Р.Н. и др. Физическая подготовка летного состава военной авиации//Вестник МНАПЧАК № 1 (10). - 2003. - С. 17-42.
3. Физическая культура: Печатная версия электронного учебника/В.Ю.Волков, Л.М.Волкова: 2-ое изд. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. - 332 с.

Секция 4. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА – ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 008

ББК 71

Е.Н. Журавлева
Elena Zhuravleva
elenaniazovna@mail.ru

К вопросу о взаимодействии культур и культурного многообразия On the problem of interaction of cultures and cultural diversity

*Институт экономики, управления и права, г. Казань
Institute of Economics, Management and Law, Kazan*

В статье говорится о взаимодействии культур и культурном многообразии, отражающих сущность бытия в главных сферах жизнедеятельности человека. Раскрывается также суть диалога культур как основы для формирования и укрепления таких ценностей как толерантность, уважение, взаимопомощь, милосердие.

Ключевые слова: культура, культурное многообразие, диалог культур, интеграция, национальные и культурные традиции, толерантность.

The article describes the interaction of cultures and cultural diversity, reflecting the essence of being in the major areas of human activity. It also reveals the essence of the dialogue of cultures as a basis for the formation and strengthening of such values as tolerance, respect, mutual aid, charity.

Key words: culture, cultural diversity, dialogue between cultures, integration, national and cultural traditions, tolerance.

Очень часто в нашей жизни мы слышим слово «культура». Оно происходит от латинского слова *colere*, что означает культивировать, или возделывать почву. Понятие культура существует практически во всех языках и употребляется в самых разных ситуациях, часто в различных контекстах. Понятие культуры чрезвычайно широко, поскольку в нем отражается сложное, многогранное явление человеческой истории. Культура охватывает не только прошлое, настоящее, но и простирается в будущее.

Культурные процессы исследуются в главных сферах жизнедеятельности человека. Диалог культур является формой существования культуры. Как известно, культура внутренне неоднородна — она распадается на множество несхожих культур, объединенных в основном национальными традициями. Национальные

культуры могут взаимодействовать по различным сценариям. Одна культура может исчезнуть под давлением другой, более сильной культуры [1, ст. 7].

Изоляция культуры - это один из вариантов противостояния национальной культуры давлению других культур и интернациональной культуры. Изоляция культуры сводится к запрету любых изменений в ней, насильственному пресечению всех чуждых влияний. Такая культура консервируется, перестает развиваться и в итоге умирает, превращаясь в набор музейных экспонатов и подделок под предметы народных промыслов. [2, ст. 16]

Для существования и развития любой культуре, как и любому человеку, необходимы общение, диалог, взаимодействие. Идея диалога культур подразумевает открытость культур друг другу. Но это возможно при выполнении ряда условий: равенства всех культур, признания права каждой культуры на отличия от других, уважения к чужой культуре.

Культурное многообразие - важное условие для самопознания человека: чем больше культур он узнает, чем больше стран посетит, чем больше языков выучит, тем лучше он поймет себя и тем богаче будет его духовный мир. Диалог культур - основа и важная предпосылка для формирования и укрепления таких ценностей, как толерантность, уважение, взаимопомощь, милосердие.

Взаимодействие культур затрагивает самые разные группы людей - от малочисленных этносов, состоящих из нескольких десятков человек, до миллиардных народов (таких, как китайцы). Поэтому при анализе взаимодействия культур выделяют следующие уровни взаимодействия: этнический, национальный, цивилизационный.

Интеграция - взаимодействие внутри страны или какого-нибудь крупного региона нескольких различных по языку и культуре этносов, при котором у них появляется ряд общих черт, в частности формируются элементы общего самосознания.

Таким образом, «диалог культур» является понятием не абстрактной культурологии, но философии, стремящейся осмыслить глубинные смещения культуры; на рубеже 20–21 вв. это проективное понятие современной культуры. Время диалога культур – настоящее (в его культурной проекции на будущее). Диалог культур есть форма (возможной) культуры 21 века. 20 век есть начинание культуры из хаоса современного бытия, в ситуации постоянного возвращения к началу с мучительным осознанием своей личной ответственности за культуру, историю, нравственность.

Литература:

1. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. - М., 1991;
2. Библер В.С., Бахтин М. М. Поэтика культуры. - М., 1991;
3. Интернет-ресурсы:
<http://iph.ras.ru/elib/0958.html>
<http://www.dissercat.com/content/dialog-sotsialno-filosofskii-analiz>

**Истоки консенсуса в евразийской идее в контексте межкультурной
коммуникации**
**The origins of consensus on the Eurasian idea in the context of intercultural
communication**

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

В статье речь идет о конструктивной роли межкультурной коммуникации в современном мире с многообразием социокультурных укладов. Автор исходит из того, что сама коммуникация является постнеклассическим объектом с большими творческими возможностями, а консенсус и толерантность явились предтечей глубокого осмысления социальной реальности сквозь призму евразийской идеи.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, консенсус, культура, толерантность, цивилизация, этос,

The article deals with the constructive role of intercultural communication in the modern world with diverse sociocultural contexts. The author believes that the communication is postneklassičeskim object with great creative opportunities and consensus and tolerance were the forerunner of glubbokogo understanding of social reality through the prism of the Eurasian ideas.

Keywords: mezhkul'turnaya kommunikatsiya, konsensus, kul'tura, tolerantnost', tsivilizatsiya, etos

Особенностью современного мира является многообразие социокультурных укладов, способов жизнедеятельности, действенных интеракций, социально-политических условий и т.д. Подобное многообразие не может не содержать в себе конфликты и напряженности. По логике же социально-исторического развития люди чаще стремятся к осознанию необходимости противостоять дезинтеграционным процессам ненасильственными способами. О результатах такого осознания могут свидетельствовать конкретные виды деятельности, в первую очередь, на это указывает практика институтов гражданско-правового регулирования общественной жизни, с необходимостью использующие коммуникативные (как правило, вербальные) практики.

Коммуникативное действие направлено на взаимопонимание, но его невозможно достичь в условиях противоречия между жизненным миром человека и социальной системой, вносящей подчас элементы отчуждения в межличностное взаимодействие. Когда главной потребностью людей становится обретение мира и

согласия для своего выживания и полноценной жизнедеятельности, то одним из факторов становится толерантность. Терпимое отношение к проявлениям «другого», – это та культурная норма, которая делает реальностью результаты сотрудничества коммуникативных общечеловеческих контактов. Уместно сказать, что с помощью процессов коммуникации общество создает свое коммуникативное пространство, устанавливая границу между коммуникацией с одной стороны и человеком – с другой.

В такой же мере, как и любая форма коммуникации, выступает консенсус, являясь функциональным механизмом толерантности. Под консенсусом (от лат. *con-sensus* - согласие, единодушие, соучастие) - понимается состояние согласия, которое не тождественно совместным действиям и вовсе не обязательно должно подразумевать сотрудничество в реализации соответствующих целей и задач.

На связь между проблематикой коллективной жизни людей и консенсусом указывал уже Д. Локк. Одним из первых подходов к такому анализу оказалась гегелевская постановка вопроса о механизме обеспечения взаимного «признания» людьми друг друга, что, согласно Гегелю, и является наиболее общим условием возможности общества как такового с возможностью его универсальной прагматикой в силу того, что любой коммуникативный акт, содержит в себе социальные стандарты.

Позже О. Контом был сформулирован закон гармонического функционирования всех структурных элементов на базе общепринятых ценностей и норм. Достижение всеобщего согласия, т.е. единства ценностей и норм, рассматривается им как руководящий принцип всей, позитивистски ориентированной, социологии.

По Веберу, консенсус - это объективно существующая вероятность («шанс») того, что, несмотря на отсутствие предварительной договоренности, участники той или иной формы человеческого взаимодействия отнесутся к ожиданиям друг друга как значимым для их поведения. При этом люди не обязательно должны сотрудничать друг с другом; важно, чтобы каждый из участников взаимодействия учитывал интересы других, являющихся его партнерами. И коль скоро этот учет ожиданий партнеров по взаимодействию дает определенный «шанс» для достижения своей рационально осмысленной цели, можно говорить, согласно Веберу, о наличии консенсуса. При таком понимании поведение, основанное на «согласии», отличается от поведения, основанного на «договоре», ибо консенсус, по М. Веберу, должен иметь место до «договора» (и вообще каких-либо предварительных «установлений»): сначала консенсус, а потом «договор», но не наоборот.

В этом отношении уместно обратиться к идее крупнейшего мыслителя современности Ю. Хабермаса. Автор концепции коммуникативного действия как языковой символической интеракции убежден, что регулятором коммуникации является язык, он есть идеальное средство разрешения противоречий и «своеобразно трансформирует» психические процессы (ощущения, потребности, желания) в структуры языковой intersubjectivity, а потребности и чувства в «нормативные ожидания» [1: 174]. Именно идентичность смыслов достигается не через одинаковые

реакции, а через ожидание реакции, в которой партнеры по вербальной коммуникации соглашаются на интерсубъективность ожидаемого поведения. Похожие идеи по-своему высказывает основатель отечественной семиотики, профессор Ю.М. Лотман в своей работе «Культура и взрыв» (1992 г.).

Итак, под консенсусом понимается состояние согласия, которое не тождественно совместным действиям и вовсе не обязательно должно подразумевать сотрудничество в реализации соответствующих целей и задач. Степень согласия при консенсусе может быть различной, хотя подразумевается, что его должно разделять, если не преобладающее, то, по крайней мере, - значительное большинство. В культуре согласованность диспозиций, установок и других регулятивов, определяющих поведение, выражается в совпадении (абсолютном или относительном), получаемых при обмене информацией и сотрудничестве, в процессе коммуникации. Интеграция индивидов или коллективов, участвующих в разработке определенной проблемной области, придает их сотрудничеству целенаправленный характер, закрепляя сложившиеся формы такого сотрудничества в организационном плане (вплоть до установления «единственной» точки зрения на исследуемую проблему).

Герменевтический смысл консенсуса в национальной культуре действует как феноменологический или социально-психологический механизм, поддерживающий динамичное равновесие между двумя или несколькими дополняющими друг друга тенденциями, стремящимися к воспроизводству универсальных когнитивных структур, задаваемых традициями. Это продуцирует различные интерпретации и появление новых проблемных областей, отвечающих локальным национальным интересам. Так, консенсус оказывается важнейшей предпосылкой формирования в культурном сообществе коммуникативного согласия.

То, что российское общество перенапряжено противоречиями трудно оспорить. Выход из этого всеобщего противостояния единственный - консенсус. Сама степень согласия при консенсусе может быть различной, хотя подразумевается, что его должно разделять, если и не преобладающее, то, по крайней мере, значительное большинство. Имеется ввиду наличие между двумя или более индивидами сходных ориентаций в каком-либо отношении, при коммуникативных взаимодействиях.

Та или иная степень согласия и согласованности в действиях необходима для любой формы социального общения, любой социальной организации. Часто не учитывается принципиальный принцип консенсуса: трудно предполагать во взглядах на сложные социальные явления полного согласия. Консенсус обычно бывает выше во взглядах на положения более общего, абстрактного характера (к примеру, на свободу слова) и заметно ослабевает по конкретным социально-экономическим вопросам. Впрочем, определить этот показатель с достаточной степенью точности всегда затруднительно, поскольку любой консенсус поддается только приблизительному вычленению, его границы чаще всего лишь слабо очерчены.

При всем функционально неразрывном событии и консенсус, и толерантность не могут быть выведены только из этики должностования. Они вызревают в специфически национальном опыте людей, и только под воздействием реальной

заинтересованности, прежде всего, в том событийном ряде, где эти проблемы возникли, они могут быть разрешены, обретая свойства нравственных принципов, словесно интерпретированных. Если говорить о толерантности как важном элементе коммуникативной культуры она признается сегодня необходимым условием общественного единения людей различных верований, культурных традиций, политических убеждений. В этом плане она выступает с одной стороны, как единство спонтанно-негативного восприятия другого (неприятие, осуждение) и позитивного действия в его адрес (принятие, допущение). Она является ключевым нравственным принципом гражданского общества. Однако:

во-первых, положения толерантности не могут носить универсальный характер, хотя бы в силу имеющегося разнообразия сфер социализации и многообразия этосов;

во-вторых, между этосом и моралью существует социокультурное противоречие, которого ни трансцендентная этика, ни ее "превращенная" форма - этика долженствования - не допускают.

Люди расходятся в конкретном определении и понимании морали, но все они едины в том, что моральные принципы обозначают самое национально сокровенное. Мораль, собственно, и есть совокупность безусловных, абсолютных, категорических, непререкаемых, предельных, священных требований, от которых человек не может отступить без того, чтобы не потерять уважения к себе, не травмировать свое человеческое достоинство. Но в отличие от таких форм социализации, которые, так же как и она, выделяются в сферу нормативной регуляции - право, обычаи, традиции, мораль не утверждается и не проводится в жизнь специальными учреждениями. Она формируется в процессе действенной коммуникации людей и выражает их исторический опыт непосредственно в коллективных и индивидуальных представлениях, чувствах, волеизъявлении. Это и делает мораль сферой толерантности как составляющей части языка согласия, но ее эффективность достигается только в том случае, когда она находит формы политической институализации. Можно смело утверждать, что любое политическое решение будет успешно реализовано, если оно найдет оптимальные формы выражения на языке согласия в коммуникационном дискурсе как смысловом аспекте социального взаимодействия, обмена значимой информацией между людьми.

Идеи евразийства изначально предполагали консенсус. Участники понимали важность логически четкого употребления понятий в своих построениях и старались учесть не только их смысловые оттенки, но и их гуманоцентричную сущность. Это особенно заметно при анализе взглядов евразийцев по вопросу о сути таких базовых понятий, как «цивилизация» и «культура», в решении проблемы их соотношения. Принципы толерантности органично вписываются в идеи евразийства.

Одновременно, рассмотрение категориального строя толерантности связано с выяснением вопроса о самобытности российской цивилизации.

Евразийцы исходили из того, что указанные понятия обнимают почти все многообразие земной человеческой жизни, и являются «центральной осью, вокруг которой в некотором подчиненном порядке, располагаются все прочие... установки...

системы». В представлении евразийцев понятие «цивилизация» охватывает всю область экономических и социальных явлений жизни человеческого существа, так или иначе связанного с институтом Самосохранения и Продолжения Рода [2: 4]. Под культурой они понимали, прежде всего, духовную культуру, где экономические и технологические отношения попадали в категорию «быта» [3: 5]. Принципиально важным в понятии «культура» являлось религиозное чувство [4: 28].

То, что евразийцы чаще использовали понятия «культура», «культурная среда», нежели понятие «цивилизация», указывает на славянскую локализацию идей толерантности. П.Н. Савицкий, уточняя свое понимание культурной эволюции мира, писал: «Следует понимать, что в культурной эволюции мира мы встречаемся с «культурными средами», одни из которых достигли большего, другие меньшего. Но определить, чего достигла каждая «культурная среда» возможно только при помощи расчлененного по отраслям рассмотрения культуры. Культурная среда, низко стоящая в одних отраслях культуры, может оказаться и сплошь и рядом оказывается высоко стоящей в отраслях других [5: 86].

Данный вывод, обосновываемый на многочисленных примерах разных народов, служит основанием принципиального общего заключения: нет общеобязательных критериев сравнения всех культур, позволяющих ставить одни культуры выше других. Из этого следует ряд частных положений, которые служили аргументом при защите самобытности евразийской культуры, не сводимой ни к каким другим культурным средам. Все культуры самобытны, у них есть свои вершины и свои особенности, тогда как у других культур имеются другие достижения. Тем самым доказывалась несоизмеримость различных культур, их самобытность и оригинальность. На том, что могут одни культуры и не могут другие сказываются природные условия этносов, географические границы место развития той или иной культуры, ее история, специфика хозяйственно-экономической деятельности. Исходя из этого, евразийцы подчеркивали: «Весь смысл и пафос наших утверждений сводится к тому, что мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта, как симфонической личности» [6: 376].

Таким образом, евразийцы предпочитали термин «культура» для обоснования своих утверждений о динамике мировой истории для того, чтобы преодолеть все более получавшее распространение противопоставление одних народов другим по степени цивилизационного развития. В этом заключается толерантная сущность евразийства в коммуникативных взаимодействиях с другими, хотя они (первые) в обоснование своих идей подобного термина не употребляли.

Таким образом, коммуникация требует «выстраивания» себя и своего коммуникативного партнера. Успешная коммуникационная практика свидетельствует о комплиментарности (взаимодополнительности) задействованных в диалоге конструкций, но не по принципу одинаковости, когда одна система подходит к другой как ключик к замку. Большая часть нашего знания приобретается в процессе коммуникации с «другим», «другими», посредством языка, знаков, культурного

символизма, и, следовательно, имеет социальную природу. При этом коммуникация выступает механизмом конструирования социокультурной реальности.

Литература:

1. Гайда А.В. и др. Коммуникация и эмансипация: критика соц. Концепции Ю. Хабермаса: (Сводный реферат) // Общественные науки в СССР; Реферативный журнал. – Серия 3. Филос. науки. – 1989. - № 3.
2. Понятия “культура” и “цивилизация” в евразийском восприятии // ГАРФ. Оп. I. Ф. 5783. Ед. хр. 285. Л. 4.
3. Савицкий П.Н. Евразийство // Савицкий П.Н. Исход к Востоку. М., 1997. С. 5.
4. Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 28.
5. Савицкий П.Н. Евразийство // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 86.
6. Пути Евразии. М., 1992. С. 376.

УДК 13:130.2

ББК 87.66

Е.В. Папченко
Elena Papchenko
evpapchenko@sfedu.ru

Межкультурная коммуникация в современной социокультурной среде Intercultural communication in contemporary socio-cultural environment

*Южный федеральный университет
Southern Federal University*

В работе рассматривается место межкультурной коммуникации в современной социокультурной среде. Целью работы является обоснование значимости невербальной коммуникации – сенсорики, основывающейся на чувственном восприятии (цвет, звук, запах), играющей важную роль в коммуникативном процессе и наряду с вербальной коммуникацией, обеспечивающей обмен информацией. В заключении делается вывод о значимости невербальной коммуникации в современной социокультурной среде.

Ключевые слова: Социокультурная среда, межкультурная коммуникация, невербальная коммуникация, сенсорика, цвет.

The paper is devoted to the place of intercultural communication in the modern socio-cultural environment. The aim of the work is to study the importance of non-verbal communication such as sensor technology, based on sensory perception (color, sound, odour) which plays an important role in the communication process. It helps to exchange information in addition to the verbal communication. In conclusion, it is noted, that non-verbal communication is important in contemporary socio-cultural environment.

Keywords: Socio-cultural environment, intercultural communication, non-verbal communication, sensor technology, color.

Анализ истории человеческого общества показывает, что одним из условий развития культуры является возможность обмена духовными ценностями между людьми. В каждом новом поколении человек становится человеком только в результате усвоения им культурного богатства человечества. Через культуру человек

преодолевают свою биологическую природу и становятся духовным существом. Как указывает Й. Хёйзинга: «Культура означает господство над природой. ... Богатое слово «природа», «*natura*», означает также и природу человека, человеческую натуру, и ею тоже надо овладеть» [1, с. 364 – 365].

Личность формируется в общении с другими людьми и в постижении культурных ценностей. Все эти процессы происходят благодаря передаче и приему информации, ее интерпретации и усвоения, т.е. на основе коммуникации. Рассматривая внутреннее строение культуры, М.С. Каган отмечает, что «культура есть тройная спираль» [2, с. 142 – 144]. Применительно к историческому движению культуры, содержание первой спирали – предметная деятельность человека как основа культуры; вторую спираль образует общение, разворачивающееся в синхронии (в социокультурном пространстве) и в диахронии (в социокультурном времени); третья спираль – движение художественного творчества как способа удвоения реальной жизни. В рамках рассматриваемой проблемы представляет интерес содержание второй спирали – «движение от человека (с помощью языковых средств) к другому человеку как к партнеру, как к равному себе субъекту, с которым ты делишься тем, что имеешь, и тем самым обогащаешь его, обогащаясь при этом сам».

Культурные контакты приобретают различные формы и находят свое выражение во взаимодействии и диалоге культур. Так размышления М.М. Бахтина о культуре имеют единый смысл – диалог, размышления о диалоге имеют один смысл – культура, что позволяет сделать вывод о диалогизме в контексте культуры (бытия культуры... встречи культур... взаимопонимания культур) [3, с. 21].

Отличительной чертой современной социокультурной среды является межкультурная коммуникация. С расширением информационных границ процесс коммуникации значительно усложняется, поскольку становится практически невозможно оставаться в рамках одной страны, культуры и языка. Актуальность данной проблемы подтверждает тот факт, что межкультурная коммуникация стала предметом рассмотрения ряда научных конференций, в частности «Язык и межкультурная коммуникация» (Омск, 2013), «Философия, культура, язык: актуальные проблемы межкультурной коммуникации» (Москва, 2013), «Международное образование и межкультурная коммуникация: проблемы, поиски, решения» (Томск, 2015) и др.

Эффективность любых коммуникационных контактов определяется не только тем, насколько понятны элементы вербальной коммуникации, но и умением правильно интерпретировать информацию, переданную с помощью таких невербальных средств, как кинесика, такесика, сенсорика, проксемика, хронемика [4, с. 151, 155 – 156]. В современной социокультурной среде невербальное общение используется для того, чтобы полнее и точнее выразить свои мысли, чувства, эмоции. Особый интерес в современной социокультурной среде представляет сенсорика, как тип невербальной коммуникации, основывающейся на таких модальностях

чувственности, как цвет, звук, запах. Способность видеть цвет, слышать звук, обонять запах является одной из важных предпосылок культурной жизни человека.

Цвет является одним из факторов, которые способствовали необычайному расширению перцептивной сферы бытия человека, он неизмеримо повышает радость жизни и удовлетворение, которые мы от неё получаем [5, с. 241 – 242], «краски в общем вызывают в людях большую радость» [6, с. 269]. Изучая различные культуры, разнесённые во времени и пространстве, обнаруживаются принципиально схожие символические значения цветов, что особенно прослеживается на распространённой цветовой триаде – белое, красное и чёрное. Смысловая ценность выше названных основных цветов похожа у многих народов: белый цвет служит олицетворением мира и благоденствия; красный – успеха, торжества, богатства, крови; чёрный вызывает мрачные ассоциации [5, с. 9]. Исключением может показаться Япония, где траурным считается белый цвет, но если учесть, что японцы буддисты, то смерть для них лишь черта, отделяющая минувшее существование от будущего, неизвестного, которое подобно белому листу будет заполняться событиями.

Таким образом, анализ систем невербальной коммуникации показывает, что они, несомненно играют большую роль в коммуникативном процессе и наряду с вербальной коммуникацией обеспечивают обмен информацией, который необходим людям для жизнедеятельности.

Список литературы:

1. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня // Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
2. Каган М.С. К вопросу о понимании культуры // Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
3. Библер В.С. Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М.М. Бахтина) // Одиссей. Человек в истории. 1989. – М.: Наука, 1989. С. 21 – 59.
4. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М., 2010.
5. Пэдхем Ч., Сондерс Дж. Восприятие света и цвета. – М.: Мир, 1978.
6. Гёте И.В. К учению о цвете (хроматика) // Избр. соч. по естествознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1957.
7. Горяева М.А. Эпохи в зеркале письмен. – М.: Знание, 1990.

УДК 316.77

ББК 60.0

Н.В. Симанова

N.V. Simanova

natashsimanova@yandex.ru

**Роль коммуникации и медиаиндустрии
в диалоге культур и межкультурном пространстве
Role of communication and media in the dialogue of cultures and intercultural space**

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*

Данные тезисы посвящены рассмотрению роли коммуникации и медиаиндустрии в диалоге культур и современном межкультурном пространстве. Автор обращает внимание на влияние медиаресурсов на развитие и формирование

культуры, а так же на смену роли коммуникации в современном межкультурном пространстве, особенно отмечая ее влияние на разрушение небольших культур в условиях глобализации.

This article is devoted to the role of communication and media in the dialogue of cultures and intercultural space. The author pay attention to the influence of media on the development and form of culture, and the changing role of communication in contemporary cultures, particularly noting its impact on the destruction of small cultures in a globalizing world.

Ключевые слова: коммуникации, медиаиндустрия, глобализация, культурная уникальность.

Key words: communication, media, globalisation, cultural uniqueness.

Современный мир — это непрерывный диалог культур и бесконечное взаимодействие стран и народов между собой. Это взаимодействие привело к развитию глобализации, ставшей в свою очередь причиной унифицированности культур стран Востока и Запада, их ухода от своей уникальности в сторону универсальных норм, правил и ценностей.

Важную роль в процессе культурного слияния играют коммуникация и медиаиндустрия, являющиеся основным рычагом влияния на общество в условиях глобализации. Медиаресурсы теперь не пропагандируют уникальность национальной культуры, ее самодостаточность и важность, развивая чувство патриотизма. Теперь они формируют в общественном сознании образ «идеальной жизни» и престижа, сводя эти шаблоны восприятия к развитой западной культуре и отсталой восточной. Тем самым мотивируя людей не развивать собственную культуру, а менять ее в сторону европейской или американизированной, считая эту смену культурных ориентиров главным способом считаться достойной и развитой цивилизацией на международном уровне [1]. Медиаиндустрия практически свела весь мир в единое пространство, превратив общество в однообразный социум с массовыми оценками, массовой культурой и стандартами духовной жизни [2].

Коммуникации также меняют свою роль в межкультурном пространстве, переставая быть средством диалога культур и становясь целью социо-культурных взаимодействий. Развитие медиасреды, интернета и новейших технологий открыли нам возможность глобального образования и беспрерывного глобального общения. Они способствовали тому, что современная жизнь становится виртуализированной, т.к. позволяет получать необходимую информацию в неограниченном объеме, не отрываясь от экрана монитора. Это приводит к тому, что культуры больше не способны контролировать поток инокультурных заимствований в языке, традициях и т.д. Результатом становится постепенное исчезновение локальных культур, неспособных противостоять данному инокультурному влиянию. В таком случае коммуникации перестают быть причиной существования диалога культур, который теперь сам представляется частью глобальной коммуникации [3].

Таким образом, коммуникации и медиаресурсы выполняют очень важную роль в развитии тенденций культурного взаимодействия на межкультурном пространстве, определяя их содержание и направленность. Однако, эти тенденции развития медиаиндустрии и коммуникаций являются опасными как для небольших культур, неспособных противостоять влиянию Запада, так и для крупных культур, теряющих свою уникальность и неповторимость за счет инокультурных вливаний и омассовления общества.

Литература:

1. Симанова Н.В. Восприятие проблемы унификации культуры стран Востока и Запада. / Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса. В 3-х т. Т. III. - Уфа: РИЦ БашГУ 2015. - с.285
2. Кузнецов Д.И. Массмедиа и этика цифрового мира. / Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса. В 3-х т. Т. III. - Уфа: РИЦ БашГУ 2015. - с.96
3. Миронов В.В. Глобализация и угрозы унификации. Журнальный клуб Интелрос. Век глобализации. №1 2012г. / [Электронный ресурс] URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/-1-9-2012/14389-globalizaciya-i-ugrozy-unifikacii.html>

УДК 659.4

ББК С842

М.Н. Панова

Maria Panova

Maria.panova.n@gmail.com

Событийные коммуникации территориального бренда

Event-based communications of the territorial brand

*Санкт-Петербургский Государственный Университет
Saint Petersburg State University*

«Событийные коммуникации» – важная часть стратегии территориального брендинга. Территориальный брендинг определяется как процесс, используемый для разработки уникальной идентичности конкретной территории, поэтому событийные коммуникации должны в первую очередь отвечать ценностям и уникальным особенностям конкретной территории, а не просто преследовать финансовую выгоду. Регион, в лице представителей власти, бизнес сообществ и экспертов в области брендинга и маркетинга, должны понимать важность событийных коммуникаций в построении успешной брендинговой стратегии и её последующей реализации.

Ключевые слова: брендинг, событийные коммуникации, территориальный бренд, маркетинг, стратегия.

Events are part of the attraction of a territory and as such should be included into a territorial branding strategy. This implies the need to evaluate the contribution of an event not just in terms of the direct financial contribution that it generates but also in terms of its consistency with the destination brand values. Branding a territory is defined as the process used to develop a unique identity that is different from all competitive territories. Territorial branding is perceived as useful and important by industry and government.

Keywords: events, territorial brand, identity, branding, marketing

Стратегические коммуникации обладают богатым арсеналом приемов, методов, технологий. Один из важнейших инструментов - это событийные коммуникации.

В ситуации развития и глобализации коммуникаций, влияния медиасреды на общественное и индивидуальное сознания, повсеместного использования коммуникационных технологий и медийного конструирования публичной сферы возрастает актуальность междисциплинарного подхода и философского осмысления современных коммуникативных практик.

Понятие «событие» в современном тезаурусе философии культуры и философских теориях коммуникаций расширяет спектр значений. Сегодня «событие» можно назвать актуальным концептом философско-культурологического дискурса. В понятие «событие» теперь может быть заложено множество значений, его смысл определяется контекстом научной дисциплины или практикой профессиональной коммуникационной деятельности. Кроме того, «событие» выступило как элемент образования новых понятий. В профессиональную риторику и практику, в первую очередь, специалистов, работающих в сфере прикладных коммуникаций, вошли понятия «событийные коммуникации», «специальное событие», «событийный маркетинг», «маркетинг событий» [1].

Событийные коммуникации реализуются в многообразных формах символических действий. В современных международной и отечественной практиках они направлены на достижение широкого спектра геополитических, экономических, социальных и культурных целей; развиваются по нескольким направлениям, включающим организацию событий в рамках брендинга стран и территорий.

Понимание главных целей брендинга территорий сейчас побуждает государственные власти и бизнес сообщества уделять больше внимания развитию брендов городов, регионов и целых стран. Ещё совсем недавно большинство аспектов территориального брендинга были разрозненными звеньями в коммуникациях самых разных направлений (архаичная геральдика территории, ивенты по поводу различных событий и праздников, разрозненный поток информации о территории в СМИ и др.). Теперь наблюдается тенденция к выработке единого подхода к созданию идеи продвижения территории, которая будет согласовываться с планом развития региона на государственном уровне.[2] Правильно организованный территориальный брендинг – это тщательно продуманная и согласованная система нескольких креативных концепций интегрированная в план коммуникаций, реализуемых как внутри данной территории, так и за её пределами.

Территориальный брендинг является новым для России явлением с высоким потенциалом развития. Успешный бренд играет важную роль в развитии экономики, культуры и туристической инфраструктуры территории. Брендинг территории означает создание такого общественного климата, который бы повышал привлекательность территории как объекта инвестирования и как среды жизнедеятельности.

В недалеком прошлом регионы делали основной акцент в развитии на расширении промышленной базы, а сейчас промышленность может в отдельных

случаях мешать динамическим и богатым городам, вредить их имиджу. Производственный сектор уступает таким направлениям как управление, финансы, консалтинг, прикладная наука, информационные технологии и т. п. — все это обеспечивает большие заработки горожанам и большие доходы бюджета. «Событийные коммуникации» становится важным направлением инвестиционной политики многих городов. Кроме прямой финансовой выгоды, организация ярких и праздничных событий, научных конференций, культурных и экономических форумов — это декларация процветания региона. Регион, в лице представителей власти, бизнес сообществ и экспертов в области брендинга и маркетинга, должны понимать важность событийных коммуникаций в построении успешной брендинговой стратегии и её последующей реализации.

Литература:

1. Е.А. Каверина. Создание событий в современном социокультурном пространстве // СПб., 2012.
2. К. Динни. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики// М., Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2013.

УДК 316.7

ББК 71.0

Т.Е. Сиволап
Tatiana Sivolap
tntslp@mail.ru

**Проблема ценностных ориентаций современной молодёжи
и отношение к культурному наследию
The problem of value orientations of modern youth and
related to cultural heritage**

*Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
St. Petersburg State Institute of Cinema and Television*

В статье отмечается, что в настоящее время Россия переживает один из непростых исторических периодов. Многочисленные исследования последних лет выявляют общий ценностный и нормативный кризис у молодежи.

Ключевые слова: ценностные ориентации, культурное наследие, духовно-нравственный кризис

The article notes that at present Russia is experiencing one of the difficult periods of history. Numerous studies in recent years reveal a general crisis of values and normative youth.

Key words: values, cultural heritage, spiritual and moral crisis

В настоящее время Россия переживает один из непростых исторических периодов. Одна из серьёзнейших опасностей, подстерегающих наше общество сегодня, - не в развале экономики, не в смене политической системы, а в разрушении личности. Ныне материальные ценности доминируют над духовными, поэтому у

молодых людей искажены представления о доброте, милосердии, великодушии, справедливости, гражданственности и патриотизме. Широкий размах приобрела ориентация молодежи на атрибуты массовой, в основном западной культуры, за счёт снижения истинных духовных, культурных, национальных ценностей, характерных для российского менталитета.

Многочисленные исследования последних лет выявляют общий ценностный и нормативный кризис у молодежи. Потеря ориентации в ценностно-нормативной системе вызывает у молодежи либо чувство растерянности и утраты смыслаобразующих ориентиров, либо стремление любой ценой добиться в жизни успеха и материального благополучия, надеясь при этом не на государство или власть, а исключительно на себя и свою семью.

Ценностные ориентации молодого поколения свидетельствует о наличии противоречия в их ценностном сознании. С одной стороны, смещение всех жизненных приоритетов в сторону материального благополучия, то есть желание «жить хорошо» является определяющим мотивом социального поведения молодых людей. С другой стороны, в молодежном сознании преобладает чувство тревожности, растерянности, страха перед будущим, неверия в идеалы, в страну, в государство [1, с.78].

Каждому человеку присуща индивидуальная, специфическая иерархия личностных ценностей, которые служат связующим звеном между духовной культурой общества и духовным миром личности, между общественным и индивидуальным бытием. Система личностных ценностей складывается в процессе познания индивидами содержания общественных ценностей, объективированных в произведениях материальной и духовной культуры.

Ценностные ориентации формируются при усвоении социального опыта и обнаруживаются в целях, идеалах, убеждениях, интересах и других проявлениях личности. В структуре человеческой деятельности ценностные ориентации тесно связаны с познавательными и волевыми её сторонами. Система ценностных ориентаций образует содержательную сторону направленности личности и выражает внутреннюю основу ее отношений к действительности [2, с.36].

Современная эпоха характеризуется культурой постмодернизма. Нормой для постмодернизма является негативное и даже порой агрессивное отношение к прошлому, к классике, к традиции. Это реализуется в музыке, кино, моде, средствах массовой информации, в искажении смысла человеческой деятельности. Существует проблема избирательности во взаимодействии культур, определении её качества и способов регуляции такого взаимодействия, и этот процесс не должен осуществляться стихийно.

В период «новационного взрыва» происходит переоценка ценностей, идёт разрушение традиций. Массы людей, особенно молодёжь, теряют ощущение стабильности. Любые, порой самые нелепые утверждения принимаются, подчас абсолютизируются. Они могут оказать решающее значение на общественное развитие. Историческая память обеспечивает связь поколений, их преемственность.

Ценностные установки памяти выступают в качестве традиций. Устранение из сознания наших традиций повышает уязвимость к восприятию фальсификации нашей истории.

Молодежная культура в большинстве своём становится всё более бездуховной, а рост числа различных субкультур свидетельствует о глубокой разобщенности российского общества.

Ценностные ориентиры подрастающих поколений утратили преемственность лучших традиций русской православной идеи. Утрата стержневой роли традиционной религии, изменение понимания сути духовности в современной культуре приводят к возникновению кризисных явлений в духовно-нравственной сфере [3, с.67].

Духовно-нравственные ценности играют важнейшую роль в жизни человека и общества. Именно они определяют отношение человека к различным явлениям, мотивируют его деятельность и определяют содержание всей создаваемой нами культуры. Общество не может благополучно существовать и развиваться без единства ориентиров, которые бы объединяли людей, стали значимыми в их жизни.

Литература:

1. Сб. Сотрудничество в нравственном воспитании детей и молодёжи. Новосибирск, 2005.
2. Поляков В.А. Ценностные ориентиры человечества, М.: 2004.
3. Перевезенцев С.В. Русский выбор: очерки национального самосознания. М., 2007.

УДК 002.63

ББК 78.647

Ю.Ю. Черный
Yuri.Yu. Chernyy
yuri.chiorny@mail.ru

Глобальная борьба за киберпространство и языки The global fight for cyberspace and languages

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской Академии наук
Institute for scientific information on social Sciences Russian Academy of Sciences*

Рассматривается проблема сохранения и развития языков в киберпространстве. Изложение представлено в виде ответов на три вопроса: 1. Почему информационно-коммуникационные технологии, вопреки решениям Всемирного саммита по информационному обществу, продолжают использоваться для усиления влияния одних стран и регионов мира на другие? 2. Влияет ли сохранение миноритарных языков на изменение языковой ситуации в условиях глобализации? 3. Какие угрозы человеческим языкам может представлять дальнейшее развитие информационно-коммуникационных технологий?

Ключевые слова: глобализация, информационно-коммуникационные технологии, киберпространство, языки, языковая ситуация.

The problem of preservation and development of languages in cyberspace. The exposition presented in the form of answers to three questions: 1. Why is information and communication technology, contrary to the decisions of the World Summit on the Information Society, continue to be used to increase the influence of some countries and regions of the world to the other? 2. Does the preservation of minority languages to change the language situation in the context of globalization? 3. What are the threats to human language may be the further development of information and communication technologies?

Keywords: globalization, information and communication technology, cyberspace, languages, the language situation.

1. Почему информационно-коммуникационные технологии, вопреки решениям Всемирного саммита по информационному обществу, продолжают использоваться для усиления влияния одних стран и регионов мира на другие?

События последних лет показали, что глобальное информационное общество развивается не так, как это представлялось 10-15 лет назад и как это отражено, например, в Декларации принципов Всемирного саммита по информационному обществу (Женева, 12 декабря 2003 г.). «Мы твёрдо убеждены, – утверждалось в параграфе 67 Декларации, – что все вместе мы вступаем в новую эру огромных возможностей – эру информационного общества и расширения сферы человеческого общения. В этом зарождающемся обществе информацию и знания можно производить, обмениваться ими, совместно их использовать и передавать по всем сетям мира. Если мы предпримем необходимые действия, вскоре все люди смогут сообща построить новое информационное общество, основанное на совместном использовании знаний, на базе глобальной солидарности и более полного взаимопонимания между народами и странами. Мы верим, что эти меры откроют путь к дальнейшему развитию общества, действительно основанного на знаниях».

Сегодня ни для кого не секрет, что провозглашённые сначала в Женеве, а затем и в Тунисе принципы постоянно нарушаются, а иногда и просто игнорируются. Социальные медиа используются в качестве инструмента для организации массовых протестов и оказания давления на политическое руководство национальных государств, вплоть до их свержения. Спецслужбы развитых стран мира занимаются массовой слежкой за активностью пользователей Интернета, в том числе собственных граждан и стратегических союзников. В вооруженных силах как минимум 10 государств созданы кибернетические формирования, цель которых – защита собственных компьютерных сетей, а также поиск уязвимостей и в случае необходимости нанесение удара по информационной инфраструктуре противника. Одним из первых примеров успешного применения наступательного кибероружия стала атака на иранские ядерные объекты при помощи компьютерного вируса Stuxnet в 2010 году. Вирус вывел из строя около 1000 центрифуг и отбросил атомную программу Тегерана как минимум на два года назад. По мнению специалистов в области информационных технологий, военные действия в киберпространстве уже начались.

Мы говорим о сохранении и развитии языков в киберпространстве. Но что такое киберпространство? В заключительной части документа ЮНЕСКО 2003 года «Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству» содержится определение (с), согласно которому киберпространство представляет собой «виртуальный мир цифровой или электронной коммуникации, связанной с глобальной информационной инфраструктурой». Таким образом, киберпространство – это виртуальный мир коммуникации, находящийся «по ту сторону» глобальной информационной инфраструктуры. Но что значит – быть «по ту сторону»? Для ответа на этот вопрос обратимся к канадскому писателю-фантасту Уильяму Гибсону, который более 30 лет назад собственно и придумал слово «киберпространство».

В интервью журналу «Пэрис ревью», опубликованном летом 2011 года, Гибсон вспоминал, что в начале 1980-х годов ему не хватало арены для научной фантастики – тема космоса и космических кораблей исчерпала себя. Однажды в Ванкувере, проходя мимо зала с игровыми автоматами, он увидел детей, поглощённых процессом игры. Ему показалось, что дети хотят оказаться полностью внутри создаваемого машиной воображаемого пространства. Гибсон подумал о том, что возможно в будущем каждый захотел бы иметь такое устройство и жить внутри него. Из терминов «инфопространство», «пространство данных», «киберпространство» Гибсон выбрал третий, который в большей мере соответствовал новому фантастическому миру.

Гибсон свидетельствует, что виртуальная реальность киберпространства образуется благодаря сочетанию двух компонентов – технологической основы в виде машин, обрабатывающих информацию (точнее говоря, сигналы) и действия человеческого воображения. Если выйдет из строя информационная инфраструктура, киберпространство исчезнет. Но его также не станет в том случае, если устройства продолжат свою работу, но не будет людей. Именно люди используют технологии и создают те миры, в которых они живут и общаются между собой.

Заслуживает внимания ещё одна важная мысль Гибсона – о том, что объективно никакого киберпространства не существует, это иллюзия. В романе «Нейромант», вышедшем в свет в 1984 году, он называл киберпространство (или что то же самое – матрицу!) коллективной галлюцинацией.

Обратим внимание на два обязательных компонента киберпространства – информационную инфраструктуру и человеческое воображение. Первая представляет собой артефакт, т.е. искусственный объект, продукт человеческой деятельности, а вторым можно научиться управлять или хотя бы направлять его действие в нужную сторону. Значит, тот, кто будет владеть информационной инфраструктурой, а также управлять воображением пользователей, например, посредством направленных симуляций, будет владеть миром. И это в наше время стало вполне реально осуществить.

Твиттерные революции, глобальная слежка в Интернете, разработка и применение кибероружия представляют собой свидетельства подобного

технологического контроля, основанного на мотивах власти и достижения ничем не ограниченного господства. Конечно же, это не имеет никакого отношения к задаче построения разнообразных, справедливых, открытых и инклюзивных обществ знания. И, к сожалению, ЮНЕСКО мало что может сделать для того, чтобы реально противостоять этим негативным тенденциям, поскольку, во-первых, не контролирует информационную инфраструктуру и, во-вторых, обращается к лучшим сторонам человеческой природы, считая организацию симуляций морально предосудительной.

Кто же оказался в выигрыше от проекта под названием «Глобальное информационное общество»? В выигрыше оказались наиболее промышленно развитые страны мира, сумевшие благодаря решениям Всемирного саммита по информационному обществу на легальной основе вовлечь в орбиту собственного технологического развития все остальные государства.

2. Влияет ли сохранение миноритарных языков на изменение языковой ситуации в условиях глобализации?

Итак, мы выяснили, что киберпространство усиливает человеческие возможности – не только добра, но и зла. Поэтому оно вряд ли может быть тем волшебным инструментом, который преобразует реальность исключительно по законам Истины, Добра и Красоты. Можно предположить, что языковая ситуация в киберпространстве будет структурно повторять ситуацию в реальном мире.

На трёх якутских конференциях 2008, 2011 и 2014 годов по языковому и культурному разнообразию в киберпространстве много говорилось о поддержке миноритарных языков. При этом, к сожалению, никем не была представлена общая картина того, как соотносятся между собой языки в эпоху глобализации.

Между тем такой результат в науке есть. Я имею в виду концепцию глобальной языковой системы голландского социолога Абрама де Сваана [2].

В 1993 г. на основе структурно-функционального подхода де Сваан начал разрабатывать модель глобальной языковой системы. В 2001 г. он опубликовал результат в виде книги «Слова мира: глобальная языковая система». Основная идея учёного состоит в том, что «многоязычные соединения между языковыми группами строятся не как попало, но, напротив, представляют собой удивительно сильную и эффективную сеть, которая связывает вместе – прямо или косвенно – шесть миллиардов жителей земли».

Концепция де Сваана представляет собой социологическую модификацию мир-системного подхода для учёта взаимосвязей между языками мира. По влиянию, которое языки оказывают на глобальные процессы, они делятся на четыре группы:

1) *периферийные языки* – это большинство языков мира, около 98 % от общего количества языков, на которых говорит около 10 % населения планеты. По большей своей части это языки устного общения, нежели чтения и письма, более памяти и воспоминания, чем записи. Эти языки находятся в опасности вследствие усиливающейся глобализации, поскольку всё большее количество говорящих на них людей выбирают для общения центральные языки;

2) *центральные языки* – это национальные и официальные языки тех или иных государств. На примерно 100 языках говорит примерно 95 % мирового населения. Это так называемые языки записи. Большая часть из того, что произносится или пишется на них, представлено в газетных репортажах, сохраняется в архивах, включается в исторические книги, коллекции «классики» и т.д.

Многие носители центральных языков многоязычны, поскольку родным языком для них является один из периферийных языков, или же в случае, когда родным языком для человека является центральный, он осваивает один из суперцентральных языков;

3) *суперцентральные языки* – это получившие широкое распространение языки, которые соединяют носителей центральных языков. Согласно де Сваану, суперцентральных языков в современном мире 13: арабский, китайский, английский, французский, немецкий, хинди, японский, малайский, португальский, русский, испанский, суахили и турецкий. Зачастую эти языки имеют колониальные следы, поскольку они однажды возникли в результате колонизации и сохранили своё влияние в политике, государственном управлении, праве, крупном бизнесе, технологиях и высшем образовании;

4) *гиперцентральный язык* – это язык, который объединяет носителей суперцентральных языков. Сегодня таким языком является английский.

Де Сваан вводит количественный показатель Q , который рассчитывается по специальной формуле и характеризует коммуникативную ценность языка. Чем выше значение Q , тем более востребован язык. Понятно, что этот показатель имеет наивысшее значение у английского языка как гиперцентрального и самые низкие значения у периферийных языков.

При помощи показателя Q де Сваан объясняет, почему люди, как правило, выбирают при изучении языков язык более высокого уровня. В данном случае язык выступает в роли символического блага, выбирая которое и затрачивая на его освоение время и силы, человек получает возможность со временем обменять его на блага реальные.

Системный подход де Сваана позволяет осознать те функции, которые различные уровни языков выполняют в глобальной языковой системе. Центральные и суперцентральные языки отвечают за устойчивость системы. Английский язык как *lingua franca* объединяет элементы системы в единое целое. Миноритарные языки служат источником разнообразия развития системы.

В то же время вряд ли можно говорить о том, что сохранение и развитие миноритарных языков способно оказывать существенное влияние на изменение языковой ситуации в условиях глобализации. По своей коммуникативной ценности эти языки в силу привязанности к локальным сообществам существенно уступают языкам более высокого уровня иерархии. В лучшем случае, можно говорить о влиянии миноритарных языков на систему в виде случайных флуктуаций – как это произошло, например, со словом «вики» (что означает – быстро) из гавайского языка.

Теперь каждый человек, работающий в Интернете, знает это слово («Википедия», «вики-ресурс» и др.).

С точки зрения политической социологии языка и политической экономии языка (термины Абрама де Сваана) сохранение миноритарных языков является делом весьма затратным и, возможно, не дающим того эффекта, который ожидается. Поэтому усилия по сохранению языков этого уровня иерархии в контексте логики глобализации может рассматриваться как дело благородное, но всё же связанное с движением против течения.

3. Какие угрозы человеческим языкам может представлять дальнейшее развитие информационно-коммуникационных технологий?

Вполне вероятно, что информационно-коммуникационные технологии и киберпространство имеют собственную логику развития, не зависящую от наших гуманитарных представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо. Существует точка зрения, что целью развития информационных технологий является возникновение искусственного интеллекта, который начнёт обучать себя сам и стремительно эволюционировать. В этом случае люди как предшествующая стадия космической эволюции более окажутся не нужны.

Не будем заглядывать так далеко, ограничимся перспективами 10-15 ближайших лет. По мнению ряда экспертов, Интернет в своём нынешнем виде развивается в сторону нейронных сетей, когда подключение к глобальной сети будет осуществляться посредством интерфейса мозг-компьютер. В этом случае выглядит вполне реальной технологическая перспектива осуществления коммуникации без использования естественного языка.

В общем виде это можно представить себе так. Коммуникант и реципиент связаны друг с другом по каналам глобальной сети. У каждого из них есть технологическое устройство, позволяющее у коммуниканта считывать активность нейронных сетей головного мозга и передавать по сети, а также получать её по сети и, соответственно, передавать на мозг реципиента. Такое устройство может быть либо имплантировано в тело человека, либо находиться внутри шлема, надеваемого на голову. В ходе коммуникации у человека, передающего информацию, будут возникать некоторые образы или мысли. Дальше они будут считываться в виде нейронной активности мозга, автоматически распознаваться интерфейсом мозг-компьютер, преобразовываться в стандартный сигнал и передаваться по сети. На другом конце канала действия будут производиться в обратном порядке.

Расширение коммуникационных возможностей человека в виде аппаратно контролируемой селективной телепатии ознаменует выход за пределы человеческой природы. Кодирование эмоций и мыслей сохранится, но оно будет передоверено машинам. А через сеть те группы людей, в чьих руках будет находиться информационная инфраструктура, получат доступ к содержанию психики остального человечества. Сегодня многие специалисты видят главную угрозу языковому разнообразию со стороны английского языка как средства всемирного общения. Думаю, что угрозы будущего будут куда более серьёзными.

В настоящее время США и Европейский союз активно реализуют собственные проекты расшифровки нейронной активности головного мозга – примерно так же, как в начале и середине 1990-х годов они работали над созданием информационной инфраструктуры. Можно предполагать, что через некоторое время то, что сегодня кажется фантастикой, станет реальностью и составит фон повседневной жизни.

Необходимо более активно заниматься методологией, связанной с сохранением и развитием языков в киберпространстве. Важно и полезно наряду с практической деятельностью по сохранению и развитию тех или иных языков привлекать философские, социологические, лингвистические и другие конкретно-научные подходы для более глубокого общего понимания ситуации и оценки перспектив дальнейшей работы.

Литература:

1. Черный Ю.Ю. Общественные эффекты развития киберпространства // Субкультуры и коммуникационные стратегии информационного общества: тр. Междунар. науч.-теор. конф. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. – С. 62-65.
2. en.wikipedia.org>Abram de Swaan.

УДК 316.7

ББК 71.4

Т.В. Шелепанова
Tatiana Shelepanova
tshlepanova@mail.ru

Трансформация социокультурной среды в современном информационном обществе
The transformation of the sociocultural environment in the modern information society

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
St.Petersburg State Institute of Film and Television

Социокультурная среда рассматривается в условиях современного информационного общества, распространения сетевых информационных потоков, формирования глобального коммуникативного пространства. Выделяются аспекты трансформации социокультурной среды: выход в виртуальное пространство, прорыв в области формообразования, нелинейный характер, динамичность, стратегия риска.

Ключевые слова: сеть, виртуальное пространство, формообразование, нелинейность, динамизм, риск.

Sociocultural environment is considered in the conditions of modern information society, the spread of network information flows, the formation of the global communicative space. The aspects of transformation of sociocultural environment: the output in the virtual space, a breakthrough in the field of morphogenesis, non-linear, dynamic, strategy risk.

Key words: network, virtual space, morphogenesis, nonlinearity, dynamism, risk.

Современное общество исследователи называют по-разному: постиндустриальное, информационное, постэкономическое или постмодернистское. Ясно одно, что мы живем в мире «информационного взрыва», стремительного развития информационных технологий, ускорения коммуникативных процессов, формирования глобального коммуникативного пространства, преобразования экономических, социальных и культурных форм. В качестве важной черты информационного общества известный американский социолог М. Кастельс выделил его «сетевой характер», где «доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей», которые обладают высокой степенью динамичности, «способностью к коммуникации, открытостью для инноваций, глобализации и децентрализованной концентрации» [1]. Это помогает понять состояние современной эпохи с ее постоянной изменчивостью, размыванием устойчивых структур, развертыванием сетевой организации информационных потоков и социальных процессов.

Процессы глобальной компьютеризации усиливают коммуникативно-информационную насыщенность социокультурной реальности, способствуют возрастанию роли символических объектов по сравнению с объектами материальными, интенсивности использования знаков, сопровождающихся подчас их опустошением, утратой смыслов, вхождением в век «зрелищ». Социокультурная среда, ориентированная на новую сверхмощную компьютерную технологию, демонстрирует стремление к небывалому авангардистскому по сути прорыву в области формообразования. Любая немыслимая прежде форма - криволинейная, органическая, техноорганическая - относительно легко просчитывается компьютером. Разнообразие и неповторимость элементов перестают быть препятствием для любого вида производства, базирующегося на высоких технологиях. Транслируемые в сети Интернет искусственные объекты и инсталляции, развертывающиеся в виртуальном пространстве, не могут не влиять на реальный мир. Современная культура шагнула в мировое информационное поле, в виртуальное пространство, в параллельный мир, созданный и поддерживаемый компьютерами и коммуникативными линиями мировой сети Интернет и развивающийся рядом с миром физическим.

С момента возникновения виртуальное пространство воспринимается как символ, демонстрирующий все те глубокие культурные и технические изменения, которые как бы заново сформировали представления человека о мире в целом. Виртуальный мир - это новая форма коммуникации, новый способ действия, новое средство для экспрессии, выражения, новое понимание способа перемещения в пространстве. С последним связаны две важные черты социокультурной среды в информационном обществе: «трансформация реальности в образы» и «фрагментация времени на серию нескончаемых настоящих», т. е. реальность как бы виртуализируется, а время как бы «буксует» на месте. Видимо не без оснований в этом переломе усматривают черты все более глобального характера. Так, согласно теории симулякров Жана Бодрийера, произошла структурная революция - разные сферы общества и культуры «изменились все и вдруг», пришел конец историческим

институтам, привычным для человечества [2]. «Мир утратил свой стержень,... мир стал хаосом» [3]. Это конец линейного времени, линейной речи, линейного чтения, линейности экономических обменов, линейности власти», переход к гиперреальности, к сложным сетевым связям.

Социодинамику современной культуры можно охарактеризовать как нелинейный процесс, который включает возможность любого невероятного прогноза относительно будущих ее состояний; в постклассической науке – это понятие бифуркации как непредсказуемой смены состояний; в философии постмодернизма - фигура трансгрессии как перехода к невозможному с точки зрения наличного состояния; в искусстве - концепция нонсенса и абсурда как смыслов, выходящих за пределы линейной логики. Черты нелинейности в современной культурной ситуации проявляются как весьма острые, противоречивые, неоднозначные. С одной стороны, здесь собраны вместе в корне различные тенденции, которые движутся к сложному единству, с другой - обретенный порядок - только временное состояние социокультурной среды, всегда находящейся на грани прерывания. Это своего рода риск - или вызов, оборачивающийся риском. Это нечто, поднимающееся из абсолютного хаоса и непредсказуемости, это находящееся в процессе становления и поэтому обостренно воспринимаемое новое.

Таким образом, нарастающее усложнение всех форм жизни в информационную эпоху, рост ее разнообразия, ускорение процессов развития и одновременно связанное с этим уменьшение стабильности, приводят к глубинной трансформации социокультурной среды, основными характеристиками которой становятся динамичность, нелинейность, беспредельность, текучесть, неопределенность.

Литература:

1. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 494-495.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысячи плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург,

**Традиции и коммуникация в информационном обществе
(геронтологический аспект)**
Traditions and communication in the information society (gerontological aspect)

*Калининградский государственный технический университет
Kaliningrad State Technical University*

Начало XXI тысячелетия принесло человечеству новую проблему стремительно стареющего общества. Долголетие в развитых странах значительно увеличивается. В Германии пожилых людей 14,95% населения, во Франции - 14,5, в США - 12,6, в Японии - 12,55, а в России - более 20% [6,53].

Эти цифры увеличиваются с каждым годом. Население так называемого «третьего возраста», то есть, уже имеющие внуков, очень часто занимает рабочие места наравне не только с детьми, но и с детьми детей. Информационное общество, предполагающее занятость рабочими местами в сфере информации более 50 % населения, дает возможность полностью нейтрализовать мышечный физический перегруз на рабочем месте, что приводит к практически идеальному здоровью при достижении пенсионного возраста (разумеется, при том, что называется «здоровый образ жизни»), Интеллектуальная деятельность и информационная доступность, возможность переобучения в немолодом возрасте практически уравнивают социальные возможности всех трех поколений. Более того, часто старшее поколение находится в более выгодном материальном положении в силу обеспеченности жильем и источниками дохода, и часто с интересом продолжая трудовую деятельность. Но достаточно редко можно встретить человека в этом возрасте, который считал бы себя полностью счастливым.

«Золотой миллиард» европейцев уже работает не из- за необходимости выживать, а из- за поддержания привычного социально - экономического положения. Достаточно частый случай, когда «третье поколение» ни в чем не желает уступать «второму» и количество зарабатываемых денег имеет значение не в плане удовлетворения материальных запросов, а некоей «статусности» и нежелания выглядеть «старым».

Сам термин «старый» на сегодня едва ли не самый оскорбительный в нашем обществе, более того совершенно невежливо даже для второго «поколения» назвать визави его истинный возраст, даже если ему не больше 30-ти. «Хорошими манерами» в случае «третьего возраста» будет уменьшить его лет на десять, а еще лучше на двадцать, если известно, что человек уже пользуется услугами пластической хирургии. Не будет преувеличением назвать одним из самых массовых психозов

нашего времени курс на «омоложение», заменивший понятие «оздоровление». Наличие возрастных морщин на лице становится социальным сигналом, что у человека нехватка материальных средств для их удаления. Это результат искусственно заданной социальной ущербности, порожденный коммерцией на рынке пластической хирургии и косметологии.

Сейчас современный индивид находится в своеобразной вилке псевдоуспеха «молодость- богатство». Пока молод – торопись разбогатеть, разбогател - покупай «молодость». Человек совершенно не готов смириться с природной цепочкой детство- юность- молодость- зрелость- старость. Последние два звена для него необходимо удалить. Невзирая на доводы рассудка, что ум и интеллект - тоже показатель возраста и выглядеть в 50 лет на 35 аналогично тому, что в 20 выглядеть на 5, то есть быть умственно недоразвитым, он усиленно молодится, дабы удержать внешнее подобие сексуальности. Люди стремятся *казаться* счастливыми, *выглядеть* здоровыми. «Люди не захотели больше верить, потому что они уверили себя, будто вера есть противоразумное, научно несостоятельное и «реакционное» состояние души. Люди отrekliсь от сердца, потому что им стало казаться, что сердце мешает инстинкту, что оно есть разновидность «глупости» и сентиментальности, что оно подрывает человеческую деловитость и ставит человека в смешное положение; а «умный» человек больше всего боится показаться смешным; он желает «делать дела» и утверждаться в земной жизни. <...> Голодное самочувствие, тщеславие и честолюбие соединяются здесь с робостью перед «общественным мнением» [1,6].

Осложненные клише молодости и сексуальности семейные отношения в большинстве случаев прекращаются, и нередко после сорока лет мужчины стремятся «обновить» семьи с более молодой женщиной, чтобы почувствовать себя более социально уверенными.

Из понимания человеческой природы исключено, что человек, в отличие от животных, осознает конечность своей жизни и ее закономерную этапность, как благодать. Человек, интуитивно, по- животному боится смерти, ассоциируя ее со старостью.

Как же возможно прекратить этот массовый психоз молодящихся старцев? Мировые религии веками убеждающие человечество в возможности духовного бессмертия в настоящее время никоим образом не влияют на общественное сознание по реальному восприятию старения. Понятие «духовности» у современного человека ассоциируется чаще с некоей культурностью - походами в театр, чтением книг. Те, кто разочаровался в этой бесполезной гонке за статусностью, но не привыкшие к духовной работе, становятся жертвами различных сект, где им поднимают самооценку.

Вероятно, единственным выходом может быть введение философского курса в общеобразовательные программы, когда еще с начальных классов человеку будут объясняться не только нормы морали и обучение практическим навыкам, но и представление об основных ценностях жизни, рассчитанной на очень длительный срок. Если современного студента спросить о смысле его жизни, то ответ будет, как

правило: получить образование - сделать карьеру, чтобы обеспечить будущую семью-вырастить и дать образование детям. То есть, обычную норму жизни он воспринимает, как высшую цель человеческой жизни - не более, чем воспроизведение себя в потомках, что в общем- то ничем не отличается от животного уровня.

Современному человеку, несмотря на технический прогресс, до сих пор в большинстве случаев свойственно религиозное мировоззрение либо античного человека - страх перед высшими силами, либо Ренессанса- технические средства уравнивают с Богом. Он воспринимает мир, как систему менеджмента, где он руководитель определенного звена, и живет с подсознательным страхом кары свыше за плохие поступки, несмотря на то, что прошли уже сотни и тысячи лет, и пришло понятие богочеловека. Проблема донесения до человека христианских догм осложнена тем, что в настоящее время авторитет церкви катастрофически падает. Люди не доверяют священникам, видя откровенную коммерциализацию «святого» и нередко недостойное поведение служителей. В большинстве школ родители отказались от изучения какой- либо отдельной религии, выбрав общий курс ознакомления с различными религиями. И, тем не менее, в вере нуждаются не меньше, чем ранее. Это потребность в духовной жизни используется различными сектами. В последнее время на рынок «духовных услуг» выходят так называемые «ведические» центры, спекулирующие на якобы древних ведических знаниях, имеющие, как правило, рекламную заставку в виде обучения йоге и здоровому образу жизни. Возможно, популяризация и введение в обязательную программу философского наследия заполнит эту духовную пустоту. Но это должен быть очень адаптированный к восприятию современного ребенка и их родителей подход и особая подготовка преподавателей для воспитания мировоззрения современного индивида. И акцент предположительно стоит делать на формирование собственного независимого мнения, позволяющего соглашаться или отрицать религиозные догмы. Основная задача - показать еще в начале пути те этапы жизни, которые ребенку предстоит пройти и объяснить всю важность каждого из них.

Список литературы:

1. Ильин И. Путь к очевидности, - М., АСТ, 2007,-221с.
2. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме,- СПб, Владимир Даль, 2001, 331с.
3. Рыбакова Н.А. Феномен старости / Н.А. Рыбакова. Москва-Псков, 2000. – 169с.
4. Франк С. С нами Бог, -М, АСТ, 2007,- 380с.
5. Фромм Э. Здоровое общество; пер с англ. Т.Башкетовой: М. АСТ, 2006, -539 с
6. Comparative Anomie Research: Hidden Barriers - Hidden Potential for Social Development / P. Atteslander, B. Granshow, J. Western (eds.) / Swiss Academy for Development. Aldershot; Brookfield, USA; Singapore; Sydney: Ashgate, 1999.-461с.

Два подхода к понятию «культура» в межкультурной коммуникации
Two approaches to the concept of culture in intercultural communication

Всероссийская академия внешней торговли
Russian Foreign Trade Academy

При рассмотрении межкультурной коммуникации понятие «культура» часто служит самым различным целям и поэтому соответствующим образом тематически модифицируется. Холистическое определение культуры понимается через сравнение с моделью «айсберга культуры». Показывается, что все еще имеется достаточно много видов межкультурных коммуникаций, которые могут адекватно охватываться «классическим» понятием культуры. Вторая модель - «культурный багаж» предоставляет свободу для интерпретации межкультурных встреч. Эта модель культуры как открытой системы устраняет необходимость исходить из статичных культурных портретов. Обе модели не противоречат друг другу.

Ключевые слова: культура, культурная идентичность, межкультурная коммуникация, межкультурный диалог, межкультурная компетентность, мультикультурализм.

The concept of culture often serves different purposes and therefore are appropriately thematically modified by considering intercultural communication. A holistic definition of culture is understood through the comparison with the model of "iceberg of culture". It is shown that there are still quite many kinds of intercultural communication that can adequately be covered "classical" definition of culture. The second model of "cultural baggage" provides the freedom to interpret intercultural dialog. This model of culture as an open system eliminates the need to assume a static cultural portraits. Both models do not contradict each other.

Keywords: culture, cultural identity, intercultural communication, intercultural dialogue, intercultural competence, multiculturalism.

Межкультурная коммуникация особо значима для усиления этнокультурного и межконфессионального диалога в регионах России, поскольку позволяет налаживать взаимоотношения в разных сферах общественной жизни. Межкультурный диалог способствует открытию и пониманию ценностей других культур. Понятие «культура» часто служит самым различным целям и поэтому соответствующим образом тематически модифицируется. Следует рассмотреть один из аспектов, являющийся центральным для успеха межкультурного диалога, а именно, что следует понимать под культурой в межкультурной коммуникации?

Начать анализ необходимо с установления свойств коммуникативных актов, которые относятся к межкультурной коммуникации. Межкультурное взаимодействие предполагает встречу культур, поэтому чтобы парадигма межкультурности имела смысл, представители культур должны обладать выраженными культурными отличиями, которые существенно влияют на коммуникацию. Тогда межкультурные взаимодействия будут значительно отличаться от внутрикультурных контактов, т.е. встреч людей, социализировавшихся в пределах единого культурного пространства. В центре дискуссии о межкультурной коммуникации стоит не просто обсуждение понятия культуры в академических дискуссиях с позиций различных наук, преследующих собственные цели, а анализируется отношение к культурным различиям и рассматривается подход к ним. Речь идет не о том, какое явление может стать «культурой», а о том, что составляет конкретные культуры, чем они отличаются и в чём они совпадают.

Межкультурная компетенция помогает людям эффективно действовать и позволяет добиваться лучших результатов в межкультурных коммуникативных актах. Межкультурная перспектива заключается в том, что при встрече конкретных людей речь идёт не просто об индивидуумах, а о людях, обладающих культурным происхождением, которое описывается признаками, разделяемыми индивидуумами с представителями своей группы. К культурным признакам относится язык, который не обязательно связан с нацией, а может, например, быть вариантом диалекта родного языка или представлен многоязычностью. Не стоит сбрасывать со счетов общую историю группы вплоть до современной эпохи, которая не обязательно должна быть национальной. Следует отметить еще один признак – географическое пространство, которое позволяет идентифицировать общность, причем разделённая принадлежность не всегда гармонична. Мировоззрение, религиозные взгляды осознанно или неосознанно формируют мышление, а также влияют на деятельность участников группы. Можно отыскать множество других черт, характеризующих коллектив и его членов, если принять во внимание различные способы формирования повседневности, такие как тип жилых построек, еда, одежда, праздники, ритуалы, общественные и частные виды общения, т.е. всё то, что позволяет идентифицировать группу и её отличия от других сообществ.

Парадигма межкультурной коммуникации формируется с учетом наличия различаемых и отличающихся на основе культуры признаков группы. Ведется оживлённая дискуссия по данному вопросу, а именно, в радикальной форме - существует ли культурные различия вообще, и в ослабленном виде - в каких границах культурные различия являются признаками рациональной и релевантной базы формирования межкультурной компетентности. Для этого необходимо рассмотреть конкурирующие или дополняющие друг друга модели аргументации, относящиеся к понятию «культура».

Концепция культуры 1: холистическая, контрастная. Культура отражает существенные проявления ментальных, художественных, фольклорных, бытовых традиций национальных сообществ. В культурах воспроизводятся также религиозные

и светские устои, сформированные в условиях совместного проживания, выражающиеся в таких понятиях как, например, «японская культура», «культура российских немцев», «американская культура» и т.д.

Следует обратить внимание на еще один важный момент данного подхода к культуре с точки зрения дискурса «чужое и свое». Феномен «культура» трактуется не дидактически, где чужое содержит также часть собственного и известного, а дихотомически. Такой подход также корреспондируется с широко понимаемым статичным понятием «культура» и поэтому формирование межкультурной компетентности ориентируется на восприятие различий, на изучение не только собственной культуры, но и культур других общностей (при позитивном определении целей), на осмотнительное обхождение с традициями, табу, а также культурной чувствительностью вступающих в межкультурную коммуникацию партнёров.

Концепция культуры 2: простирающаяся за границы, диалоговая, сопоставимая. Культуры можно представить как ансамбль более или менее перекрывающих друг друга кругов. При этом идентифицируемые культуры, как правило, отличаются. Во время межкультурных контактов можно установить как сходства, так и различия культур, с целью преодоления чужого. Однако осознание чужого становится одновременно открытием собственного, а также познанием чужого. Такой подход встречается в диалоге языков и культур, обладающих географической, политической и культурной близостью, и обнаруживающих многочисленные общности жизненных проявлений. Такой диалог в дальнейшем развивают, например, страны, относящиеся к христианскому западноевропейскому культурному ареалу. С методической и дидактической точки зрения данная идея воплощается в потребности начать обучение межкультурному диалогу. При этом страноведческая информация о находящихся в диалоге культурах уходит на задний план, что позволяет освободить пространство для сравнительного обсуждения глобальных или культурных тем, таких как питание, работа, место проживания и т.д.

Концепция культуры 3: дифференцированная, с учетом мультикультурного контекста. Концепция 3 указывает на место возникновения обществ мигрантов и отражает тот факт, что культурные меньшинства в условиях миграции развиваются в других направлениях, нежели общества их происхождения. Характеристику этого развития в пределах меньшинств необходимо понимать как самостоятельное различие, существование которого требует особой констатации. Данная концепция культуры отражает сходства и различия, принимаемых во внимание культурных признаков, подлежащих идентификации в пределах нации. Культурные признаки являются не только обусловленными миграцией аспектами мультикультурализма, т.к. их распространение не ограничено национальными границами, но и феноменами, постоянно подвергающимися унификации по причине глобализации. Такой процесс ведет, в конечном счете, к пониманию культуры, определяющей жизненные общественные образцы, как исходные точки категоризаций культуры. В зависимости от перспективы и контекста, имеет смысл говорить о христианском культурном

ареале, об американском стиле жизни или же о культурной ориентации турецкой молодёжи - третьего поколения мигрантов Германии. На дидактическом уровне такое понимание культуры имеет своим следствием не только выбор страноведческой информации, но и влияет на форму занятий, которые строятся с учетом необходимости формирования межкультурной компетентности.

Страноведческая информация делает упор скорее на многообразие, чем на типы объектов. Тематические блоки занятий по формированию межкультурной компетентности последовательно направлены на охват больших жизненных сфер, таких как, например, организация жизненного уклада, завязывание отношений, или времяпрепровождение в свободное время, без того, чтобы всегда предполагать наличие культурного различия или превращать его в исходный пункт анализа типичного варианта жизнедеятельности представителей конкретной культуры. Жизненная светская фокусировка понятия «культура» подразумевает обращение к многоязычности мигрантов, используемой не только на занятиях для детей, но и при формировании межкультурной компетентности у взрослых. При этом внимание обращается на индивида, что методически выражается в сравнении языков, а также в употреблении используемых на занятиях родных языков.

Концепция культуры 4: индивидуалистская, анти-культуралистский подход. Данная концепция ставит под сомнение идею о целесообразности анализа межкультурных встреч людей и культурных характеристик обществ с помощью культурных параметров. Скрытые мотивы такой позиции - реальность глобальных движений миграции с ее динамикой аккультураций, происхождение культурных образцов на основе многоязычия или потери родного языка. Такие тенденции формируются при смене поколений, а также на фоне общественно-политических процессов, состоящих как из интеграции, так и исключения. Если учитывать эффекты экономической и медиальной универсализации, то у многих индивидов затруднена чёткая идентификация культурной принадлежности.

При таком подходе к понятию культуры возникает дискуссия о феномене «культурная идентичность». Суть данного спора - критика представления об идентичности как статичном феномене, которому противопоставляется понимание идентичности как процесса. Данная концепция содержит критику представления о культурной идентичности, вид которой, с одной стороны, формируется культурой происхождения людей, а с другой стороны, культурой, участвующих в межкультурном диалоге сторон. Индивиду в случае межкультурных взаимодействий зачастую угрожает кризис идентичности.

Приведём две дискуссии в русле рассматриваемой концепции культуры, которые обсуждаются общественностью и академическими кругами: речь идёт о таких феноменах как культурный шок или беспомощно блуждающие между культурами мигранты. Культура и культурная идентичность, согласно данному подходу, больше не ведущие понятия, не полезный ключ для аналитического и практического обобщения разнообразия межкультурных встреч в глобально связанном мире. В соответствии с таким взглядом едва ли следует задумываться о том, где и как

индивид присоединяется к культуре или позволит себя присоединить, если индивиды со своей стороны больше не могут определять свою культурную идентичность, и все чаще не испытывают потребности в её идентификации. Как показывают многочисленные опросы мигрантов второго и третьего поколения, понятие культуры становится для них часто неупотребительным. Кроме того все чаще возникает опасность для злоупотребления якобы произвольным культурным происхождением - нередко с точки зрения крайне правого политического спектра и враждебного интереса к иностранцам. С точки зрения данной концепции небольшой шаг до постановки под вопрос всей парадигмы по формированию межкультурной компетентности, что можно интерпретировать как выражение, в конечном счете, националистического мышления.

Рассмотрение четырёх концепций культуры показало, так понятие «культура» часто служит самым различным целям и поэтому оно соответствующим образом трактуется. Культуру часто описывают как: систему ориентации или стандартизации ценностей или поведенческих образцов, и тем самым однородно, а с другой стороны, также существуют и индивидуальные ее вариации, субкультуры коллективов, что позволяет рассматривать культуру как дифференцированный феномен. Очень многие люди живут в узком пространстве локальной культуры, поэтому каждый такой житель несет несмываемый отпечаток своей культуры. Модель «культурного айсберга», встречающаяся во многих исследованиях [2] хорошо демонстрирует различие и неразрывную взаимосвязь между видимыми и невидимыми частями культуры. К невидимой части в данном случае относится система ценностной ориентации. Первые три концепции культуры в определенной степени могут оперировать моделью «айсберга культуры», поскольку обращаются к рассмотрению и сопоставлению культурных различий. Однако представление о культуре как статичном образовании, обладающим набором определенных признаков зачастую не выдерживает проверки практикой.

Современная культурология рассматривает культуру как явление комплексное и многогранное. Немецкий исследователь К.Ханзен [1] вместо культуры единого целого исходит из динамического понимания культуры, объясняющего единство культуры, исходя из ее дифференцируемости. Во всех сложных коллективах присутствуют не только многообразие, но и разнородность, противоречия. Различия, таким образом, становятся основой формирования индивидуального. Поскольку каждый индивид в течение своей жизни является членом нескольких сообществ, каждое из которых обладает своими ценностями, то признавая эти ценности своими современный человек «носит с собой культурные знания своей группы как «культурный багаж» [2], но при этом обращается с ними по своему усмотрению в зависимости от ситуации. Культуру, поэтому позволительно представить в виде палитры различных предложений, которые получают свое индивидуальное выражение в контакте с внутренним миром индивида. Четвертая концепция культуры отрицает статичное определение культуры и говорит о возможности выбора культурной идентичности самим индивидом.

Представляет ли проблему существование двух разных понятия культуры? Собственно говоря, нет. Не смотря на правомочную критику холистического определения культуры, сегодня имеются все еще достаточно много видов взаимодействий, которые могут адекватно охватываться «классическим» понятием культуры. Его можно использовать, например, в деятельности сотрудников международных организаций, студентов, находящихся на обучении за рубежом, специалистов, временно остающихся инокультурным меньшинством в культурном большинстве, участвуя в международных проектах. Похожую структуру имеют также те встречи, где люди с незначительным опытом общаются с представителями других культур. Если таких людей все меньше в индустриальных странах, то оставшееся большая часть всемирного населения продолжает жить в узких пространствах локальных культур. Культуру можно представить в таких контекстах хорошо известной метафорой «айсберга культуры», состоящего из связанных между собой видимой и невидимой частей.

При рациональном подходе нельзя считать разумным желание полностью заменить классическое понятие культуры радикально современным. Нам представляется, что при формировании межкультурной компетентности и проведении межкультурных тренингов можно успешно использовать оба представления о культуре. Таким образом, модель «айсберга культуры» оказывается пригодной для первоначального анализа феномена «культура». Эта модель помогает начинающим придерживаться модели, которой они могут оперировать для структурирования обусловленного культурой жизненного опыта и конкретизировать для себя абстрактную концепцию культуры. В зависимости от контекста практики формирования межкультурной компетенции, срока обучения и целевой установки преподаватель решает затем на применение второй модели, которая представляет культурное знание индивидуума как невидимый «культурный багаж», который индивид имеет всегда при себе, но пользуется им в случае необходимости. Обращение с моделью «культурный багаж» предоставляет свободу для интерпретации межкультурных встреч, так как индивидуум может использовать эту модель в зависимости от ситуации. Эта модель культуры как открытой системы устраняет необходимость исходить из статичных культурных портретов [2]. Обе модели не противоречат друг другу. Существуют контексты и ситуации, которые лучше понимаются через сравнение с моделью «айсберга культуры», а и другие лучше объясняют проблему через модель с «культурным багажом». Чем, увереннее, исследователь обходится с обоими культурными понятиями и их ограничениями, тем более дифференцированно он охватывает межкультурные факты и находит подходящий теоретический ключ к их разъяснению. Это весьма существенно как для развития теории, так и методического обоснования учебного процесса, посвященного рассмотрению вопросов по межкультурной проблематике.

Литература:

1. Hansen, K.P.. Kultur und Wissenschaft. Tübingen-Basel, 2003. S. 102.
2. Roth, Juliana, Christoph Köck. Culture Communication Skills. Interkulturelle Kompetenz. Handbuch für die Erwachsenenbildung. München, 2004. S. 18.

Секция 5. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СРЕДЫ В СОЦИОТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

УДК 316.77

ББК 87.6

А.А. Калмыков
Alexander Kalmykov
alex.kalmykov@gmail.com

Коммуникационный менеджмент – трудности дефиниции **Communication management – the difficulty of determining**

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

Коммуникационный менеджмент быстро развивающаяся область практики и науки, однако нельзя утверждать, что достигнуто согласие между специалистами в его трактовке.

Ключевые слова: коммуникационный менеджмент, ПР, менеджмент, коммуникация, виртуал.

Communication management from the rapidly developing area of practice and science, but you cannot argue that agreement between experts in its interpretation.

Keywords: communication management, PR, management, communication, virtual.

Коммуникационный менеджмент (КМ) быстро развивающаяся область практики и науки, что обуславливается бурным развитием средств связи, Интернета и других систем передачи данных, и появлением новых бизнес-схем и процессов. Однако нельзя утверждать, что достигнуто согласие между специалистами в трактовке и понимании этого термина. Одни авторы рассматривают коммуникационный менеджмент в рамках теории управления, другие в рамках коммуникатологии. Встречается и более узкие трактовки этого понятия, например, как совокупность методов и принципов управления коммуникационными каналами. Дискуссионным остается различие коммуникационного менеджмента и ПР. Ради этого иногда ПР сводят к управлению внешними связями, как части КМ ставя в один ряд с другими технологиями: GR, IR, CR, LR, TR и т.п. Но все это включает и современный ПР, так что все равно остается не ясным, что шире, что уже.

Причиной недоопределенности термина КМ является недоопределенность ключевых понятий: «менеджмент» и «коммуникация». Под менеджментом логично подразумевать совокупность целесообразных регулирующих воздействий на объект

управления. Сложность начинается в тот момент, когда в качестве объекта управления выбирается коммуникация, природа которой сущностно виртуальна [1]. Да и с определением коммуникации далеко не все ясно. Из всего множества дефиниций, на наш взгляд, наиболее продуктивная была предложена С.В. Клягиным [2], согласно которой коммуникация – это информационно-смысловое взаимодействие.

Иными словами, коммуникация это актуальное взаимное действие в момент которого (здесь и сейчас) осуществляется производство информации и смыслов. Причем и то, и другое переформатирует окружающую среду, посредством трансляции в нее продуцируемой информации и смыслов. Для того чтобы это действительно произошло необходимо чтобы субъекты коммуникации и окружающая среда обладали свойством рефлексии, для восприятия, производства и освоения смыслов.

При этом достаточно несложно поставить задачу создания условий (тех же каналов) для возможности коммуникации и к этому свести управление ею. Точно также ограничиться управлением процессами запуска и прерывания коммуникации, но КМ претендует на большее – управление самой неуловимой коммуникацией.

Рассмотрим упрощенную схему включающую двух коммуникантов (К1, К2), менеджера коммуникации (МК), связи между ними (МК>К1, МК>К2, МК>К1-К2). Тогда задача управления коммуникацией сводится к трем: инициация, поддержка, прерывание. Для инициации коммуникации необходимо транслировать коммуникантам образ их контрагентов. Прерывание коммуникации может быть осуществлено различными средствами, включая устранение условий необходимых для продолжения процесса, фиксацией выполнения задачи и т.п.

Наиболее сложной является поддержка. Коммуникация предполагает существование изменчивого локального коммуникативного поля, где циркулируют информационно-смысловые фреймы, которыми и может манипулировать МК. То есть управление коммуникацией предполагает наличие внешней по отношению к ней позиции и цели, ради которой и осуществляется управление. Управление коммуникацией осуществляется не ради самой коммуникации, а ради чего-то другого, внешнего по отношению к ней. В этом, наверное, основное отличие КМ от РР, и это позволяет понимать *коммуникационный менеджмент как целенаправленную деятельность, использующую для достижения результата систему коммуникаций.*

Литература:

1. Носов Н.А. Манифест виртуалистики. – М.: Путь, 2001.- (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 15.). Калмыков А.А. Коммуникация как виртуальность. // Ежегодник Российского психологического общества т.9, выпуск 1.- М.: 2002, с.169.
2. См. Клягин С.В. Парадигмальный резонанс в концепциях организационной коммуникации. / Консультант директора №1-2012.

**Борьба за человеческий капитал
как новый аспект конкуренции в современном мире
The struggle for Human Capital as a new aspect of competition in today's world**

*Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»
National Mineral Resources University*

В современном глобальном мире благодаря научно-техническому прогрессу и инфокоммуникационным технологиям мы оказываемся в ситуации, когда происходит смещение акцента в борьбе за ресурсы. Сегодня во всем мире идет конкурентная борьба за человеческие ресурсы. Речь идет не только об утечке мозгов, а об утечке генофонда в целом.

Ключевые слова: человеческий капитал, ресурсы, Россия, научно-технический прогресс, утечка мозгов, утечка генофонда

In today global world, due to scientific and technical progress and communication technologies, we find ourselves in a situation where we see a shift of emphasis in the fight for resources. Today, all over the world there is competition for human resources. It is not just about brain drain but on the diversion of the gene pool as a whole. Under these circumstances Russia should concern on the most important resource — human fund.

Keywords: human fund, resources, Russia, scientific and technological progress, the brain drain, the drain of the gene pool.

«Придет день, когда единственным полем битвы будут рынки, открытые для торговли, и умы, открытые для идей».

Виктор Гюго

Начиная с Нового времени философской мысли присущ поиск движущих сил прогресса, поиск ответа на вопрос о том, что толкает человека и общество в целом на позитивное развитие. В нашей статье мы выделяем конкуренцию как одну из важнейших движущих сил научно-технического прогресса и, как следствие, прогресса социального.

Для начала, стоит определиться с терминами. Конкуренция (из экономики) – борьба между экономическими субъектами за максимально эффективное использование факторов производства [1]. Если заглянуть в справочник по биологии, и в нём можно столкнуться с определением конкуренции, и это – «борьба биологических видов с целью выживания» [2]. Согласно концепции эволюционизма именно конкурентная борьба за ресурсы помогала нам сначала выживать, а потом и эволюционировать. Данную идею можно проследить в работах Ч. Дарвина, Г. Спенсера, К. Маркса и Ф. Энгельса, по мнению которых постепенное

прогрессивное развитие человека осуществляется в борьбе за существование между обществом и окружающей средой, между одним обществом и различными обществами, которые его окружают [3; 4]. И если на протяжении тысячелетий, с начала своего становления человечество, с целью выживания, боролось за базовые ресурсы, коими выступали плодородные земли то, начиная со второй половины двадцатого века цивилизованные страны, в связи с экономическим благополучием и насыщением базовых потребностей, начинают осознавать, что важнейшим ресурсом, который мог бы обогатить их страны является человеческий капитал. Начинается борьба за этот ресурс, борьба, в которой Россия пока проигрывает.

Рассматривая данную проблему, мы приходим к парадоксальной идее – Россия, всегда добивавшаяся в конкурентной борьбе бесконечных преимуществ, получившая наибольшее количество земельного ресурса и вместе с ней минерально-сырьевых ресурсов, вдруг пасует в современной конкурентно борьбе за человеческий капитал. Действительно, обратите внимание: люди, которые не могут по каким-то причинам реализоваться в нашей стране уезжают за границу. Мы теряем не просто лучшие кадры, а лучшие гены [5]. Известно, что склонности, навыки передаются генетически, что способствует появлению также более развитых поколений. Такие люди – костяк нации, но из-за их «бегства» возникает явление генетического перевеса, ведь люди, пристрастные к пагубным привычкам (которые, к слову, разрушают как мозг, так и ДНК) вряд ли станут предпринимать каких-либо попыток сдвинуться с места, поэтому и останутся. В этих условиях Россия должна задуматься о важнейшем ресурсе — человеческом капитале.

Литература:

1. Экономическое определение конкуренция из Большой советской энциклопедии Под редакцией А. М. Прохорова - 3е изд., М., 1969-1978 гг.
2. Ч. Дарвин. Происхождение видов путём естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. — Санкт-Петербург: Наука, 1991.
3. Спенсер Г. Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. СПб., издание В. Врублевского, 1906. - 534 с.
4. Нисбет Роберт. Прогресс-история идеи. Издательство: М.: ИРИСЭН. 2007. 557 с., С. 132.
5. Шестакова И.Г. Человеческий капитал как ресурс // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2014. Т. 2. № 2. - С. 37-42.

УДК 331.1

ББК У6540-06

А.К. Бордунос, С.В. Кошелева
Aleksandra Bordunos, Sofia Kosheleva
abordunos@bk.ru

**«Эффект колеи» в понимании оптимальности стратегии управления
человеческим капиталом фирмы**

**Path dependence in perception of value of a corporate Human Capital Management
strategy**

*Высшая Школа Менеджмента, СПбГУ
Graduate School of Management, St. Petersburg State University*

За последние 20 лет поиск предпочтительной стратегии управления человеческим капиталом фирмы привел к появлению свыше 180 уникальных комбинаций практик. Проблема выбора наиболее приемлемой из них усугубляется различием в понимании ключевых терминов, контекстуальными особенностями, эквивиальностью, а также разнообразием подходов фирм к оценке эффективности применяемой стратегии. Используя теорию зависимости от предшествующего развития, в рамках исследования удалось обосновать и сузить поле содержательного выбора до трех внешних референтных моделей с опорой на продуктивность, приверженность или вовлеченность сотрудников, в зависимости от стратегической ориентации фирмы: рыночной, ориентации на обучение или инновационной (предпринимательской) соответственно.

Ключевые слова: стратегия управления человеческим капиталом фирмы, референтные модели, стратегической ориентации фирмы, эффект колеи

During the past twenty years more than 180 non-redundant High-Performance Working Practices were generated by researchers. Selection problem is amplified by variety in key terms conception, contextual peculiarities, equifinality, difference in evaluating of the Human Capital Management strategy. Path dependence theory allowed to ground and downsize selection options to three external reference models, depending on the dominating corporate strategic orientation: high-productivity system as a support to a market orientation, high-commitment for a learning orientation and high-involvement for innovation (entrepreneurial orientation).

Keywords: corporate Human Capital Management strategy, reference models, corporate strategic orientation, path dependence

Цель исследования: выделить критерии оптимальности стратегии управления человеческим капиталом фирмы (УЧКФ). **Исследовательские вопросы:** 1) каковы критерии **оптимальности** выбора стратегии УЧКФ?; 2) какие типы стратегий УЧКФ целесообразны для роли референтных моделей? **Методология и результаты:** в исследовании авторы придерживаются позиций социального конструкционизма, принимая следующие допущения: 1) познание – это выстраивание; 2) истина множественна, 3) критерий хорошего знания – пригодность [1]. С точки зрения данного подхода, любые действия, как и термины, обретают смысл лишь в ходе социального употребления и зависят от скоординированности с действиями других [2]. Такой угол зрения оправдывает отсутствие универсальной стратегии УЧКФ, однако стимулирует поиск подходов, которые бы помогли решить намеченную проблему выбора. С этой целью в исследовании используется “эффект колеи” как способ организации информации для анализа [3]. Зависимость от траектории предшествующего развития обычно рассматривается как сдерживающий фактор, ограничивающий возможность достижения максимальной эффективности. Однако в данном исследовании возможность использования «эффекта колеи» позволяет реконструировать убеждения, влияющие на выявленное восприятие действенности стратегии УЧКФ (включая понимание ее объекта), и выделить соответствующие

убеждениям латентные референтные модели. В таком случае задача определения оптимальности сводится к поиску максимального соответствия между референтной моделью УЧКФ и принятыми в фирме убеждениями. Следовательно, под оптимальной стратегией УЧКФ в исследовании подразумевается система, состоящая из 1) такого набора принципов, которые усиливают идентичность компании – ее видение, миссию, ценности; 2) такого набора политик, который соответствует стратегическим приоритетам компании; 3) такого комплекса практик, которые обусловлены тактикой деятельности фирмы; 4) ориентации на такой продукт, который необходим для поддержания ключевых компетенций фирмы [4]. «Эффект колеи» предполагает трехэтапный анализ **объекта исследования**, которым в данной работе выступает стратегия УЧКФ. На первом этапе **предметом исследования** выступают социальные стандарты, повлиявшие на зарождение рассматриваемого явления; на втором и третьем – идеализированные референтные модели с той разницей, что на втором этапе акцент делается на обосновании их целесообразности, а на третьем - на концептуализации каждой сконструированной модели. В данной работе акцент сделан на последних двух этапах. Основной метод обработки данных в работе – тематический анализ на латентном уровне [5]. Анализировались годовые отчеты двадцати одного банка, которые были выбраны случайным образом, а также их корпоративные и карьерные сайты, показатели финансовой отчетности, данные независимых рейтингов. В качестве опорных тем для анализа выбраны следующие: какие показатели компании используют для раскрытия информации о характеристиках человеческого капитала и успехах по управлению им; какова роль персонала в достижении стратегических целей компании и в стратегическом преимуществе банка перед конкурентами; какова роль менеджеров по управлению персоналом; какие раскрываемые практики формируют стратегию по управлению персоналом. Анализ позволил сформировать мнение относительно доминирующей референтной модели для стратегии УЧКФ среди российских банков – 1) **модели, ориентированной на продуктивность**. Сопоставление полученных данных с результатами проведенных ранее исследований позволило выделить критерии эффективности стратегии: высокая продуктивность персонала и качество продукции, низкий уровень затрат в сравнении с отраслевыми бенчмарками, увеличение доли рынка. Глубинные полу-структурированные интервью с бизнес-партнерами в области управления персоналом предприятий других отраслей (n-4) позволили расширить перечень референтных моделей до трех: 2) модели, ориентированной на лояльность, 3) модели, ориентированной на вовлеченность. Респонденты отметили существенные преимущества в использовании выявленных дополнительных моделей, что свидетельствует о возможном “сопутствующем «эффекте колеи»” (1) – когда компании переходят к кластерному внедрению новых для себя стратегий УЧКФ в результате изменения приоритетов относительно собственных стратегических целей. Сравнение полученных эмпирических наблюдений с результатами анализа литературы в области стратегического менеджмента организации подтвердило предварительные выводы относительно возможности сужения поля выбора

разновидностей стратегий УЧКФ и сведение их количества к трем основным (например, [6]) и позволило выделить существенные критерии их оптимальности. Стоит также отметить, что кластерность не нашла подтверждения в исследуемой литературе и возможно является особенностью компаний, осуществляющих деятельность в России, как ответ на институциональное давление, что может стать предметом дальнейших исследований.

Список литературы:

1. Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. – 2009. – Т. 2. – С. 35-45.
2. Джерджен К. Д. Социальный конструкционизм: знание и практика: Сб. статей/Пер. с англ. АМ Корбута; Под общ. ред. АА Полонникова.-Мн.: БГУ, 2003.-232 с. – 2003.
3. Dobusch L., Kapeller J. Breaking new paths: theory and method in path dependence research //Schmalenbach Business Review. – 2013. – Т. 65. – С. 288-311.
4. Posthuma R. A., Campion, M. C., Masimova, M., & Campion, M. A. A high performance work practices taxonomy integrating the literature and directing future research //Journal of Management. – 2013. – С. 1184-1220.
5. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology //Qualitative research in psychology. – 2006. – Т. 3. – №. 2. – С. 77-101.
6. Ingham J. Strategic human capital management. – Routledge, 2007.

УДК 167.7

ББК 87.2: 71

О.В. Джиган
Olga Dzhigan
olga-djigan@rambler.ru

Введение в STS – технологии The introduction to STS

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ»
National Research University of Electronic Technology*

В работе рассматриваются такие понятия, как STS – технологии, междисциплинарность, модель «актор-сеть», и оценивается роль «исследований науки и технологий» в эпоху информационного общества. Автор проводит исследование роли объекта в STS – технологиях.

Ключевые слова: STS – технологии, междисциплинарность, объект, модель «актор-сеть», информационное общество.

The author considers concepts of STS, interdisciplinarity and model "actor-network". He estimates the role of Science and Technology Studies in the information society. The author analyzes the role of the object in STS.

Keywords: STS, interdisciplinarity, object, model "actor-network", information society.

В эпоху информационного общества, начиная со второй половины XX века, происходит усложнение взаимосвязей между естественнонаучными и социогуманитарными дисциплинами, увеличивается интенсивность

междисциплинарных транзитов, возникает с одной стороны объединение, с другой – дифференциация исследовательских программ многих сфер наук. Ввиду междисциплинарного транзита локальных и фундаментальных проблем, возникает тесное взаимодействие естественных и гуманитарных наук, имеющих кардинальное отличие в фундаментальных предпосылках, методологии и понятийном аппарате.

Одной из проблем междисциплинарного характера в информационном обществе стал диспут о пространстве, включивший к концу XX века почти все социогуманитарные науки. Тем самым под вопросом оказался известный изоморфизм пространства, социума и государства, ввиду социальных и технологических изменений в современном обществе, а также новых форм организации жизни, выявивших дисбаланс реального и сформированного в науке, политике и повседневности пространства [1]. В то же время возникает проблема взаимодействия неоднородных по своей сути элементов социальной, естественной и технической природы. Ключевыми решениями в естественнонаучной сфере становятся такие направления, как синергетика, социобиология, биополитика, а в гуманитарной – различные программы культурологического, социологического, историко-философского характера, возникшие под воздействием постпозитивистской философии и получившие название *Science Studies*, одним из ведущих направлений которых стали «исследования науки и технологий» – *Science and Technology Studies (STS)*.

STS является областью исследования, возникшей на пересечении философии с историей науки, социологией знания, философии с социологией техники. Предмет исследования STS – это взаимодействие науки и общества в различных аспектах, начиная от экономического и инновационно-технического до ценностного. Новизна разработанных представителями STS подходов к проблеме конструирования моделей взаимодействия общества, технологий и окружающей среды заключается прежде всего в том, что сложные природные и культурные явления рассматриваются ввиду их меняющегося взаимоопределения. STS предназначены для облегчения анализа и синтеза науки, техники и медицины. Согласно И.Т. Касавину, «STS является вариантом натурализации философии науки, т.е. попыткой её сведения к сумме частных дисциплин, изучающих науку» [2, с.7]. Ключевым тезисом, лежащим в основе STS, выступает утверждение о том, что ни один объект, будь то животное, человек или искусственно созданный объект, не имеет никаких сущностных свойств; возможно лишь их приобретение в процессе взаимодействия с другими объектами: «Все произведено отношениями и участвует в их производстве» [3, с. 108]. Объект согласно представителям STS является продуктом отношений и существует благодаря их исполнению, следовательно, обладает пространственными характеристиками (имеет пространственную конфигурацию). В STS пространственная модель «актор-сеть», разработанная Б. Латуром и М. Каллоном, является основной моделью взаимодействия человеческих и нечеловеческих агентов [4].

Таким образом, в эпоху информационного общества перед STS стоят задачи внесения практического вклада во взаимоотношения науки и общества, решаемые

посредством междисциплинарного взаимодействия философии с дисциплинами, в основе которых лежит изучение науки.

Литература:

1. Бедаш Ю. Пространство как проблема постметафизической философии // Топос. 2009. № 1. С. 94–113.
2. Касавин И.Т. STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация? // Epistemology & Philosophy of Science. 2014. № 1. С. 5-17.
3. Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.
4. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ.ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.

УДК 338.012

ББК 65.050

Л.О. Кокоулина
Liudmila Kokoulina
l.kokoulina@gsom.pu.ru

Циркулярная модель экономики – новый подход к устойчивому развитию? Circular economy model – a new approach to sustainable development?

*Санкт-Петербургский государственный университет
St. Petersburg State University*

Системные экологические, экономические и социальные проблемы поставили вопрос о переосмыслении экономических парадигм. Одной из концепций под вопросом является метафора «устойчивого развития». В статье предлагается альтернативная комплексная концепция циркулярной модели экономики, а также ставится вопрос о построении соответствующего дискурса в обществе.

Ключевые слова: циркулярная модель экономики, устойчивое развитие, дискурс, метафора.

Systemic ecological, economic and social problems cause a need of rethinking of current economic paradigms. One of the questioned concepts is the metaphor of «sustainable development». In this paper alternative integrative concept of circular economy is proposed. Besides the question of the corresponding discourse development in society is raised.

Key words: circular economy, sustainable development, discourse, metaphor.

Ускоряющийся «метаболизм» современного общества достигает пределов в плане количества требуемых ресурсов и выбросов окружающую среду. Кроме этого, системные экономические проблемы сигнализируют о том, что экономическая модель современного общества должна быть переосмыслена.

Для изменения текущей «линейной» экономической модели (take-make-dispose), требуется системное изменение экономических принципов общества. Во-первых, необходимы совместные усилия правительства, бизнеса и некоммерческого сектора,

чтобы оптимизировать потоки материалов и сырья. Во-вторых, системное изменение экономической парадигмы требует наличия соответствующих технологических возможностей – технологий по переработке вторичного сырья, а также замены токсичных материалов менее опасными для окружающей среды. В-третьих, требуется смена поведения со стороны потребителей на индивидуальном уровне и на уровне общества. Для того чтобы заинтересованные лица могли общаться на одном языке, требуется общее осознание проблемы, разработанный дискурс, включающий в себя все выше обозначенные проблемные аспекты.

Все чаще среди представителей научного сообщества и деловой среды звучат призывы к использованию принципов «устойчивого развития». Часто под устойчивым развитием понимают развитие, где «нужды настоящего поколения удовлетворены без ущемления нужд будущих поколений» [1, стр. 8]. Устойчивое развитие фокусируется на трех взаимосвязанных сферах: общественной, экономической и экологической. Определения и интерпретации понятия устойчивого развития многочисленны, что затрудняет понимание этой концепции. Тем не менее, появление термина «устойчивое развитие» способствовало развитию сопутствующих экономических метафор. Когнитивный лингвист Д. Лэкофф определяет метафоры как главные механизмы понимания абстрактных концепций [2]. Появление метафор может стать первым шагом трансформации еще неосознанных эмоций в последовательную аргументацию, что включает в себя процесс социального конструирования смыслов и эмоциональных впечатлений [3]. Например, в традиционной, «линейной» модели экономики активно используется метафора «природного капитала», рассматривая природный мир в качестве, походя на экономический капитал, и затрудняя переход к подлинной экологической рациональности [4].

В свою очередь, циркулярная модель экономики (*circular economy*) предполагает обращение биологических и техногенных материалов в закрытых циклах, минимизируя при этом выбросы отходов в окружающую среду. Особенностью циркулярной модели экономики является возможность достижения постоянного экономического роста и одновременное улучшение экологической обстановки. Такая модель предполагает приложение совместных усилий со стороны всех заинтересованных лиц: правительства, бизнеса, общества.

Важную роль в смене экономической парадигмы играет дискурс, а именно то информационное поле, которое окружает новую концепцию, то, как воспринимают ее заинтересованные лица. Дискурс – это «определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и представляется» [5]. Дискурс формирует мировоззрение индивидуумов: что считается важным, о чем можно говорить, и о чем нет, что является истиной, а что ложью. В некотором смысле, через дискурс человеческая речь формирует реальность [5].

Очевидно, что дискурс имеет материальные последствия. Влияние дискурса отмечено в правительственном регулировании и других институциональных структурах. Приведем пример последствий влияния дискурса, рассмотрев термины

«отходы» и «сырье». В зависимости от того, как назван тот или иной материал, изменяется способ его восприятия и обработки даже с законодательной точки зрения. Если материал, воспринимаемый как «отход», будет восприниматься в качестве «сырья», то это изменит и его название, и способ использования [6].

Список литературы:

1. Bruntland, G. (Red.). Our common future / The World Commission on Environment and Development, 1987.
2. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor / In Metaphor and Thought; Ortony, A., Ed.; Cambridge University Press: Cambridge, UK, 1993; pp. 203–251.
3. Mignot, P. Metaphor and career // Journal of Vocational Behaviour, 2004, 64, 455–469.
4. Winnett, A. Natural capital: hard economics, soft metaphor? // Environmental Educational Research, 2005, 11, 83–94.
5. Jørgensen, Marianne and Phillips J., Louise. Discourse analysis as theory and Method / 2002, Sage publications.
6. Dryzek, John S. The politics of the Earth: Environmental discourses / 2005, 2 ed. Oxford: Oxford University Press.

УДК 316.77

ББК 60.0

В.В. Морозов

V. Morozov

PR–технологии в социотехнических системах **PR–technologies in socio-technical systems**

МГТУ имени Н.Э. Баумана
MSTU named after Bauman

В настоящее время тема «общественных настроений», равно как и тема «PR», хорошо разработана и обеспечена литературой. Но, если взглянуть на список литературы, становится ясно, что такое ее многообразие лишь кажущееся. На самом же деле, темы «общественные настроения» и «социальное настроение» содержат богатый исследовательский материал, но, по сути своей, глубокие исследования в этих областях проводились достаточно давно, и не в полной мере отражают современное положение дел.

Говоря об общественном мнении, о настроении больших социальных групп, нельзя не сказать о таком явлении, как социальная установка. Начало исследования социальных установок было положено работой У. Томаса и Ф. Знанецкого об адаптации польских крестьян –эмигрантов в США в 1918 году. Были выявлены две зависимости, описывающие процесс адаптации: зависимость индивида от социальной организации и зависимость социальной организации от индивида. Для объяснения значимости социальной организации для индивида было предложено понятие «социальная ценность», а для объяснения психологического состояния индивида по отношению к группе –«социальная установка». Было осуществлено много попыток измерения социальной установки как латентного отношения к социальным ситуациям и объектам, характеризующегося модальностью и вербализующегося. С этой целью в социальной установке выделяются функции и структура. Широко используются

межкультурные исследования, например, исследования степени авторитаризма отдельных культур.

Что же представляет собой социальная установка? В современной социальной философии есть два определения этого явления: устойчивая предрасположенность, готовность индивида или группы к действию, ориентированному на социально значимый объект; психологическое переживание индивидом ценности, значения социального объекта, организованное на основе предшествующего опыта, оказывающее направляющее влияние на поведение. Опросы общественного мнения, в свою очередь, представляют собой распространенные исследования социальных установок массового сознания. У социальной установки, в аспекте удовлетворения потребностей человека, есть четыре функции: приспособительная (адаптивная) – направление деятельности на объект, удовлетворяющий потребности индивида; знания – дает упрощенные указания относительно способа поведения по отношению к какому –либо объекту; выражения (саморегуляции) – как средство освобождения индивида от внутреннего напряжения, выражения себя как личности; защиты – способствует разрешению внутренних конфликтов личности. Структура социальной установки включает в себя –осознание, оценку, готовность действовать, а это есть: когнитивный компонент –осознание объекта установки, аффективный компонент – эмоциональная оценка объекта; поведенческий –последовательное поведение по отношению к объекту.

Важнейшей, если не определяющей характеристикой реально функционирующего сознания, его доминантой является феномен социального настроения. Принципиально важно подчеркнуть, что оно одновременно является и реальной формой поведения, вернее. вероятностной формой выражения общественного сознания в процессе превращения его в общественную силу. Говоря о феномене социального настроения, необходимо отметить ряд его сущностных черт. Во-первых, социальное настроение носит результирующий характер, вбирающий в себя одновременно влияние как объективных условий, так и субъективных факторов, образующих некий сплав эмоций, чувств, умонастроений, ценностных ориентации и установок, который не является их механической суммой или неким условным объединением: это принципиально новое качество общественного сознания, по которому можно говорить о нем с большей долей достоверности и определенности. Во-вторых, социальное настроение более определено и более наглядно и специфически «отражает» предшествующий опыт, «переваривает» его, сопоставляя прошлое, и особенно уже происшедшее в общественной и личной жизни, делая выводы и получая уроки на будущее. В этом случае опыт выступает не как кладезь мудрости, созданный и хранимый на всякий случай, а как инструмент, прямо влияющий на характер, глубину социального настроения. В-третьих, социальное настроение - это «неотложенное», актуализированное реальное сознание, которое управляет жизнью человека именно в данный момент времени. Несмотря на то, что настроение может иметь волнообразный характер выражения и в нем на первый; план могут выходить те или иные проблемы, оно обладает в целом большей

долговременностью своего действия, чем общественное мнение, носящее часто быстро преходящий характер. В-четвертых, социальное настроение - это тот элемент реально функционирующего сознания, который означает практическую готовность к действию и является непосредственным предшественником и даже компонентом поведения. Если при изучении общественного сознания мы постоянно убеждаемся, что далеко не все его реальные элементы - информированность, знания, суждения, мнения – приобретают характер активного начала, то социальное настроение - именно тот предшественник (а иногда участник) поведения человека, по которому непосредственно можно судить о действительных реальных намерениях людей, их отношении к окружающему миру и процессам, происходящим в нем.

И, наконец, социальное настроение - это еще и фон, который «окрашивает» жизнь людей, показывает с высокой степенью вероятности направленность их поведения и помогает спрогнозировать возможность усиления позитивных и ослабление негативных аспектов общественного сознания.

УДК 32

ББК 66.03

Г.Ю. Носаненко, Э.Ю. Галкина
Galina Nosanenko, Eleonora Galkina
gnosanenko@mail.ru

**Добровольческие объединения как один из индикаторов успешного развития
человеческого капитала в гражданском обществе**
**Volunteer Associations as one of the indicators of successful human capital
development in civil society**

Институт экономики, управления и права, г. Казань
Institute of Economics, Management and Law, Kazan

В статье говорится о добровольческих, некоммерческих организациях, являющихся школой для формирования молодежи с активной гражданской позицией. В Республике Татарстан этот сектор пока является неустойчивым, но имеет существенный потенциал для развития.

Ключевые слова: добровольческие организации, НКО, человеческий капитал.

The article refers to voluntary, non-profit organizations which are a kind of school for the young people formation with active citizenship. In the Republic of Tatarstan this sector is still unstable though it has significant potential for its development.

Keywords: voluntary organizations, NGOs, human capital

Для развития страны необходимо повышение конкурентоспособности ее экономики, которое невозможно без применения информационных технологий, ресурсов и знаний. Проблема эффективного использования человеческих ресурсов существовала с давних времен и в своем развитии получила название теории

человеческого капитала. Современный этап развития российского общества неопровержимо свидетельствует о возрастании роли и значения человеческого капитала. С 1990 года, международной организацией «Программа развития ООН» выпускаются ежегодные доклады о «Индексе развития человеческого потенциала». С учетом его качественного увеличения и развития принимаются «дорожные карты» государств и муниципалитетов.

Г.И. Бондаренко отмечает, что человеческий капитал представляет сформированный в результате инвестиций запас знаний, умений, навыков и мотиваций, отражающих совокупность физических, интеллектуальных и психологических качеств и способностей личности, приобретающих форму капитала в связи с непрерывностью процесса их накопления, используемы в сфере общественного производства, содействуя росту производительности труда и влияющий на рост доходов человека [1]. Школой для получения таких знаний и навыков могут выступать добровольческие объединения/некоммерческие организации. А. Бен-Нер и Т. Ван Хумиссен представляют их как коалиции индивидов, объединяющихся для обеспечения себя и других товарами и услугами, которые в достаточной мере не производятся ни бизнесом, ни правительственными организациями [2].

Некоммерческим организациям (НКО) приписывается две основные функции [3]:

- 1) компенсировать провалы рынка и государства в части производства чистых и смешанных общественных благ, а также некоторых частных благ;
- 2) ослаблять социальную напряженность и политические конфликты (исполняет роль «буфера» между государством и обществом).

В настоящее время значимой составляющей общественно-политического и экономического развития республики становятся некоммерческие организации, которые оперативно реагируют на необходимость решения актуальных социальных проблем, возникающих в процессе модернизации общества, действуют в стратегически важных направлениях социально-экономического развития Республики Татарстан. Исследования показывают, что некоммерческий сектор в Республике Татарстан пока характеризуется как неустойчивый [4]. Социально ориентированные некоммерческие организации играют значительную роль в развитии демократии, участвуя в выработке и принятии важных решений, формировании общественного мнения по многообразным аспектам жизни общества, чувства патриотизма и гражданской ответственности, активной жизненной позиции, внедрении новых форм самоорганизации и самоуправления. Сегодня в 45 муниципальных районах Республики Татарстан насчитывается 730 молодежных добровольческих объединений с общей постоянной численностью 41654 человек. Их интересы достаточно разнообразны: помощь ветеранам Великой отечественной войны, развитие военно-патриотической работы, поддержка пожилых людей. Проводятся мероприятия, посвященные памятным и знаменательным датам истории России, международным дням, государственным символам и праздникам РФ, встречи, конференции, «круглые

стола». В процессе этой работы формируются будущие кадры, опора государства в решении задач, стоящих перед республикой.

Литература:

1. Бондаренко Г.И. Человеческий капитал: основные факторы его воспроизводства и развития. Ростов на Дону: Тера, 2005.
2. Ben-Ner A., Hoomissen T. Van. Nonprofits in the Mixed Economy: a Demand and Supply Analysis // Annals of Public and Cooperative Economics. 1991. Vol. 62. Issue 4.
3. Seibel W., Anheier H.K. Sociological and Political Sciences Approaches to the Third Sector // The Third sector: comparative studies of non profit organizations / Edited by Helmut K. Anheier and Wolfgang Seibel. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1990. P.7-20.
4. Носаненко Г.Ю. Некоммерческий сектор Республики Татарстан: тенденции становления (по материалам эмпирического исследования в г. Нижнекамске) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 1. С.227-234.

УДК 354: 316.752.4

ББК 60.56

А.Д. Трахтенберг
Anna Trakhtenberg
cskiit@yandex.ru

**«Через Интернет удобнее»: электронные услуги глазами граждан
«Internet is more convenient»: e-services from the citizens' standpoint**

*Институт философии и права Уральского отделения РАН
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*

Граждане используют новые, электронные способы взаимодействия с властью для решения традиционных проблем. Даже выражая готовность пользоваться электронными услугами, они принимают реальные решения на ситуативном уровне, где могут действовать как по новым, так и по старым правилам, в зависимости от значимости для них той или иной проблемы. Электронное взаимодействие выступает для них как вторичное, принципиально не меняющее отношения с представителями власти. Выводы сделаны в рамках исследования, проведенного в рамках гранта РГНФ-Урал № 15-13-66009.

Ключевые слова: электронное правительство, электронные услуги, социальная адаптация технологии, тактики слабых, компетенции

The citizens use new, electronic ways of interaction with the government for solution of conventional problems. Even though they express willingness to use the e-services, real decisions are made at the situational level – they choose whether to use the new or old rules depending on the significance of the particular problem. Electronic interaction is perceived by them as secondary, ancillary, providing no fundamental change in their relations with the public officials. Studies performed within the scope of grant RGSF-Ural No. 15-13-66009.

Keywords: e-government, e-services, social adoption of technology, tactics of the weak, competence

При переходе к электронному взаимодействию с органами власти граждане должны не просто освоить новый набор навыков, но и вписать их в уже имеющиеся у

него стратегические представления о том, как правильно и эффективно взаимодействовать с органами власти. Электронное взаимодействие, как и любое взаимодействие граждан с органами власти, принципиально асимметрично, поскольку правила взаимодействия задает власть.

В этих условиях граждане прибегают к т.н. «тактикам слабых», под которым мы, вслед за М. де Серто, понимаем способы использования заданных правил в собственных нуждах/интересах путем рекомбинации предложенных элементов и импровизации новых форм. То, что то, что сверху описывается как адаптация «электронной услуги», снизу будет восприниматься как использование новых возможностей для «бриколажа». При этом граждане решают некую жизненную проблему, используя все доступные инструменты, а не получают электронные и/или традиционные услуги. Там, где разработчики услуг мыслят в логике вытеснения (или электронные услуги, или традиционные), граждане мыслят в логике включения, точнее, конструирования арки действий, объединяющей несовместимые, с точки зрения разработчиков, виды услуг.

Как показала фокус-группа, проведенная в г. Екатеринбурге, граждане активно используют новые возможности: 8 из 10 участников фокус-группы заявили, что им уже приходилось осуществлять электронное взаимодействие с органами власти, а конкретно – пользоваться ЕПГУ для получения заграничного паспорта, просмотра штрафов ГИБДД, записи на прием к врачу, записи ребенка в детский сад или школу.

При подробном описании действий обнаруживалась именно «арка», объединяющая традиционные и электронные элементы. В случае высокой значимости услуги участники специально подчеркивали, что не будут ограничиваться безличным электронным взаимодействием. В первую очередь это касалось записи в детские сады и школы. Когда один из участников заявил, что *«записался [в школу в электронном виде], все сделал, а потом съездил и проверил вживую. Когда съездишь, по факту проверишь, это будет надежнее»* (мужчина, 50 лет, специалист, частное предприятие), то остальные его тут же поддержали: *«Да, тут рисковать нельзя»* (женщина, 40 лет, служащая, частное предприятие), *«Хочется еще интуицию свою послушать»* (женщина, 56 лет, неработающая пенсионерка).

В целом для участников фокус-группы были характерны рутинизация электронного взаимодействия (подготовительные действия, осуществляемые через Интернет, рассматривались ими как само собой разумеющиеся), подчеркнуто позитивных оценок результатов этого взаимодействия (*«все доступно и понятно»*, *«не надо стоять в очереди»*) и стремления сохранить традиционное ядро взаимодействия – возможность личного общения с представителем власти – в неприкосновенности, особенно когда речь идет об услуге высокой социальной значимости (выбор школы в значительной мере определяет будущее ребенка). Иными словами, арка действия строилась вокруг традиционной процедуры, дополненной электронными звеньями.

Роль PR в управлении персоналом организации PR role in human resource management

*Санкт-Петербургский политехнический университет
St. Petersburg Polytechnic University*

PR-специалист, занятый управлением персоналом организации, выполняет ряд важных функций. Его деятельность включает реализацию функций адаптации; обучения и повышения квалификации персонала, планирования карьеры сотрудника, повышения мотивации, управления информацией, маркетинга персонала, оценки результатов деятельности и трудового потенциала работников, контроля, управления конфликтами, планирования и развития организационной культуры, выстраивания репутации фирмы и ряд других.

Ключевые слова: персонал, функции, организация, управление, коммуникация, PR.

PR-specialist managing the organization personnel carries out a number of functions. His activity includes performance of the following functions: adaptation, training and professional development, employees' career planning, motivation increase, information management, personnel marketing, performance appraisal, conflict management, planning and development of a corporate culture.

Keywords: personnel, human resource, functions, organization, management, communications, PR.

PR-специалист в процессе управления персоналом организации выполняет ряд значимых функций, выбирая из них релевантные для организации в соответствии с ее целями и задачами, сферой деятельности, размером, а также выбранной PR-стратегией. Выделяют следующие функции PR-специалиста по управлению персоналом организации.

Функция адаптации, обучения и повышения квалификации персонала является одной из самых важных. Динамично меняющиеся требования к сотрудникам превращают ее реализацию в постоянно осуществляемый процесс.

Функция планирования карьеры сотрудника имеет обоюдную значимость и для него самого, поскольку помогает ему реализовать свои профессиональные ожидания и интересы, и для организации, позволяя ей эффективнее использовать трудовой потенциал своих работников.

Ряд функций по мотивации персонала подразумевает побуждение к инициативному и добросовестному труду и достигается путем совмещения организационных и личных целей и ценностей.

Без функции управления информацией невозможно сегодня представить ни одну крупную современную компанию. Она заключается в том, чтобы вовремя получать и распространять нужную информацию и пресекать распространение вредных для организации сведений.

Функция маркетинга персонала направлена на обеспечение спроса на работу в данной организации со стороны высококвалифицированных кадров, а также на мотивацию собственных работников повышать свою квалификацию, проявлять инициативу и занимать более высокие посты в организации.

Функция оценки результатов деятельности и трудового потенциала работников компании проявляется в их аттестации.

Функция контроля, обеспечения дисциплины предполагает не только контролирующее воздействие на работников со стороны руководства, но и развитие у сотрудников чувства самоконтроля и ответственности за выполняемую работу.

Реализация функции управления конфликтами включает в себя весь набор технологий внутреннего антикризисного PR.

Также важна функция налаживания сотрудничества с профсоюзами и другими группами общественности, влияющими на персонал.

Функция планирования и развития организационной культуры обеспечивает интериоризацию сотрудниками этических норм, целей, ценностей фирмы, уважение ее традиций и следование им, благодаря чему происходит сплочение трудового коллектива.

Функция выстраивания репутации фирмы также является исключительно важной для обеспечения ее деятельности.

Для осуществления указанных функций по управлению персоналом организации необходимо налаживать и поддерживать внутрифирменные коммуникативные каналы. В теории коммуникации под ними понимаются: «1) комплекс средств связи между источником и приемником информации – телефонных, радиовещательных, компьютерных и т. д.; 2) полосы частот, время передачи и иные эфирные ресурсы, выделяемые в системах связи для передачи сообщений» [1].

Вышеперечисленные функции не исчерпывают всего перечня задач PR-специалиста в организации, но они позволяют представить общую картину содержания его деятельности как специфического вида управленческого труда.

Литература:

1. Евстафьева М. Внутренний PR от HR / Справочник по управлению персоналом. 2010. №2.

Информация в условиях регионального инновационного развития
Information in conditions of innovation development

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
St Petersburg State University of Economics

В статье рассматриваются вопросы усложнения информационных потоков в условиях инновационного развития регионов, проблемы управления функционированием территориальных систем.

Ключевые слова: информация, инновационное развитие, функционирование, система управления.

The article reveals some issues concerning complicated information floods in conditions of innovation region development, the problems of management of territory function.

Keywords: information, innovation development, function, the system of management.

При изучении явлений и процессов окружающего мира часто приходится иметь дело с процессами, течение которых заранее предсказать в точности невозможно. Эта неопределённость вызвана влиянием случайных факторов, воздействующих на функционирование и развитие системы. Например, население города, региона меняется с течением времени под воздействием недостаточно детерминированных факторов (рождаемость, миграция и т.д.) [1].

Процесс возникновения новой научно-технической информации является принципиально вероятностным. Нарастание её потока способствует увеличению неопределённости в социально-экономической системе. В то же время наука – это форма духовной деятельности людей, направленная на производство знаний о природе, обществе и самом познании, имеющая целью предвидение тенденций развития [4].

Инновационное развитие неоднозначно влияет на распределение ресурсов на функционирование и развитие. Распространённой является точка зрения, что научно-технический прогресс означает выделение ресурсов только на развитие. Однако необходимо учитывать, что влияние научно-технического и инновационного развития следует рассматривать в двух направлениях.

С одной стороны, он обеспечивает рост эффективности использования первичных ресурсов системы, а с другой - ведёт к её усложнению, появлению внутри неё заранее непредсказуемой информации. В единстве и противоположности этих двух процессов и формируется облик современной экономики. Увеличение

эффективности использования каждой дополнительной единицы производственного ресурса (в агрегированной форме – капиталовложений) сопровождается необходимостью выделения значительной части этого ресурса на обеспечение устойчивости функционирования системы в условиях её возрастающей сложности.

С увеличением и усложнением потока информации теряется однозначность ответов на управляющие сигналы. Следует также учитывать, что эти сигналы далеко не всегда выглядят как строго детерминированные требования к системе и её отдельным звеньям. В сложных системах приведение в действие механизмов управления позволяет лишь с той или иной степенью достоверности надеяться на получение желаемого результата.

Система управления процессами устойчивого функционирования и развития региона должна обладать свойствами адаптации. Кроме того, необходимо обеспечивать гибкость и адаптивность самой социально-экономической системы. Анализ показывает, что при формировании системы управления целесообразно создание региональной адаптивной системы с идентификатором [2].

Построение подобных адаптивных систем управления должно включать структуры, ответственные как за принятие, так и за реализацию решений, блоки стратегического и оперативного идентификаторов. Необходимо учитывать обратное воздействие выхода региональной системы на её вход; влияние внешней среды на входы и на выходы территориальной системы. Развитие региона должно обеспечиваться как внутренними ресурсами, так и привлекаемыми со стороны: имеющимися в наличии или создаваемыми. Необходимо, в свою очередь, учитывать влияние региональной системы на внешнее окружение. В качестве ресурсов выступают интеллектуальные, финансовые, материальные, энергетические, информационные, организационные, правовые, временные и другие виды ресурсов. На выходе системы требуется оценка результатов – экономических, социальных, технологических, экологических. В региональной системе на выходе можно ожидать появления наряду с положительными (желаемыми) результатами и отрицательных (побочных) результатов, например, отходов производства, что определяет задачи предвидения и борьбы с негативными последствиями.

Сбор данных обычно представляет собой довольно сложную задачу, поэтому требуется определённый объём ручного сбора информации и действий по проведению оценки. В большинстве случаев работа направлена не на получение 100%-го точного результата, а на выявление ключевых тенденций. [3].

Система, которая обладает высоким потенциалом, самоорганизацией, может существенную часть ресурсов отвлекать на более отдалённые периоды. Если система имеет низкий интеллектуальный, организационный, информационный потенциал, то она не рискует значительную долю ресурсов направлять на очень отдалённые периоды. Это связано прежде всего с тем, что такая система характеризуется преимущественно экстенсивным использованием ресурсов. В системе, которая является высокоорганизованной, ресурсы используются значительно более

интенсивно, отдача выше, достигнутые эффекты быстро, оперативно внедряются в практическую деятельность.

Устойчивое функционирование и развитие региона во многом зависят от сформированных механизмов управления инновационной и инвестиционной деятельностью. Без этого не могут быть реализованы программы социально-экономического развития территории в целом и отдельных предприятий, так как каждое программное мероприятие (техническое, экономическое, промышленное, социальное, экологическое) требует для своего практического осуществления вложения определённых средств. В условиях дефицита инвестиционных ресурсов важно, чтобы их вложение осуществлялось с наибольшим эффектом, т.е. в инвестиционные проекты инновационной направленности. Кроме того, сами инновации являются существенным инвестиционным ресурсом.

В регионе должен быть создан целостный механизм управления процессом привлечения инвестиционных ресурсов для финансирования инноваций в виде инновационных проектов и программ. Процесс формирования региональных инновационных программ должен предусматривать органическое взаимодействие инновационной и инвестиционной деятельности, проведение комплексной экспертизы, обеспечивающей обоснованный отбор программ и проектов для бюджетного финансирования.

Формирование инвестиционного портфеля региона следует осуществлять исходя из стратегии инновационно-инвестиционной деятельности региона в рамках единой стратегии его функционирования и развития, с учётом возрастающей сложности информационных потоков.

Литература:

1. Вентцель Е.С. Теория случайных процессов и её инженерные приложения: учеб.пос./ Е.С. Вентцель, Л.А. Овчаров. – М: КНОРУС, 2011. – 448 с.
2. Иванов П.М. Устойчивое региональное развитие: концепция и модель управления // Экономика и математические методы. – 2006. – Т.42. - №2. – С.51-59.
3. Марр Б. Ключевые показатели эффективности. 75 показателей, которые должен знать каждый менеджер/ пер.с англ. – М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2014. – 340 с.
4. Основы научных исследований/ Б.И. Герасимов, В.В. Дробышева, Н.В. Злобина, Е.В. Нижегородов, Г.И. Терехова. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2013. – 272 с.

Политическая внесистемная благотворительность
Political non-systemic charity

*Институт вычислительной математики и математической геофизики СО РАН, г. Новосибирск
Institute of Computational Mathematics and Mathematical Geophysics (ICMMG) of Siberian Branch of
Russian Academy of Sciences (SB RAS), Novosibirsk, Russia*

В статье систематизируется и уточняется понятие «благотворительность». Отмечается отсутствие в социуме понятия «политическая внесистемная благотворительность». Отмечается резкая недооценка такой деятельности в России при её очень большой пользе для российского народа. Формулируются «парадоксы пассионарности». Введены «показатели политической внесистемной благотворительности субъекта». На их основе построена «шкала гражданственности». Дана гипотетическая оценка распределения в % всех взрослых жителей России по уровням шкалы гражданственности.

Ключевые слова: политическая внесистемная благотворительность, парадоксы пассионарности, показатели политической внесистемной благотворительности субъекта, шкала гражданственности.

The article systematizes and clarifies the concept of "charity". There is a lack in society the concept of "non-systemic political charity." There drastic underestimation of such activity in Russia with its great benefit to the Russian people. "The paradoxes of passionarity" are formulated. "The parameters of individual's non-systemic political charity" are suggested. "The scale of civilization" is build on their basis. The hypothetical estimate of the distribution in % of all adults in Russia in terms of the scale of civilization was done.

Keywords: non-systemic political charity, the paradoxes of passionarity, the parameters of non-systemic political charity of the individual, the scale of civilization.

В словаре [1] под «благотворительностью» понимается «оказание частными лицами материальной помощи бедным из милости в буржуазном обществе». Очень ограничено! «Википедия» гораздо более щедра!

Заметим: не только токование смыслов отдельных слов (даже весьма развитыми и образованными людьми!) зачастую разительно отличаются; само понимание явлений и процессов у соседствующих наблюдателей может быть полярно не совпадающим. Ведь и «человек-на-вид» может иметь IQ=0 (например, манекен из бутика или имярек из музея мадам Тюссо).

Резюмируя, сокращая и систематизируя весьма развёрнутое и приемлемое понятие термина «благотворительность» из «Википедии», **получаем следующее.**

Деяниями, близкими по смыслу с делами благотворителей, занимаются меценаты, филантропы, патроны, спонсоры, покровители.

В каком обществе (государстве, строе) встречается благотворитель — не оговорено (видимо, в любом).

Благотворителями бывают: частные лица, учреждения, сообщества (в частности, религиозные общины), государство (в виде поощрения заметных и успешных благотворительных начинаний - от снижения налогов на соответствующие затраты до присвоения различных почётных званий).

Целями и мотивами благотворителей служат: альтруистичное желание помочь, удовлетворение от благодеяния, «за компанию», выслужиться перед кем-то (начальством, «Богом» и т. п.), осознание необходимости и полезности благотворительной миссии.

Объектами благотворительности (кому или чему оказывается благодеяние) могут быть дети, старики, бездомные, больные, инвалиды, беженцы, животные, фрагменты ландшафта и др.

Направленность благотворительства может быть профессиональной, технологической, конфессиональной, национальной, возрастной и др..

Благотворители выбирают места (местность, город, страну, материк, океан, Землю), людей, предметы и явления, по отношению к которым предполагается благотворительное вмешательство, а также время и длительность благотворительства (краткосрочное, среднесрочное, долгосрочное).

Источниками поддержки благотворительства могут быть государственные, отраслевые и общественные фонды и гранты, международные и зарубежные учреждения, сообщества граждан, отдельные лица и семьи.

Формами выражения благотворительной деятельности могут быть: выработка и передача знаний и умений от более успешных (на данном временном отрезке и при известных обстоятельствах) по видам деятельности; создание приемлемых условий (среды) для их осуществления и деятельное приглашение к участию в оных («дарить удочку, а не рыбу»); передача еды, лекарств, имущества и иных предметов потребления (=гуманитарная помощь), а также средств их приобретения, в том числе денег; бескорыстное выполнение работ, оказание услуг (в частности, юридических).

Благотворительные организации создаются в формах общественных организаций (объединений), фондов, учреждений и в иных формах, предусмотренных федеральными законами для благотворительных организаций.

А теперь — о главном, о цели данной статьи.

В приведённом развёрнутом понятии из «Википедии» в «объектах благотворительности» отсутствуют **политические институты государства**, а в «направленности благотворительности» отсутствует **политика**. То есть: если некто хочет действовать в направлении изменения структуры и\или состава органов существующей в государстве власти, то **такая общественная политическая деятельность не получит** уважительный и благородный статус «благотворительной» ни от государственных деятелей, ни даже от большинства граждан (даже в том случае, если эта деятельность исключительно важна, полезна и плодотворна для блага и этих граждан, и страны в целом).

Возьмём, например, А.И. Солженицына или А.Д. Сахарова. И тот, и другой долго, бескорыстно и бесплатно, с риском и ущербом для своего благополучия и даже для своей жизни, долго и упорно, практически, в одиночку, боролись с Государством, с Системой, стремясь (каждый по-своему) изменить и Систему, и Государство. И что они получали? - Преследования, клевету и оскорбления со стороны властей и (самое главное!) **массовое** непонимание, осуждение, насмешки и проклятия (в лучшем случае — мещанское равнодушно-трусливое замалчивание) со стороны своих сограждан. Или недавние примеры. Группа “Pussy riot” (Н. Толоконникова, М. Алёхина, Е. Самуцевич и другие), устроившая 3.3.2012 «панк-молебен» в храме Христа Спасителя с целью обратить внимание российской и мировой общественности на антиконституционное тесное взаимовыгодное слияние РПЦ и российского государства (в ущерб народу РФ), получили не только «двушечку» реального срока в колонии от этого государства, но и непонимающее осуждение их, «кощунниц», со стороны большинства россиян. Безусловно, в формировании такого отношения к ним «успешно потрудились» пригосударственные телеканалы. Или недавний пример с А. Макаревичем, который словами и действиями осудил государственно-террористическую (гитлеровскую, по сути) агрессию России в Украину с разбойным отъёмом Крыма — части этой суверенной и «братской» страны; за это он получил и «палки в колёса» от властей, и улюлюканье одурённых телеящиком толп. А Рейтинг Путина после захвата Крыма возрос среди россиян до 86% (не без зомбирования телеящика)!

Ситуация поразительна! В нормальной стране, при народе с нормальным менталитетом (лишённом тех недостатков, которые отмечены мною в статье [2]), общественно-политические деятели (подобные перечисленным мною в начале предыдущего абзаца) за свою **политическую благотворительную деятельность** (важнейшую, жертвенную, рискованную!) должны были бы получать не осуждения, а моральную и материальную поддержку. Нормальные граждане должны были бы постоянно, массово, активно и вникать в политику, и поддерживать (словом, рублём, протестами) отечественных политических благотворителей, выявлять и продвигать их во власть на выборах. Но этого нет и не предвидится.

Здесь важно заметить следующее. Полезны народу **не системные** оппозиционеры, прикормленные и присосанные к власти (взаимовыгодно, типа российских парламентских партий, например, буржуазной антиленинской партии КПРФ, о которой я писал в [2]), а полезны именно **внесистемные** оппозиционеры, такие, как, например, А. Навальный, правозащитница Л. Алексеева, лидер РКРП В. Тюлькин.

В связи со сказанным, можно сформулировать следующие **парадоксы пассионарности (ПП)**, наблюдаемые в России при благотворительной внесистемной инициативной политической деятельности активистов.

ПП-1: ценность таких благотворителей, их работы, пожалуй, самая большая (для страны и народа), но при этом оценки (моральные и материальные) их и их работы от страны и народа бывают самыми негативными.

III-2: в соответствии с повышенной ценностью для страны таких благотворителей и их работы, их доходы должны были бы быть высокими; но в реальности — всё наоборот: их доходы резко понижены и даже бывают отрицательными, их риски, затраты и ущерб бывают существенными.

К слову сказать, к иным, не только политическим, интеллектуальным внесистемным благотворителям, существовавшим в отечественной и мировой истории, шедшим, порой, на огромный риск и лишения, служа своим идеям, истине, народу, можно отнести многих деятелей науки, искусства, производства (см., например, [3,4]). К ним же, несомненно относятся такие легендарные бессребреники, как Прометей или Иисус Христос.

Значимость каждого субъекта (гражданина страны), уровень его ценности для народа, можно определить, например по такой, предлагаемой мною ниже, **шкале гражданственности**. В ней с ростом номера уровня растёт индивидуальный **показатель политической внесистемной благотворительности** субъекта. При этом для каждого уровня отмечены значения наличия (=1) или отсутствия (=0) следующих действий или состояний субъекта, отмеченных буквами **от А до Л:**

А: **интересуется ли** субъект политикой? - да при А=1, нет при А=0.

Б: **знает ли** и **стремится ли** субъект **узнать** о политических деятелях (местных, страны, мира), об их поступках и убеждениях? - да при Б=1, нет при Б=0.

В: субъект **ходит на выборы** и голосует за кандидатов партии **власти**? - да при Г=1, нет при Г=0.

Г: **участвует ли** субъект в массовых **уличных** политических акциях **властей**? - да при Е=1, нет при Е=0.

Д: является ли субъект **активным** функционером и пропагандистом **властных** организаций? - да при З=1, нет при З=0.

Е: субъект **не ходит на выборы**, а если и ходит, то голосует случайным образом? - да при В=1, нет при В=0.

Ж: субъект **ходит на выборы** и голосует за кандидатов партии **внесистемной оппозиции**? - да при Д=1, нет при Д=0.

З: **участвует ли** субъект в массовых **уличных** политических акциях **внесистемной оппозиции**? - да при Ж=1, нет при Ж=0.

И: является ли субъект **активным** функционером и пропагандистом организаций **внесистемной оппозиции**? - да при И=1, нет при И=0.

К: **публикует ли** субъект в СМИ (включая Интернет) контент **внесистемной оппозиции** под своим именем?

Л: готов ли субъект за свою деятельность во **внесистемной оппозиции** нести **«мелкие»** потери? - да при К=1, нет при К=0.

М: готов ли субъект за свою деятельность во **внесистемной оппозиции** нести **«средние»** потери? - да при Л=1, нет при Л=0.

Н: готов ли субъект за свою деятельность во **внесистемной оппозиции** нести **«крупные»** потери? - да при М=1, нет при М=0.

Шкала гражданственности:

Уровень -3: A=1, B=1, V=1, Г=1, Д=1

Уровень -2: A=1, B=1, V=1, Г=1, Д=0

Уровень -1: A=1, B=1, V=1, Г=0, Д=0

Уровень 0: A=0, B=0, V=0, Г=0, Д=0, **E=1**, Ж=0, З=0, И=0, K=0, Л=0, M=0, H=0

Уровень +1: A=1, B=1, Ж=0, З=0, И=0, K=0, Л=0, M=0, H=0

Уровень +2: A=1, B=1, Ж=1, З=0, И=0, K=0, Л=0, M=0, H=0

Уровень +3: A=1, B=1, Ж=1, З=1, И=0, K=0, Л=0, M=0, H=0

Уровень +4: A=1, B=1, Ж=1, З=1, И=1, K=0, Л=0, M=0, H=0

Уровень +5: A=1, B=1, Ж=1, З=1, И=1, K=1, Л=0, M=0, H=0

Уровень +6: A=1, B=1, Ж=1, З=1, И=1, K=1, Л=1, M=0, H=0

Уровень +7: A=1, B=1, Ж=1, З=1, И=1, K=1, Л=1, M=1, H=0

Уровень +8: A=1, B=1, Ж=1, З=1, И=1, K=1, Л=1, M=1, H=1

Данная шкала гражданственности является готовым инструментом для социолого-политических исследований.

До проведения таких исследований можно высказывать априорные гипотетические предположения о том, как распределены в % все взрослые жители России по уровням от -3 до +8 (и так же можно проводить опросы на эту тему). По моему интуитивному представлению это распределение таково. Уровень -3: **1%** Уровень -2: **1%** Уровень -1: **15%** Уровень 0: **70%** Уровень 1: **10%** Уровень 2: **5%** Уровень 3: **0.1%** Уровень 4: **0.1%** Уровень 5: **0.01%** Уровень 6: **0.001%** Уровень 7: **0.0001%** Уровень 8: **0.00001%**

Ещё один щекотливый вопрос — это **финансирование** для политической внесистемной благотворительности (для организаций или для отдельных деятелей). Оно может поступать (а) из отечественных источников, (б) из зарубежных, (в) из никаких (не поступать). Если «внесистемщик» имеет идеологически буржуазную и\или религиозную ориентацию, то в буржуазном государстве найти источник финансирования ему несоизмеримо проще, чем социалисту и атеисту. Авторитарно-«патриотическое» государство будет ревностно и с противодействием относиться к тем «внесистемщикам», которые получают финансирование из-за рубежа (так по закону в России такие организации обязаны декларировать себя как «зарубежные агенты»).

Литература:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 10-е, стереотип. Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю Шведовой. - М.: «Сов. Энциклопедия», 1973. - 846 с.
2. Сергеев В.А. К оптимализму в социальной инженерии государства // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды 4-ой Междунар. науч.-теор. конф., 16-18.11.2011, Спб. - С. 181-193.
3. Чолаков В. Нобелевские премии. Учёные и открытия. - М.: Мир, 1986. - 368 с.
4. У Кремлёвской стены. - М.: Политиздат, 1978. - 399 с.

Секция 6. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДЫ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

УДК 324:008(470+571)

ББК 66.2:71.0(2)

И.П. Салтанович
Iryna Saltanovich
saltan@tut.by

Управление инновациями как часть стратегии успеха **Innovation management as a part of success strategy**

*Минский государственный лингвистический университет
Minsk State Linguistic University*

Статья посвящена поиску составляющих успешного управления инновационными процессами в Республике Беларусь. Одной из важнейших составляющих данной стратегии может стать креативная экономика. Внутренние движения такого процесса связаны с развитием и реализацией креативного потенциала человека. В статье делается попытка обозначить смысловую область понятий креативная экономика, «талант – менеджмент» и др. Определяя управление инновациями как экономику, с опорой на культуру и творческий потенциал развития человеческого общества, как «достижительную» стратегию, выделяются так называемые «мягкие» ингредиенты, в совокупности являющиеся катализатором успеха. Рассматриваются некоторые стратегические направления успешных шагов инновационного развития, отталкиваясь от Стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года.

Ключевые слова: инновации, культура, «талант-менеджмент», креативная экономика, креативная культура, инновационная стратегия.

The article is dedicated to the search of components to the successful management of innovation processes. Creative economy may become one of the most important components of this strategy. Inner processes of this matter are coupled with the development and realization of individual's creative potential. There is an attempt within the article to define notion circle of such terms as creative economy, talent management etc. Defining innovation management as an economy with cultural background and creative potential of human society development, as achievement strategy, the "soft" components are emphasized as a key factor to success. Several strategic directions of the steps to success are being described basing on the Strategy of sustainable socio-economic development of the Republic of Belarus for the period till 2030s.

Key words: innovation, culture, talent-management, creative economy, creative culture, innovation strategy.

Необходимость изучения сложных взаимодействий между руководством, талантом и культурой в целом в целях повышения инновационного потенциала дает возможность ответить на вопрос классической дискуссии, продолжающейся в течение долгого времени. Является ли чистая стратегия определяющей или имеет большое значение то, насколько хорошо стратегические лидеры объединяют талант, культуру, чтобы найти творческие решения для наиболее полного удовлетворения потребностей рынка.

Управление инновациями требует, чтобы руководители не игнорировали, а были предельно внимательны к ключевым нематериальным активам, как настоящему «смазочному материалу», который позволяет инновационному двигателю набирать обороты.

Опираясь на опыт и результаты деятельности инновационных компаний, работающих в области технологий, здравоохранения, финансовых услуг и т.д. можно обозначить так называемые «мягкие ингредиенты», от использования и смешивания которых рождается волшебный микс успеха. Соответственно:

Стратегическое лидерство: Использование достижений наук, изучающих поведение человека в обществе (behavioral science), данные многочисленных исследований, позволяющих более глубокое и быстрое понимание потребительских потребностей, болевых точек мучительных сомнений в принятии решений, поведенческих реакций. Методика с использованием современных технологий, таких как социографика (данные из социальных сетей), веб - аналитика, отслеживание пользовательского опыта и др. помогает создавать и быстро проверять возникающие идеи.

«Талант - менеджмент»: Как правило, менеджмент в культуре в нашем обыденном постсоветском сознании прочно связан с шоу бизнесом. Это там, благодаря СМИ, их различным проектам ведутся поиски талантов, с ними работают наставники, нацеливая на порой небывалый и неожиданный успех.

Предлагаемое определение «талант - менеджмент» раскрывает тонкие отношения, пронизывающие всю ткань общества, где есть неординарные личности и с которыми не всегда есть умение, тактика, стратегия, да и просто желание работать, т.е. «возиться».

Инновационные шаги трудно представить, как механическое, рутинное движение. Они требуют доверительного отношения таланта, а может и гения, и преданной неординарной команды, совместная работа которых в итоге вознаграждается. И сложный путь, пройденный ими, жесткие проблемы, которые порой они вынуждены преодолевать, приводят, зачастую, к потрясающему результату. Работа с неординарными личностями – это тонкая работа, это деликатная задача, которую нужно решать очень осторожно. «Перегрев» инновационного процесса, попытка управлять жесткой, тяжелой рукой – верный и безошибочный способ лишиться самого лучшего таланта. Лидеры должны вдохновлять своих лучших игроков так, чтобы они всей командой могли достичь

большого, чем в одиночку, извлекая совместно необходимые уроки из неизбежных неудач.

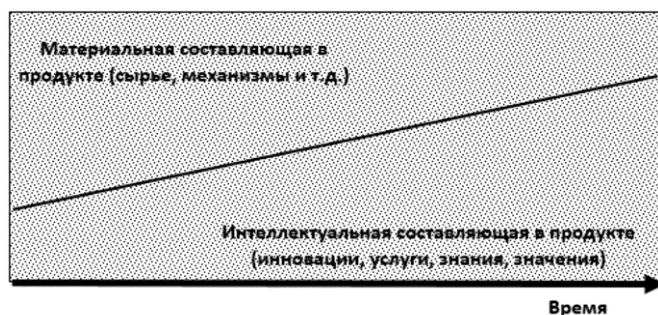
«Культур - формирование»: Питер Друкер сказал знаменитую фразу, "Культура ест стратегию на завтрак". Несмотря на очевидную важность культуры, она, зачастую, остается загадкой для многих руководителей, особенно в области инноваций. «Мягкие» факторы выстраивания стратегии, такие как организационная идентичность, общие ценности, **легенды**, внутренние, не выраженные явно нормы, «механизмы» оказывают значительное влияние на результат, на то, кем сделано и как. Культура формирует и формируется стратегией, лидерством и талантом людей, причем процесс идет «нелинейными способами» в течение длительного времени. И успех и неудача, особенно в периоды кризисов и испытаний, лишней раз показывают, как влияет социокультурная среда на стратегии инновационного развития.

Эксперты по культуре правы, выделяя компании Apple, Southwest, Nordstrom и Zappos как пример, потому что эти компании привили нормы поведения, которые являются неотъемлемыми чертами их побеждающих стратегий. От предложений последовательно низких цен и высокого качества обслуживания в случае Southwest, до удивительного обслуживающего персонала в Nordstrom, удовлетворенности клиентов в Zappos и формирования целой армии «яблочников» никогда не променяющих воплощенные в жизнь инновации Джобса на какой-либо другой продукт. Эти компании действительно демонстрируют то, насколько культура является важной, той порой первичной переменной, которую следует учитывать при выборе стратегии - как в предложениях по продукту, ценовой политике, так и при **определении (поиску)** каналов сбыта.

Стратегия должна опираться на силу имеющейся культуры и культурные потребности бизнеса. Если культура сильно резистентна (трудноизменяема), то и стратегия должна опираться на возможности и темп ритм культурной подложки. Требуется годы, чтобы их выстроить, также как и годы, чтобы их изменить.

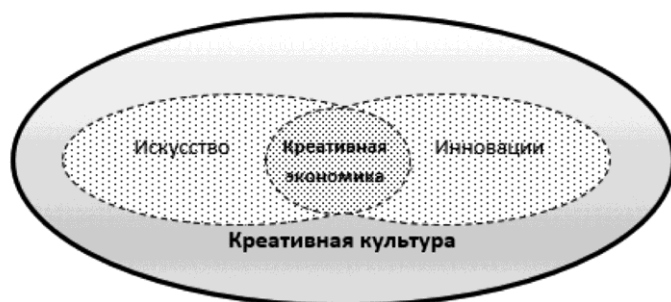
И культура, и стратегия развития, как и логика его одинаково важны для современного этапа состояния общества. Ограничение культуры в узкой роли создателя "благоприятной" среды для стратегии препятствует укреплению самой стратегии. Это также ослабляет силу стратегии превращать силу культуры в источник непреходящего преимущества. *Не позволяйте культуре съесть каждую стратегию на завтрак.* Пусть они питают друг друга.

Когда управление процессами рассматривает инновации с этой точки зрения, культура оказывается в самом сердце производства. Опираясь на исследования вопросов о будущем бизнеса, проанализировав изменения, возникающие после так называемой "интеллектуализации" производства, можно сделать следующий вывод - в таких условиях значение культурной составляющей значительно возрастает по отношению к материальной (рис. 1) [1].

Опираясь на данный вывод, появляется возможность описать взаимосвязь культуры и экономики с помощью четырех факторов (рис.2):

- Креативная культура: культура, в которой ценится творчество, смелость, умение рисковать и т.д.
- Искусство и культура как выражение и вдохновение для творчества
- Креативная экономика: коммерческий продукт, в основе (основании) которого культура и искусство
- Дополнительная ценность, привнесенная культурой во все инновации (например, дизайн, бренд)

Креативная культура и креативная экономика

Следует различать понятие «креативная культура» от культуры в узком смысле. Креативная культура включает в себя развивающее общество в целом с точки зрения творчества и инновативности. Такое общество характеризуется богатством идей, открытостью и смелостью. Эти характеристики имеют решающее значение как для культуры (включая искусство), так и для инноваций. Искусство и другие отрасли культуры имеют огромное значение для повышения креативного потенциала и появления и развития инновационной среды. Инновации в свою очередь придают форму культуре и влияют на коммерциализацию современных форм ее существования. Инновации и культура в определенной степени совпадают: творческие индустрии - креативная экономика – это общий интерфейс культуры и инноваций. Опыт показывает, что креативные индустрии активно развиваются, и мы можем говорить о том, что все большая часть инноваций будет "культурно-ориентирована" или будет содержать сильную культурную составляющую.

В стремлении развивать инновационную политику, правительство Республики Беларусь запускает движение для новой инновационной стратегии вплоть до 2030 года.

С точки зрения инновационной стратегии можно отметить, что особые проблемы в сфере инноваций возникают из-за того, что часть государственного сектора Беларуси, низко производительные филиалы еще не готовы к систематическому использованию инноваций в своем развитии. Главная проблема заключается в несформированности инновационно - восприимчивой среды, которая произрастает из социокультурной среды, продуцирующей современные процессы. По данным исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси, ценности, задающие самый широкий спектр социальной активности и представляющие не столько индивида или малую социальную группу, сколько общество в целом («карьера, высокое положение в обществе – 8-10%: «творчество» – 5%; «общественное признание, известность, репутация» - около 3%) занимают периферийное положение в шкале предпочтений белорусов, что весьма показательно для нашей страны[2].

Белорусские инновации в значительной степени сосредоточены в обрабатывающей промышленности и слишком узко сосредоточены на использовании научно-технических разработок. Чрезмерно узкая концепция инноваций означает, что часть инновационного потенциала не используется.

Для успеха инноваций и их развития могут проследиваться несколько стратегических направления, а именно:

1. Инновационная деятельность в мире без границ: Для включения и позиционирования Беларуси в сфере глобальных знаний и значимых сетей необходима способность участвовать в этих сетях и влиять на них, международная мобильность специалистов и целенаправленное развитие привлекательности белорусской инновационной среды.

2. Инновации под влиянием потребителя и спроса: Инновации, которыми управляет спрос, исходящий из потребностей клиентов, потребителей и граждан, как в общественной, так и в частной сферах жизни, формируют рынок стимулов и общих инновационных процессов между пользователями и разработчиками.

3. Инициаторы и сообщества-новаторы: Физические лица и узкие инновационные сообщества играют ключевую роль в инновационных процессах. Инновационные возможности и стимулы для частных лиц и предпринимателей будут играть решающую роль в будущем.

4. Системный подход: Использование результатов инновационной деятельности также требует широкой модернизационной деятельности, связанной со структурным обновлением и целенаправленным управлением изменениями.

Исходя из вышесказанного, область творчества и культуры, как ядро инноваций, должна занимать центральное место в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. Тем не менее, творческие индустрии имеют далеко не первостепенное место в рекомендациях стратегии, собственно, они там даже не упоминаются [3].

Хотелось бы, чтобы национальная инновационная стратегия значительно больше учитывала роль творческих индустрий, а также важность креативности культуры.

Только в таком случае управление инновационными процессами приведет к стратегии успеха.

Для ответа на некоторые возникающие вопросы по поиску наиболее эффективных путей выстраивания инновационного поля в Беларуси необходимо, используя наработанный в странах с инновационной экономикой опыт, выстроить последовательные шаги, провести специализированное исследование. Идеями для такого исследования может быть использование подхода, основанного на изучении конкретных случаев, анализа влияния «четырех составляющих» (культурного, социального, человеческого, организационного капитала) на любую отрасль Беларуси, адаптация европейских исследований Europe INNOVA (CISV, Иннобарометр, опрос рабочей силы и т.д.) для лучшего понимания относительно важности социокультурных факторов на национальном и отраслевых уровнях [4].

Подход, который разрабатывался в рамках программы Europe INNOVA, стратегически был предназначен для выявления и анализа рычагов и барьеров для инноваций в конкретных секторах. Предполагалось, что такой подход приведет к озвучиванию проблем и, как следствие, выстраиванию целенаправленных мер инновационной политики, стратегических шагов, управленческих решений.

Управление инновациями – процесс сложный, но увлекательный и захватывающий. Мир, в котором мы сейчас живем, в первую очередь направлен на удовлетворение потребности человека в качественных коммуникациях, это «экономика желаний» – в противоположность экономике, приводимой в движение необходимостью.

Первоочередная задача управления инновациями – понять направление, в котором следует двигаться, определить маршрут, а может скорее предвидеть направление и оказать поддержку при возникающих сложностях или, что скрывать, неудачах. И двигаться вперед по пути формирования нового стиля жизни и новой цивилизации.

Чтобы вывести любое государство из пучины самого низкого варварства к высотам изобилия, необходимы по сути лишь мир, необременительные налоги, и сносное отправление правосудия: остальное обеспечивает естественный ход событий, как сказал А. Смит.

Литература:

1. A. Hautamaki. Muutoksen Suomi //Sitra.2008. P.116
2. И.В. Лашук. Социокультурная дифференциация современного белорусского общества// Социологический журнал. 2011. № 4. С. 31-53
3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. http://economy.gov.by/nfiles/001708_663161_Proekt_21_11.docx
4. The Role of Different Funding Models in Stimulating the Creation of Innovative New Companies. What is the most appropriate model for Europe? http://ec.europa.eu/research/erab/pdf/erab-study-venture-capital-2011_en.pdf#page=1&zoom=auto,-82,848

Малотиражная пресса локального сообщества и власть
The administration of local society and the local newspaper

Академия медиаиндустрии, Москва
Academy of Media Industry, Moscow

В статье рассматривается проблема взаимодействия власти и средств массовой информации, которая продолжает быть актуальной, несмотря на то, что обсуждение ведётся на различных коммуникативных площадках: СМИ, встречи, конференции, медиасаммиты, круглые столы. Объектом исследования являются малотиражные газеты (до 999 экз.) и их взаимоотношения с местной администрацией на примере газет Приморского края. Данная проблема пока не нашла отражения в научных исследованиях и требует изучения.

Ключевые слова: СМИ, власть, малотиражная пресса, локальное сообщество, конфронтация, взаимодействие, миссия газеты.

The article is about problem in the interaction of the administration and the mass media which has actualize now. Journalists lead discussion of this subject on different communication platform: SMI, meeting, conferences, media summit, round tables. This work is dedicated small newspaper (999 copies) and its interaction with the local administration. This problem is not studied in journalism today.

Keywords: media, administration, local newspaper, local society, confrontation, interaction, mission of the newspaper.

Новизна работы состоит в изучении малотиражной периодики (999 экз.), тенденция появления и развития которой наблюдается в России с начала 2000-х годов. Цель настоящей работы привлечь внимание исследователей к проблемам малотиражной общественно-политической прессы (до 999 экз.), причинам ее появления на информационном пространстве России, тенденциям развития, анализу социокультурной среды, в которой она зародилась, т.к. для полноценного исследования проблемы и выводов в настоящее время эмпирический материал очень мал.

Жизнедеятельность газет зависит от разных аспектов, но одним из основополагающих вопросов является взаимоотношение с властью. Автор раскрывает обозначенную проблему через конкретные примеры и анализ условий социокультурной среды.

В перестроечный период XX века, когда в России рухнула советская система власти, жестко контролирующая информационно-идеологический инструмент

влияния на массы, печать вырвалась на свободу. Наступил момент «отпочкования» прессы от государственной политики. И, как следствие, она осталась без государственной поддержки. Когда эйфория «золотого периода» свободы прошла, болезненность разрыва первым ощутило журналистское сообщество, а затем и государство, вспомнившее о национальной идее и её возрождении. Разрыв вызвал глобальную проблему взаимоотношения СМИ и власти.

Если в советский период исследователи средств массовой информации рассматривали проблемы исторического и патриотического направления, то в стабилизационный период после политического и экономического хаоса на повестку дня вышел главный, основополагающий вопрос - взаимодействие СМИ и власти.

СМИ и власть. О неугасаемой актуальности темы подтверждают ежегодные конференции, медиа-саммиты, семинары и круглые столы в различных городах России. Об актуальности свидетельствуют диссертационные работы, дипломы и рефераты, а также статьи в различных журналистских изданиях.

Так, например, в 2008 году по материалам семинаров 2006-2007 гг. в городах Пенза, Самара, Казань, Смоленск, Сочи, Краснодар, Иваново вышла брошюра «СМИ и власть: возможности взаимодействия в информационном пространстве» [11].

«Как СМИ исполняют свою миссию в России и других странах? Какова сегодня роль СМИ в обществе и системе политических институтов в России и Европе? Каковы взаимоотношения СМИ и государства, СМИ и гражданского общества? Как новые медиа (социальные сети) изменили роль СМИ в социальной и политической жизни?» [12]. В 2011 году эти вопросы обсуждались на ежегодной конференции по правам человека, которая прошла под названием «СМИ как четвертая власть: миф и реальность».

В январе 2013 года «в Кыргызско–Российском Славянском Университете прошла международная научная конференция «СМИ и власть: свобода слова. Проблемы взаимной ответственности», организованная при содействии Посольства Российской Федерации в КР. Известные журналисты, политологи, научные работники республики и стран ближнего и дальнего зарубежья собрались за круглым столом, чтобы обсудить проблемы взаимодействия СМИ и власти». [8]

Авторы научной монографии «Партийная и политическая система России и государственное управление. Актуальный анализ» проанализировали, как «СМИ отражают взаимодействие общественных институтов и органов государственной власти, а также как сами влияют на деятельность органов государственного управления». [10]

Курсовая работа «Взаимодействие органов государственной власти и средств массовой информации» посвящена «процессу взаимодействия органов государственной власти и СМИ на примере Главного управления информационной политики и общественных связей Смоленской области». [5]

Двенадцатый номер журнала «Журналистика и медиарынок» 2014 г. посвящен ежегодному профессиональному конкурсу «10 лучших газет России». Рассказывая о

своих газетах, авторы рассказывают и о своих взаимоотношениях с властями, что также доказывает об актуальности проблемы.

На одних чиновники пытались «влиять», но не получилось, [13, стр.8] у других не складывались «отношения с администрацией и полицией», и здесь же рассказывают о положительном опыте сотрудничества с новым мэром города. [4, стр.39]

А Евгения Острая, главный редактор газеты «Иртышская правда» (Омская область), отмечает: «Иметь редакционную позицию для государственных СМИ – непостижимая роскошь. Тем не менее, в своей журналистской работе мы сделали ставку на искренность в отношении со своим читателем и здравый смысл в отношениях с чиновниками». [9, стр.42]

Если газета «Слобода» г. Тулы гордится тем, что «мы ни с кем не воюем» [2, стр.21], то частная сельская газета «Пеленг» (Воронежская обл.) знаменита своей непримиримой борьбой с местной властью [7].

Перечисленный выше материал подтверждает утверждение об актуальности темы как таковой, но предметом данного исследования являются частные малотиражные газеты Приморского края локального гражданского сообщества. Но прежде, чем перейти к анализу их взаимоотношений с властью, рассмотрим понятие «малотиражные газеты» и их выход на информационное пространство.

«В процессе трансформации российские СМИ 1990-2000 гг. приобрели новые черты, которых не было в советской медиасистеме, но которые широко встречаются в практике многих зарубежных медиасистем, действующих в условиях рынка». [3, стр.79] Новые политические и экономические условия, свобода печати дали возможность выйти на медиарынок частным изданиям различного направления – деловой, развлекательной, отраслевой, коммерческой, корпоративной, бульварной, рекламной и пр. В их числе появились газеты гражданской инициативы, малотиражные газеты локального сообщества (небольшого города, микрорайона, деревни, поселка), тираж которых не превышает 999 экземпляров. Эти газеты не имеют государственной регистрации, но согласно закона о СМИ эти издания легитимны. Малый тираж таких газет обусловлен концепцией издания на основе гражданской позиции и социокультурной среды локального сообщества.

На фоне развития рыночных отношений в медиасфере издатели минилокальных малотиражных изданий не ставят своей целью получение прибыли, основного критерия рынка. Главное для них – гражданская позиция, сохранение идентичности, культурных и исторических ценностей малой Родины. Выход на информационное пространство малотиражной прессы гражданского сообщества можно отнести к феномену российской прессы. Более тщательному изучению данного процесса препятствует малый эмпирический материал, в силу своей «малости» и территориальной ограниченности, отсутствие электронных аналогов и освещение о них в прессе. Но эти издания заслуживают внимания научного журналистского сообщества, т.к. доказали свою жизнеспособность в непростых экономических условиях российского рынка (8-14 лет). Они удержались в кризисный период 2008-

2010 гг., когда многие издания закрывались. Редакции таких газет состоят из 1-2 человек, т.е. они представляют конвергентную редакцию с универсальными журналистами, которые находят, пишут, обрабатывают материал, фотографируют, верстают номера в профессиональных программах, отдают готовые макеты на печать в типографии, используя современные коммуникативные средства связи (Inet), что в условиях удаленности от города имеет немаловажное значение. «На плечи» таких изданий ложится и распространение газет собственными силами.

Газету «Пеленг» (Воронежская обл.) издает семья пенсионеров на собственные деньги, по принципу конвергентной редакции. [7]

В Приморском крае выходят три малотиражные газеты общественно-политического направления – «Мир путешествий» (2006), «Залив Восток» (2007) и «Село родное» (2012). Они выходят не только малым тиражом, но и на локальной территории. Малую прессу объединяет отсутствие трех «С» - сенсация, секс, скандал, параметры, которые в рыночных условиях играют определяющую роль финансовой стабильности.

Газета «Мир путешествий» повествует о Приморском крае, городе Находке, об истории и красотах природы, интересных местах и замечательных людях. [6] Но на её страницах поднимаются вопросы и социально-общественной значимости. Газета частная. Редактор-издатель – Владимир Владимирович Трофименко, заслуженный путешественник РФ, чемпион СССР по спортивным походам, Действительный член Русского Географического общества. Издание не имеет чёткой периодизации из-за финансовых проблем. Печатается в типографии на газетной бумаге. Формат А3. Над газетой работают два человека – редактор и верстальщик.

Взаимодействие газеты с властью в общепринятом понимании отсутствует. С 2014 года имеет интернет версию на сайте малотиражной газеты «Залив Восток». Цель размещения на сайте другого издания – консолидация малой прессы, а также популяризация газеты. У издания отсутствуют ресурсные возможности создания и поддержания собственного сайта. Газета практически не имеет рекламы, издается на собственные деньги редактора-издателя и спонсорской помощи.

Еженедельное издание «Село родное» издаёт Владимир Гуцевич. Газета заняла свою нишу на информационном поле Партизанского района и Партизанского городского округа. У редактора сложились деловые отношения с МОМВД России «Партизанский». Инспектор по связям с общественностью Анастасия Рубанова регулярно готовит материалы в газету. Наряду с социально-значимыми материалами в газете присутствует реклама, объявления, поздравления и программа телепередач. Над газетой работает два человека, как и в газете «Мир путешествий». Газета издается типографским способом, форматом А3. По сравнению с газетой «Мир путешествий», финансовая составляющая редакции более стабильная. Иногда праздничные номера выходят в цвете на мелованной бумаге.

Частная малотиражная газета «Село родное» не имеет государственной поддержки, существует на средства издателя, спонсоров, выручки от продажи в

розничной сети, рекламы и поздравлений. Редактор-издатель имеет журналистское образование.

Газета «Залив Восток» выходит на территории микрорайона «п.Ливадия» Находкинского городского округа. Микрорайон объединяет шесть населённых пунктов: посёлки – Ливадия, Южно-Морской, Авангард и Средняя, сёла – Душкино и Анна. Локальность территории заключается в удаленности от города. Между городом и микрорайоном пролегают земли Партизанского района, тем самым разрывая целостность территории Находкинского городского округа и создавая специфические социальные особенности... Согласно переписи 2010 года в локальном сообществе проживало около 12 тысяч человек.

Социокультурная среда современного сообщества микрорайона «п. Ливадия» Находкинского городского округа формировалась под воздействием общественно-политических условий страны и специфики местных исторических факторов. Условно можно выделить три этапа:

1-й этап (советский период) – это когда политику и социум в микрорайоне определяли градообразующие предприятия. Бизнес (предприятие) - главное звено в системе взаимоотношений бизнес-власть-общество. Наследие данного периода пока еще не изжило себя и является фундаментом нынешних отношений сообщества, хотя и очень трансформированным.

2-й этап (кризисно-перестроечный) – на первый план выходит власть, т.к. рушится система социалистического общества. Предприятия переходят в частные руки. Власть не имеет влияния на предприятия. Общество пассивно. Происходит разрыв между властью-бизнесом-обществом.

3-й этап (возрождение) – наблюдается выход на первый план групп активных и инициативных людей, которые способствуют восстановлению взаимоотношений общество-власть-бизнес, т.е. инициатива идет снизу, на первый план выходит общество.

Благоприятными условиями возникновения и развития местной газеты «Залив Восток» являются сложившиеся коммуникативные отношения между властью, бизнесом и обществом.

Коллектив редакционной коллегии газеты «Залив Восток» сплотился над проектом «Планирование развития сообщества округа Ливадия» по программе «Гражданские инициативы на Дальнем Востоке» в 2005 году на базе общественного музея. Работая над проектом, окунулись в историю населенных пунктов; процесс сбора информации, работа в архивах и библиотеках не прекращается по сей день. Накопленный материал требовал выхода. Поняли, что нужен рупор, есть что сказать, чем поделиться. Это и материалы по истории нашей малой Родины, это работа экоцентра «Алькор» и общепоселкового музея. Костяк сохранился и продолжает работать. Девиз инициативной группы «Кто, если не мы?». Впоследствии этот слоган лег в основу контента и газеты «Залив Восток». Газета вышла 7 марта 2007 года.

Коллектив, определив социально-историческое направление газеты, не раз убедился в правильности выбранного пути. Вначале она выходила на 4-х полосах

один раз в месяц. Это не удовлетворяло ни читателей, ни рекламодателей. Постепенно количество полос довели до 8-12, а выход – 2 раза в месяц, т.е. издаётся регулярно.

Газета имеет социально-историческую направленность. Рассказывает о жизни шести поселков, предприятиях, школах, детских садах, работе клубов, достижениях спортсменов, людях. Ведет просветительскую работу по истории малой Родины.

Название газеты объединяет шесть поселков, омываемых водами залива Восток. И это очень важный аспект, т.к. до 2005 года все населенные пункты имели свои названия, а сегодня юридически их нет. Роль объединяющего и консолидирующего органа взяла на себя газета, поддерживаемая инициативной группой. Газету делает один человек. Собирает материал, обрабатывает его, верстает номер. Все остальные сотрудничают с газетой на общественных началах.

«Залив Восток» не является муниципальным изданием, это частная газета. Ни предприятия, которые сотрудничают с газетой на договорной основе, ни местная власть (администрация ТУ «п.Ливадия») не вмешиваются в работу редакции газеты. Главный редактор определяет, что будет в газете, какие темы будут освещены. И руководители предприятий, как партнеры, и администрация могут выходить с предложением о размещении того или иного материала. Сотрудничество построено на взаимопонимании и единых целях.

В газете печатается социально-значимая информация ТУ «п.Ливадия»: о противопожарных мерах в пожароопасный период, о перерегистрации в детский сад, о подарках для детей из малообеспеченных семей и неорганизованным детям, о новом расписании автобусов, о проведении субботников, о благоустроительных работах, поздравления с праздниками, обращения или предупреждения и пр. В рубрике «Официально» размещается информация о текущих делах.

Администрация в лице начальника территориального управления «посёлок Ливадия» поддерживает инициативы редакционной коллегии «Залив Восток». Плодотворным было сотрудничество при подготовке к празднованию 65-летия Победы. Совместными усилиями была издана «Книга боевой славы участников Великой Отечественной войны. Ливадия, Находкинский городской округ, Приморский край». К 100-летию образования микрорайона Ливадия при поддержке администрации провели конкурсы рисунков, сочинений, стихов, герба и выпустили историческую книгу «Клипер «Гайдамак». Творческие работы печатались в газете «Залив Восток». Рисунок, победивший в конкурсе, был размещен на обложке книги. Книгу вручили участникам конкурса и лучшим людям микрорайона на торжественном собрании.

Газета поддерживает гражданские инициативы членов сообщества микрорайона «п.Ливадия», освещает на своих страницах благоустройство дворов силами жильцов, участие детских дворовых команд в ежегодном спортивном фестивале «Находка спортивная» на приз дворовых детско-спортивных площадок и пр. При этом администрация сообщает редакции о значимых проектах и мероприятиях на территории микрорайона. Многие проблемные вопросы решаются в рабочем порядке:

мусор на детской площадке, укладка «лежачих полицейских», отсутствие канализационного люка, сбой работы автотранспорта, затопило музей, снаряд на пляже и др.

Администрация не оказывает прямую финансовую поддержку газете, но помогает в доставке газеты из города в посёлок. Конечно, можно идти по пути противоборства и конфронтации, а можно по пути сотрудничества и взаимодействия. Частная малотиражная газета «Залив Восток» выбрала второй путь.

Редакционная коллегия видит миссию газеты в объединении сообщества микрорайона «п.Ливадия» - общество+власть+бизнес; и формировании общественных взглядов и мнений через общечеловеческие и общеисторические ценности, через общность идей, планов развития микрорайона, социального благосостояния. Редакционной коллегии удастся быть проводником между властью-бизнесом-населением, быть генератором идей и воплощать эти идеи в жизнь, привлекая население-власть-бизнес.

Газета «Залив Восток» возникла в результате благоприятного стечения обстоятельств – время, место, люди. Она заняла свою нишу на местном рынке печатных СМИ. 8-летний стаж доказывает востребованность низовой печати. Основной доход газеты составляют договора информационного обслуживания с ведущими предприятиями микрорайона. Распространение газеты локальное – территория микрорайона Ливадия, в основном на предприятиях, в розничную сеть поступает всего 3%.

Как отметил в автореферате к диссертации Пётр Иванович Акаёмов: «Трудно переоценить роль СМИ в становлении гражданского общества и институтов демократии. На разных исторических этапах прогрессивная печать, руководствуясь пониманием своей общественной миссии и гражданской ответственности, всемерно способствовала росту гражданского самосознания и гражданской активности членов общества. Такие факты есть и в мировой, и в отечественной истории».[1] Таким примером служит малотиражная пресса Приморского края.

В статье автор стремился проанализировать причины зарождения малотиражной периодической печати, ее взаимоотношения с властными структурами. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что малотиражной прессе свойственны те же проблемы, что и всей российской печати в зависимости от понимания сторонами единых целей, задач, миссии, где не последнюю роль играет человеческий фактор.

Обозначенная тенденция зарождения малотиражной гражданской общественно-политической периодической печати на российском информационном пространстве может стать отправной точкой для более тщательного исследования. Результаты данной работы могут быть использованы в исследованиях по обобщению проблематики отношений между властью и СМИ в секторе малотиражной прессы, которая на сегодняшний момент еще мало изучена.

Список литературы:

1. Акаёмов Петр Иванович. Взаимодействие средств массовой информации и законодательной власти в условиях демократических преобразований в России. Автореферат дис. [Интернет ресурс] // М.-2009 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Режим доступа]

- <http://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-sredstv-massovoi-informatsii-i-zakonodatelnoi-vlasti-v-usloviyakh-demokratich#ixzz3QSYsEUWE>
2. Алексеева Татьяна. Слобода [Текст] // журнал Журналистика и медиарынок № 12, 2014 , с. 104 // Изд-во ООО «ТДДС-Столица-8», М.-2014
 3. Варганова Е.Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики [Текст] // [Серия: Академические монографии] // -М.: МедиаМир, 2013. -280 с.
 4. Вертлюгова Ольга. Городские вести – Первоуральск [Текст] // журнал Журналистика и медиарынок № 12, 2014 , с. 104 // Изд-во ООО «ТДДС-Столица-8», М.-2014
 5. Взаимодействие органов государственной власти и средств массовой информации [Интернет ресурс] // [Режим доступа] http://knowledge.allbest.ru/journalism/3c0b65635b3bd69a5c53b89421306d27_0.html // Дата обращения 26.03.2015
 6. Газета «Мир путешествий» [Интернет ресурс] // [Режим доступа] <https://zaliveostok.wordpress.com/gazeta/>
 7. Кардашов Николай. Пеленг мимо не пройдет [Интернет ресурс] // [Режим доступа] <http://www.gudok.ru/zdr/167/?ID=589110>
 8. Короткова Елена. В Бишкеке прошла международная научная конференция «СМИ и власть: свобода слова. Проблемы взаимной ответственности» [Интернет ресурс]// Кыргызстан, News-Asia, 31 января 2013 // [Режим доступа] <http://www.news-asia.ru/view/4214>
 9. Острая Евгения. Наша Иртышская правда[Текст] // журнал Журналистика и медиарынок № 12, 2014 , с. 104 // Изд-во ООО «ТДДС-Столица-8», М.-2014
 10. Партийная и политическая система России и государственное управление. Актуальный анализ: научная монография [Интернет ресурс] / под общ. ред. С.С. Сулакшина. — М.: Научный эксперт, 2012. — 320 с. [Режим доступа] http://rusrand.ru/files/13/07/25/130725120647_Partiinaya_politicheskaya_sistema.pdf // Дата обращения 26.03.2015
 11. Пресса и власть: Возможности взаимодействия в информационном пространстве (При содействии Европейской Комиссии в России 2006-2007 г.г.) Составитель - координатор проекта П.А. Полоницкий // Под ред. А.К. Симонова // ФОНД ЗАЩИТЫ ГЛАСНОСТИ // Издательство ОАО «Кострома» 2008 // file:///C:/Users/%D0%90%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80/Downloads/book_1.pdf
 12. СМИ как четвертая власть: миф и реальность: ежегодная конференция по правам человека (07/04/2011) [Интернет ресурс] // Департамент Прессы и информации Представительства ЕС в России. М.-12.04.2011 России. - [Режим доступа] http://eeas.europa.eu/delegations/russia/press_corner/all_news/news/2011/20110407_01_ru.htm3.
 13. Ширяев Олег. Деловая газета. Юг [Текст] // журнал Журналистика и медиарынок № 12, 2014 , с. 104 // Изд-во ООО «ТДДС-Столица-8», М.-2014

УДК 316.32:681.3.067

ББК 60.52:32.973 В57

Т.В. Владимирова
Tatyana Vladimirova
t-vlad@ngs.ru

Информационная безопасность как социальная практика **Information security as a social practice**

Сибирский федеральный университет
Siberian Federal University

Предлагается подход к пониманию информационной безопасности как комплексу социальных практик, обусловленных ростом интенсивности коммуникации. Обеспечение информационной безопасности субъекта состоит из общих и сетевых практик. В основаниях проблемы информационной безопасности лежит обострение противоречия между устойчивостью конституционных оснований

социального субъекта и ростом вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство.

Ключевые слова: информационная безопасность субъекта, коммуникативно-деятельностный подход, социальные практики.

We propose an approach to understanding information security as a complex of social practices, due to increasing intensity of communication. Information security of a subject consists of general and network practices. In the foundations of information security problems is the aggravation of contradictions between the stability of the constitutional basis of the social subject and the increase in the variability of communications (deviance/innovation), forming a modern information space.

Keywords: information security of a subject, the communicative-activity approach, social practices.

Глобализация и дальнейшая виртуализация социальных процессов приводят к тому, что проблемы безопасности начинают приобретать все больший социально-политический характер. Растет информационное противостояние между ведущими геополитическими силами – государствами, транснациональными компаниями, международными организациями. Появляются и развиваются такие понятия и практики как конкурентная разведка, финансовая разведка, «гуманитарные технологии» как способы влияния на определенные сообщества. Осмысление и развитие практик безопасности и защиты интересов становятся вопросом геополитической и экономической конкурентно способности.

Сегодня важным является осмысление того, что несет динамика информационных потоков миру. Но еще важнее стоит вопрос о защите или обеспечении безопасности как личности, так и общества в целом в условиях сметающей все на своем пути информационной стихии. В контексте такого подхода мы обращаемся к социально-философской концептуализации проблемы информационной безопасности социального субъекта как устойчивости социального порядка в условиях нарастания девиации/инновации, выраженных в росте информационных потоков.

Можно отметить, что в научной литературе развивается нормативный подход к осмыслению феномена информационной безопасности. Связано это с развитием информационного права в России (И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин, П.У. Кузнецов, Т.А. Полякова, С.Н. Соколова, А.А. Стрельцов, Е.К. Волчинская, М.А. Федотов и др.). Норма «спасает» общество, работа нормы обеспечивает информационную безопасность субъекта. С одной стороны, с этим сложно не согласиться. Но мы отталкиваемся от таких реалий современности, как рост относительности и размытости социальной нормы (этической, религиозной, профессиональной, правовой и др.). «Текучесть современности» (З. Бауман), выраженная в кризисе нормированности, упорядоченности социальной жизни, особенно если речь идет о безопасности субъекта в киберпространстве Сети, заставляет искать иные векторы концептуализации феномена информационной безопасности.

Мы предлагаем рассматривать информационную безопасность в ее коммуникативно-деятельностном аспекте [1]. Обеспечение информационной безопасности составляет комплекс социальных практик, обусловленных ростом интенсивности коммуникации. В основаниях проблемы информационной безопасности лежит обострение противоречия между устойчивостью конституционных оснований социального субъекта и ростом вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. Информация как операция «различения различения» (Н. Луман), производимая психической и социальной системой, играет основополагающую роль в современном росте интенсивности коммуникаций. На наш взгляд, сущность феномена информационной безопасности состоит в разрешении этого противоречия социальным субъектом.

Обеспечение информационной безопасности заключается в ориентации субъекта в информационном пространстве при условии защиты его информации и его защиты от информации. Практики безопасности осуществляются в условиях актуальной и виртуальной социальной реальности. Информационная безопасность рассматривается в широком и узком смысле слова: информационная безопасность в условиях современного общества (актуального социального) и информационная безопасность в условиях киберпространства (виртуальной социальной реальности). В первом случае речь идет о социальных практиках субъекта, адекватных скорости и многообразию современных коммуникаций; во втором - о сетевых практиках, адекватных изменчивому виртуальному пространству. Второй тип практик информационной безопасности составляет частный случай первого. И первый, и второй тип социальных практик подразумевают следующее: 1. защиту субъектом своей информации и защиту от внешней информации; 2. ориентацию в информационном пространстве, поскольку ресурсы в условиях роста устаревания информации должны всякий раз пересматриваться и обновляться. [2]

Предложенное направление в исследовании информационной безопасности является принципиально новым, т.к. актуализирует социальные системные аспекты информационной безопасности, ее коммуникативно-деятельностный характер. Приведенный подход может внести вклад в развитие такого научного направления, как «информационное противоборство», задать новый импульс исследовательским практикам в предметной области социальной информатики. Подобная теоретико-методологическая основа в анализе обеспечения информационной безопасности поспособствует более глубокому подходу в осмыслении современных информационных социальных процессов.

Литература:

1. Владимирова Т.В. Социальная природа информационной безопасности [Текст]: научная монография / Т.В. Владимирова. - М.: АНО Изд. Дом «Науч. обозрение», 2014. – 239 с. URL: <http://spkurdyumov.ru/biology/socialnaya-priroda-informacionnoj-bezopasnosti/>
2. Владимирова Т.В. Информационная безопасность: социологическая перспектива понятия // Национальная безопасность. – Nota bene. - 2013. - № 4 (27). – С. 597–604. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.4.7476

Единый портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации: акторы и компетенции²
The Unified Portal for State and Municipal Services of the Russian Federation: actors and competences

*Институт философии и права Уральского отделения РАН
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*

Активными пользователями Единого портала государственных и муниципальных услуг являются молодые, хорошо образованные, занимающиеся престижными видами деятельности группы населения. Они обладают всеми необходимыми компетенциями для перехода на получение государственных услуг в электронном виде. Социально-демографическая структура пользователей ЕПГУ типична для ранних этапов адаптации социальных инноваций, когда выгоду из их появления извлекают наиболее компетентные пользователи.

Ключевые слова: электронное правительство, электронные услуги, пользователи, компетенции

The Unified Portal for State and Municipal Services' active users are young, well-educated, held a prestigious jobs. They have all the necessary competencies to obtain public services in electronic form. The socio-demographic structure of the users of the Portal is typical for the early stages of social innovation adoption when main benefits extract the most competent users.

Studies performed within the scope of grant RGSF-Ural No. 15-13-66009.

Keywords: e-government, e-services, users, competences

Единый портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации (ЕПГУ) www.gosuslugi.ru является основной площадкой для предоставления граждан услуг всех уровней. Количество граждан, зарегистрированных в Единой системе идентификации и аутентификации пользователей (ЕСИА), т.е. имеющих личный кабинет на ЕПГУ, в конце 2014 года составило 13 миллионов человек.

Чтобы выяснить качественный состав пользователей ЕПГУ, в Свердловской области было проведено социологическое исследование. Объем выборки – 350 человек, выборка носила вероятностный стратифицированный характер, опрос проводился методом стандартизированного интервью по месту жительства респондентов. На момент опроса слышали о самом факте существования Портала государственных и муниципальных услуг 48,7% опрошенных жителей Свердловской

² Выводы сделаны в рамках исследования, проведенного в рамках гранта РГНФ-Урал № 15-13-66009.

области. Что касается посещаемости Портала, то 14,7% опрошенных бывали на нем неоднократно, 6,3% - однажды, а 28,0%, хотя и слышали о Портале, ни разу его не посещали.

Постоянные посетители Портала государственных и муниципальных услуг обладали целым набором специфических социально-демографическим характеристик. Среди них преобладали представители младших возрастных групп, в то время как среди тех, кто не слышал о Портале – старших. Аналогичная тенденция прослеживалась, когда речь идет об образовании: доля лиц с высшим образованием среди постоянных пользователей ЕПГУ составляла 47,7% (что существенно выше среднего по области), в то время как среди тех, кто вообще не знает о таком информационном ресурсе – всего 9,2%.

Если в группе неоднократных пользователей почти половину (47,6%) составляли руководители различного уровня и специалисты, занятые умственным трудом, то в группе неосведомленных о Портале респондентов высока доля служащих и работников, занимающихся физическим трудом (38,6%). 41,2% опрошенных во второй группе составили пенсионеры, в то время как в первой группе их оказалось всего 2,3%. Подавляющее большинство неоднократных пользователей (86,4%) пользовалось Интернетом ежедневно, т.е. обладало всеми необходимыми компетенциями для перехода на получение государственных услуг в электронном виде.

Социально-демографическая структура пользователей Портала государственных и муниципальных услуг типична для ранних этапов адаптации социальных инноваций, когда выгоду из их появления извлекают наиболее активные и успешные пользователи. Для того, чтобы пользование Порталом стало действительно массовым, необходима целенаправленная политика, направленная на широкое информирование и обучению пользованию электронными государственными услугами, представителей менее успешных групп населения. Иначе информационное неравенство будет продолжать воспроизводиться и в сфере взаимодействия с органами власти.

УДК 321.7:329.8

ББК 66.2

Л.И. Евсеева, И.Е. Тимерманис
Lidiya I. Evseeva, Igor E. Timermanis
l.evseeva@mail.ru

Коммуникативные ресурсы власти в стабилизации политической практики

Communicative power resources in the stabilization of political practice

*Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*

Подчеркивается актуальность влияния способов коммуникации на политическую практику. Анализируется необходимость упорядочения информационного пространства для стабилизации политической сферы.

Ключевые слова: политическая система, информационные технологии, публичная сфера, политическая стабильность

It is emphasized the relevance of the impact of means of communication in the political practice. It analyzes the need to streamline the information space for the stabilization of the political sphere.

Keywords: political system, information technology, public sphere, political stability

В настоящее время отчетливо ощущается резкое усиление значимости коммуникаций, особенно в политической сфере. Новые информационные технологии меняют качество и структуру предложений на политическом рынке.

Глобализация как феномен современного развития цивилизации характеризует переход к новому мировому порядку, новой системе отношений, которые в корне меняют упорядоченность общения между людьми. Возникает и развивается качественно новый тип коммуникативных структур и процессов.

Политические деятели вовлекаются в игру, которые ведут средства массовой информации. Изменяются и властные отношения. Это вызвано, в первую очередь, кризисом национального государства и той формы политической демократии, которая складывалась в течение последнего времени. Создаются условия для возникновения новой формы государства – «сетевой». Причинами тому являются – глобализация, децентрализация властных полномочий и переход их к региональным и локальным правительствам и др.

Целенаправленные контакты между людьми, обладающими разнообразными знаниями, сведениями, сообщениями, соединяют разные уровни политической системы и дают возможность институтам власти выполнять свои специфические функции по управлению обществом. В этом плане информация выступает и как предпосылка действий любого политического субъекта и как его важнейший ресурс, позволяющий эффективно взаимодействовать в политической сфере ради достижения своих целей. Сегодня политическая коммуникация формирует политический мир, функционирующий по своим законам.

Итогом современных социальных перемен, порожденных развитием и конвергенцией информационных и коммуникационных технологий, будет создание общества нового типа – «глобального» или «информационного», в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных, ни политических границ. Приобщение к новым информационным технологиям, с одной стороны, будет способствовать взаимопроникновению культур, а с другой - открывает для каждого сообщества и личности новые возможности самоидентификации.

В демократическом государстве, основанном на принятии важнейших решений большинством голосов, предъявляются повышенные требования к таким потребительским свойствам информации как достоверность, содержательность, актуальность, доступность для восприятия и другие. Сама политика является составной частью повышенного динамизма общественных процессов. Это находит свое выражение в быстрой смене ситуаций, в неопределенности, непредсказуемости

противоречивости как самих действий и событий, так и их последствий. Отсюда, демократический потенциал личности не имеет возможности проявиться без соответствующего образования, знания. А это невозможно без соответствующего образования, знаний, полученных от информационных институтов (образовательных учреждений, СМИ и другие). В силу этого растут информационные потребности людей, информация превращается в массовый продукт, и становится экономической категорией: расширяются инвестиции в данную сферу, всё больше сервисных услуг переходят в режим «онлайн».

Таким образом, трудности адаптации человека к современным условиям требует разработки новых социальных механизмов стабилизации коммуникативных процессов, поиска новых форм стабилизации политического пространства.

УДК 338.5

ББК 65.25

А.С. Орлов
Alexander Orlov
pharmmanagement@yandex.ru

Информация, необходимая для принятия стратегических решений в области ценообразования на фармацевтическом рынке, и предъявляемые к ней требования

Necessary information for adoption of strategic decisions in the field of pricing in the pharmaceutical market, and requirements imposed to it

*Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия
St.Petersburg state chemical pharmaceutical academy*

Важным условием принятия эффективных стратегических решений в области ценообразования является наличие полной, достоверной, релевантной и актуальной информации о ценовой ситуации на рынке. Значимость ценовой информации существенно возрастает на фармацевтическом рынке, поскольку он характеризуется быстротой ценовых изменений, о которых необходимо получать точные и оперативные сведения. В рамках данной статьи рассматриваются основные виды информации, необходимой для принятия стратегических решений в области ценообразования на фармацевтическом рынке, и предъявляемые к ней требования.

Ключевые слова: фармацевтический рынок, стратегические решения в области ценообразования, ценовая информация, лекарственные препараты.

Important condition of adoption of effective strategic decisions in the field of pricing is existence of full, reliable, relevant and actual information about a price situation in the market. The importance of price information significantly increases in the pharmaceutical market as it is characterized by speed of price changes about which it is necessary to receive exact and operational data. Within this article main types of information necessary for

adoption of strategic decisions in the field of pricing in the pharmaceutical market, and requirements imposed to it are considered.

Keywords: pharmaceutical market, strategic decisions in the field of pricing, price information, drugs.

В системе управления каждой современной организацией чрезвычайно важную роль выполняет информация. Принятие любого управленческого решения можно рассматривать как процесс целенаправленного преобразования исходной информации о состоянии и об условиях функционирования объекта управления в информацию о наиболее рациональном пути достижения этим объектом желаемого состояния в будущем. Обеспечение принятия управленческих решений полной и надежной информацией в нужное время является одной из ключевых и наиболее сложных проблем организации управления. Без информации невозможно определить точную цель управления, оценить конкретную ситуацию, четко сформулировать проблему, принять рациональное управленческое решение и проконтролировать его своевременное выполнение. Отсутствие необходимой информации или использование неточных и неактуальных данных могут стать причиной серьезных экономических просчетов и принятия необоснованных и ошибочных управленческих решений. Количество, содержание и своевременность получения информации определяют качество принимаемых управленческих решений и в конечном итоге эффективность деятельности любой организации. В связи с этим процесс принятия любого управленческого решения должен начинаться со сбора, обработки и анализа полученной информации [1,2,3].

Для принятия грамотных, обоснованных и эффективных управленческих и тем более имеющих долгосрочный характер стратегических решений в области ценообразования требуется наличие ценовой информации. Под ценовой информацией следует понимать совокупность сведений о состоянии, динамике изменения внутренней и внешней среды субъекта управления, получаемых, вырабатываемых и используемых для принятия и реализации управленческих решений в сфере ценообразования. На фармацевтическом рынке ценовая информация имеется лишь в ограниченных количествах и является весьма дорогостоящим ресурсом, поэтому ее получение в достаточном объеме для принятия обоснованных стратегических решений по вопросам ценообразования на лекарственные препараты требует научного подхода, деловой активности и целенаправленной деятельности [4,5]. Учитывая, что стратегические решения в области ценообразования на фармацевтическом рынке принимаются на длительную перспективу в условиях значительного риска и неопределенности, то к качеству используемой ценовой информации предъявляются определенные требования, в соответствии с которыми она должна быть полной, релевантной, точной и достоверной, своевременной и технологичной. Получение полной ценовой информации, при которой стратегическое решение принимается со значительной степенью определенности и уверенности, является достаточно сложной задачей вследствие ее высокой стоимости, трудностей

сбора и обработки данных, а также практического отсутствия большого числа необходимых сведений. В связи с этим стратегические решения в области ценообразования на фармацевтическом рынке из-за недостаточной полноты ценовой информации обычно принимаются в условиях неопределенности и риска, что предопределяет необходимость осуществления оценки и анализа ценовых рисков. Релевантность означает использование полезной и ценной ценовой информации, необходимой для принятия конкретного стратегического решения. Выделение релевантной информации и устранение информационных шумов, содержащих ненужные или неиспользуемые данные, требует проведения кропотливой аналитической работы. Точность и достоверность предполагают, что ценовая информация должна быть правдивой, истинной, правильной, соответствующей реальной действительности и реальной ценовой ситуации. Недостоверной, неточной и искаженной ценовая информация становится в результате использования ненадежных источников, грубых ошибок при ее обработке, неверной и субъективной интерпретации. Для принятия стратегических решений в области ценообразования важным является использование актуальной ценовой информации, полученной вовремя. Технологичность характеризует необходимость использования ценовой информации, обладающей высокой скоростью обработки, удобством применения, возможностью сохранения в различных условиях, надежной защитой от несанкционированного доступа.

Ценовая информация имеет внутренние и внешние источники формирования. К внутренним источникам ценовой информации относятся бухгалтерская и статистическая отчетность, в которых содержатся данные о текущих затратах на производство и реализацию продукции, расходах на продвижение и сбыт, соотношении между переменными и условно-постоянными затратами, структуре себестоимости различных видов продукции, суммарных объемах продаж в натуральном и стоимостном выражениях, составе потребителей и объемах приобретаемых ими видов продукции, маркетинговых мероприятиях, рекламных акциях и размерах предоставляемых скидок, ценах на продукцию и ее динамике. Внешние источники ценовой информации более многочисленны и разнообразны. К ним относятся официальные государственные источники, общие источники социально-экономической и деловой информации, источники участников рынка, а также специализированные источники фармацевтической информации. К официальным государственным источникам относятся официальные статистические данные, издания, публикации и сайты государственных органов законодательной и исполнительной власти и организаций, которым переданы функции их информационных источников. К общим источникам информации относятся социально-экономические и деловые издания, базы данных и аналитические отчеты универсальных исследовательских компаний, материалы исследовательских институтов и групп, в которых приводится полезная ценовая информация. Важным информационным ресурсом являются источники самих участников фармацевтического рынка, включающие размещаемые в открытом доступе

коммерческие предложения, прайс-листы, годовые отчеты. Специализированные источники фармацевтической информации включают в себя профессиональные фармацевтические периодические издания. Например, в изданиях «Ремедиум», «Фармацевтический вестник», «Новая аптека. Эффективное управление», «Фармация» приводятся регулярные результаты анализа ценовой динамики на фармацевтическом рынке, а «ФармАналитик» и «ФармИндекс» регулярно публикуют информацию о коммерческих предложениях и ценах на лекарства. К другим источникам специализированной информации относятся справочники и базы данных лекарственных средств, а также исследовательские компании. Ведущие исследовательские фармацевтические компании «Ай Эм Эс Хэлс», «Группа ДСМ», «Аналитическая компания «АРЭНСИ Фарма», «ИНЭК-Аудит», «Астон Консалтинг» проводят регулярные исследования конечных потребителей, аудиты розничного и госпитального рынка, получают результаты ценовой динамики российского фармацевтического рынка в целом и его отдельных сегментов.

Процесс получения ценовой информации, удовлетворяющей всем установленным требованиям, является длительным и трудоемким, поскольку изначально она представляет собой массив несистематизированных данных, которые только в результате обработки, соответствующей группировки и тщательного анализа преобразуются в информацию, пригодную для использования в рамках стратегического управления. При этом процесс удовлетворения потребностей субъектов управления в ценовой информации является одним из наиболее важных и ответственных этапов процесса принятия стратегических решений в области ценообразования на фармацевтическом рынке и называется информационным обеспечением. Создание должного информационного обеспечения представляет собой важную задачу, успешное решение которой способствует принятию обоснованных и эффективных стратегических решений в области ценообразования на лекарственные средства.

Литература:

1. Шеметов П. В., Радионов В. В., Чередникова Л. Е., Петухова С. В. Управленческие решения : технология, методы и инструменты : учебное пособие. – М. :. Омега-Л, 2010.
2. Каменева Н. Г., Поляков В. А. Маркетинговые исследования : учебное пособие. – 2-е изд., доп. – М. : Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2013.
3. Зельдович Б. З. Менеджмент : учебник. – М. : Экзамен, 2008.
4. Соколов Б.И., Лин А.А., Орлов А.С. Фармацевтический рынок : структурные особенности в России // Проблемы современной экономики. – 2012. – №4. – С.336–341.
5. Орлов А.С. Фундаментальные особенности фармацевтического рынка России // Новая аптека. Эффективное управление. – 2014. – №8. – С.11-14.

Социальные медиа как новый социальный институт современного общества
Social media as a new social institute of modern society

Российский Университет Дружбы Народов
People's Friendship University of Russia

Современная медиа аудитория выражает свои основные потребности в информации, корректируя ее, создавая новые платформы для обмена сообщениями. Использование социальных медиа придает общественную значимость действиям и поступкам людей. Достижение в области телекоммуникаций – появление сети Интернет стимулирует процесс глобализации, создает социально-активное общество. Платформы социальных медиа – это социальные сети, поисковые системы, блоги, мобильные и онлайн-продукты, аккаунты на электронных версиях традиционных СМИ и др. При нынешней изобилии информации, население не становится более информированным, необходимы специальные навыки «информационной грамотности».

Ключевые слова: социальные сети, новые медиа, интернет, двусторонняя связь, преимущества, общественная значимость

Modern media audience expresses their basic information needs, adjusting it by creating new platforms for messaging. While using social media, it gives the public importance of their actions and deeds. Achievement in the field of telecommunications – the emergence of the Internet stimulates the process of globalization and creates a social active society. Platforms of social media are –social networks, search engines, blogs, mobile, and online products, accounts in electronic versions of traditional media and others. With the current abundance of information, the population becomes more informed; but requires special skills of "information literacy".

Keywords: social networks, new media, the Internet, two-way communication, benefits, social importance

На данный момент во всем мире замечена активная фаза процесса формирования информационного общества. Основные черты этого процесса выражаются в быстром развитии технологий, появлении новых каналов коммуникации, выработке активной гражданской позиции у большей части населения, а также в использовании и внедрении новых коммуникационных платформ.

Интернет, в частности появление Web 2.0, способствует облегчению многих процессов, связанных с коммуникацией между людьми. Использование платформ новых медиа расширяет возможности общения, стирает территориальные границы.

Социальные сети в этом процессе играют ведущую роль, потому что постоянно подстраиваются под течение жизни, меняют свою форму, предоставляя с каждым разом все больше выбора в способе передачи информации, мыслей, обмена мнениями друг с другом. Новые технологии изменили процессы коммуникации и предоставили право на свободу выражения своего мнения каждому пользователю Сети, актуализировали вопрос о свободе СМИ.

Отмечая преимущества применения коммуникационных технологий, следует сказать и о некоторых недостатках: количество каналов коммуникации с трудом делает возможным отслеживание и получение объективных новостей; пользование в силу привычки одними и теми же ресурсами; недостаточная «информационная грамотность», означающая обладание способностей, «признать, когда информация необходима, и способностью определить местонахождение, оценить, и использовать эффективно необходимую информацию»[6].

Изобилие информации само по себе не сделает население более информированным без дополнительных навыков, необходимых для эффективного использования информации.

Тем не менее, новые медиа, в которые входят крупные поисковые системы Google, Bing, Yandex, а также социальные медиа: Facebook, Vkontakte, Twitter – становятся наиболее востребованными у современной медиа аудитории.

В отличие от традиционных медиа, которые выходят в определенное время (периодичность), рассчитаны на одноразовое восприятие информации, ограничены пространствам распространения, новые медиа, не ограниченные временными и географическими рамками, способны мгновенно распространить информацию, доставив ее до адресата; получить обратную связь; предоставить возможность общаться, обмениваться мнениями в онлайн-режиме как на индивидуальном уровне, так и на уровне групп и сообществ, независимо от временных, географических, национальных рамок. Отличительная особенность новых медиа заключается в вовлечении человека в процесс формирования новостей.

Речь идет и об обычных веб-ресурсах, которые используются в качестве информационных порталов, и об электронной версии изданий традиционных СМИ, а также наиболее популярном явлении – социальных медиа.

На настоящий момент однозначного объяснения сравнительно недавно появившемуся термину «социальные медиа», пока не существует. Однако активно ведутся дискуссии об их месте и роли.

Пол Гиллин, американский журналист и специалист в области социальных медиа, в своей книге «Новые агенты влияния» определяет термин *социальные медиа* как «многозначный термин, который объединяет различные онлайн-технологии, позволяющие пользователям общаться и взаимодействовать между собой» [1].

Российский профессор Е. Вартанова, написавшая большое количество работ на тему традиционных и новых медиа, отмечает, что в основе понятия *социальные медиа* лежит «принцип партиципаторности, когда процесс коммуникации осуществляется при равноправном участии пользователей и института медиа» [3].

Саймон Мэйнкоринг, эксперт в области социальных медиа отмечает: «Набирающая сила социальных медиа совершает переворот в способах видения бизнеса. Как Интернет демократизировал сферу информации, так социальные медиа шаг за шагом демократизируют рынок, предоставляя в распоряжение потребителей мощное средство призывать к порядку бизнес, чьи ресурсы, опыт и миссия направлены исключительно на создание прибыли для самих себя» [2].

Из всех существующих определений социальных медиа наиболее удачным нам предоставляется следующее: это основанные на интернет - технологиях каналы и площадки для общения и обмена контентом между пользователями, такие как форумы, блоги, социальные сети, фото - и видео-хостинги, платформы для совместного творчества [7].

Исходя из мнений ведущих специалистов в области журналистики и новых медиа в частности, можно прийти к выводу, что одним из главных субъектов новых медиа являются их пользователи. То есть пользователи создают новостные поводы, участвуя в дискуссиях и дебатах. При этом формируются сообщества по интересам.

Платформы социальных медиа - это социальные сети: Facebook, V Kontakte, Twitter, блоги Tumblr, Wordpress, Livejournal, профессиональные сети LinkedIn, интернет-форумы, видеоблоги, мобильные и онлайн-продукты, аккаунты на электронных версиях традиционных СМИ: Guardian и другие, развлекательные порталы – Time out, Afisha.

Социальные медиа открывают множество возможностей за счет своей двусторонней связи между потребителем и производителем информационного сообщения.

Одна из значимых черт, которую не могут контролировать власти – это способность социальных медиа собирать огромное количество единомышленников. Это стимулирует коллективную социальную активность. Наиболее ярким примером использования социальных сетей в таком контексте является феномен «Арабская весна» - революционная волна демонстраций и протестов, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 года. Гражданская война в Ливии, которая привела к падению режима, революции в Турции и Египте, гражданские восстания в Бахрейне, Сирии и Йемене, массовые протесты в Ираке, Алжире, Иордании, Омане, Марокко. Интернет «осуществляет информационную, мобилизационную, партисипационную, интеграционную и даже рекреационную функцию. Новое же, реально инновационное, что приносит интернет, – это усиленная коммуникационная функция» [4].

Использование социальных медиа придает общественную значимость действиям и поступкам людей. Традиционные средства массовой информации осознают «угрозу» новых медиа, и поэтому стали взаимодействовать с гражданами, например, Первый Канал обращается к зрителям за поиском тем. Штатные сотрудники редакций не всегда оказываются в эпицентре новости. Поскольку в нынешнюю эпоху одним из самых важных критериев «доставки» новостей является скорость, то такой новый вид обратной связи со стороны традиционных СМИ - «антикризисная мера» по борьбе за потенциальных зрителей.

Появление новых медиа напрямую отразилось и на управлении бизнесом. Обозначились новые тенденции в развитии маркетинговых инструментов. Интернет-маркетинг получил новое название: SMM (Social Media Marketing), маркетинг социальных медиа. Задачи: мониторинг сети и социальных медиа, интерактивное взаимодействие с потребителями, воздействие на социум и далее на офлайн-социум для достижения целей бизнеса[5]. В качестве примера рассмотрим рост австрийской компании LYONESS, которая после ее основания в 2003 году, позднее превратилась в международную. Компания активно использует все платформы социальных медиа, таким образом, создавая горизонтальную связь с потребителем.

Очевидно, что с появлением новых медиа, социальных медиа, процессы коммуникации подверглись преобразованиям, которые коснулись всех сфер жизни. Достижение в области телекоммуникаций – появление сети Интернет стимулирует процесс глобализации, позволяет рассматривать сеть как новое медиа поле, где в преобразованном виде происходят процессы коммуникации.

Новые социальные медиа исходя из вышесказанного – отдельный социальный институт, в котором каждый человек – член этого института. Социальная активность человека и ее последствия – еще одна обязанность перед современным обществом.

Использование социальных медиа подразумевает ответственное отношение со стороны пользователя. Всеохватность, интерактивность, универсальность, мобильность – открывают новые перспективы развития средств массовой информации в контексте нового формата.

Литература:

1. Гиллин П. Новые агенты влияния. – М., 2010, - С. 67
2. Саймон Мэейнкоринг Время действовать. –М. изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2013. – С. 36
3. Вартанова Е. Л. Финская модель на рубеже столетий: информационное общество в СМИ Финляндии в европейской перспективе. – М.: изд-во Моск. ун-та, 1999. – С.77
4. Вартанова новые медиа как фактор модернизации СМИ http://www.vartanova.ru/articles/ru/novue_media.html
5. Маркетинг в социальных медиа. Интернет-маркетинговые коммуникации: Учебное пособие/Под ред. Л.А.Данченко. – СПб.: Питер, 2013. Стр.-66.
6. Блог - www.paulgillin.com
7. <http://smm.ingate.ru/smm-wiki/social-media/>

**Проблемы и перспективы деятельности клубов молодого избирателя
в Тверской области: опыт контент-анализа Интернет-ресурсов**

**Problems and prospects of activity of the young voter's clubs
in the Tver region: experience of the content analysis of Internet resources**

*Тверской государственной технической университет
Tver State Technical University*

В условиях электоральной пассивности молодежи в современной России большое внимание уделяется политическому просвещению молодого поколения. В Тверской области используются различные формы и методы электорального воспитания молодежи. Одним из самых эффективных методов является деятельность клубов молодого избирателя.

Ключевые слова: политическое просвещение, электоральное воспитание, учащаяся молодежь, молодые избиратели.

In the conditions of electoral passivity of youth in modern Russia a lot of attention is paid to the political education of the younger generation. Various forms and methods of the electoral education of youth are used in the Tver region. One of the most effective methods is activity of clubs of the young voter.

Keywords: political education, electoral education, student youth, young voters

Повышение уровня правовой культуры молодежи в России является важной задачей, которую решают различные организации, среди которых особое место занимают учебные заведения и учреждения культуры. Они выступают центрами просветительской, воспитательной и информационной работы в молодежной среде. В последние годы создание и функционирование клубов (школ) молодых избирателей (КМИ) стало одним из ведущих направлений в работе по правовому воспитанию молодежи. Клуб молодого избирателя является наиболее приемлемой формой работы с представителями молодого поколения, так как обучение – привычный вид деятельности для большей части молодежи.

Клуб (школа) молодого избирателя обычно представляет собой сообщество молодых людей, способных свободно высказывать свое мнение, желающих чему-то научиться, поделиться своими идеями по поводу происходящих вокруг событий. Главной целью подобных организаций является электорально-правовое просвещение молодежи, повышение уровня ее политической и гражданской культуры, воспитание чувства гражданственности, привлечение внимания к избирательному праву и избирательным технологиям. Основной аудиторией КМИ обычно являются

школьники, студенчество, работающая молодежь. Клубы молодого избирателя создаются на базе школ, библиотек, избирательных комиссий, т.е. тех учреждений, которые непосредственно работают с молодежной аудиторией. Согласно рекомендациям Российского центра обучения избирательным технологиям заседания клуба целесообразно проводить: в период выборов – один раз в месяц, в межвыборный период – один раз в два месяца [1].

Основными видами работы КМИ являются планирование деятельности клуба, распространение информационных материалов о его мероприятиях, создание учебных и методических пособий для будущих и молодых избирателей, сотрудничество с различными организациями. Центральным направлением работы клуба молодого избирателя является образовательная деятельность. Она предполагает использование как традиционных форм и методов обучения (лекции, семинары), так и активных обучающих технологий (ролевые игры, экскурсии, тренинги, викторины и др.). Кроме того КМИ занимаются организацией конференций, конкурсов, олимпиад, выставок. Особенно важными для будущих и молодых избирателей являются встречи с представителями избирательных комиссий, политическими деятелями, лидерами общественных организаций, другие подобные мероприятия, которые также организуют КМИ. Полученные знания и навыки часто реализуются на практике благодаря организации выборов в ученическое самоуправление, участию в работе местных избирательных комиссий, проведению исследований и разработке проектов по электорально-правовой тематике.

Таким образом, клуб молодого избирателя является достаточно распространенной формой работы с молодежью в сфере электорально-правового просвещения. Такие организации действуют во многих регионах России. Особый интерес представляет опыт их работы в Тверской области.

В Тверском регионе ведется большая работа по гражданскому и патриотическому воспитанию молодого поколения. Она включает в себя мероприятия по повышению уровня электоральной активности молодежи. Подобной деятельностью занимаются государственные и муниципальные органы, отвечающие за молодежную политику, органы управления образованием и культуры, избирательные комиссии, образовательные учреждения, библиотеки, общественные организации.

В школах в учебную программу включены правовые уроки, избирательные комиссии на местах взаимодействуют со структурами школьного самоуправления. Например, выборы в органы школьного самоуправления предполагают проведение предвыборной компании, распечатку бюллетеней, формирование школьных избирательных комиссий, особенности проведения агитации и т.д. Благодаря проведению таких мероприятий будущие избиратели знакомятся со сферой политических выборов, узнают этапы избирательного процесса, приобретают опыт, позволяющий им в будущем работать в участковых избирательных комиссиях.

Большую работу, направленную на повышение электоральной активности молодежи, проводит Комитет по делам молодежи Тверской области. В регионе

создаются и поддерживаются политические клубы, в рамках работы по патриотическому воспитанию граждан – проводятся фестивали, Дни воинской славы, праздники, выставки, конкурсы, игры; организуются спортивные лагеря. Важную роль играет также молодежное правительство Тверской области, которое выполняет консультативно-совещательные функции при Губернаторе. Среди задач молодежного правительства: содействие молодежной активности, пропаганда и разъяснение целей и задач государственной политики, поддержка и реализация молодежных программ, представление интересов молодежи в органах власти.

Особую роль в электорально-правовом просвещении молодежи играет Избирательная комиссия Тверской области. Для привлечения молодежи организуются разнообразные акции, дискуссии, деловые игры, творческие конкурсы. На молодежном сайте Тверской избирательной комиссии создан специальный календарь, фиксирующий соответствующие мероприятия, представлены фотографии, регулярно обновляются новости. Кроме того имеется электронная библиотека, представлены учебные курсы, связанные с избирательным процессом [2].

Одним из направлений работы Избирательной комиссии Тверской области является создание и поддержка клубов молодых избирателей. Основными задачами деятельности таких клубов являются вовлечение молодежи в избирательный процесс и политическую деятельность в целом, правовое просвещение избирателей, формирование у молодых людей чувства гражданственности и патриотизма, оказание помощи в самовыражении, профессиональной ориентации молодежи. Эти задачи решаются с помощью организации встреч, круглых столов с представителями власти; проведения специальных занятий, лекций; участия в конкурсах, акциях.

В последнее время в российском обществе идет стремительная интернетизация абсолютно всех сфер жизни. Интернет становится эффективным инструментом работы, помощником в решении многих проблем и главным источником информации, особенно для молодого поколения. Поэтому наличие информации об организации и ее деятельности в виртуальном пространстве, содержание данных и особенности их размещения являются для молодежной аудитории главным признаком существования соответствующей структуры, показателем степени ее развитости и популярности. Очевидно, что важным условием успешности деятельности Клубов молодого избирателя является их присутствие в Сети.

В связи с этим кафедрой социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета совместно с Избирательной комиссией Тверской области было проведено социологическое исследование на тему «Особенности функционирования деятельности клубов (школ) молодого избирателя на территории Тверского региона». В качестве метода исследования был выбран контент-анализ интернет ресурсов, содержащих информацию о деятельности КМИ.

Первоначально при проведении контент-анализа предполагалось, что многие клубы имеют свои собственные Интернет-ресурсы, но исследование показало, что ни один КМИ региона не имеет собственного сайта. Чаше всего данные о КМИ представлены на сайте учреждения, на базе которого клуб молодого избирателя

функционирует, поэтому информация по каждому клубу собиралась из различных интернет-источников. Следует отметить, что краткая информация о деятельности многих КМИ содержится на молодежной странице портала Избирательной комиссии Тверской области, которая послужила одним из основных источников информации о клубах молодого избирателя Тверского региона.

Молодежь является главным объектом деятельности КМИ, поэтому уровень информатизации работы Клуба является одним из главных показателей его привлекательности для молодой аудитории. В ходе исследования было выявлено, что для большинства ресурсов, отражающих работу школ молодых избирателей, характерен небольшой объем информации (72%), Обычно на сайтах представлены лишь почтовый адрес (98%) и другие контакты организации (телефон, электронный адрес) (91%).

Для эффективного функционирования КМИ важно размещение информации в Интернете о целях и задачах клуба, плана работы, отчетов о деятельности, ссылок на нормативные документы и возможные учебные и методические материалы. Исследование показало, что на большинстве ресурсов цели и задачи КМИ не указаны (70%). Ссылки на законы и другие правовые документы имеются только на 4% сайтов, официальные документы о деятельности организации присутствуют только в 6% случаев. Информация о правилах голосования, деятельности местных избирательных комиссий на Интернет-ресурсах большинства клубов отсутствует.

Сведения о проделанной работе в качестве отчетов (в виде фотографий, статей и новостной ленты) представлены только на 53% сайтов, у 47% ресурсов подобная информация отсутствует вообще.

В 60% случаев на сайтах представлен план работы организации, однако в большинстве случаев эти материалы устарели и оперативно не обновляются. Степень новизны информации является весьма значимым показателем деятельности КМУ не только для молодежи, но и для других пользователей Интернета. Отсутствие обновления информации может расцениваться как прекращение деятельности организацией. Исследование показало, что в подавляющем большинстве случаев информация регулярно не обновляется (94%).

Клубы молодых избирателей могут рассчитывать на отклик молодой аудитории только с учетом возрастных и психологических особенностей современной молодежи. В этом контексте важны проблемы привлечения и удержания внимания, поиска новых интересных методов обучения, повышения активности участников работы КМИ, вовлечения в деятельность организации и т.д. Поэтому отдельным пунктом исследования стал анализ методов работы, применяемых клубами молодых избирателей Тверской области. Выяснилось, что основными методами являются лекции и беседы (20%), организация конкурсов и игровых мероприятий (по 15% каждый). Кроме того, достаточно распространенными формами работы являются организация заседаний (12%) и проведение праздников (11%). Некоторые КМИ выпускают свою печатную продукцию (календари, программки, памятки) (9%).

Особый интерес представляют данные об организациях, на базе которых

функционируют КМИ. Ведь именно от них зависит состояние материального обеспечения Клуба: наличие собственного помещения, его площадь, максимальное количество участников, доступность его посещения, наличие различных пособий, контакты с другими КМИ и многое другое.

В ходе исследования было выявлено, что чаще всего клубы функционируют на базе библиотек (38%), которые являются местными центрами образования и просвещения, наравне со школами. Клубы действуют также при таких учреждениях, как дома культуры и спортивные комплексы (23%). 17% клубов организованы в средних общеобразовательных школах.

Одна из задач проведенного исследования предполагала изучение аудитории деятельности клубов. Согласно полученным данным работа большинства организаций ориентирована, прежде всего, на молодежь школьного возраста (43%). При этом следует отметить, что информация о целевой аудитории школ молодых избирателей отсутствует на 41% сайтов.

В ходе исследования также изучалась частота проведения занятий в КМИ. Было выявлено, что в 55% организаций занятия проводятся ежемесячно, 19% клубов активизируют свою деятельность только в предвыборное время. Подобные данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне активности клубов молодых избирателей Тверского региона.

Таким образом, в Тверском регионе сложилась целостная система работы по электорально-правовому просвещению молодежи. Субъектами этой деятельности стали органы государственной власти и местного самоуправления, учреждения культуры, учебные заведения, СМИ, общественные объединения. Координирующую роль играет Избирательная комиссия Тверской области. Широкое распространение получили клубы молодого избирателя. Подобные структуры созданы практически в каждом городе и муниципальном районе региона. Большинство КМИ организовано на базе библиотек и школ, где ежемесячно проходят занятия (заседания, собрания, встречи) их участников. Чаще всего клубы указывают на интернет-сайтах только контактные данные. Реже представлены ссылки на правовые документы, справочную информацию, связанную с выборами, еще реже планы работы, отчеты, позволяющие говорить о разнообразии используемых форм и методов работы.

Исследование показало, что клубы молодого избирателя, действующие в Тверской области вносят существенный вклад в электорально-правовое просвещение учащейся молодежи. Среди выявленных проблем – скудность представленной в виртуальном пространстве информации, часть которой устарела, нерегулярное обновление сведений о текущей работе, недостаточная координация деятельности клубов между собой и с другими заинтересованными организациями и учреждениями, пока еще небольшая доля инновационных, активных форм и методов работы с будущими избирателями.

Для повышения эффективности деятельности клубов молодого избирателя в Тверском регионе представляется целесообразным усилить информационное сопровождение работы КМИ (создать сайты отдельных клубов, в случае

невозможности сделать это по финансовым и техническим причинам, разработать единый портал на базе молодежного сайта Избирательной комиссии Тверской области, где была бы представлена подробная информация о каждом клубе, а сам портал стал бы информационной и дискуссионной площадкой по вопросам электорально-правового просвещения).

Литература:

1. Школа молодого избирателя: электронный обучающий курс / Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rcoit.ru/shmi/>
2. Молодая Тверь. Молодежный сайт Избирательной комиссии Тверской области [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.molodayatver.ru/>

УДК 316.77

ББК 60.0

Стефано Мария Капилупи
Stefano Maria Capilupi
s_capilupi@yahoo.it

Свобода и власть у Достоевского Freedom and power in Dostoevsky

*Римский университет «Ла Сапиенца», Италия
Rome University «La Sapienza», Italy*

Много написано Достоевским о свободе воли. И особенно – о «волюшке» человека. Сама жизнь Достоевского показывает это постоянное стремление к полной земной свободе. Даже его любовь к азартной игре была не только плодом внутренних психологических страданий, метафизическим испытанием, а также простой попыткой освободиться от тягостных обязанностей перед издательствами и от финансовой и административной зависимости. Даже в этом, по моральной видимости *низком*, уровне экономического существования человека, проблематика свободы воли вполне снимается. В каждую эпоху, и особенно в недавнем 1700-летию Эдикта Константина, Великий Инквизитор может снова задавать Христу свой вопрос: “Как возможно молиться для тех, кто распинает тебя, тем более именно тогда, когда он тебя распинает? Твоя высшая свобода, которую Ты нам показал, это, на самом деле, только еще одна тяжесть для человека, которая добавляется уже существующим страданиям и смерти. Человек бунтовщик, но свободы не любит. Ты лишь сделал нас страдающими еще одним страданием, - неспособностью соответствовать такой любви, и подражать такой свободе!” Достоевский уверен, что свобода Бога и свобода человека взаимообусловлены. Бог свободен в любви к человеку и в том, чтобы подвергнуть испытанию слабую плоть и подарить ей высшую свободу. На встречном пути человек обретает свободу стать субъектом своего спасения. Подобный ход мысли мы встречаем еще у Пушкина («Я памятник себе воздвиг...», 1836): сущность свободы заключается в том, чтобы дарить свободу другим.

Ключевые слова: Свобода, любовь, власть, страдание, воля, Бог, человек.

Very much has been written by Dostoevsky about the “free will”. And especially, about the “small will” of the man. The same life of Dostoevsky shows this constant striving for complete freedom. Even his love for the game was not only the result of internal psychological suffering, metaphysical test, as well as a simple attempt to get rid of the burdensome duties to publishers and from the financial and administrative dependence. Even so, on the just level of economic existence, the human free will is given philosophical problematic. In every age, and especially in the recent 1700 anniversary of the Edict of Constantine, the Grand Inquisitor could again ask Christ the question: “How is it possible to pray for those who crucify you, especially at a time when they crucify you? Your ultimate freedom that you showed us, it is, in fact, just one more severity for the man, which is added to the already existing suffering and death. Man is rebel, but he does not love the freedom. You just made us suffer another suffering - the inability to comply with such love and emulate such freedom! “. As a result, Dostoevsky was convinced that the freedom of God and human freedom are interdependent; God is free in the love of man, and to be tested weak flesh and give her a big freedom. On the opposite way one gets the freedom to become the subject of his salvation. This train of thought we encounter even in Pushkin (“I have erected a monument ...”, 1836): the essence of freedom is to give freedom to others.

Keywords: freedom, love, power, suffering, will, God, man.

В каждую эпоху, и особенно в недавнем 1700-летию Эдикта Константина, Великий Инквизитор может снова задавать Христу свой вопрос: “Как возможно молиться для тех, кто распинает тебя, тем более именно тогда, когда он тебя распинает? Твоя высшая свобода, которую Ты нам показал, это, на самом деле, только еще одна тяжесть для человека, которая добавляется уже существующим страданиям и смерти. Человек бунтовщик, но свободы не любит. Ты лишь сделал нас страдающими еще одним страданием, - неспособностью соответствовать такой любви, и подражать такой свободе!”.

Христос его слушает и целует потому, что понимает, как Инквизитор зажигает свою душу в мираже всеобщего земного счастья, то есть, говоря языком современной эсхатологии, в мираже “не еще”, разделенного от “уже”. Он также знает, до какой степени для всякого человека соединить два берега эсхатологического напряжения («уже и не еще» присутствия Царства Божьего на земле) в чистой воде веры часто оказывается *рационально и чувственно* невозможной задачей. От христианина требуется быть верным и Небу и Земле, но не быть рабом ничего и никого, в миру, но не от мира сего, активно желающим Царства Божьего, но вместе с тем в мирном ожидании Его: все это очень трудно, и неизбежно сопровождается разными напряжениями. Христос сжалился над Инквизитором таким же образом, как сжалился по евангельскому рассказу над народом перед умножением хлебов и рыб (Мк.6:34: “Иисус, выйдя, увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были, как овцы, не имеющие пастыря”).

Обратимся, однако, к вопросу о свободе воли. «Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот

мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» (5, 174). Много написано Достоевским о свободе воли. И особенно – о «волюшке» человека. Сама жизнь Достоевского показывает это постоянное стремление к полной земной свободе. Даже его любовь к азартной игре была не только плодом внутренних психологических страданий, метафизическим испытанием, а также простой попыткой освободиться от тягостных обязанностей перед издательствами и от финансовой и административной зависимости.

Даже в этом, по моральной видимости *низком*, уровне экономического существования человека, проблематика свободы воли вполне снимается. Для дальнейших рассуждений нам пригодился бы анализ проблемы свободы, предпринятый В. Виндельбандом в цикле лекций «О свободе воли» [1]. В. Виндельбанд выделил в проблеме свободы воли три различных аспекта, сделав каждый из них предметом отдельного рассмотрения. Он назвал их соответственно свободой действия, свободой выбора и свободой воления.

По сути дела, различие первого и второго из вышесказанных трех видов свободы мы найдем еще у Аристотеля. Он, таким образом, развивал понимание Сократом зла как недостатка добра и дурного поступка человека как поступка того, кто не знает, что он делает. Аристотель ответил Сократу: человек может и знать, что он делает, но он может быть психически не свободен действовать согласно указаниям своего разума [2]. Эта проблематика обнаруживается и в христианстве, когда утверждают, что «страсти плоти» препятствуют осуществлению «высшей свободы» человека. Сам Иисус сказал на кресте: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23, 34). Однако из двух распятых, находящихся рядом с Ним, один раскаялся, другой нет, хотя их обстоятельства были одни и те же (Лк 23, 39-43). В очередной раз в Евангелии бесконечное милосердие Божье выступает вместе с тотальной свободой человека. Пока эти евангельские контексты кажутся не приносящими ничего нового (на чисто философском уровне) к рассуждениям Сократа и Аристотеля о нравственном строе человека. Недостаточно будет ответить, что у этих философов не было понятия о первородном грехе, поскольку нерациональные импульсы, которые препятствуют у Аристотеля разумному «сократовскому» поступку человека, можно справедливо считать близкими к христианской концепции первородного греха. Единственная, но существенная разница заключается в том, что в иудаизме и в христианстве добро – это добро именно потому, что оно установлено Богом-Творцом, у которого все люди являются тварями и «чадами».

Возвращаясь к анализу тезисов В. Виндельбанда, отмечу, что свободу действия он понимает как не скованное внешними препятствиями следование индивида своим волевым импульсам и называет ее психофизической свободой. Свободу выбора же он понимает как разумное взвешивание различных волевых импульсов и выбор между ними в процессе принятия решения: он называет ее психологической свободой. Когда в качестве критерия выступает нравственный закон, свобода выбора становится нравственной свободой. Свобода воления касается вопроса власти человека над самими волевыми импульсами, благодаря чему

проблема поднимается на философско-метафизическую высоту. В первом случае человек делает все, что он *захочет*, во втором случае – выбирает между хотениями, в третьем – выбирает сами хотения, делая действительно то, что он *хочет*. И первая, и вторая, и третья свобода были очень дороги Ф. М. Достоевскому.

Говоря не современным, а средневековым языком, первая и вторая не выходят за пределы «низшей», то есть земной свободы. Этот вид свободы делает людей равными в правах. Эту свободу очень ценят либералы, и Маркс считал ее необходимой предпосылкой для перехода общества в стадию коммунизма. Однако лишь в контексте разговора о третьем виде свободы возникает собственно философский вопрос: существует ли вообще свобода. Лютер («О рабстве воли», 1524) и Гоббс («О свободе воли и необходимости» [3], 1656), хотя и по совершенно разным причинам, отрицательно отвечали на него. По мнению Гоббса, для человека невозможно выбрать сам выбор (который определен самым существующим миром): этим рассуждением философ доказывал несуществование свободы воли. Однако он, на мой взгляд, недостаточно оценил тот факт, что отрицать земную свободу человека – еще не значит отрицать его статус твари Божьей: позиция Лютера это вполне доказывает. Скорее, свобода остается, по кантовским правилам, за пределами нашего знания. Не случайно в романе «Братья Карамазовы» Иван Карамазов, повторяю, отрицает сначала Бога, а потом Христа, утверждая, что именно Христос, а не Бог-Отец принес человеку невыносимую тяжесть высшей свободы.

Если человеку невозможно выбрать выбор (и с этим можно согласиться), то кто создал сам выбор? Современный индивид, верующий в первую очередь в существование себя самого (по учению Декарта) находится перед тремя реалиями, существование которых он, лишь исходя из себя самого может считать бесспорным: ближний, мир и смерть. Нетрудно ответить, что ближнего и мир творил Тот, которого верующие называют Богом. Что касается смерти, однозначный ответ невозможен [4].

Свобода индивида не абсолютна, а состоит только в том, *как* взаимодействовать с этими реалиями (ближний, мир и смерть). Следовательно, для человека свобода как таковая, если она существует, то существует только на уровне высшей свободы. Это истинно потому, что свободно выйти из жизненного круга «я – ближний – мир – смерть» невозможно. Это становится возможным только через веру в существование некой высшей свободы, по которой я, индивид, знаю, что только действуя согласно высшему закону, установленному Тем, кто создал мой выбор, я смогу куда-то *выйти*. Экстаз любви – это и есть выход в вечность, осуществляемый не отдельными моментами эротического восторга и не только актом самоунижения, а постепенно, на встречном пути схождения «Эроса» и нисхождения «Агапе» [5].

На мой взгляд, человек, сознательно или подсознательно, принимает ограничение своей свободы или решается на самоограничение только указанием самого Творца. Вот почему тогда, когда общество, даже поступая справедливо, ограничивает эту свободу, человек испытывает ненависть, гнев и проникается духом бунта. Добродетель есть добродетель только тогда, когда мы решаем поступать морально по нашей воле, а не по принуждению. Таким образом, первая и вторая

свобода, о которых говорил Вильдебрандт, оказываются необходимыми предпосылками к третьей, «высшей» свободе.

Разъясняет Г. В. Флоровский применительно к творчеству Ф. М. Достоевского: «Очень рано Достоевскому открылась загадочная антиномия человеческой свободы. С одной стороны, весь смысл человеческой жизни он видел в ее свободе, – и притом в ее волевой свободе, в творческом самоизбрании и самоопределении. Ничто не может осуществиться иначе, как через волевою решимость и избрание. Поэтому Достоевский защищал не только своеобразие, но именно “своеволие” человека. Даже смирение и покорность возможны только через “своеволие”, – иначе они не имеют цены. Но с другой стороны, никто сильнее и убедительнее, чем Достоевский, не изображал саморазрушительности свободы. Это – одна из самых интимных тем его творчества. Во имя «своеволия» или свободы Достоевский восстанет против “всемства”, против всякого объективного принуждения, обоснованного только в принудительности и необходимости» [6].

Для того чтобы человек смог отказаться от своеволия, он должен знать, в чем оно заключается, то есть чего он на самом деле *хочет*. Пока он этого не знает, его покорность, его отказ будут пустыми. Достоинство жизни человека – это отражение того иконописного момента жизни Иисуса, когда Он перед Своим Отцом, познав до конца Свои слезы, провозглашает: «не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк 22, 42). Пока же человек не познает свои слезы до конца (знание, которое Благодать Божья может и дарить человеку мгновенно, без обязательного опыта зла), пока общество или психологическая болезнь не дают ему действительно и глубоко познать эти слезы в их сущности, – до тех пор его отказ, его покорность не будут подвигом, но просто плодом слепой и не осознанной принудительности.

Поступать морально (то есть свободно согласно третьему виду свободы по классификации Виндельбрандта) – значит сознательно выбрать узкий путь, соединяющий многочисленные, но конечные возможности земного бытия с бесконечными возможностями небесного бытия. Вот почему иногда даже тюрьма значит все же больше, чем социальная свобода, помогая человеку чувствовать себя глубоко свободным. Однако это возможно лишь во внутренне чистом воздухе предельно обостренного, многое испытавшего сознания. Таков пример Петра в романе Толстого «Война и мир», так ощущает себя и Дмитрий Карамазов в последнем, великом романе Достоевского.

А по видению Инквизитора, Бог принял самую смерть и вершину самоунижения с единственным результатом, что он *показал* нам свою бесконечную любовь, и действительно, единственный результат, Им достигнутый, заключается в том, что Он человека тончайшим образом и в очередной раз ... *унизил*. Почему Ты пришел нам мешать, кто Тебя просил такого «дара»? Зачем показать нам свое бесконечное милосердие, если мы сами такого милосердия не знаем? По мысли героя-нигилиста, если Иисус был просто человеком, то природа поиздевалась даже над наиболее совершенным представителем человечества и, по словам героя Кириллова из романа «Бесы», «вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть,

самые законы планеты ложь и дьяволов водевиль» (*Достоевский Ф. М. ПСС.: В 30 т. Л., 1972-1990. Т. 10, с. 471. Дальше указываются лишь том и страница этого издания*). Если Христос был Богом, то встает и горькая, и нелепая альтернатива (в смысле реплики Ивана Карамазова: «...мир в нелепости стоит»), противостоящая всем вопросам Великого Инквизитора и того же Ивана Карамазова. Альтернатива - следующая: или Господь свободно выбрал страдание Своего Сына и Своих тварей (что не соответствует библейскому «смерти Бог не создал», Прем 1, 13), или, аналогично гипотезе «плохого гения» Декарта о Творце, Господь Сам, Создатель и Искупитель, унижает человека Своей неподражаемой свободой, умирая на кресте как единственный Богочеловек. Перед этой новой «властью» Бога вопрос о неадекватности личности и о страдании человека в мире вновь становится неразрешимым в принципе; решится он, по Ивану Карамазову, только усилиями мирской технологии власти Великого Инквизитора. В отречении от Творца (потому, что *такого* Бога не может быть) необходимо исправить в Творении все то, что смерть и воскресение Христово еще не исправили, хотя бы и были. Вот почему самый разрушительный нигилизм этот тот, пришедший после Христианства. Человек осознает новое знание о Боге, то есть о Нем как Свободном по преимуществу, Свободном даже стать человеком и умереть и брать на себя чужой грех. Однако, перед нищетой и смертью еще присутствующими в мире, человек приведен тому, чтобы совершить дальнейший шаг в своем размышлении, после которого эта новая концепция о Боге становится лишь предпосылкой для более радикального отказа от Него. Когда же мир физически переменится? Вот вопрос многих героев Достоевского. А что мы можем и должны для этого сделать? Есть какая-то загадка: как можно думать, что человек на самом деле имеет некую чудотворную власть над природой? Какие же мы боги, какие мы боголюди, или человекобоги?! Это просто смешно. «Да, природа насмешлива! Зачем она, - подхватил он [Ипполит Терентьев] вдруг с жаром, - зачем она создает самые лучшие существа с тем, чтобы потом насмеяться над ними?» (8, 247). А всё-таки именно желание власти управляет человеческой волей. В этом Ницше был абсолютно прав. Происходит чудо, или, иначе говоря, Бог посылает Свое испытание: человек получает власть. И проигнорировать это – значит просто поддаться новому соблазну. Проигнорировать это – значит остаться детьми, а Христос говорил о том, что надо становиться детьми, но не оставаться ими. Детское состояние в Царствии Божиим – это нечто совсем другое, отличное от состояния невинности на земле. Человек – это слабое существо, подверженное болезням и смерти; однако это существо имеет власть. Поэтому снова возникает вопрос: если мы такие нищие и бедные, то где же наша власть, которой мы так сильно желаем? Как гласит мудрая латинская пословица, «*ignoti nulla cupido*» – «нет никакого желания того, о чем ничего не известно». Все хотят иметь власть, значит, реальная перспектива власти есть у всех. А где она находится, в чём? В отношениях. Власть великолепно проявляется именно в отношениях. Каждая личность испытывает желание проявить свою власть в отношениях с другим человеком и вместе с тем видит замечательную возможность это желание реализовать. Вот почему случаи

человеческой жестокости, описанные Достоевским (и Иваном Карамазовым), - это не плод того, что Михайловский назвал «жестоким талантом»; или, иначе говоря, его талант – «жесток», но этот факт не отрицает «классицизм» (Гобетти, Гинзбург) и высший (Иванов сказал бы: «символический») реализм русского писателя. Достоевский просто указывает нам на таинственную реальность власти. Даже самый ничтожный человек, стоящий на нижней ступеньке общественной лестницы, может испытывать желание власти и применять вожденную власть в отношении другого, более слабого существа. В мире всегда есть кто-то, кто будет слабее тебя. А высшая форма власти – это власть над собой. Тогда использование собственных ресурсов идет на пользу тебе и другим, без каких-либо существенных противоречий. Это называется *экономией* духа. При этом человек может оступаться, падать, но предмет молитвы для него уже ясен.

В итоге, Достоевский уверен, что свобода Бога и свобода человека взаимообусловлены; Бог свободен в любви к человеку и в том, чтобы подвергнуть испытанию слабую плоть и подарить ей высшую свободу. На встречном пути человек обретает свободу стать субъектом своего спасения. Подобный ход мысли мы встречаем еще у Пушкина («Я памятник себе воздвиг...», 1836): сущность свободы заключается в том, чтобы дарить свободу другим. Высшая свобода человека, по Достоевскому, аналогична свободе Божьей, осуществляется она в плане всеобщей ответственности. Это утверждается не по августианской теологеме о наследстве вины адамовой, а, скорее, по восточному представлению о свободной солидарности в грехе, которое делает его ответчиком *за все*. Невыносимый груз тотального страдания становится у Достоевского благодатью только через свободный выбор. Иначе говоря, герой Достоевского берет на себя мировое зло не по принуждению виновности, а по свободе в сфере ответственности. Теодицея Достоевского совпадает с его антроподицеей.

В недавнем прошедшем 2013 году сомнения Великого Инквизитора напоминали также нам тот философский путь четвертого века после Рождества Христова, идущий от «богословия победы» Лактанция при Императоре Константине, до гораздо более сложного и глубокого богословия «Града Божия» и «Града Дьявола» у Августина Блаженного [7]. У Августина после разграбления Рима (410) откроется возможность нового богословия скрытого Бога, в котором настоящие «блаженные» это те, кто в человеческой истории побежден, а не наоборот. Эта парадигма в истории человечества повторяется до сих пор. Сначала Лактанций радовался приобретением свободы христианами, утверждая, что религиозная свобода для всех, не только для христиан, это бесконечная ценность, необходимая для человеческого пути спасения. Замечательное историческое значение, по сути, имеют вызовы к религиозной терпимости «Божественных Институций» Лактанция, поддерживаемые страстной, оригинальной апологией свободы совести [8] (также основанной на установленной связи между христианством и истинной религией) и аргумент о тщетности, действительно о нечестии внешнего религиозного обряда, если на его заставляют [9]: *«Nihil est enim tam voluntarium quam religio, in qua si animus sacrificantis aversum est,*

iam sublata, iam nulla est» [10]. Руководившееся "интимной необходимостью абсолютной истины (*veritatis ipsius conscientia*)" [11], опровержение идеологии преследование ведется во имя глубоких человеческих ценностей рациональности и религиозности (монотеистической!), естественно вписанной в сердцах людей [12]. С пятой книги «Божественных Институций», известной как манифест свободы вероисповедания [13], Лактанций бросает вызов цивилизации вообще и даже римской в особенности против идеологов преследования, отсылаясь к толерантному, цивилизованному и рациональному диалогу, заменившемуся жестокое насилие и бесчеловечную несправедливость, причиняющие коррозию, а не укрепление связи между народом и *Res Publica* [14]. Однако сам Лактанций, спустя немного лет, в «*De mortibus persecutorum*» описывает уже новое сочетание Апокалипсиса и *Romanitas*, и уже видит в образе Константина осуществление всех божественных обещаний, при которыми прошлые преследования против христиан заменены Богом их мезтью, властью и благополучием.

В XIX и XX веках люди пытались найти окончательное освобождение от страдания, угнетений и нищеты уже вне христианских надежд. Но соблазн для человечества всегда один и тот же: освободиться от внутреннего напряжения между тем, что есть и тем, что должно быть через простую технологию внешней власти.

Литература:

1. Виндельбанд В. О свободе воли // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М., 1995. С. 513.
2. См. Аристотель. Большая этика (1, 1, 1182 а). Соч. Т. 4. С. 297; (1187 в). Соч. Т. 4. С. 310; Никомахова этика (1094 в). Соч. Т. 4. С. 56; (1104 в). Соч. Т. 4. С. 97; Политика (1254 а). Соч. Т. 4. С. 382.
3. Гоббс Т. О свободе и необходимости // Избр. произв.: В 2 т. М., 1964. Т. 1.
4. См.: Капицун С. М. Проблема грехопадения у русских мыслителей XIX – начала XX в. и современная западная экзегетика // Межкультурное взаимодействие и его интерпретации: Материалы научной конференции (22–23 апреля 2004 г.) / Институт всеобщей истории РАН; Общество интеллектуальной истории. М., 2004. С. 41–42.
5. См.: Бенедикт XVI. Энциклика: Что такое любовь. Рим, 2006.
6. Флоровский. Г. В. Религиозные темы Достоевского // О Достоевском. М., 1990. С. 386.
7. «*Diu imperavit, universum orbem romanum unus augustus tenuit et defendit; in administrandis et gerendis bellis victoriosissimus fuit, in tyrannis opprimendis per omnia prosperatus est, grandaeuus aegritudine et senectute defunctus est, filios imperantes reliquit*» (*DeCivDei* V,25); «*Neque enim nos christianos quosdam imperatores ideo felices dicimus, quia vel diutius imperarunt vel imperantes filios morte placida reliquerunt, vel hostes rei publicae domuerunt vel inimicos cives adversus se insurgentes et cavere et opprimere potuerunt. Haec et alia vitae huius aerumnosae vel munera uel volacia quidam etiam cultores daemonum accipere meruerunt, qui non pertinent ad regnum Dei, quo pertinent isti*» (*DeCivDei* V,24).
8. Cf. *DI V*,19,11-13, в особенности V,19,1-20,15.
9. Cf. *DI V*,20,7-9.
10. *DI V*,19,23.
11. *DI V*,4,1.
12. «*Ratione abdicant, dum alienis erroribus credunt... contra ius humanitatis, contra fas omne*» (*DI V*,19,3 e 7).
13. Cf. M. PERRIN, La "Révolution Constantinienne" vue à travers l'oeuvre de Lactance (250-325 ap. J.C.), in AaVv, L'Idée de révolution, Cahiers de Fontanay 63-64, Fontanay 1991, 81-94, in part. 88.
14. «*Et quoniam vi nihil possunt – augetur enim religio Dei quanto magis premitur –, oratione potius et hortamentis agant*» (*DI V*,19,9). Cf. H.A. DRAKE, *Constantine and the Bishops. The Politics of Intolerance*, Baltimore-London 2000, 207-212.

Неолиберальная доктрина социального порядка в русской традиции
Neo-liberal doctrine of social order in the Russian tradition

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation*

Рассматривается специфика русской неолиберальной философии права, центральной проблемой которой выступает соотношение права и нравственности. Выделяются и анализируются типы их взаимоотношений. Доктрина неолиберализма в русской традиции отрицала индивидуализм, утверждала принцип взаимных прав и обязанностей индивида и государства, как необходимое условие достойного существования.

Ключевые слова: естественное право, неолиберализм, доктрина, русская философия.

The article discusses specifics of Russian neo-liberal philosophy of law. The Central problem is the relationship between law and morality. We identify and analyze the types of their relationship. The Russian doctrine of neo-liberalism denied the individualism and affirmed the principle of mutual rights and obligations of the individual and the state as a necessary condition of decent existence.

Keywords: natural law, neo-liberalism, the doctrine, Russian philosophy.

В западноевропейском социально-философском дискурсе идеи неолиберализма связаны с группой ученых-экономистов, историков, философов, которые объединилась вокруг известного австрийского политического философа Фридриха фон Хайека в 1947г. Общим стремлением выступил поиск доктрины, обосновывающей потенциальную возможность социального порядка, разрешающего проблемы капитализма. В числе наиболее известных участников этого кружка были Людвиг фон Мизес, экономист Милтон Фридман, известный философ Карл Поппер, констатировавшие, что ключевые ценности цивилизации в опасности, в частности, принципы свободного рынка, провозглашенные экономистами-неоклассиками во второй половине XIX в., принцип свободы мысли и самовыражения. Положение личности и добровольных объединений граждан все больше подавляется произволом власти.

Неолиберальная доктрина подчеркивала принципиальную оппозицию теориям вмешательства государства в экономику, отрицала кейнсианскую теорию контроля над цикличностью деловой активности. Еще агрессивнее неолибералы высказывались против теорий, поддерживающих централизованное государственное планирование. Полагая, что «скрытая рука» рынка является наилучшим способом контролировать

человеческие побуждения в направлении общего блага, неолибералы утверждали, что без инициативы, связанной с собственностью и конкуренцией, сложно представить общество, в котором можно было бы реально защитить свободу (1).

В русской традиции конца XIXв. - начала XXв. неолиберальная доктрина выстраивается Трубецким Е.Н, Новгородцевым П.И., Петражицким Л.И. вокруг содержания тезиса о естественном праве и отрицания «организованного принуждения». Центральной проблемой выступает соотношение права и нравственности и типы их взаимоотношений. Первый тип соотношений определяется отождествлением права и нравственности. Право понимается как требование нравственности, облеченное в юридическую форму. Однако вопрос о целесообразности такого превращения в социальной практике решает государственная власть, что неизбежно ведет к расширению прав государства за счет прав личности. Другой тип соотношений представлен в классическом либерализме принципом независимости права и нравственности, что выражено в требовании невмешательства государства в частную жизнь, ограничение его функций установлением закона, регулирующего безопасность жизни граждан. Однако разрыв права и этических оснований побуждений к действиям ведет к тому, что единственным основанием права становится власть. Подчеркивается относительность и условность права и морали. Существует и третья точка зрения, согласно которой право - это часть нравственности. Однако теория права как этического минимума тоже уязвима, поскольку существуют юридические нормы, предполагающие право на действия, далеко не всегда согласующиеся с нравственностью.

Поэтому в русской неолиберальной традиции провозглашается иной тип соотношений права и нравственности, обозначенный как «возрожденное естественное право». Специфический характер ей придает акцент на принципе справедливости, субъективной и объективной этике. Основой естественного права полагается моральная идея личности, естественное право соотносится со стремлением оценивать факт существующего, прежде всего с этической точки зрения (2, с.111; 3, с.64).

Русское видение неолиберализма определяется позицией, что истинное назначение права - это осуществление справедливости. При этом имеется в виду не неизменная система норм права, а некий направляющий идеал или принцип построения и развития правового государства.

Основа правового государства – ограничение власти признанием за личностью неотъемлемых и неприкосновенных прав. В этом случае государственная власть строго ограничена, в известную сферу приватности, самоуправления личности государство не имеет права вмешиваться. Законность предполагает строгий контроль над всеми действиями власти. В правовом государстве власть перестает быть господством людей и становится господством правовых норм. Легитимность власти связана с ее нравственным оправданием, признанием и сознательным повиновением. Над властью должна господствовать идея права. Не господство лиц, облеченных властью, а служением этих лиц на пользу общего блага (4, с.282). Новые черты государственной власти усматриваются в господстве верховного закона, в участии

народного представительства в законодательстве, в социальной ориентированности власти на осуществление справедливости.

Античные идеи блага и добродетели воспроизводятся в русском неолиберализме в контексте этического персонализма. Существование правового государства, осознание человеком свободы, обостряют проблему отношения личности и государства. Как подчеркивает Е.Н.Трубецкой, главная основа естественного права – идея автономности человеческого разума. Предписания естественного права по своему содержанию вместе с тем есть и предписания нравственные. Сущность всякого права выражается, с одной стороны, в предоставлении лицу известной свободы, а с другой – ее ограничением. Будучи нравственным правом, естественное право всегда требует, чтобы внешняя свобода была предоставлена лицу именно в тех границах, которые оправдываются целями добра. В то же время добро не требует, чтобы пределы внешней свободы лица всегда определялись одинаковым образом. Мера свободы не может быть одинаковой для разных уровней исторического развития и национальных культур (5).

Русская неолиберальная философия решает вопрос об отношениях личности и государства, подвергая критике классическую и позитивистскую позицию. Учения XVIII в. выводили общественную жизнь из природы отдельного человека, рассматривая общество как объединение людей на основе общественного договора. Права определялись природой человека, а природа общества – определялась природой отдельных людей. Позитивистские теории, напротив, делали акцент на обществе, которое признавалось единственным определяющим элементом социальной жизни, а личность – продуктом общественной среды. В действительности, как утверждали русские неолибералы, ни социальное, ни индивидуальное начало не может быть безусловно господствующим принципом общественной жизни. Государственная власть - двусторонний институт, гарантии стабильности социального порядка, его справедливой организации лежат на уровне правового сознания.

Новизна понимания прав человека в русской неолиберальной философии, отмечает Б.В.Васильев (3, с.108), состояла в выдвижении идеи взаимных прав и обязанностей индивида и государства. В отличие от принципа невмешательства государства в экономическую деятельность, русская доктрина неолиберализма утверждала «право-притязание» каждого индивида по отношению к государству и соответственно государства по отношению к своим гражданам, обеспеченное право каждого на достойное существование.

Литература:

1. David Harvey. The Condition of Postmodernity, 1989. London: Basil Blackwell. 378 pp.
2. Новгородцев П.И. Право и нравственность // Изв.вышш.учебн.заведений. Правоведение. 1995.№6.
3. Васильев Б.В. Философия права русского неолиберализма конца XIX - начала XX века. Воронеж, 2004.
4. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. – СПб., 1999
5. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. – СПб., 2000
6. Петражицкий Л.И. Очерки философии права. - СПб., 1903

Секция 7. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДЫ И ТЕХНОЛОГИИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 101.1; 316

ББК 60.027.2

Н.А. Соколова
Nina Sokolova
alonsa@inbox.ru

Парадокс технологии манипуляции сознанием в современном западном мире Paradox of technologies of influence on consciousness in modern Western world

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*

Появление технологий манипуляции сознанием человека и общества — закономерный этап развития человечества. Вместе с тем этот феномен обладает определенной противоречивостью: появление технологий манипуляции сознанием связано с оформлением личности (как самостоятельного субъекта собственной жизни и деятельности) и в то же время манипуляция противодействует становлению подлинно свободной личности. Данный парадокс — предмет размышлений в статье.

Ключевые слова: личность, манипуляции сознанием, социальная философия, общество потребления, современное общество.

Technologies of manipulations of human and social consciousness appears as the result of human evolution. But this phenomenon has some inconsistency: appearance of these technologies associated with individual becoming a real personality (as an independent maker of its own life) and in the same time manipulations antagonize the process of becoming a real free, independent personality. This paradox is the subject of the article.

Keywords: personality, technologies of influence on consciousness, social philosophy, consumer society, contemporary society.

Современная западная цивилизация — результат многовековой эволюции человека, возможностей его психики, его интеллектуальных способностей. Одной из значительных вех на пути этого развития было осмысление человеком себя в качестве личности, т. е. существа, выделенного из общей массы, имеющего свою неповторимую индивидуальность, способного а активной самостоятельной деятельности, в том числе по преобразованию и себя самого, и окружающей действительности.

Зародилась данная интенция к выделению себя из массы ещё в античной Греции, в лоне возникшей там традиции агона, где она приобретала порой то комические, то

трагические формы. Так, например, греки могли соревноваться не только в красоте, выносливости, ловкости (на спортивных соревнованиях) или силе слова, в интеллектуальном превосходстве (на агоре), но и на предмет большей худобы или толщины, безобразия. А самые отчаянные, желающие быстро выделиться (и соответственно, прославиться) любой ценой, доходили до деструктивных действий: так можно вспомнить Герострата, сжёгшего храм, или убийцу Филиппа Македонского, осуществившего свой поступок под впечатлением от слов оракула, изрёкшего, что человек может прославиться, убив героя, совершившего наиболее великое деяние.

В Средние века под влиянием христианской религии понятие личности приобрело более чёткие очертания в связи с осмыслением личной ответственности (на тот момент, прежде всего, перед Богом) за свои поступки. Это была эпоха напряжённого духовного самосовершенствования человека, его внутреннего мира.

В эпоху Ренессанса понятие личности начинает предполагать не только необходимость интеллектуально-нравственного совершенствования, но и активную творческую деятельность по преобразованию внешнего мира — природы и общества.

Если во многом благодаря древнегреческому агону (интеллектуальным состязаниям в его рамках) в западном мире начинает оформляться подлинная наука как теоретическая деятельность, опирающаяся на дотошные исследования с дальнейшими доказательствами, то благодаря ренессансной тяге к творчеству возрождённая наука начинает постепенно обращать всё большее внимание на исследование физической природы, а затем — внедряться в промышленное производство, обеспечив тем самым к XX столетию возникновение «общества потребления» с его кризисом перепроизводства. Неизбежным результатом последнего является необходимость в стимуляции потребления, одним из лучших средств которой выступают технологии манипуляции сознанием. В свою очередь, манипуляция как технология формирования и поддержания массового общества ведёт к появлению большого числа незрелых, инфантильных людей, по уровню своего духовного развития не дотягивающих до того, что подразумевается под словом «личность». Ведь быть подлинно человеком, «быть собой» (к чему часто призывают СМИ) не означает просто выбрать из предложенных вариантов свой стиль одежды или собственный способ развлечений, щедро предоставляемых массовой культурой современности. Самовыражение личности не заключается лишь в бесконечной череде фиксаций своих (однообразных) действий или изображений в Instagram. Свобода выбора не сводится к возможности отдать предпочтение тому или иному бренду. Подобное понимание свободы, творческого самовыражения, личности ведёт человечество не к дальнейшему прогрессу его возможностей, а тянет назад, к менее зрелой форме существования.

Что же представляет собой современная западная цивилизация? Осуществившуюся мечту о всеобщем благосостоянии или откат назад, регресс человека и его способностей? Золотой век или железный? Подъем или закат? И

соответственно, как оценивать манипуляции общественным сознанием — как неизбежно благо или высшее зло?

Интересная особенность появления и разработки технологий манипуляции общественным сознанием заключается в следующем: они не нужны в обществе традиционного типа, в котором все устои остаются неизменными в силу святости авторитета традиции; они являются излишними при тоталитарном строе, основным механизмом которого является террор, запугивания населения. Им также нет места в развитом обществе, большая часть которого составляют зрелые самостоятельные личности.

Манипуляция — тонкий механизм воздействия на волю субъектов в обход их сознания. Для того, чтобы она работала, необходимы, во-первых, субъекты (т. е. люди относительно самостоятельные, умеющие опираться на собственные установки при принятии решений и реализации их в действия), а во-вторых, недостаточно развитое сознание (а точнее — самосознание, недостаточная осознанность собственных установок, целей, мотивов поведения). Таким образом, распространение технологий манипуляции в современном обществе — симптом, с одной стороны, определённой прогрессивности последнего, а с другой — недостаточной развитости.

Парадокс манипуляции заключается в том, что она наносит вред не только тем, на кого она направлена, но и — в долгосрочной перспективе — тем, от кого исходит. Технологии манипуляции облегчают управление большими массами инфантильных людей, но, по известной максиме, «кто не идёт вперёд, движется назад». Поэтому из двух альтернатив — движение по пути развития подлинно личностных качеств или по пути упрощения материальной жизни с одновременной инфантилизацией индивида — предпочтительнее, конечно, первый вариант.

УДК 141 +130.3

ББК 87

Л.В. Муреико
Larisa Mureiko
lamureiko@gmail.ru

«Человек-машина» в среде масс-медиа: понятия «робот» и «зомби»
"Man-machine" in the mass media: the concept of "robot" and "zombies"

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
Petersburg State University of transport communications

Основная идея доклада: «робот» и «зомби» — понятия для характеристики новой субъективной реальности в условиях глобализации, широкой информатизации общества, особой роли масс-медиа. В этих условиях определенная идентификация субъекта затруднена, субъективность становится мультиплицированной, рассеянной, во многом протекающей по машинному типу, чувствительность нейтрализуется.

Ключевые слова: «масс-медиа», «робот», «зомби», «субъективность».

The main idea of the report: "the robot" and "zombie" – the concept for the characteristics of the new subjective reality in the context of globalization; the broader Informatization of society, the special role of mass media. In these circumstances, a certain identification of the subject is difficult, subjectivity becomes multiple, diffuse, largely flowing through the machine type, the sensitivity is neutralized.

Keywords: "media", "robot", "zombie", "subjectivity".

1. *Техническая суть масс-медиа.* Оттолкнемся от утверждения Г. Маклюэна о том, что, во-первых, медиа – это «внешние расширения человека», и, прежде всего, продолжение чувственных органов, а во-вторых, что медиа порождает реальность для человека, занимаясь организацией понимания того или иного сообщения. Поскольку любое культурное сообщение не только несет определенное содержание, но и определенным образом оформлено, оно уже открыто для неосознанного первичного его понимания тем или иным образом.

Содержание, которое продуцирует медиа, функционирует не столько на уровне представлений или понятий, а выступает в качестве способа организации, неосознаваемой технологии реальных действий, чувств, мыслей человека. «Воздействие технологии, - отмечает Маклюэн, - «меняет чувственные пропорции, или образцы восприятия, последовательно и без сопротивления» [с. 22]. Истина масс-медийных сообщений в практике жизни не ищется, поскольку воспринимается как совпадающая с самой реальностью.

По справедливому замечанию Н.Лумана (считающего, что современные медиа и масс-медиа по своему существу мало, чем отличаются), технико-технологическая характеристика масс-медиа – их главная характеристика. Это объясняется тем, что широкое распространение информации требует больших тиражей (а это без техники невозможно). Кроме того, сообщения должны быть доступными для широкой аудитории, восприниматься как интересные, актуальные (что требует технологии, определенной организации транслируемого сообщения, включая повторения и основанные на нем автоматические акты).

Многие современные исследователи медиа видят в них *машины*, производящие новый мир, медиарельность (Ж.Делез и Ф.Гваттари, Ж., Бодрийяр, У.Эко, С.Крамер, М.Букхарт, В.В. Савчук и др.).

Так, М.Букхардт, исследующий разные формы чувственности по аналогии с разными типами машин, отмечает: компьютер – «универсальная машина». Компьютер как особая форма медиа представляет собой не столько инструмент, «сколько мастерскую или цех», создающий «плотное» духовное пространство, вовлекая в него и тех людей, которые пытаются его осмыслить [3, s. 13].

Заметим, что ставка на компьютер как на машину, беспристрастно показывающую мир, регистрирующую всё, в том числе, и самые мелкие, незначительные его детали, не вполне оправдана. Компьютеризация общества существует не только как беспристрастная, техническая организация производства

картины мира, но и как мотивация на выбор определенной информации из всего массива зарегистрированного и соответствующий ему способ действия.

2. *Понятия «робота» и «зомби» как модели интеллектуальных систем.* В исследованиях робототехники Е.П.Поповым и Г.Р.Фирдманом (1976), А.В.Тимофеевым (1988), Д.А.Добрыниным (2006) выделяются три поколения роботов: 1) промышленные, 2) «очувствленные», 3) интегральные.

Роботы первого поколения способны функционировать лишь механически в строго фиксированном внешнем мире. Роботы второго поколения уже имеют систему тактильных датчиков. При этом первый и второй тип роботов не обладают автономностью.

Роботы третьего поколения характеризуются: 1) системой восприятия, продуцирующей информацию, аналогичную информации зрительного, слухового, тактильного и других типов; 2) системой воздействия на объекты внешнего мира (манипуляторы, педипуляторы и т.п.); 3) системой, обеспечивающей движение, перемещение; 4) системой целеполагания и планирования действий, системой решения задач; 5) системой коммуникации с человеком-оператором и другими роботами на языках общения различных уровней и видов, в том числе и естественного языка, правда, еще несколько ограниченного.

Сегодня существуют уже роботы четвертого поколения – когнитивные роботы. Они способны 1) продуктивно функционировать в открытых динамических средах; 2) выстраивать многофакторные, многоцелевые планы поведения, отталкиваясь от восприятия и оценки сложной и меняющейся внешней ситуации, 3) формировать внутренние предпочтения. Но главная их особенность состоит в том, что они имеют способность грануляции информации, насыщенной «не-факторами».

Термин «не-факторы», введенный А.С.Нариньяни [2], обозначает комплекс факторов, которые в естественном языке обычно имеют негативные оттенки, в классической математике и логике отражены мало, но в целом, составляют неотъемлемую часть «живого» человеческого знания.

«Не-факторы» лексически и содержательно отрицают предикаты первого порядка классической логики: определенность, полноту, непротиворечивость, точность, однозначность, замкнутость, монотонность, и др. На начальном этапе разработки проблематики «не-факторов» А.С. Нариньяни рассматривал их как явление промежуточной области между знанием и незнанием, как «наивную топографию». Теперь эта проблематика рассматривается применительно к более широкой сфере интеллектуальных систем новых поколений, включающих моделирование интенций, процессов коммуникации, координации, кооперации и т.п.

Для нас очевидна необходимость связи технических и философских исследований искусственных интеллектуальных систем. Актуальность этой связи обостряется с появлением новых веяний в области «новой экономики» и именно в понимании таких функций разума как продуктивность и полезность. Если ранее их критерием, в конечном счете, считалось удовлетворение, удовольствие, то теперь все больше становится неопределенной оценка самого удовольствия.

Если раньше полезность товара (услуги) определялась ценой, которую за них готовы платить, то сейчас поведенческую реакцию в экономике развитых стран сопровождает вопрос: действительно ли люди получают удовольствие от тех вещей, которыми хотят обладать? И, может быть, для ответа на этот вопрос стоит заглянуть в «черный ящик» человеческого разума? (6, р.47)

В русле англоязычной аналитической философии моделирование действия сознания, разума по типу машины, робота осуществляется с использованием понятия «философский зомби».

В последние тридцать лет вышло множество солидных монографий и статей по этой проблеме, авторами которых являются: Р.Кирк, Д.Деннет, Дж.Серл, Д.Чалмерс, О.Фланаган, Т.Моуди. В нашем Отечестве эта проблема исследуется Д.Дубровским, А.Алексеевым, Д.Волковым и др.

Используемый при этом термин «философские зомби» в целом обозначает философскую исследовательскую модель бессознательных систем, которые оказываются неотличимыми и/или подобными сознательным существам с их субъективностью по своим функциональным, поведенческим и/или физическим проявлениям.

Проблема зомби – это проблема сознания, функционирующего в автоматическом режиме и тем самым похожего на бессознательное в его продуктивной функциональности.

В этой связи проблема зомби – это, прежде всего, 1) проблема идентификации субъективности, реализуемой в автоматическом режиме; 2) проблема идентификации субъективности другого человека, другой социальной группы, другой культуры.

В исследованиях этой проблемы отталкиваются от аргумента мыслимости зомби. Выделяются три группы исследователей этой проблемы: 1) «зомбисты», 2) «антизомбисты» и 3) «нейтральные зомбисты».

«Зомбисты» признают возможность зомби или хотя бы их мыслимости. Утверждается возможность существования сознания без осознания его субъективной составляющей. Делается вывод о неразрешимости проблемы субъективности «другого» ввиду того, что, не зная субъективной реальности, мы лишь приписываем ее тому, что по внешним показателям похоже на сознательное поведение.

В целом, «зомбисты» делают вывод об искусственности самой процедуры идентификации субъективности.

Представители позиции «антизомбистов» [см., напр.,7] убеждены в абсурдности идеи зомби.

«Нейтральные зомбисты» полагают, что сама идея зомби возникла не случайно. Она является реакцией на накопившийся многоплановый и разноречивый материал по проблеме сознания, породивший запутанный «клубок» многозначных терминов.

Для уточнения еще мало разработанного понятия «философский зомби» Д.Чалмерс [4] и Т.Полджер [8] сравнивают его со значениями таких разных терминов, как «тупой человек», «новобранец»; «чудной тип»; «коктейль из рома с содовой»; «пост-панк группа». В последнее время используется термин «компьютерный зомби» -

- вид диверсионных программ, активизирующихся действием хакера для засорения спамом Интернета.

Как видим, для уточнения понятия «философский зомби» здесь рассматривается совокупность таких его возможных противоречивых признаков, как примитивность, несформированность, революционная открытость новому, стремление не ограничивать себя в ресурсах, непредсказуемость, игровой характер, программируемость (при возможности программируемого обхода правил).

Все эти признаки объединяет *готовность к любому программированию, гибкая способность к трансформациям*. При этом остается вопрос об источнике и механизмах активизации программирования и трансформаций.

Современные толкования идеи философского зомби, (например, «отцом» разработок этой проблематики Р.Кирком [5] отталкиваются от двух основных типов его визуально-смыслового представления – это голливудские и гаитянскими зомби.

Голливудский зомби обычно является главным героем в определенного рода фильмах ужасов. Он имеет вид реанимированного трупа.

Стремясь перевести биологическую природу человека, то есть как живого существа в иной режим существования, зомби увлекает его за собой, подчиняя его волю страху перед непонятно-неконтролируемым, иным способом бытия и поедая его плоть. В кинематографе этот образ впервые появляется в фильме «Белые зомби» (1933 год).

Отметим, что ужас, порождаемый образом зомби, проистекает от того, что внешне он похож на человека, но его поведение непредсказуемо.

Гаитянским зомби называют человека, подчиненного чужой воле и/или лишённого души посредством зомбификации. Процедура зомбификации осуществляется путем заклинания, внушения или принятия специального снадобья от другого человека, способного экстрасенсорным (внесознательным или мистическим) способом проникать в тайны могущественной природы.

Как в случае голливудских, так и в случае гаитянских зомби, о которых говорит Кирк, *речь идет о влиянии на волю человека, открытости его сознания разным вариантам программирования путем лишения его субъективного мира*.

Как справедливо отмечает Р.Кирк [5], *проблема зомби заставляет философски протестировать сознание на его возможность аналитически проработать ситуацию «каково это – быть ничем»*. И именно «быть ничем» -- главное свойство зомби.

Итак, несомненна актуальность понятий, «робот», «зомби» как моделей исследования бессознательной системы, поведенчески, функционально имитирующей деятельность сознания.

Действительно, при росте неопределенности субъекта в условиях глобализации, разрастающейся бюрократии, сведения образовательного процесса к тестированию зачастую сознание действует лишь по видимости, а на самом деле осознание его субъективности не требуется, оно следует готовым, шаблонным решениям.

Рассмотрение сознания как противоположности бессознательному должно быть лишь рабочим моментом для дальнейшего уточнения сознания в широком феноменологическом смысле, то есть включающем в себя и механизм нерелексивного следования нормативам определенного мировоззрения, определенной культуры, и механизм нерелексивного отклонения от этих нормативов.

Литература:

1. Маклюэн М. Понимание медиа: внешнее расширение человека. М.: Жуковский: Канон-Пресс-ц, 2003.
2. Нариньяни А.С. НЕ-факторы: краткое введение // Новости искусственного интеллекта. 2004. # 2.
3. Burckhardt M. (1999). Vom Geist der Maschine. Eine Geschichte kultureller Umbrüche. - Frankfurt; New York: Campus-Verlag.
4. Chalmers D. J. (2004). Zombies on the web; <http://jamaica.u.arizona.edu/~chalmers/zombies.html>.
5. Kirk R. (2005) Zombies and Consciousness. University of Nottingham, November, 2005. (<http://www.oup.co.uk/isbn/0-9-928548-9>).
6. Wolfe Alan. Hedonic Man // The New Republic. 9 July 2008. Vol. 238. No 12.
7. Masrou Farid S. (1998). Are Zombies Positively Conceivable? Institute for Studies in Theoretical Physics and Mathematics (IPM). (http://www.geocities.com/f_masrur/zombies.html).
8. Polger Tom (2003), Zombies; <http://host.uniroma3.it/progetti/kant/field/zombies.htm#Top>.

УДК 316

ББК 60.56

Р.И. Селецкий, Д.Ю. Ключев
Ruslan Seletskiy, Dmitry Klyuev

Медиа и конструирование социального опыта: траектория развития **The Media and its Evolving Role in Constructing Social Experience**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
National Research University Higher School of Economics

В XXI веке не только социальная жизнь всё больше протекает в посредничестве с медийными платформами, но и меняется роль медиа в производстве социального опыта. Первоначально выполняя свою «репрезентативную» функцию, современные медиа также играют социальную роль, участвуя в производстве уже не «виртуального», а «реального» социального опыта индивида. С развитием глобальных цифровых сетей как «национальная», так и «гражданская» идентичности стали менее «закреплёнными» и более «текучими». Воссоздавая хронологию развития медиа и фокусируясь на их роли в конструировании социальных практик, авторы находят наиболее многообещающим внедрение цифровых медиа в социальные процессы не для ограничения социальных взаимодействий, а, напротив, для их поддержания и фасилитации.

Ключевые слова: теория медиа, текучая идентичность, масс-медиа, конфликт идентичностей, медиа технология, теория социальных отношений, исследования города

In the 21st century the social life is increasingly lived in mediation with media as well as media platforms affect the dynamic production of social experience. Playing a representing role, modern media perform a social function transforming not virtual, but real social experience of modern life. Contemporary development of digital networks resulted in less fixedness and more liquidness of national as well as civic identity. Chronologically reconstructing the intensive development of media and substantially focusing on its continuously changing social role, the authors consider media integration in social processes not for restricting social interactions, but for its sustenance and facilitation.

Key words: media theory, liquid identity, mass media, identity conflict, media technology, social relations theory, urban studies

Последние столетие многие исследователи характеризуют не только как начало доминирования «пространства отношений» в социуме, но и как изменение границ дома и государственных границ в эпоху «вездесущих медиа». В настоящее время социокультурная идентичность гражданина в меньшей степени определяется «воображаемой общностью», которая в работах Бенедикта Андерсона [Anderson, 2006], была связана с географическими границами национальной территории, и всё больше принимает сложно сформированный «мозаичный узор». Контуры такого узора расчерчены такими пересекающимися зонами современной цифровой сферы, как спутниковое вещание и цифровые сети [Giddens, 1991].

Данная работа ставит целью не только хронологическое воссоздание развития медиа и анализ их трансформирующей роли в жизни общества, но и делает акцент на том, что с развитием мобильных и персонализированных медиа произошло слияние индивида и «техники» [например, McLuhan, 1974]. Более того, пишут современные исследователи, уже сейчас это слияние может восприниматься как нечто «само собой разумеющееся» [Kracauer, 1974; Benjamin, 1936]. Современные медиа могут быть сложно связаны не только с социумом, политикой, экономикой и культурой, но и, в то же время, могут играть роль в формировании новых социальных практик, и, таким образом, принимать участие в формировании социального опыта индивидов. Роль медиа, пишет Юрген Хабермас, усилилась в производстве современного опыта, и, возможно, медиа могут представлять собой среду обитания [Habermas, 1989].

С появлением фотографии в начале XIX века, Париж времён ранней османизации был запечатлён Шарлем Марвилем в первой в истории серийной фотосъёмке. Преобразование социальной жизни за счёт распространения рыночных отношений и появление средств, которые могли технически воспроизводить изображения, усилили не только восприятие города, но и восприятие частной и общественной сфер как многоплановой территории образов [Baumann, 2000]. Фотография хоть и «крала» моменты социальной жизни, но не могла «закреплять смысл» изображения на снимке в отрыве от контекста [Blau, 1989]. Эту проблему в той или иной степени смогли решить «объясняющие» (*elaborative*) подписи к снимкам. Для иллюстрации данного феномена, можно отметить, например, появление

массового потребления почтовых открыток с городскими достопримечательностями в конце XIX века.

Уже в конце XIX века, кинематограф, в свою очередь, хоть и мог «фрагментировать» отснятую социокультурную жизнь общества для производства целостного нарратива, но, в то же время, не мог определять ту грань, где должны заканчиваться монтаж и компьютерная графика, и, начинаться «естественная», «сырая» съёмка. Мобильность в кино могла способствовать восприятию отснятого процесса как «быстрого путешествия» [Einstein, 1949]. С течением индустриализации и технологического прогресса, увеличением транспортных потоков, социокультурный опыт «современной жизни» начал характеризоваться «калейдоскопичностью» [Papastergiadis, 2000], которая позже приобрела формальную аналогию в «шоковых» эффектах процесса киномонтажа [Kracauer, 1960; Williams, 1974]. Иллюстрацией этой дилеммы начала XX века могут служить две киноленты: «Человек с киноаппаратом» Дзиги Вертова [Вертов, 1966] и «Берлин — симфония большого города» Вальтера Рутмана [Масрае, 2003]. Резкая смена кадров в обеих кинокартинах стала основой для создания обсуждения среди многих кинокритиков [например, Kracauer, 1951; Mosco, 2004]. Возможным решением являлась «дисциплина» при монтаже, которую режиссёр определял сам для себя [Adorno, 1982].

Как фотография, так и кинематограф стали играть одну из ключевых ролей в возникновении новых отношений между возможностью распространения технических изображений и трансформацией характеристик социокультурного опыта. Развитие медиа во многом способствовало дестабилизации классической системы координат традиционных социокультурных моделей [Lash, 1994]. Многие зарубежные учёные [к примеру, Kracauer, 1981; McQuire, 2008] в своих трудах неоднократно отмечают, что в современном обществе медиа играют одну из главных ролей в производстве индивидуального социального опыта. Уже сейчас современные медийные платформы играют не только свою «репрезентативную» роль, то есть роль создания и технического воспроизведения информации и цифровых изображений, но и (1) могут способствовать появлению новых практик восприятия и познания [Boyer, 1989], (2) участвовать в производстве социального опыта, конструировать новые формы и места общественной деятельности [Giddens, 1991], (3) влиять на субъектность индивида [Beck, 2003].

Однако, направления развития современных медийных площадок не только усилены настоящей «повсеместностью» цифровых сетей, но и являются результатом увеличившейся скорости медиа в целом [McQuire, 2008]. Современные медиа уже не ограничены пространством: из года в год они становятся мобильными и «проникающими» (например, домашнее телевидение, домашний Интернет). В настоящее время цифровые медийные платформы не только фиксируют прошедшие события, но и могут обеспечивать «мгновенную» обратную связь, происходящую в режиме онлайн [Fierro, 2003]. К примеру, устойчивая тенденция к разработке и проектированию «умных домов» с конца XX века может иллюстрировать

существенную роль медиа в архитектуре, которая теперь создаёт медиа-архитектурный комплекс [Druckey, 2003].

В рамках рефлексивной реальности [Giddens, 1991], а также трансформации социальной роли медиа в условиях цифровой «вездесущности» мобильных систем, классические формы пространственной дифференциации, а также универсальные режимы социокультурной идентификации и активности, субъектности, поддерживаемые ими, утверждают авторы, могут претерпеть значительные изменения. Таким образом, классические критерии доступа были изменены и могут быть дополнены такими «новыми» цифровыми критериями эксклюзии как, например, пароли, авторские права, географическая точка привязки IP, данные о платёжеспособности и др.

В связи с усилившей ролью «посредничества» сложных технических систем в современном мире, насыщение мобильными медиа может обострять диссоциацию между местом и идентичностью [Habermas, 1989], делая традиционные социокультурные и пространственные модели всё менее «чётко» очерченными и всё более «изменчивыми». Одним из последствий данного процесса может являться, пишет Скотт Маккуайер, появление возможностей для создания новых типов коллективов не зависящих от таких прежних эксклюзивных критериев, как, к примеру, национальность, раса, возраст, этническая идентичность и, таким образом, объединять социокультурный опыт индивидов [McQuire, 2008].

В конце прошлого столетия могла наблюдаться тенденция проникновения медиа внутрь жилого частного пространства, что уже сейчас описывается не физическим перемещением современной техники, а всё больше за счёт «замыкания» цифровой сети [Papastergiadis, 2000]. Старые центры российских городов всё больше превращались в «единицы» городского многообразия в рамках «космополитичного» потребления, контрастируя с жилыми массивами микрорайонов. Уже тогда большинство населения страны проводило большую часть своего времени в «своём», контролируемом медиа, «частном пространстве». «Дом» становился интерактивным узлом и радикально менял соотношение между общественным и частным пространством [Beck, 2003]. Более того, в рабочем пространстве установка медиа с целью контроля способствовала созданию «всеобщей прозрачности» рабочего процесса и подотчётности результатов экономического производства машинному контролю. Например, с развитием модернизма в архитектуре рабочих пространств офисных строений стали использовать не только внутренние стеклянные перегородки, но, уже позднее, к концу XX века, камеры и цифровые системы контроля, подключённые к глобальной сети, заменили окна в их роли обеспечения «прозрачности» и «строгой рациональности» рабочего процесса [Fierro, 1998]. Растущая зависимость в технических системах коммуникации создавала потенциал для дальнейшей товаризации социальных связей [Ibid., 1996]. Становилось всё очевиднее, что «текущая» общественная жизнь [Baumann, 2000] с её изменчивой социокультурной идентичностью членов общества и развитой цифровой инфраструктурой, всё больше ориентированной на прозрачность и «мгновенность» в

рамках глобализации, формирует новое технически индивидуализированное и «отоваренное» социокультурное пространство. Со временем электронные медиа, такие как, к примеру, кинематограф и телевидение «приватизировали» общественную сферу [Beck, 2003]. В частности, тот социальный опыт, что раньше формировался у индивидов с помощью коллективных действий в рамках публичных социальных пространств, теперь может быть приобретён телезрителями как «публичный образ» какого-либо социального действия [Williams, 1974]. Например, пространство для участия в политических демонстрациях и физическое присутствие на собраниях локальных частей политических партий уже уступили место электронному пространству телевидения и экранам мобильных телефонов.

Из года в год пространство общественной жизни всё больше замещалось цифровым пространством медийных платформ. Уже в конце XX века эффективно действующим политиком, подобно хорошему актёру или телезнаменитости, скорее всего, могли становиться те, кто умеют поддерживать собственную «аутентичность» перед телекамерами [Williams, 1974]. Социокультурная идентичность всё больше начала формироваться в соответствии с тенденциями к имиджевому маркетингу и «экономике впечатлений» [Giddens, 1991]. Подлинная трансформация общественной сферы за счёт распространения рыночных отношений сопровождалась уходом «подлинной» социальной идентичности в частную сферу семейной жизни [например, Carrey, 1989]. В наше время как сфера индивидуального потребления, так и цифровые потоки современных медиа определяют не только контекст формирования гражданской идентичности индивидов и доминирование общества «цифрового контроля» [Habermas, 1992], с его электронными явками и паролями, возможностями «удалённого» действия (к примеру, работа фрилансом), но и могут задавать вектор формирования гражданской идентичности. После усиления роли государства в контроле над экономическими ресурсами роль частной жизни во многом определялась потребительским репертуаром [McQuire, 2008].

В настоящее время как сфера частного потребления, так и цифровые потоки медиа не только определяют контекст формирования социокультурной идентичности индивидов и развитие общества «цифрового контроля» [Habermas, 1992], с его электронными явками и паролями, возможностями «удалённого» действия и принятия решений, но и могут задавать контуры формирования социокультурных пространств. Предприняв попытку воссоздания хронологии трансформации социокультурной роли медиа, авторы доклада находят наиболее многообещающим не первостепенное изучение её репрезентативной роли, а анализ роли медийных платформ в конструировании новых форм и типов социокультурных идентичностей и пространств. Как конструируется социокультурный опыт у членов современного общества и формируются границы социокультурных пространств в медиа и через их посредничество? Ответ на данный вопрос, по мнению авторов, характеризуется фундаментальной «амбивалентностью», являющейся следствием «размывания истин», описанной в своих трудах американским социологом Скоттом Лэшем [Lash, 1994] и канадским теоретиком коммуникации Маршаллом Маклюеном [McLuhan,

1974]. Однако, данный неизбежный атрибут современного общества не отменяет важности поиска ответа на поставленный нами вопрос. Тем не менее, для развития социотехнических систем в современную эпоху цифровых потоков и медийных платформ, авторы считают наиболее важным внедрение таких медийных платформ, которые бы не ограничивали взаимодействие инфраструктурных единиц общества, а, напротив, способствовали ему. В частности, для этого может потребоваться усовершенствовать формы связи систем социотехники с окружающей средой, которая, в отличие от других подсистем, характеризуется не только большей изменчивостью, но и, в эпоху цифровых потоков, «дистанционностью» [Papastergiadis, 2000]. В современном информационном обществе, когда работоспособность и стабильность социотехнических систем во многом зависит от медиа и их социокультурной функции, появляется потребность в таких сложных формах взаимодействия подсистем, обеспечивающих их холистичность и согласованность в системных рамках, а не иерархическое деление в соответствии с показателем уровня «развитости» подсистемы.

Список литературы:

1. Adorno T.W. *Transparencies on Film* // *New German Critique*. 1981–1982. № 24/25. P. 199–205.
2. Anderson, Benedict. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. Verso Books, 2006.
3. Baudelaire C. *The Painter of Modern life and Other Essays* / Trans. by J. Mayne. London: Phaidon, 1964 [Бодлер Ш. Поэт современной жизни // Бодлер Ш. Об искусстве. М.: Искусство, 1986].
4. Baumann Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000 [Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008].
5. Beck U., Beck-Gernsheim E. *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. London: Sage, 2003.
6. Benjamin W. *The work of art in the age of mechanical reproduction*. – Penguin UK, 2008.
7. Blau E. *Patterns of fact: photography and the transformation of the early industrial city* // *Architecture and Its Image: Four Centuries of Architectural Representation* / Ed. by E. Blau, E. Kaufman. Montreal: Canadian Centre for Architecture, 1989.
8. Boyer C. *CyberCities: Visual Perception in the Age of Electronic Communication*. New York: Princeton Architectural Press, 1997.
9. Carey J. *Communication as Culture: Essays on Media and Society*. Boston, MA: Unwin Hyman, 1989.
10. Druckey T. *Relational architecture: the work of Rafael Lozano-Hemmer* // *Debates and Credits: Media/Art /Public Domain* / Ed. by T. Goryucheva, E. Kluitenberg. Amsterdam: De Balie Centre for Culture and Politics, 2003. P. 69–72.
11. Einstein A. *Film Form: Essays in Film Theory* / Trans. and ed. by J. Leyda. London: Harcourt Brace Jovanovich, 1949.
12. Fierro A. *The Glass State: The Technology of The Spectacle, 1981–1998*. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
13. Giddens A. *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press. 1991.
14. Habermas J. *Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* / Trans. by T. Burger, F. Lawrence. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.
15. McQuire S. *The media city: Media, architecture and urban space*. – Sage, 2008.
16. Kracauer S. *Theory of film: The redemption of physical reality*. – Princeton University Press, 1960.
17. Lash S. *Reflexivity and its doubles: structure, aesthetics, communit'* // Beck U., A. Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Oxford: Polity, 1994. P. 110–173.
18. Lash S. *Critique of Information*. London: Sage, 2002.
19. Lozano-Hemmer R. *Alien relationships from public space: A winding dialogue with Rafael Lozano-Hemmer (with Alex Adriaansens and Joke Brouwwer)* // *Transurbanism* / Ed. by J. Brouwer, A. Mulder. Rotterdam: V2, 2002. P. 139–160.
20. Macrae D. *Ruttman, rhythm, and "reality": a response to Siegfried Kracauer's interpretation of Berlin, the symphony of a great city* // *Expressionist Film: New Perspectives* / Ed. by D. Scheunemann. Rochester, NY: Camden House, 2003.

21. Mosco V. *The Digital Sublime: Myth, Power, and Cyberspace*. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.
22. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. London: Abacus, 1974.
23. Papastergiadis N. *The Turbulence of Migration: Globalization, Deterritorialization, and Hybridity*. Malden, MA: Polity Press, 2000.
24. Simmel G. *Simmel on Individuality and Social Forms*. – 1972.
25. Vertov D. *Kino-eye: The Writings of Dziga Vertov* / Trans. by K. O'Brien, ed. by A. Michelson. Berkeley, CA: University of California Press, 1984 [Вертов Д. Статьи. Дневники. Замыслы. М.: Искусство, 1966].
26. Williams R. *Television, Technology and Cultural Form*. London: Fontana, 1974.

УДК 316.77

ББК 60.0

Н.В. Вертянкина, А.Л. Пересторонин
 Natalya Vertyankina, Aleksandr Perestoronin
 ver-natalya@yandex.ru

**Коммуникативные стратегии в современном блогерском дискурсе:
 к постановке проблемы**
Communicative strategies in a current blogger discourse: to form the problem

Тюменский государственный университет
Tyumen state university

Современная глобальная информационная сфера характеризуется динамичностью, разновекторностью, жанровой дифференциацией, модификацией форм и контентов. Масс-медиа дискурс, в чье пространство входит и блогерский дискурс, рассматривается исследователями различных областей в рамках антропоцентрической парадигмы, поскольку текст СМИ погружен в социум и неразрывно связан с реализацией воздействующей функции на сознание личности. Социальные сети становятся уникальным механизмом формирования сознания, причем как доноров, так и реципиентов текстов, размещаемых в той или иной сети, включая жанр блогерского текста. Как и любая заданная система коммуникативного взаимодействия, блогосфера развивается по своей траектории, имеет свои закономерности и стратегические задачи.

Ключевые слова: Интернет-пространство, масс-медиа дискурс, блогерский дискурс, блогосфера, коммуникативное взаимодействие.

Current global information sphere is characterized by its dynamics, different vectors and genres, as well as modification of forms and contents. Mass-media discourse which absolutely includes blogger discourse, is considered by the researchers of different fields within the anthropocentric paradigm since mass-media text is involved into the society and closely connected with the influence function upon the person consciousness. Social nets became the unique mechanism of consciousness forming, both of donors and recipients of the texts which are located in the Internet, including blogger texts. As well as any system, blogger-sphere has been developing according to its rules, has its own trends and strategic tasks.

Key words: The Internet-area, mass-media discourse, blogger discourse, blogger-sphere, communication.

Современный этап развития массовых коммуникаций охарактеризован беспрецедентной значимостью Интернет-пространства. Так, социальные сети становятся не просто активным элементом идейно-политической и социально-экономической системы страны, а трансформируются в особый инструментарий коммуникационного взаимодействия в рамках профессиональных сообществ, между отдельными людьми и государством, компаниями и фирмами.

Блогосфера как неотъемлемая часть Интернет-пространства характеризуется использованием новых коммуникативных форм, жанров и способов их реализации. Современная блогосфера представлена личными, медийными (отдельно взятый Интернет-сайт), корпоративными блогами [1]. Так, участниками блогерского дискурса являются телеведущие, политики, бизнесмены, журналисты, студенты, весь персонал, порождающий и транслирующий тексты, а также те, кто воспринимает вольно или невольно поступающую в их поле зрения информацию.

Сегодня есть все основания утверждать, что одна из стратегических задач коммуникационного процесса состоит в возможности сделать виртуальное общение не просто межличностным, а социально значимым, что и демонстрирует блогерский дискурс. В этом плане мы разделяем точку зрения Н.С. Андриановой, которая отмечает, что Интернет представляет собой нечто большее, чем просто суперсовременная технология, ускоряющая прохождение и распространение информации [2]. На сетевые средства общения все больше ориентируется современный политический, профессиональный и деловой мир, поэтому соответствующие коммуникативные навыки и умения можно отнести к востребованным профессиональным и социальным качествам личности [2].

Динамика развития электронного общения является весьма закономерным результатом информатизации и модернизации в глобализирующемся мире. Коммуникативная стратегия отражена, на наш взгляд, в классической формуле, суть которой состоит в достижении определенных целей политического, социального, экономического, религиозного и культурного плана. Кроме того, задача некоторых блогерских сообществ носит явно выраженный пропагандистский характер, при котором оказывается мощное психологическое воздействие на массовое сознание, а их авторы из виртуальной сферы выходят в реальную, как например, Алексей Навальный.

Фактор массовости в направленности блогерского дискурса способствует реализации информационной, оценочной, творческой, семиотической, интертекстуальной и других функций масс-медиа дискурса, а также воздействующей функции, доминирующей в коммуникативном пространстве.

Характеризуя современное состояние изучения психолингвистики, социологии, политологии можно отметить повышенный интерес ученых к исследованию различных типов дискурса, иначе говоря, прагматических дискурсов (Карасик, 2002; 2003; Сорокин, 2003): научного (Барт, 1994; Михайлова, 1997), оценочного

(Миронова, 1997), политического (Ноллу, 2003; Баранов, Караулов, 1994; Гудков, 1998; Шейгал, 2000; Сорокин, 1999; Желтухина, 2000 и др.), масс-медиального (Желтухина, 2003 и др.). Пристальное внимание исследователей обусловлено, как было отмечено, глобальной информатизацией языка СМИ.

Контент-анализ выявляет свойства и особенности дискурса массовой информации путем их статистической обработки [3]. Блогерский дискурс, входящий в пространство масс-медиального дискурса необходимо анализировать как особый вид языкового употребления особого типа текстов в социокультурном деятельностном аспекте. Кроме того, в настоящее время понятие дискурса рассматривается в рамках новой дискурсивно-когнитивной парадигмы [4], при которой дискурс определяется как когнитивное явление, имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и с созданием новых знаний. Опираясь на данную точку зрения, представляется целесообразным считать создание новых знаний одним из ведущих элементов стратегической направленности в блогерской коммуникации.

Таким образом, коммуникативные стратегии блогерского дискурса и их функциональная направленность достаточно разнообразны по форме, содержанию и механизмам реализации.

Литература:

1. Автор: SPbSJ.ru Блогояз. Лингвостилистические особенности блогерских текстов. Режим доступа: <http://spbsj.ru/lekczii/200-blogerskaya-zhurnalistika/2819-anna-potsar.html> (дата обращения: 15.05.2015)
2. Андрианова, Н.С. Жанры Интернет-коммуникации: о некоторых подходах / Н.С. Андрианова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/vdpu/Movozn/2008_14/article/3.pdf (дата обращения: 12.09.2015).
3. Дейк, Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.
4. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: Обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Ромашко С.А., отв. ред. и др. – М., 1996.

УДК 316.774

ББК 76

А.А. Ефанов
Alexander Yefanov
yefanoff_91@mail.ru

Конституирование медиапсихоза в отношении терроризма Constitution of media psychosis concerning terrorism

*Оренбургский государственный университет
Orenburg State University*

В статье рассматриваются механизмы конституирования медиапсихоза в отношении терроризма. Проводится контент-анализ информационных программ федеральных телеканалов. Делается заключение о социальных последствиях в результате конструирования медиапсихоза.

Ключевые слова: медиапсихоз, терроризм, теракт, телеканал, контент-анализ.

The article considers the constitution mechanisms of media psychosis concerning terrorism. Content-analysis of information programmes on federal channels is done. The conclusion concerning social consequences as a result of media psychosis is made.

Key words: media psychosis, terrorism, terrorist attack, TV channel, content-analysis.

Рассматривая современные прецеденты социальной действительности, которые могут потенциально вызвать реакцию медиапсихоза в обществе, было замечено, что сегодня особое место занимают террористические угрозы. В 2015 году Фонд «Общественное мнение» провел опрос респондентов с целью изучить причины социальных страхов и тревог россиян [1], которые можно считать предпосылками для возникновения медиапсихоза. Седьмое место из всех социальных фобий занимают страхи перед терактами, при этом лидером голосования стал вариант ответа «Здоровье близких», а на второй позиции – «Страх за детей и внуков», что можно рассматривать как следствия криминальных угроз для общества, в том числе по причине терроризма.

Для решения поставленной задачи – оценки социальных последствий в результате конституирования медиапсихоза в отношении терроризма использовался метод контент-анализа. Выборка исследования производилась на основе материалов информационных программ общественно-политических федеральных телеканалов. За основу исследования были взяты информационные программы Первого канала [2] («Новости», «Время»), ВГТРК [3] («Россия 1», «Россия 24» («Вести»)) и НТВ [4] («Сегодня»).

Контент-анализ проводился на материале сюжетов, вышедших в эфир за пятилетний период – с 2009 по 2013 годы. Анализ осуществлялся на основе материалов сайтов телеканалов. В процессе контент-анализа применялось манифестное кодирование, построенное на фиксировании маркеров: терроризм, теракт, взрыв.

Взрывы домов в столице и ряде российских городов в конце 1990-х годов, захват заложников во время спектакля на Дубровке и в школе в Беслане, череда авиакатастроф, теракты в московском метро и аэропорту «Домодедово» породили медиапсихоз, когда общество посчитало, что ужесточение мер контроля за гражданами неславянской национальности, особенно в местах массового скопления людей, оснащение общественных заведений металлодетекторами и другим оборудованием превентивного характера, не возымеет результат. Медиапсихоз в отношении терроризма ежегодно продолжает «набирать обороты» по причине возникновения новых прецедентов, уносящих жизни сотен людей (Таблица 1).

Таблица 1

	Первый канал	ВГТРК	НТВ
Теракт в Назрани (17 августа 2009)	13	49	16
Крушение поезда «Невский	44	183	84

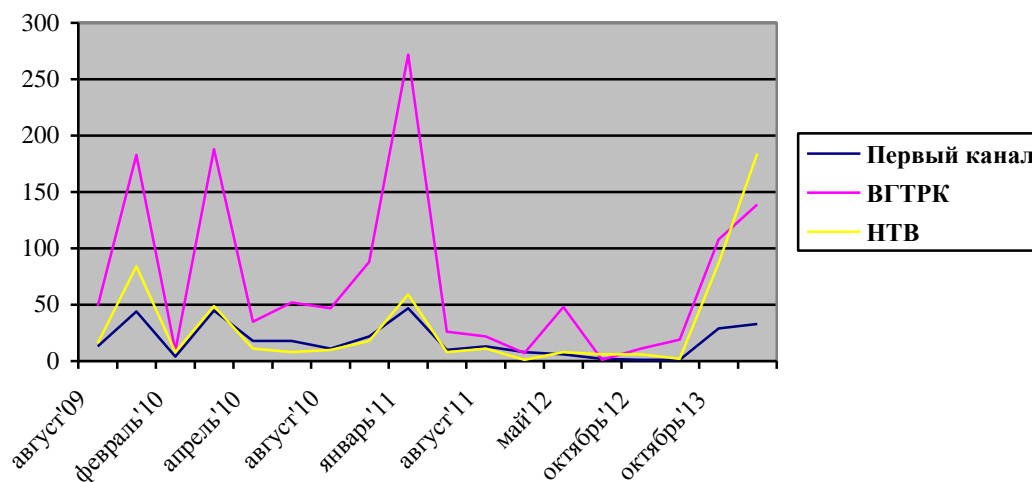
экспресс» (27 ноября 2009)			
Взрыв на железнодорожном переезде в Санкт-Петербурге (2 февраля 2010)	4	9	8
Взрыв на станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры» (29 марта 2010)	45	188	49
Теракт в Кизляре (31 марта 2010)	18	35	11
Теракт в Ставрополе (26 мая 2010)	18	52	8
Взрыв в Пятигорске (17 августа 2010)	11	47	10
Теракт во Владикавказе (9 сентября 2010)	22	88	18
Взрыв в аэропорту «Домодедово» (24 января 2011)	47	272	59
Взрыв у здания ОГИБДД в Волгограде (26 апреля 2011)	10	26	8
Взрыв у детского сада в Комсомольске-на-Амуре (2 августа 2011)	13	22	11
Теракт в Карабудахкенте (6 марта 2012)	8	7	1
Двойной теракт в Махачкале (3 мая 2012)	6	48	8
Теракт в доме духовного лидера в Чиркее (28 августа 2012)	2	1	6
Взрыв у поста ДПС в Чермене (23 октября 2012)	1	11	6
Взрыв у здания ФССП в Махачкале (20 мая 2013)	1	19	2
Взрыв рейсового автобуса в Волгограде (21 октября 2013)	29	108	87
Взрыв автомобиля в Пятигорске (27 декабря 2013)	6	21	30
Теракт на вокзале в Волгограде (29 декабря 2013)	15	50	50
Подрыв троллейбуса в Волгограде (30 декабря 2013)	12	68	10 4

Результаты контент-анализа показывают, что наибольшая частотность в освещении терактов присуща телеканалам ВГТРК («России 1» и «России 24»), которые посредством большой доли эфирного времени, отводимого под информационные программы, а также путем использования специальных и экстренных выпусков новостей в режиме реального времени представляют ситуацию, уточняют количество жертв, нередко злоупотребляя повторами кадров с камер видеонаблюдения и мобильных телефонов с места трагедии, что постоянно дополняется комментариями первых лиц государства, их зарубежных коллег либо

главарей преступных банд, взявших на себя ответственность за тот или иной взрыв. Особое место отводится рассказу о личности террориста-смертника, где зачастую содержится внутренний ответ на вопрос – что побудило его / ее прийти в радикальный ислам.

Жизненный цикл явления медиапсихоза в отношении терроризма, особенности его формирования каждым из трех телеканалов отображены на графике (Таблица 2).

Таблица 2

Кривые медиапсихоза, конструируемые каждым из трех средств массовой информации, показывают относительно аналогичные точки роста и рецессии, при этом можно зафиксировать пять абсолютных максимумов, которые наблюдались в период самых масштабных терактов с большим числом пострадавших (крушение поезда «Невский экспресс»; взрывы на станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры»; теракт в аэропорту «Домодедово»; взрыв рейсового автобуса в Волгограде; теракт на Железнодорожном вокзале и подрыв троллейбуса в Волгограде). Большинство террористических актов (60%), происходят на Кавказе, где боевики выбирают в качестве цели для удара – правоохранителей (взрывы у машин ДПС, у зданий ГИБДД, ФСБ и ФССП).

В качестве последствий можно отметить, что трагические события становятся прецедентами для пересмотра государственной политики, существующих законов и наказаний за их нарушения. Теракт в «Домодедово» послужил поводом для обсуждений депутатами Государственной Думы и членами Правительства РФ вопросов безопасности на транспорте, правил поведения в кризисных ситуациях, а череда трагедий в Волгограде заставила ужесточить меры контроля в местах массового скопления людей, в том числе на Олимпиаде в Сочи в 2014 году.

Литература:

1. Чего боятся россияне? // Омнибус ВЦИОМ, 2015. – URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/12101> (дата обращения: 2.04.2015).
2. Сайт Первого канала. – URL: <http://www.1tv.ru/> (дата обращения: 12.11.2013).
3. Интернет-газета «Вести». – URL: <http://www.vesti.ru/> (дата обращения: 12.11.2013).
4. Сайт телекомпании «НТВ». – URL: <http://www.ntv.ru/> (дата обращения: 12.11.2013).

Сетевая «гаджет-коммуникация»: «пряжка» vs «хомут»?
Network «gadget-communication»: «buckle» vs «collar»?

Челябинский государственный педагогический университет
Chelyabinsk State Pedagogical University

«Гаджет-коммуникация» – особый вид коммуникации, возникновение которого стало возможным в современном электронном сетевом пространстве. Гаджет-коммуникация проявляет свойства сетевой коммуникации, ей свойственны открытость, равноудаленность точек доступа, отсутствие границ, покрытие максимального пространства. Ее особенностью является мобильность и постоянство связи. В зависимости от осознания ее сущности, гаджет-коммуникация может выступать как дополнительным инструментом взаимодействия, так и способствовать тотальному захвату человека.

Ключевые слова: коммуникация, сеть, киберпространство, социальные сети, гаджет, гаджет-коммуникация.

«Gadget-communication» is a special form of communication, it has become possible emergence of a modern electronic network space. Gadget-communication exhibits the properties of a network of communication, her peculiar openness equidistance access points, lack of boundaries, covering a maximum of space. Its feature is the mobility and persistence of communication. Gadget-communication can act as an additional tool for interaction and contribute to total capture of the person, it depends on the understanding of its essence.

Keywords: communication, network, cyberspace, social networks, gadget, gadget-communication.

В 1951 году А. Эйнштейн, в речи, произнесенной на праздновании 75-летия Нью-Йоркского общества за этическую культуру, высказал мысль о том, что чрезмерный акцент на интеллектуальной позиции в образовании, привел к обесцениванию этических ценностей. Технический прогресс со своей «материально-фактической» привычкой мыслить, убийственным морозом ударил по человеческим взаимоотношениям. Сегодня это высказывание, перефразированное в «опасаюсь, что обязательно наступит день, когда технологии превзойдут простое человеческое общение. Тогда мир получит поколение идиотов» [3, р. 53], приобрело популярность. Парадокс заключается в том, что эту мысль сейчас активно тиражируют социальные сети, технологизирующие и во многом симулирующие то простое человеческое общение, о котором беспокоился А. Эйнштейн.

Понятие «сеть» отличается многозначностью. Первоначально оно употреблялось в прикладном значении для характеристики плетения в форме ячеек с узловыми точками на пересечении нитей. Происхождение слова связывали со старинным глаголом «сетить» – искать, ловить. Под сетью подразумевали вещь или чертеж, различая сети рыболовные, птицеловные, охотничьи [2]. Создание сети как модели отношений между людьми [1] изменило современную коммуникацию. Сеть представляет определенную форму организации коммуникации (связи), для которой характерно покрытие максимально возможного пространства, обеспечение равноудаленности доступа коммуникантов к различным точкам, независимо от места их нахождения.

Представление о сети как форме организации коммуникации, определении направлений ее потоков, устойчиво ассоциируется с коммуникацией, осуществляемой в сетевом электронном пространстве – особым представлении пространства, которое состоит из взаимодействий и постоянно развивается. В ходе этого развития в сознании человека стираются темпоральные характеристики: преодолеваются физические пространственные ограничения, знаменуя пространство иной соразмерности. Все, что оказывается в пределах сетевого коммуникационного континуума, предстает безграничным, определение места здесь не имеет значения. Особость такого пространства, киберпространства (У. Гибсон) реализуется в его виртуальности (от лат. *virtualis* – возможный), как могущего быть, но существующего лишь потенциально. Киберпространство представляет субъективный порядок организации пространства в мышлении. В строгом смысле киберпространство не является формой бытия, поскольку не существует реально. Мир киберпространства существует одновременно везде и нигде, он не связан с местонахождением тела.

В настоящее время наблюдается рост выхода в электронно-сетевое пространство, в том числе, в социальные сети, с мобильных устройств. Впервые аналитики прогнозируют увеличение количества интернет-пользователей, обращающихся к поисковым системам с мобильных устройств по сравнению с числом пользователей, запрашивающих информацию со стационарных точек доступа в Интернет [5]. Глобальный опрос, проведенный в июне 2015 года одним из ведущих предприятий статистики в интернете Statista Inc. показал, что 70 % респондентов посещали сайты социальных медиа посредством планшетных устройств [4]. Следовательно, изменения претерпевают средства коммуникации, проявляя сущностные характеристики гаджета (от англ. «*gadget*» – «приспособление», «прибор», от фр. «*gâche*» – «скоба», «хомут», от нидерл. «*gesp*», «*gespe*» – «пряжка», «застежка»). Под гаджетами принято понимать электронные устройства, предназначенные для получения дополнительной информации (смартфоны, плееры, игровые приставки, приложения к программному обеспечению) и имеющие, как правило, компактные размеры. В широком смысле с гаджетами связывают и автономные устройства – планшетные компьютеры, электронные книги, ноутбуки. Так или иначе, гаджеты воплощают идею дополнительности, «пристегиваемости» по отношению к более сложному устройству.

Гаджет – это техническое или программное средство, дающее возможность коммуникации состояться во взаимодействии между техническими системами, между человеком и технической системой, между людьми, а также между человеком и природой. Что же представляют гаджеты как средства коммуникации: «пряжку» (подчеркивающую дополнительную сложность устройства) или «хомут» (указывающий на жесткость крепления, бремя для человека)?

Гаджеты реализуют стремление человека к коммуникации, с их помощью человек постоянно находится «на связи» с Другим, его тело мысленно расширяется и может одновременно взаимодействовать с предметами различной природы, а также оказывать воздействие на бытие Другого. Мобильная встроенность человека в мир реализуется в статусе человека в «гаджет-коммуникации» (коммуникации при помощи гаджетов): он всегда on-line и открыт для общения посредством технических средств связи. Гаджет представляет динамическую систему с элементами самоорганизации, находящуюся в постоянном развитии за счет автоматического обновления программного обеспечения. Динамизм становится и неотъемлемой характеристикой бытия человека. За счет собственной мобильности гаджет может ускорить движение смысла в коммуникации и движение человека к смыслу как к сущности передаваемого сообщения. Пространству в гаджет-коммуникации свойственно преодоление физических ограничений, что характерно в целом для сетевой коммуникации, частным проявлением которой выступает гаджет-коммуникация.

Коммуникационный канал выхода в сетевое пространство с гаджета обеспечивает беспроводная связь. Но стандарты Wi-Fi не предусматривают кодирование, а, следовательно, и защиту передаваемых сообщений в открытых сетях (хот-спотах), информация может быть доступной с помощью специальных программ-снифферов. Кроме того, коммуникация, предлагая человеку открытость, деиндивидуализирует его: человек, «открывая себя» – предоставляя о себе информацию сообществу – становится незащищенным, он более не принадлежит себе. На эту сущностную характеристику сетевой коммуникации обратил внимание А.Н. Павленко, исследуя негативное влияние коммуникации. С одной стороны, коммуникация, понимаемая как быстрая связь – «сообщение» поддерживает целостность общества. Но вместе с тем она представляет и серьезную угрозу для индивидуализации: «открывая себя», человек, становится тождественным другим, аналогично «открывшим» себя коммуникативному сообществу ранее. Он становится «стандартным индивидом», утрачивая «привилегированный доступ к информации о себе самом», «материалом» для воздействия. Из необходимого условия передачи информации коммуникация превращается в инструмент выработки в человеческом индивиде способности «чистой ретрансляции информационных потоков» [1].

Наряду с открытостью-незащищенностью, пространство в гаджет-коммуникации несколько отлично от пространства сетевой коммуникации. Оно ограничено до «мира в смартфоне», картина мира сводится к представлению о мире, доступному посредством мобильной модификации веб-ресурса, несколько отличного от

принятого в обычной среде on-line (с учетом оптимизации пространства под размеры дисплея). В этом случае гаджет может ограничить представление человека о мире.

Однако динамизм и мобильность способствуют постоянной «схваченности» человека гаджетом, который может стать добровольным «хомутом» для человека. Поэтому необходимо осознавать, что гаджет – хоть и высокотехнологичное, но только средство коммуникации, способствующее движению смысла, а не то, что делает коммуникацию осмысленной. Гаджеты полезны с точки зрения функционального назначения как коммуникаторы. Гаджеты выполняют в коммуникации роль «пряжки» когда являются дополнительным инструментом взаимодействия и становятся «хомутом», тотально захватив человека коммуникацией с самим техническим устройством.

Литература:

1. Павленко, А.Н. Пасторальная модель коммуникации [Электронный ресурс] / А.Н. Павленко / Интерессубъективность в науке и философии. – М.: Канон+, 2014. – С. 324-348. – Режим доступа: http://iph.ras.ru/uplfile/onsc/Pastoraln_model_communic.pdf (дата обращения: 20.12.2014).
2. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. [Электронный ресурс]. – СПб. – М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. – Режим доступа: http://slovardalja.net/view_search.php (дата обращения: 7.08.2011).
3. Einstein, A. Ideas and Opinions by Albert Einstein by Carl Seelig / A. Einstein. – New York: Crown Publishing Group, 1995. – 377 p.
4. Most popular mobile internet activities according to internet users worldwide as of June 2015, by device. – Режим доступа: <http://www.statista.com/statistics/249761/most-popular-activities-carried-out-on-mobile-internet-devices> (дата обращения: 10.09.2015).
5. SEO сайтов для ПК и мобильных устройств: основные отличия. – Режим доступа: http://grupla.ru/marketing/seo_sajtov_dlya_pk_i_mobilnyh_ustrojstv_ostlichiya/ (дата обращения: 3.11.2014).

УДК 338.467.6

ББК 76.0

М.М. Козлова, А.В. Хохлов
Maria Kozlova, Alexander Khokhlov
marinakozlova@mail.ru

Роль СМИ в манипулировании общественным мнением The role of the media in manipulating public opinion

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation*

Современные средства массовой коммуникации создали для манипуляции сознанием и общественным мнением принципиально новые возможности, многократно усилив эффективность использования информации в этих целях. Они произвели настоящую революцию в политических отношениях и способах социального управления в XX–XXI вв. А в последнее время сделали информационные войны обыденной политтехнологией современных СМИ.

Ключевые слова: СМИ, информационные войны, политтехнологии, манипулирование сознанием и общественным мнением.

Modern means of mass communication created fundamentally new capabilities to manipulate people's minds and public opinion, greatly enhancing the efficiency of its utilization for these purposes. They made a real revolution in the political relations and modes of social control in the XX – XXI centuries. And more recently made the information war a usual political strategy of modern media.

Keywords: mass media, information war, political technologies, mind control and public opinion.

Рассматривая роль массовых коммуникаций и их влияние на политические процессы, российские политологи отмечают, что в постиндустриальном обществе власть знаний и информации становится решающей в управлении обществом, оттесняя на второй план влияние денег и государственного принуждения. Причем непосредственными носителями и, особенно, распространителями знаний и другой социально значимой информации являются средства массовой коммуникации [1]. «Иметь важную информацию значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть», — так обозначают роль и значение информационно-психологического воздействия на людей немецкие политологи — авторы крупнейшего современного учебного пособия по политологии ФРГ [2]. Поэтому сообщение или умалчивание сведений уже рождает манипуляцию общественным мнением, поскольку не позволяет людям правильно сориентироваться в происходящих событиях и принять правильное решение. Именно в обеспечении такого положения вещей и состоит обязанность «четвертой власти». Конечно, в зависимости от направления того или иного СМИ, от его политической ориентации, принадлежности государственным или коммерческим структурам зависит отбор тематики и фактов, трактовки и версии событий, угол освещения проблемы и оценки происходящего. Все это не обходится без сознательных и неосознанных манипуляций [3]. До недавнего времени большинство из них можно было отнести к допустимым в рамках так называемого либертарианского подхода разбросам мнений, которые легко компенсируются многообразием высказанных в различных СМИ точек зрения. Даже ошибочные и ложные (но не лживые) можно было выявить и свести к нулю с помощью здравого смысла, если пользоваться не одним СМИ, а несколькими [4]. Однако сегодня следует признать, что значительная часть аудитории СМИ уже не может это сделать, поскольку ряд средств массовой коммуникации, например, социальные сети и информационные порталы, сознательно занимаются вбросом дезинформации, а ряд ангажированных СМИ цитируют их, придавая «фэйковой» информации видимость документальности. Поэтому возможности манипулирования у СМИ, особенно электронных, оказываются весьма существенными, позволяя успешно вести информационные войны [5].

В ход идут отработанные в годы «холодной войны» методы манипуляции сознанием и общественным мнением. 1. Использование внушения. 2. Перенос

частного факта в сферу общего. 3. Использование слухов, домыслов, толкований в неясной политической или социальной ситуации. 4. Метод под названием «нужны трупы», т. е. эмоциональное воздействие на аудиторию с помощью крови, секса, насилия, стрельбы, убийства и т. д. 5. Метод «страшилок», когда аудиторию ставят перед выбором меньшего из двух зол. 6. Замалчивание одних фактов и выпячивание других. 7. Метод фрагментации, который разбивает информационный поток на отдельные фрагменты, не связанные друг с другом, в результате чего аудитории не удается сформировать правильной и полноценной картины мира. 8. Многократные повторы или «метод Геббельса». 9. Создание лжесобытий, мистификация, освещение события, которого не было, как факта [6,7]. Последний метод становится сегодня особенно популярным, в частности, в связи с освещением событий на Украине, военных действий России в Сирии и других аспектов внешнеполитической деятельности нашей страны.

Современные СМИ, намеренно создавая сообщения, искажающие реальную действительность, пытаются манипулировать общественным мнением. Именно поэтому сегодня важно учить молодых людей медиаграмотности, т.е. умению отличать достоверные источники информации от манипулятивных, не заслуживающих доверия СМИ, действующих в худших традициях псевдожурналистики.

Литература:

1. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 1995. С .254.
2. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994. С. 294.
3. Кара-Мурза С.Г.. Манипулирование сознанием <http://bookz.ru/authors/sergei-karamurza/karamurza/1-karamurza.html>
4. Боброва И. И., Зимин В. Черный PR? Белый GR! Цветной IR): менеджмент информ. культуры.М.; СПб; 2006.
5. Почепцов Г. Г. Информационные войны. М., 2000.
6. Гранова И. Приемы манипуляции человеческим сознанием, используемые современными корпорациями // http://www.pr-club.com/PR_Lib/PR_Rabots.shtml
7. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью. М., 2004 // http://www.vusnet.ru/biblio/archive/grachev_manipulirovanie/

**Коммуникативные практики использования мобильного телефона:
трансформация пространственно-временного восприятия
Communication practices in mobile phone usage: the transformation of time-space
perception**

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation*

Данная статья раскрывает некоторые такой аспект трансформации коммуникативных практик, который связан с пространственно-временным восприятием.

Ключевые слова. Коммуникативный акт, коммуникативные практики, общение, коммуникативные технологии, пространственно-временное восприятие

This article reveals such aspects of the transformation of communicative practices which includes time-space perception

Keywords. Communicative act, communication practices, communication, communication technology

Современные коммуникативные технологии влияют не только на количественные параметры коммуникативного процесса (такие, например, как частота, продолжительность коммуникативного акта), но и на его качественные характеристики: они способствуют изменению прежних и появлению новых практик коммуникации. Причем, речь идет как о письменных формах общения, так и о речевой коммуникации. Компьютер, сеть Интернет, технология Skype, сотовый телефон – все эти технологии способствуют активному преобразованию привычного общения.

Меняется не только набор возможностей, но и появляются непредвиденные и неожиданные коммуникативные феномены, которые порождены новыми возможностями и являются их прямым следствием. Более того, сложно сказать, что мобильный телефон как-то видоизменяет характер именно телефонной коммуникации (или коммуникации в сети интернет). Действительно, с падением цен на мобильную связь и мобильное интернет-соединение исчезла необходимость экономить на сотовой связи, говорить кратко и т.д. Однако же, следует настаивать, что более широкий спектр коммуникативных практик, тем не менее оказался переконструирован в процессе привыкания к новой технологии и ее превращения в неотъемлемый атрибут любого жителя современного города.

Последствия вхождения мобильной связи в нашу повседневную жизнь часто неоднозначны, и необходимо рассмотреть и те негативные трансформации, которые происходят в нашей коммуникации под влиянием использования сотового телефона. Настоящая статья посвящена анализу некоторых из тех коммуникативных трансформаций, к которым приводит мобильный телефон, который сегодня является не только средством голосового общения, но и гаджетом, дающим выход в сеть Интернет.

Одно из самых очевидных изменений связано с тем, что сотовый телефон обладает способностью трансформировать пространственно-временной континуум, в котором мы существуем. Собеседники перестают быть скованы пространственно-временными рамками при общении друг с другом, меняется, таким образом, привычный облик коммуникации. При этом, «освобожденные от детерминант физического времени и пространства, сообщения приобретают и теряют смысл в контекстах социально определенных взаимоотношений участников плавающих сетей» [1, с. 13], которые образуются пользователями обильных телефонов. В этих плавающих сетях не определены, ничем не обусловлены заранее ни пространственно-временные рамки, ни состав участников, ни «функциональный профиль внимания». При этом участники плавающих сетей уже не могут обходиться без них и без тех технических достижений, которые обеспечивают включенность в сети, а значит, и доступ к информации. Люди становятся зависимыми от информационных оков, а доступ к информации превращается в насущную потребность.

Итак, мы можем связаться с кем угодно в любое время. Мы не тратим наше личное время на встречи или на попытку застать человека дома рядом со стационарным телефоном. Мы не ждем, пока некто получит и прочтает электронное письмо. Мы можем находиться в контакте с любым человеком, где и когда угодно. И это изменяет и ритм нашей жизни в целом, и отношение коммуникации, наше восприятие ее. Появление так остро меняющих нашу повседневную жизнь возможностей, в первую очередь, воздействовало именно на наше восприятие коммуникации. *Удобства*, которые подарил обществу сотовый телефон, *превратили его в насущную необходимость*.

Изменение пространственно-временного восприятия коснулось также трансформации деловых коммуникаций. Мобильная связь повлияла на рабочие взаимодействия и изменила само пространство деловой активности, в котором взаимодействуют индивиды. Благодаря появлению мобильной связи офис из места непосредственного производства превратился в коммуникативный центр, или в, своего рода, штаб, где принимаются основные решения и вырабатываются стратегии. Непосредственная же работа теперь может выполняться где угодно (дома, в пути), в офис же лишь сообщается информация и запрашиваются инструкции. Повысилась мобильность работников, они получили возможность «на ходу», в процессе перемещения в пространстве решать проблемы и обращаться к экспертам, находящимся в данный момент в другом месте.

В таких коммуникативных сетях, порожденных существованием новых медиа коммуникации, «регулярные и случайные собеседники посылают и получают импульсы друг у друга в своем собственном внутреннем времени и сжато до виртуальных параметров пространстве взаимодействия» [1, с. 13]. Коммуникация происходит, фактически, уже не в нашем мире.

Еще один интересный аспект трансформации коммуникативных практик связан разрывом коммуникации здесь-и-сейчас и назван «феноменом отсутствующего присутствия». Вот как К. Джердженом описывается феномен «отсутствующего присутствия»: «...Некто физически присутствует, ... но увлечен технологически посредническим миром куда-то в другое место... Индивид, находясь в одном месте в непосредственной близости от одних людей, коммуникационно оказывается связан с совершенно другими людьми, в совершенно другом месте. Таким образом, находясь во вполне конкретной точке пространства, он все же имеет расплывчатую локализацию, и ментально связан совсем не с теми, с кем находится в непосредственном контакте лицом-к-лицу ...» [2, р. 227]. Таким образом, использование мобильного телефона порождает вторжение в естественное и привычновосприятие действительности в коммуникативном процессе – как наше, так и наших партнеров по коммуникации.

Таким образом, сотовый телефон превращает физическое пространство вокруг себя в, своего рода, виртуальное пространство, а отношение ко времени делает незначимым, создавая иллюзию постоянной доступности собеседника[3].

Список литературы:

1. Голофаст В. Электронная среда, или новые пещерные люди // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 2. С. 13 – 17.
2. Gergen К. J. The Challenge of absent presence // Perpetual contact: mobile communication, private talk, public performance. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 223 – 242.
3. Обухова Ю.О. «Отсутствующее присутствие»: влияние мобильной связи на особенности межличностной коммуникации // Коммуникативные практики в современном обществе : сб. статей. – СПб. : Скифия-прин, 2008. – 344 с. – С. 311 – 328.

Секция 8. ЛИЧНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СРЕДАХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.42

ББК 60.5

Е.Б. Тимерманис
Elena Timermanis
timermanis.e@gmail.com

Особенности становления личности в современном информационном обществе The personality features in modern information society

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation*

В рамках современного информационного общества важнейшим институтом социализации становится Интернет. Отмечается комфортность и безопасность общения в Интернете, оцениваемые студентами как высокие. Обратной стороной являются внесетевые трудности коммуникаций.

Ключевые слова: личность, информационное общество, коммуникация, Интернет, социализация, институты социализации.

As a part of the modern information society, the Internet becomes the most important institution of socialization. The comfort and security of Internet communication is believed to be high by students. The down side of web-socialisation is off-web communication with low experience.

Keywords: personality, information society, communication, Internet, socialization, socialization institutions.

Влияние информационного общества на формирование личности современного студента невозможно отрицать. Возникновение новых сетевых сообществ, предполагающих равный доступ к коммуникации вне зависимости от места жительства, социальной принадлежности, в некоторых случаях от языковых различий, определяет сегодня интернет-сообщества как один из важнейших институтов социализации. Причем включенными в этот процесс оказываются как представители молодого поколения, начиная со школы, так и люди пенсионного возраста, включенные в ресоциализацию. Для студентов, поступивших в петербургские и московские вузы, приехавших в мегаполис из небольшого города или поселка городского типа, остро встает проблема адаптации к новой ступени образования и к жизни в крупном городе. Информацию о вузе, писанных и неписанных правилах, способах разрешения конфликтов студенты получают из непосредственного общения со старшекурсниками, преподавателями,

представителями администрации, кураторами. Однако важнейшим каналом получения информации становится Интернет. В первые же недели обучения создаются группы (как правило, «ВКонтакте») для размещения, обмена информацией, получения ответов на злободневные вопросы, обсуждения проблем образования, общения, свободного времени. По утверждению Н.Лумана «коммуникация выхватывает из любого актуального горизонта указаний, который она же и конструирует, нечто и оставляет в стороне иное. Коммуникация есть осуществление отбора» [1, 196] Большинство учащихся считает полезным использовать социальный опыт старшекурсников, опираться на готовые рецепты, предложенные студентами также и других кафедр и направлений. Как правило, обращения не остаются безответными, всегда найдутся молодые люди, готовые рассказать о собственных способах и методах достижения успеха. «Однако сам процесс поиска, если он не опирается на систематические знания, структурирование основных разделов науки, фундаментальную подготовку приводит зачастую в тупик» [2, 76-77]. Таким образом, если информация будет содержать искажения или недостоверные факты, общий посыл заключается в следующем — можно выбирать из многочисленных предложенных вариантов подходящий, главное уметь самостоятельно анализировать данные.

Исследования, проводимые на базе институтов Санкт-Петербургского политехнического университет (ГИ, ИМОП, ИММиТ), позволяют сформулировать ряд характеристик процесса социализации. К их числу относятся:

Восприятие Интернета как комфортной для общения среды. Студенты отмечают благожелательность собеседников, удобство начать и продолжить диалог в подходящее время, возможность закончить потенциально опасное общение, наличие необходимого временного промежутка для обдумывания лично значимых решений, что не всегда удается при встрече «лицом к лицу». Однако есть ряд студентов, которые уже встречались с виртуальной агрессией (прежде всего, троллингом), попытками манипулирования в Сети, обманом и дезинформацией. Даже эти ситуации, по их мнению, воспринимаются не так глубоко и серьезно, как при непосредственной коммуникации.

Самопрезентация в Интернете, по мнению обучающихся, дает возможность для самораскрытия, демонстрации яркой индивидуальности, позволяет развивать креативные способности. Речь идет о возможности использования оригинальных материалов для презентации — фото, видео, звуковые файлы. Причем, в первую очередь, на предоставляющиеся возможности указывают девушки. То есть до вступления в диалог (полилог) с потенциальным собеседником (собеседниками) появляется возможность сформулировать представление о человеке, его вкусах и интересах.

Ряд студентов отмечает, что сформированные навыки он-лайн общения и поиска информации затрудняют их деятельность вне Сети. Значительная группа утверждает, что затрудняются начать общение, особенно с лицами другого гендера, что они некомфортно ощущают себя в пространстве библиотеки и читального зала,

стесняются публично выступить и отстаивать собственное мнение, опасаются вопросов из аудитории. Таким образом, становление личности в современном информационном обществе обладает рядом специфических особенностей, которые необходимо учитывать для создания благоприятных условий для развития студенческой молодежи.

Литература:

1. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. - СПб.: Наука, 2007. - 644с.
2. Гашкова Е.М. Киберцентризм современного образования. Образование в условиях интеграции мирового сообщества. - СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2014. - 192 с.

УДК 316.77

ББК 60.524

Д.Ю. Бакулин, М.В. Терехова
Dmitry Bakulin, Marina Terekhova
mkpp@mail.ru

Негативное влияние социальных сетей на подростков Negative influence of social networks on teenagers

*Центр-колледж прикладных квалификаций ФГБОУ ВО Мичуринский ГАУ,
г. Мичуринск, Тамбовская область*

Center college of applied qualifications Michurinsk State Agrarian University, Tambov region, Michurinsk

В данной статье рассмотрены проблемы бесконтрольного доступа к вредной информации подростков в социальных сетях. Все это может плачевно обернуться для неустойчивой психики и даже жизни подростка, который легко входит в доверие и поддается влиянию. Основное внимание в статье уделено выходу из сложившейся ситуации на законодательном уровне

Ключевые слова: Социальные сети, подростки, Федеральный закон, информация, регистрация, администрация сайта, контроль

In this article problems of uncontrolled access to harmful information of teenagers on social networks are considered. This can be deplorable to turn back for unstable mentality and even life of the teenager who easily gains the confidence and comes under influence. The main attention in article is paid to an exit from current situation at the legislative level

Keywords: Social networks, teenagers, Federal law, information, registration, administration of the site, control

Интернет, как всемирная информационная система, образующая киберпространство, особую реальность, рождает киберкультуру со своими понятиями, ценностями, образом мыслей и языком и является сегодня одной из главных составляющих становления информационного общества. По оценке агентства Newspoll, 84% подростков в возрасте от 14 до 17 лет пользуются социальными сетями и почти половина детей в возрасте 10-13 лет сидят на сайтах вроде Facebook, В Контакте, молодые люди проводят в них до 7-ми часов в день. Подростки и социальные сети — проблема ли это? Примерно с 11 лет подростки

начинают погружаться в активное общение со сверстниками, отводя родителей на второй план. Социальные сети дают возможность завести себе друзей, хобби, узнать много новой информации и избавиться от чувства одиночества, которое часто испытывают многие подростки. Там ребенок может найти единомышленников, поделиться душевными переживаниями, спросить совета у старших товарищей. Часто тандем «подростки и социальные сети» является губительным для детской психики, а иногда и жизни. Бесконтрольность доступа к социальным сетям таит в себе серьезные потенциальные опасности для подростка. В них содержится большое количество ресурсов порнографического содержания, демонстрирующих и пропагандирующих различные формы насилия, популяризирующих различные методы манипуляции сознанием, насаждающих мистицизм, расизм, сексизм и пр. Все это может плачевно обернуться для неустойчивой психики и даже жизни подростка, который легко входит в доверие и поддается влиянию. Неоднозначность влияния социальных сетей на подростков вызывает интерес к изучению этой проблемы.

По результатам исследования мы установили, что современные подростки пользуются неограниченным доступом к информации и они против каких-либо мер по ее регулированию и контролю. В настоящее время ограничение доступа к вредной информации, порядок ее внесения в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона регулируется Федеральным законом от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Кроме того, доступ к различной информации у детей ограничивает Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». А как показало наше исследование, данный закон не работает на «территории» социальных сетей: может публиковаться любая информация, при этом доступ к ней может быть открыт для различных возрастных групп. Считаем, что сложившуюся ситуацию нужно менять, законодательно возложив обязанность по контролю за распространение информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей на руководство сайтов. В законе нет понятия администрация сайта или ее руководитель. И мы предлагаем внести изменения, дав определение администрации сайта, чтобы было понятно, с юридической точки зрения, кто будет нести ответственность за происходящее на сайте. Контроль за исполнением законодательства администрацией сайта возложить на уже существующее ведомство – Роскомнадзор. Кроме того, предлагаем для регистрации в социальные сети, предоставлять данные паспорта, фото. Мы считаем, что Роскомнадзор не сможет без помощи администрации сайта социальных сетей контролировать и привлекать пользователей за распространения информации, вредящей несовершеннолетним детям. Российские социальные сети в этом вопросе должны перейти на принцип

саморегуляции, т.е. осуществлять контроль за сообществами (группами) в своем информационном пространстве.

Это и есть основная идея нашего законопроекта.

Литература:

1. Атаян А. Информационная культура личности в условиях информатизации общества – М., 2004.

УДК 316.77

ББК С524.224.5

Д.С. Быльева
Daria Bylieva
newneverland@mail.ru

Использование несобственных знаков самоидентификации в социальной сети The usage of another's signs of self-identification in social net communication

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation*

В сетях, где большинство использует личную информация, существуют индивиды, прикрывающиеся чужими именами и лицами. В статье приведены результаты пилотного исследования целей и видов «виртуальных масок».

Ключевые слова: коммуникация, знак, ник, аватар, Интернет,

The most people use their own information in social net. But there are men who have another's names and faces. This research has information about purposes and types of "virtual masks".

Key words: communication, sign, nick, avatar, Internet

Виртуальное общение, в отличие от реального, не накладывает на индивида больших обязательств. Буду лишенным тела и связанными с ним физическими «неудобствами», человек может мерить на себя любые маски. Разные социальные сети имеют разную степень подразумеваемой достоверности информации. Одни (например, Вконтакте) созданы для общения людей под подлинными именами и фотографиями, в других ники и аватары являются само собой разумеющимися.

Однако и в сетях с высокой степенью достоверности информации встречаются страницы, где ник и/или аватар являются неподлинными. В исследовании, проведенному Ю.А. Антоновой, С.А. Деминой, из 600 аватар "ВКонтакте" 2,7% содержали нечто отличное от фотографии пользователя [1, с. 17-18]. Так в сети люди одевают «маски», играя в свою игру.

Как же сами они оценивают роль, которую играют. Нами было проведено пилотное исследование в два этапа, на первом из них опрашивались лица, имеющие на своих страницах "ВКонтакте" имена, фамилии, а также аватары, несоответствующие их реальной идентичности, на втором этапе обычных

пользователей сети "ВКонтакте" просили высказать свое отношение к страницам с неподлинной информацией. В результате первой части исследования выяснилось, что никто из опрошенных индивидов не воспринимает свою страницу в социальной сети, как «фейковую», несмотря на данные, не соответствующие действительности, а все оценивают ее как «настоящую».

В тоже время 78% опрошенных имеют при этом вторую страницу в социальной сети со своими реальными именами, фамилиями и аватарами. Большинство из оставшихся 22% используют страницу исключительно в профессиональных, а не личных целях (9%), другие сообщили, что им достаточно данной страницы, так как все друзья и родственники о ней знают (7%), оставшиеся сказали, что не хотят, чтобы в Интернете была какая-либо достоверная информация о них (5%). Таким образом большинство из имеющих страницу с недостоверными данными используют ее для создания альтернативного собственного «я».

Как показало исследование, основной причины использования «неличного» аватара является недовольство своей внешностью, желание показать себя более привлекательным, или желания легкого знакомства в сети. Что касается имени и фамилии, то их могут скрывать как по причине недовольства ими, так и в целях секретности. Кроме того, многие считают правильным использовать в сети привычные для них прозвища, реже имя и/или фамилию кумира.

В тоже время, когда задавался вопрос о причинах создания страницы с неподлинными данными, то они никак не связывались с собственной личностью, а только с игровыми целями, 61% опрошенных отметили, что им так комфортнее общаться и находить новых друзей, 23% такая страничка необходима для работы, 10% хотели разыграть кого-либо и 6% людей хотели проверить свою вторую половинку "на верность".

Возникает вопрос о том, как относятся собеседники к подобного рода страницам. Большинство обладателей страниц считают, что коммуникаторы понимают, что имеют дело с неподлинной информацией. Особенно это очевидно, если используются псевдонимы вместо имен или фотографии кумиров или каких-либо других объектов. Однако 25% опрошенных не уверены в том, догадываются ли собеседники о ложности информации, а 9% уверены, что вводят своих партнеров по общению в заблуждение.

Во второй части исследования обычных пользователей социальных сетей просили выразить отношение к недостоверной информации на чужих страницах. Подавляющее большинство относиться к этому явлению нейтрально. Только одна пятая опрошенных негативно высказалась по поводу недостоверной информации на странице.

Зато 90% опрошенных считают, что использовать не свою информацию незаконно. В тоже время 75% респондентов признались в каких-то случаях меняли свой аватар или фамилию/имя. Тем не менее создать собственную страницу с неподлинными данными готовы только 55%, остальные считают что это делать неловко.

Таким образом можно сделать выводы, что маски в сети явление воспринимаемое как норма, в отличие от личного общения, где выдача себя за другого расценивается как обман. Тем не менее несмотря на нейтральное личное отношение, подмена собственных данных чужими воспринимается как "нарушение правил". Основные причины использования «виртуальных масок» кроются в желании играть и скрыть свое подлинное лицо. Игра с подменой собственной идентичности вымышленной привлекает большинство людей, однако только немногие сохраняют у себя чужое лицо или имя/фамилию надолго, большинству хватает разовой шутки. Если имеет место изменение собственных идентификационных данных надолго, обычно это связано с недовольством собственными именем, фамилией или внешностью, желанием быть необычным и привлекательным для партнеров по общению. С другой стороны есть люди, которые не чувствуют себя в виртуальной сети настолько безопасно и комфортно, чтобы раскрывать подлинную информацию о себе.

Литература:

1. Антонова Ю. А., Демина С. А. Аватар как элемент самопрезентации в социальной сети [Текст]/ Антонова Ю. А., Демина С. А. // Лингвокультурология. 2010. № 4. С. 15-20;

УДК 4
ББК 81

Е.Н. Клеменова, И.А. Кудряшов
Elena Klemenova, Igor Kudryashov
klemenova@yandex.ru

**Диалогическое движение в современной лингвистике: прагматическое
исследование личности в информационном обществе**
**Dialogic movement in contemporary linguistics: pragmatic investigation of personality
in the informational society**

Ростовский государственный экономический университет, южный федеральный университет
Rostov State Economic University, Southern Federal University

Прагматическая перспектива исследования диалогического общения становится прочной основой для выявления специфики межличностных отношений между людьми как субъектами, вовлеченными в процесс когнитивного и аффективного взаимодействия. При этом, «Я» и «Ты» – перспективы проливают свет на понимание диалогических процессов между личностями собеседников. Теории диалогического «Я», в которых концептуально комбинируются понятия личности и речевого взаимодействия, оказываются действенными в сфере анализа того, как люди вовлекаются в эмпатическую коммуникацию, устанавливают значимые отношения не только между собой, но также между различными аспектами своих многогранных «Я». В диалоге «Я» и Другой сохраняют определенную дистанцию, которая меняется в процессе динамического развития взаимодействия, выступая одним из средств самовыражения взаимодействующих личностей.

Ключевые слова: коммуникативистика, прагматика, диалогическое общение, дескриптивный подход, прескриптивный подход, теория диалогического «Я», информационное общество.

The pragmatic perspective of dialogic communication investigation is becoming the stable basis for revealing the peculiarities of interpersonal relations between the people as the subjects involved into the process of cognitive and affective mutual exchange. In this case «Ego» and «You» perspectives shed light on the understanding of the dialogic processes between the interlocutors' personalities. The dialogic «Ego» theories combining the notions of personality and speech interaction turn out to be effective in the sphere of analyzing how people are involved into the empathetic communication, set up meaningful relations not only between each other, but also between various aspects of their versatile «Ego». In the dialogue «Ego» and the «Other» preserve a certain distance which is changing in the process of the dynamic interaction development being one of the means of self-expression for the personalities involved in the dialogue.

Keywords: communicative studies, pragmatics, dialogic communication, descriptive approach, prescriptive approach, dialogic «Ego» theory, informational society.

Исследователю в сфере коммуникативистики многогранное использование термина «диалог» – начиная от его литературного и сценического воплощения и заканчивая цифровыми маркетинговыми механизмами эффективного воздействия на целевую аудиторию – на первый взгляд, может показаться озадачивающим и сбивающим с толку. В этой связи закономерно возникает еще одна проблема: можем ли мы действительно признать, что диалог всегда предполагает оптимизацию межличностного понимания и конструктивное взаимное сотрудничество в целях реализации общих целей? Вступая в диалогическое взаимодействие, каждый из собеседников априорно лишь догадывается о прагматических установках оппонента, его действительных интенциях. При этом, конечно же, наивно предполагать, что в диалог вступают субъекты, обладающие исключительно добрыми намерениями (см., например, монографию [1]).

Приступая к исследованию данного феномена, мы призваны принимать во внимание не только тот «идеалистический» шлейф, которым окутано понятие «диалога», но также и тот факт, что участник общения в процессе обмена репликами способен выразить «совещательные» намерения и предпринимать эффективные попытки для достижения заранее predetermined им результата. В этой связи, лингвисты предлагают типологию интенций собеседников, в свою очередь, предопределяющих такие разновидности диалога, как «диалог-манипуляция», «диалог-партнерство», а также «диалог-демократия», являющийся наиболее просоциальной формой мотивирования межличностного взаимодействия.

Можно выделить следующие исходные установки исследования диалогической коммуникации.

1. Коммуникация как совместное конструирование скоординированного производства значения. Базируясь на феноменологической социокультурной

традиции, данный аспект фокусируется непосредственно на самом взаимодействии между субъектами; в меньшей степени учитываются «ментальные модели передачи информации от одного сознания – к другому» [2]. В рамках социальной интеракции собеседники совместно порождают и согласуют значения разнообразных символов, коммуникативных стратегий, ролей и правил, характерных для различных социальных и гендерных групп, организаций и культур. Фактически, коммуникация интерпретируется как динамический процесс, в котором значение выражается в текущем диалогическом действии, а действие, в свою очередь, реконструирует значения, опирается на него.

На входе и выходе социального взаимодействия обнаруживается конвенциональная многозначность, которая обуславливается контекстом. В связи с чем, отдельно взятые значения приобретают оценочные коннотации. Полисемантическая природа значения, многозначность «уживается» в рамках одного символа, который в связи с этим потенциально может передавать сходные / несходные понятия и смысловые оттенки в разнообразных жизненных ситуациях (синонимия и омонимия). Значения проявляют особую чувствительность к контекстуальному фактору, они меняются в зависимости от актуализации в том или ином контексте. Поскольку значения непрерывно создаются и воспроизводятся в социальном взаимодействии, они обладают процедурным, динамическим и договорным характером, подвержены постоянным изменениям. При принятии во внимание интерпретативной природы знания диалогическая коммуникация также рассматривается как межсубъектное конструирование и использование значения и оценочных коннотаций, что оказывается возможным за счет различных форм символического обмена. Символы, носители социально конструируемых значений, хранятся в языке как системе знаков, результате коллективной деятельности.

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, язык объективирует совместный опыт участников общения, делая его доступным для всех представителей данного лингвистического сообщества [3]. В результате язык является основой и инструментом коллективного хранения знаний, обеспечивает членов сообщества средствами для объективации нового жизненного опыта, инкорпорируя этот опыт в уже существующие базы знаний. Диалог смещает фокус внимания собеседников от трансцендентального знания к межсубъективному опыту «Я» и Другого.

Знание – на уровне социального взаимодействия – конструируется, таким образом, в рамках и посредством языка [4]. Вследствие того, что языковые значения являются контекстуально обусловленными, процессуальными, конвенциональными и эмоционально и экспрессивно окрашенными, за одним языковым выражением не закрепляется исключительно одно «истинное» значение, множество и порою конфликтующие между собою значения одновременно сосуществуют в этом выражении. Следовательно, знание в данной социокультурной традиции исследования рассматривается как в высшей степени интерпретативный феномен.

2. Коммуникация как способ вовлечения собеседников в глубинные текстовые кластеры межличностного взаимодействия, возможные синергетические связи.

Человек рассматривается, в первую очередь, во взаимоотношениях с уникальными другими. Подобная онтологическая позиция также обладает эпистемологическим следствием: знание совместно порождается «Я» и Другими через символические и диалогические «встречи» [5], что, в свою очередь, предопределяет социальную природу человеческого сознания, взаимовлияния человека и культуры.

Диалогизм рассматривается как специфическая эпистемологическая позиция, отправной точкой которой предстает тот факт, что участник речевого взаимодействия живет в словесных мирах собеседника [6], а границы его «Я» обнаруживаются во взаимоотношениях с собеседником [7]. Каждый индивид моделирует свой мир в терминах Другого, диалогически преобразуя социальный мир как набор многогранных и многоголосых реальностей, помещенных в культурный контекст. Системы символов, текстов, произведений искусств и исторических интерпретаций – все это диалогические явления по своей прагматической сути. Данные явления суть выражения социально разделяемых диалогических когниций и коммуникативные действия, которые задействуются представителями социокультурного сообщества не только в целях мирного созерцания, но и проявляются в напряжении, столкновении, суждениях и оценках друг друга.

В отличие от традиционного логико-позитивистского подхода к феномену знания, данная комплексная перспектива исследования интерпретирует эмоции и интуицию как ценностные характеристики. В частности, интуиция и эмоции рассматриваются как формы действенного знания, существенные части процесса принятия решения, поскольку они проистекают из причинно-следственной, спонтанной и иррациональной предопределенности межличностного взаимодействия. В рамках подобных изысканий внимание уделяется контекстуальному употреблению языковых единиц, факторам, воздействующим на процесс инициации значения как сознательного и уместного выбора результата наблюдений.

3. Коммуникация как сфера функционирования дискурсивных моделей инициации значения и реагирования на него. Указанные модели конструируются участниками коммуникативного процесса в виде речевых актов, значения которых предстает следствием взаимодействия между собеседниками, моделей иницирующих и реагирующих реплик. Некоторые из этих моделей конструируют желаемые социальные миры, другие – обладают деструктивным характером. В рамках данной исследовательской перспективы – в целях осознания социальных ситуаций – тематизируется модель «Я – Другой – Объект».

4. Коммуникация как диалогический способ конструирования различных реальностей. Диалогическая коммуникация – форма взаимодействия, которая конструирует позитивные реальности, дающие возможность собеседникам эффективно решать свои неречевые задачи, обогащать свою компетенцию, исходя из расхождений и многоплановости средств и способов выражения текущих намерений. В этой связи, сам диалог определяется разнообразными способами. В частности, М. Херзиг и Л. Чейсин концептуализуют диалогическую коммуникацию как своеобразную противоположность аргументативных дебатов: актуализуя

аргументацию, субъект речи стремится одержать победу над оппонентом, в диалоге собеседники осуществляют сотрудничество, делают взаимную попытку понять друга [8].

С опорой на данную теоретическую установку исследователи выявляют те прагматические параметры, которые дифференцируют диалогическую и аргументативную коммуникацию [9]. В рамках диалогической коммуникации значимыми оказываются сочувствующее слушание и искренность, собеседники говорят с позиции личностного опыта, инициируют вопросительные реплики, исходя из истинного любопытства, а не вследствие того, что они пытаются одержать верх над оппонентом, как это имеет место в аргументативной коммуникации диалогического типа.

Диалог порождает исключительную атмосферу надежности, в рамках которой могут обнаруживаться новое действенное знание; при аргументации участники дискуссии пытаются защитить себя и отстоять свою точку зрения. Диалог креативен по своей прагматической природе, нацелен на обсуждение сложных проблем; при аргументации оппоненты проявляют тенденцию к упрощению и поляризации своих взглядов. Вследствие того, что диалог фокусируется на обнаружении общих проблем между собеседниками, выявлении различий в решении этих проблем, если таковые имеются, его логическим результатом предстает своеобразное «прозрение», благоприятные перспективы дальнейшего сотрудничества.

В текущих лингвистических изысканиях теоретического и практического планов активно анализируются потенции диалога для порождения и преобразования социальных миров. На упрощенном уровне диалог определяется как «процесс языкового общения между двумя и более людьми». Однако фактически никто из исследователей в сфере диалогической коммуникации не придерживается подобного определения, поскольку их научные интересы сосредотачиваются не только на процессе общения. Полагаем, что первичный дефинитивный критерий диалога предопределяется в большинстве современных изысканиях представлениями об идеальной форме речевого взаимодействия, а особое видение идеала в данном случае становится основой для разграничения различных определений рассматриваемого феномена.

Так, исследователи определяют диалог как:

- форму коммуникации, порождающую нечто новое: участники общения призваны проявить беспристрастную любознательность с целью по-новому увидеть те или иные объекты;
- взаимообмен значениями в том или ином физическом или ментальном пространстве;
- сближение во взглядах собеседников, коммуникативный взаимности через осознание образа Другого;
- снижение конфликтности как координация конкурирующих и противоречащих друг другу дискурсов;

- обеспечение сторон возможностью высказаться и быть услышанными, оспорить традиционное позиционирование авторитарности;
- изучение предпосылок, действительности и процессов формирования повседневного опыта;
- логика констатации фактов и запроса информации с целью порождения скептицизма, который предстает стимулом беспрестанных изысканий.

Принимая во внимание различные точки зрения на рассматриваемый нами феномен, мы, в свою очередь, предлагаем его элементарное описательное определение, оставляющее простор для его расширения при анализе специфических форм и функций диалога. Для цели, заявленной в нашем исследовании, мы определяем диалог как дискурсивную координацию реплик собеседников в процессе разрешения личностных и социальных проблем.

В целях обоснования нашей точки зрения мы придерживаемся следующих теоретических положений:

– диалог реализуется в сфере общественных отношений с опорой на перформативный характер речи: диалогические высказывания представляют собой коммуникативные действия, обладающие социальными следствиями;

– диалог – форма координируемых речевых действий: значение и смысл предстают результатом не индивидуального действия или реакции, а скоординированных действий участников речевого взаимодействия, значения и смысл языковых выражений индивида зависят от потенциальной последующей реакции собеседника;

– диалог предстает сферой реализации разнообразных иллокутивных целей, как позитивных, так и негативных для разворачиваемого взаимодействия собеседников.

Для гуманитарной науки начала XXI века характерно глобальное осмысление диалога и диалогической коммуникации, хотя вопрос о разграничении данных феноменов до сих пор остается открытым. Диалог интерпретируется лингвистами прежде всего как разновидность «фокусированного взаимодействия», участники которого максимально уделяют друг другу внимание и развивают отношения, базирующиеся на вербальном и невербальном обмене информацией. В основе подобного понимания лежат философские представления о диалогической онтологии. В частности, М. Бубер понимает диалог как способ бытия, в котором каждый из участников взаимообмена репликами актуализует в сознании образ Другого, обращается к другому с намерениями установить действенные отношения.

Исследователи, придерживающиеся дескриптивных подходов, интерпретируют диалог – вслед за М.М. Бахтиным – как имманентное свойство любого взаимодействия людей, рациональную и интеракционную характеристику всякого акта производства значения. Дескриптивные теории обеспечивают аналитический исследовательский инструментарий для прагматического анализа диалогической коммуникации, поскольку учитывают моральный облик собеседников, осуществляющих определенный выбор.

В рамках прескриптивных подходов диалог – вслед за М. Бубером – концептуализуется как определенное качество коммуникации, неконфликтный метод разрешения неречевых задач, который отграничивается от других форм коммуникации, таких как дебаты и дискуссия. Исходной точкой прескриптивного исследования диалога предстает этическая составляющая. Исследователи уравнивают эту составляющую с понятием «праксиса» Аристотеля, указывая на тот факт, что требования выдвигаемые к ведению диалога (прескрипции) предполагают моральные суждения собеседников относительно коммуникации. Таким образом, прескриптивные подходы базируются на том, что собеседники делают сознательный выбор в плане взаимодействия друг с другом; субъект речи имеет возможность поддержать действенность своей точки зрения, оставаясь открытым тем мнениям, которые выдвигаются оппонентом, в контексте, исходно не имеющем predetermined результата речевого взаимодействия.

В рамках современных направлений исследования диалога «Я» интерпретируется как процесс, который формируется и беспрестанно преобразуется в коммуникации, спонтанно приобретаемый опыт моего «Я» и «Я» других. «Я» возникает при выражении «коммуникативной инициативы», во взаимодействии с другим, опыт постижения другого зеркально отражается в диалогическом опыте «Я». В связи с этим, участник диалога имеет возможность осознавать свое «Я» только во взаимодействии с собеседником. Шеферд освещает данный процесс в достаточно оригинальной манере: «Ты и Я совместно формируем тебя и меня. Мое и твое понимание совместно конструирует наше понимание, а конструирование – неотъемлемая часть коммуникации» [10].

М. Бубер утверждает, что «Я» субъекта речи в пространстве диалога может проявлять свои различные ипостаси в зависимости от взаимоотношений с «Я» других субъектов. Конструирование аутентичных «Я» и «Ты» требует особых коммуникативных условий, а именно диалогической коммуникации «Я – Ты», в которой реализация своего мнения осуществляется в рамках открытости одного другому [11].

Другими словами, диалогическая коммуникация предстает сфокусированным взаимодействием, в котором собеседники оказывают друг другу максимальное внимание, проявляют рефлексивность в отношении контрастирующих мнений. Диалог интерпретируется многими исследователями, в том числе, как процесс искреннего слушания, внимательного отношения к тому значению, которое манифестируется собеседником. Форматы порождающего и рефлексивного диалога предполагают идеальные условия и возможности для подобных эмпатических процессов. В данной связи С.О. Шармер утверждает, что «чем сложнее задача, которая ставится собеседником перед субъектом речи, тем выше потребность субъекта речи в расширении репертуара языковых средств воздействия» [12].

Думается, что для понимания того, как возникает диалог, целесообразно проанализировать диапазон различных форматов речевого взаимодействия. Например, П.М. Сендж говорит о разновидностях коммуникации, начиная от грубого

обсуждения спорных вопросов и заканчивая мастерски организованными дискуссией с участием вежливых собеседников, диалогом. Прагматическое различие между последними двумя разновидностями проявляется, главным образом, на уровне иницируемых интенций. В рамках мастерски организованной дискуссии участники осуществляют поиск общего решения, предпринимают для этого совместные усилия, в диалоге фокус делается на «порождающем исследовании» и творческом мышлении [13].

Эмпатия по отношению к собеседнику, рефлексия по отношению к его коммуникативным намерениям, коллективное сотворчество предстают ключевыми моментами речевого взаимодействия. При этом учет фактора адресата, анализ возможного разнообразия коммуникативных перспектив взаимодействия, текущие допущения предполагают инициацию вопросов, нацеленных на разъяснение тех или иных моментов речевого контакта, перефразирование идей собеседника с целью манифестации их осознания, совместно выработанные практические примеры, подтверждающие то или иное выдвинутое утверждение. Фактор адресата, предопределяющий процесс развития межличностного взаимодействия, в свою очередь, формирует своеобразный противовес защите своих интересов, эксплицитному озвучиванию собственных потребностей, обоснования этих потребностей. Это означает, что собеседники, вступающие в диалог, озвучивают свои намерения, когда испытывают в этом потребность, признавая и выражая уважение по отношению друг к другу и способам альтернативного отражения знаний и коммуникативного бытия. В результате рефлексии образа адресата субъект речи более пристально осознает необходимость употребления тех или иных языковых выражений в качестве обоснования своих истинных намерений. Образ адресата предопределяет характер лингвистической манифестации мыслительных процессов, протекающих в сознании субъекта речи, дифференциацию собственной интерпретации перспективы диалогической коммуникации и действительных фактов, которые лежат в основании этой коммуникации.

Согласование диалогических позиций собеседников реализуется на основе тех данных, которые совместно получены ими в результате общения. При этом эмпатия – это не только выражение отношения к собеседнику, но и своеобразная компетенция, необходимая для поддержания диалогической коммуникации, способность признать позицию собеседника, интегрировать процессы слушания и понимания, манифестировать собственную позицию с опорой на фактор адресата. Эмпатия реализуется посредством таких коммуникативных стратегий, как активное слушание, нацеленность на обратную связь с собеседником при выяснении прагматических эффектов своих коммуникативных действий. В конструктивном развитии диалогической коммуникации, в самом порождении ситуации диалога существенную прагматическую роль играет факт эмпатической инициации специфического высказывания.

Некоторые исследователи отмечают трудности собеседников реализовывать на практике свои коммуникативные умения, требуемые для поддержания диалогической

коммуникации в профессиональной среде, демонстрируют несоответствие между такими прагматическими факторами, как текущее отношение к собеседнику (учет фактора адресата) и избираемая линия речевого поведения. Фактически, в данном случае исследователи пишут о проблеме преобразования интеллектуального понимания оснований диалогического общения в конкретные коммуникативные действия с учетом субъективных норм ведения беседы и коммуникативных барьеров в общении. В связи с этим, актуальным также оказывается исследование прагматической роли межличностных отношений в поддержании и блокировании диалогической коммуникации.

Литература:

1. С.Н. Плотникова. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск, 2000.
2. И.А. Кудряшов. Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005.
3. П. Бергер, Т. Лукман. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
4. О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. Когнитивное конструирование реальности. М., 2012.
5. I. Marková. Dialogicality and Social Representations. The Dynamics of Mind. Cambridge, 2005.
6. М.М. Бахтин. Философия поступка. М., 1996.
7. Л.П. Якубинский. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 24-67.
8. M. Herzig, L. Chasin. Fostering Dialogue Across Divides: A Nuts and Bolts Guide from the Public Conversations Project // [http://www. publicconversations.org/jamsdownload.html](http://www.publicconversations.org/jamsdownload.html).
9. И.А. Кудряшов. К вопросу о языковых средствах реализации коммуникативных стратегий в юридическом дискурсе // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы III Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2013. С. 22-29.
10. Е.Н. Клеменова. Ограничение или свобода коммуникации // Язык – Сознание – Культура – Социум: Сб. докладов и сообщений Междунар. конф. памяти профессора И.Н. Горелова. Саратов, 2008. С. 38-42.
11. М. Бубер. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 16-92.
12. С.О. Scharmer. Theory U: Leading from the Future as It Emerges. The Social Technology of Precencing. San Francisco, 2009.
13. P.M. Senge. The Fifth Discipline: The Art and Practice of the Learning Organization. NY, 1994.

УДК 316.7

ББК Ч11.71

Я.А. Саморукова
Yana Samorukova
yana_8@mail.ru

**Опыт осмысления проблемы самоубийства в культурном пространстве
России и Европы
Experience understanding of the problem of suicide in the cultural space of
Russia and Europe**

*Санкт-Петербургский государственный университет
St. Petersburg state University*

В статье рассматривается процесс формирования и взаимодействия смысловых структур, интерпретирующих явление самоубийства в культурном пространстве России и Европы; описываются основные модели интерпретации данного феномена.

Ключевые слова: модель интерпретации, культурное пространство, самоубийство, литература, философия, личность.

The article analyzes the process of formation and interaction of meaning structures, which interpret the problem of suicide in the cultural space of Russia and Europe. The paper deals with model interpretation of the phenomenon of suicide.

Keywords: model interpretation, cultural space, suicide, literature, philosophy, personality.

Исследования, которые ведутся в русле межкультурной коммуникации, как правило, посвящены языковым проблемам. В данной работе вопрос взаимодействия этносообществ будет рассматриваться в культурно-антропологическом аспекте на примере универсальной гносеологической оппозиции жизнь/смерть. Представляется, что противопоставление бытия/небытия, идея пограничного состояния, линия выбора между жизнью и смертью актуализируется в процессе осмысления такого неоднозначного явления, как самоубийство («добровольный уход из жизни»).

Кроме того, проблема самоубийства в жизни современного западноевропейского общества предстает одной из самых неразрешимых загадок, а в России давно уже вышла на первый план, поскольку «наша страна в рейтинге суицидов уже не на втором, а на первом месте» [1:41]. По статистике «самоубийство почти во всех странах занимает тревожное третье место – вслед за смертью в результате болезни и несчастного случая <...> ежегодно себя убивают <...> 60 тысяч россиян, а число тех, кто пытается себя убить, в 7-8 раз выше» [2: 34].

В процессе осмысления суицида писателями, социологами, философами России и Европы сформировались различные смысловые структуры, интерпретирующие данное явление. Созданная в рамках одного культурного пространства модель интерпретации суицида, трансформировалась, мигрируя в смысловое пространство другой культуры. Тем самым способствуя возникновению новых смыслов (метафор и образов), которые позднее усваивались уже другой культурой.

Как феномен самоубийство включается в самые различные произведения искусства: мифы, поэзию, литературу, живопись, театр, становясь при этом источником, вызывающим различного рода переживания, в том числе и эстетические [3:9].

Так, именно эстетические переживания суицида захлестнули читающую молодежь Германии XVIII в. после публикации повести И. Гете «Страдания юного Вертера» (1739). Послужив, по свидетельству современников, толчком для всплеска самоубийств, сама повесть и реакция на нее читателей породили и новую интерпретацию: триумф иррационального в душе соединялся с верой в личное бессмертие. Именно сочетание сентиментального и ощущение вечной жизни после смерти определило данную смысловую модель трактовки суицида в культурном пространстве Европы XVIII в. как доминирующую и оттеснившую старую парадигму смыслов, в основу которой было положено самоубийство Сократа [4:11].

Сократ, приговоренный к казни афинским государством, взял «инициативу смерти» на себя и принял яд прежде назначенного срока. При этом он придавал вполне определенной смысл собственному поступку – «освобождение души от тела для вечной жизни». Аналогичный смысл приписывался и смерти Христа, которая в

представлении некоторых раннехристианских мыслителей ассоциировалась с добровольным уходом из жизни, в результате чего формировалась иллюзия бессмертия (представление о том, что физическая смерть не является финальной и необратимой). В западной культурной традиции долгое время существовало представление об ассоциативной связи между добровольной смертью и бессмертием души [4:11].

Переведенный позднее и с небольшими отступлениями на русский язык «Вертер» проецировал несколько иной смысл суицида в культурном пространстве России. Последовавшие после публикации перевода повести случаи добровольного ухода из жизни, сформировали модель интерпретации, в основу которой легла идея контроля человека над собственной жизнью и смертью, а также полное отсутствие веры в бессмертие. Подобным образом интерпретировал свой добровольный уход из жизни переводчик «Вертера» М. Сушков [4:11]. Актом утверждения свободы и автономности личности явилось и самоубийство известного русского писателя А.Н. Радищева [2:203].

Позднее Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» анализируя письма самоубийц и их поступки, пришел к выводу, что самоубийство является неизбежным результатом отсутствия веры в Бога [5: 47]. По мысли писателя, отказ от веры в жизнь после смерти обернется для человечества процессом тотального саморазрушения. В этом смысле мир романа «Подросток» – это попытка показать процесс разложения общества, приводящий его к самоуничтожению. Интересно отметить, что подобная трактовка перекликается с теорией известного немецкого социолога Э. Дюркгейма, который рассматривал общество как коллективный организм, а индивида – как клетку этого организма. Суицид предстает в теории Дюркгейма как проявление болезни социального тела. С разложением (разобщением) общества гибнет и индивид [4:52]

Герой романа «Бесы» Кириллов - идеолог и пропагандист сознательного самоубийства - рассматривает самоубийство как необходимое и логическое следствие развития человека в его взаимоотношениях с Богом [4:180].

Созданная Достоевским модель интерпретации суицида как прямого следствия атеизма, ведущего к абсолютной трагедии человечества, обрела новые оттенки смысла в культурном пространстве Европы.

Так, в трактате Ф. Ницше «Что сказал Заратустра» воспевается Сверхчеловек - человек, освобожденный от страха смерти: преодолевая веру в Бога, он тем самым становится равным Богу [6:23].

Декларируемое Ницше торжество свободы воли человека отразилось во взглядах Леонида Андреева - русского писателя и публициста, считавшего самоубийство «священнейшим правом» человека. При этом писатель, подобно немецкому философу, относил к самоубийству только те случаи, когда добровольная гибель сильной личности провозглашает «утверждение и завершение борьбы» [7: 4]. В такой ситуации, по мысли Андреева, «смерть <...> понята и осмыслена в ее неповторимости и глубине мистической» [7: 4].

Интересно, что самоубийства, происходившие по вполне определенным причинам, к которым причисляли нищету, скуку, трагические обстоятельства, несчастную любовь, писатель расценивал как убийство, как драму, в которой «человека просто раздавливают, через него переезжает жизнь и никакого “само” тут нет» [7: 4].

В свою очередь для русского философа Владимира Соловьева тема самоубийства была не только вопросом веры в Бога, но и рассматривалась в аспекте наличия/отсутствия смысла жизни. В своей работе «Оправдание добра. Нравственная философия» Соловьев отмечает, что самоубийцы лишают себя жизни, «убедившись в несостоятельности того, что они принимали за смысл жизни, и вместе с тем, не соглашаясь <...> подчиняться другому, неведомому им смыслу жизни» [8: 85].

По мнению философа, осознание того, что в жизни совершается «не то, что *помоему* (курсив Соловьева) должно бы в ней совершаться, следовательно, жизнь не имеет смысла», присутствует «в сущности всякого самоубийства». Соловьев связывал добровольный уход из жизни с неразвитостью нравственного чувства человека, следствием которого является нежелание потенциальных самоубийц найти, понять и признать истинный смысл жизни, который, с точки зрения православного мыслителя Соловьева, заключен в Боге [8: 86].

Французский писатель и философ, Альберт Камю, значительно позднее размышляя о самоубийстве, заметил, что современный человек живет как раз без Бога, а в моральных учениях он (человек) «видит только оправдания, тогда как ему самому не в чем оправдываться» [9: 60]. Согласно Камю, бытие человека пронизано ощущением абсурда, поскольку мир иррационален и не дает ответы на вопросы, которыми мучается личность, не признающая воли Бога как творца всего происходящего. «Абсурд рождается в <...> столкновении между призыванием человека быть счастливым», способным уразуметь все происходящее, и «неразумным молчанием мира» [9: 38]. Ощущение иллюзорности бытия, отсутствие веры в будущее приводят человека к выводу о бессмысленности жизни и необходимости покончить с ней. Однако «абсурд существует во вселенной человека», вне человека мир не абсурден, т.е. в мире все же существует гармония, законы которой человек еще не постиг. Следовательно, необходимо продолжать жить даже в состоянии абсурда [9: 42].

В настоящей работе была предпринята попытка продемонстрировать взаимодействие смысловых структур в культурном пространстве России и Европы. Созданная в рамках одной культурной традиции модель интерпретации, попадая в иное ментальное пространство, формирует новые трактовки (образы, метафоры) одного и того же явления, запуская тем самым механизм бесконечного порождения смыслов.

Список литературы:

1. Русский Newsweek, 2007, 3-9 сентября, №36.
2. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. – М.:Новое литературное обозрение,2000. – 576с.
3. Ю.Р. Вагин, Л.З. Трегубов. Эстетика самоубийства. Пермь: КАПИК, 1990. – 284с.

4. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. - М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 256 с.
5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя// Достоевский Ф.М. Полное Собр. Соч. в 30 т. М., 1972-1990. т 23.
6. Ф.Ницше. Так говорил Заратустра. М.: АСТ,2010. 320 с.
7. «Самоубийство» (наша анкета)»// Новое слово. 1912, №6.
8. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия// Соловьев В.С. Собр. Соч. в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т1. С.47-549.
9. Камю А. Миф о Сизифе М.: «Радуга», 1988. – 186с.

УДК 316.6:004.738.5

ББК 88.32+32.973.202

А.В. Чистяков
Anatoly Chistyakov
afrika28@yandex.ru

Социализация личности в информационном и сетевом обществе **Socialization of personality in the information and network society**

Шахтинский институт (филиал) ЮРГПУ(НПИ) им. М.И. Платова
Shakhty Institute (branch) SRSPU (NPI) named after M.I. Platov

В сетевом обществе происходит интериоризация норм, ценностей и паттернов. Совмещение жизни индивида в реальном и виртуальном пространствах формирует третичную социализацию поведения.

Ключевые слова: сеть, сетевая культура, Интернет, виртуальное пространство, социализация личности

In the network society takes interiorization of norms, values and patterns. The combination of an individual's life in real and virtual spaces generates tertiary socialization behavior.

Keywords: network, network culture, the Internet, virtual space, socialization of the individual

Основным образом и категорией, вокруг которых формируются качественно иные представления о будущем развитии современной цивилизации, - это идея Сети. Все больше пишется работ о сетевой экономике, сетевом образовании, сетевой культуре и, наконец, об Интернете как глобальной форме существования сети в виртуальном пространстве. Формирование в киберпространстве сетевых групп или сетевых сообществ, обладающих весьма специфическими культурными социальными нормами, благодаря которым осуществляется процесс взаимодействия членов данных групп, актуализирует множество вопросов, связанных с социализацией и инкультурацией людей, «заполняющих» новое социальное образование – виртуально-сетевое сообщество. Что происходит с личностью вступающего на «Интернет-тропу» молодого человека, ибо «интернетянами», жителями «планеты Интернет» в первую очередь становятся молодые люди от 15 до 25 лет.

Субъект социокультурной сетевой коммуникации пребывает в весьма своеобразном, «разорванном» состоянии, ибо существует в двух мирах:

действительном и виртуальном. Социализация и культурная идентификация человека в киберкоммуникативном пространстве реализуется через принадлежность индивида к тому или иному сетевому сообществу, причем двояким образом: или через виртуальную реконструкцию статусной социокультурной позиции и символов идентичности, или через активное и свободное конструирование своего виртуального Я и персональной идентичности. Отсюда и возникающая двойственность виртуальной социализации, ибо творчество в киберпространстве часто заменяется его симуляцией, а саморазвитие – новыми формами отчуждения. Правда, именно сетевые сообщества предоставляют уникальную возможность свободного проектирования себя в качестве социокультурного субъекта действия, члена того или иного сетевого сообщества. Репрезентируя свое Я человек как бы примеряет на себя маски идентичности, осуществляя то, что можно назвать «опережающей социализацией». Различные «виртуальные жизни» как бы раскрывают перед индивидом веер тех социальных возможностей, согласно которым проектируется его жизнедеятельность. При этом в сетевых сообществах главную роль в развитии и поведении их членов играет культурное начало индивида, его потребность в «карнавализации» жизни, идентификации, самопрезентации, динамической смене стратегий социализации и инкультурации.

Социальные отношения в киберпространстве выстраиваются так, как их интерпретируют пользователи. Единство сетевого социума по поводу «общей» для всех социальной реальности основано на том, что пользователи в процессе социализации усвоили общую точку зрения на большинство типов интеракций, осуществляемых в виртуальной среде.

В процессе социализации личность неизбежно сталкивается с альтернативными образцами мышления и реальными паттернами поведения. Анонимность ее существования в киберпространстве позволяет нарушать привитые в офф-лайне нормы поведения, а некоторым - преступать закон. На качество он-лайновых интеракций влияет, несомненно, предшествующий коммуникативный опыт акторов. Соответственно можно вести речь о том, что наряду с процессами социализации, в компьютерных сетях происходят и процессы ресоциализации, то есть усвоение акторами новых ценностей, навыков, ролевых дискурсов в связи с переходом в иную коммуникационную среду. Естественно, что наложение старых и новых предписаний может привести к вытеснению, трансформации ориентации на нормы и ценности, принятые в офф-лайновой коммуникации.

Таким образом, социализация личности в виртуальном пространстве осуществляется как взаимовлияние двух процессов: следования личности тем нормам и правилам поведения, которые она восприняла в первичной социальной реальности (в результате первичной и вторичной социализации) и усвоения норм, ценностей и установок как конкретного виртуального сетевого сообщества, так и паттернов поведения, принятых в рамках социальной системы киберпространства в целом. Последнее можно назвать «третичной социализацией». Возвращаясь в первичную социальную реальность, личность является уже продуктом трех типов социализации.

**КРУГЛЫЙ СТОЛ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«ФИЛОСОФИЯ КОММУНИКАЦИИ: ЦЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ»**

УДК 316.77; ББК 60.0

С.В. Клягин. **О нетрадиционности философской традиции в коммуникативных науках.**

Философская традиция может рассматриваться как составная часть оснований научной дисциплины. Такой аспект изучения возможен и применительно коммуникативным наукам в целом, и для понимания философии коммуникации как субдисциплины. Философская традиция есть социально-культурный и эпистемологический механизм передачи знаний, ценностей и стилей познания реальности и проведения исследований. В коммуникативных науках, особенно в отечественной научно-образовательной сфере, традиция не проявляется в систематическом континуальном виде. Предметом анализа могут быть предпосылки и различные ситуации «точечного» включения философской традиции в коммуникативные науки.

Ключевые слова: философия, традиция, социальная коммуникация, коммуникативные науки.

Клягин Сергей Вячеславович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики общественных связей, Российский государственный гуманитарный университет.

Sergey V. Klyagin. **On non-traditional approach towards investigations of philosophical tradition in communication studies.**

Philosophical tradition can be seen as an integral part of the grounds of scientific disciplines. This aspect of the study of possible and applied communication Sciences in General, and for understanding the philosophy of communication as a sub-discipline. Philosophical tradition there are socio-cultural and epistemological the mechanism of transmission of knowledge, values and styles of cognition of reality and research. In communication science, especially in the national scientific and educational sphere, tradition does not manifest itself in the form a systematic continuum. The subject of the analysis can be background and different situations "point" on the philosophical tradition in communication science.

Keywords: philosophy, tradition, social communication, communication of science

Dr. Sergey V. Klyagin, Professor and Chair, Communication Studies and Public Affairs Department, Russian State University for the Humanities, Moscow
sklyagin@gmail.com

УДК 316.77; ББК 60.0

И.Б. Антонова. **Философия политического смыслообразования.**

Традиционно считается, что смысл, стоящий за политическим событием, политической реформой и за политической властью в целом, легко просматривается

при условии тщательного исследования соответствующих моделей поведения, понимаемых как политические. Тем не менее даже самая высокая степень изученности того или иного политического действия не дает никакой гарантии понимания политического смысла, в нем заложенного, равно как и владение большим объемом политической информации отнюдь не предполагает соответственно высокого уровня ее осмысления.

Ключевые слова: смысл, смыслообразование, событие, понятие.

Антонова Ирина Борисовна, доцент кафедры теории и практики общественных связей Российского государственного гуманитарного университета.

Irina Antonova. Philosophy of Political Meaning

The paper investigates political meaning that lies behind the political event, political reform, or political power in general. It is traditionally believed to be transparent if some corresponding models of political behavior are under a careful research. Nevertheless, no matter how well this or that political action has been analyzed, it does not guarantee a high level of its comprehending.

Key words: meaning (sense), meaning formation, event, concept.

Irina Antonova, Associate Professor Methods of Teaching, Russian State University for the Humanities.

heidel@rambler.ru

УДК. 316; ББК. 74,021 К 12

Е.А. Каверина. Событийные коммуникации в культуре: традиции и технологии

Событийные коммуникации являются разновидностью социокультурных коммуникаций. Это тип коммуникации в культуре, где основным способом и формой взаимодействия является символически выстроенное действие. Истоки событийных коммуникаций обнаруживаются в недрах истории человеческой культуры и прослеживаются на всех этапах ее развития, базируются на обширном опыте ритуальных и церемониальных практик. Сегодня создание событий используется как технология достижения корпоративных целей инициатора.

Ключевые слова: событийные коммуникации, праздники, ритуалы, традиции, праздничная культура, специальные события.

Елена Анатольевна Каверина, Доцент кафедры рекламы, доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Elena Kaverina. Event communication in culture: tradition and technology.

Event communications are a type of socio-cultural communications. This type of communication in culture, where the main method and form of interaction is symbolically constructed action. The origins of the event communications are found in the depths of the history of human culture and can be traced at all stages of its development, based on extensive experience of ritual and ceremonial practices. Today, technology create event used to achieve the corporate goals of the initiator.

Keywords: special events. event marketing, event communications, holidays, rituals, traditions, holidays culture

Kaverina Elena Anatolevna, PhD, Associate Professor, Department of Advertising, St. Petersburg State University

kaverina_elena@mail.ru

Сегодня онтологические и феноменологические основания и ресурсы событийных коммуникаций осознанно используются в прикладной сфере, в практике организации «специальных событий». Механизм организации ритуальных действий поставлен на службу увеличения как экономического, так и символического капитала, который в итоге также монетизируется.

Специальные события сегодня оторваны от сакральной сферы. Обособленность придает этому процессу характер игры. Эпоха постмодерна позволила свободу интерпретаций, методология игры оказалась востребованной и плодотворной. В специальных событиях наблюдается игра с идеей, игра со смыслом, игра с пространством, игра с образом и, в конечном счете, игра с человеком.

Сегодня можно констатировать геополитическую и культурную многополярность, наличие множества голосов мира. Эпоха характеризуется и преодолением границ национальных культур, их унификацией в единое поле. Национальные и этнические идеи, символы и ритуалы теряют исходную семантическую глубину и значимость, отрываясь от национальной родной почвы, и обретают эксцентричные черты, где декоративность приходит на смену онтологичности. Эти факторы позволяют говорить, с одной стороны, о наличии удивительной культурологической толерантности, с другой — о потере чувства «настоящего», укорененного события.

В новой глобальной «мировой деревне» также доминирует символическое действие, заимствующее технологии сакрализации. Ритуальные символические коммуникации сохраняют свою актуальность, продуцируя новые формы. В XXI веке именно символическое действие – специальное событие, интегрируя ресурсы слова и изображения, реальности и виртуальности, способно привлекать внимание аудиторий в конкурентном поле информации и впечатлений; способно обеспечить ресурсы внимания, отклика, соучастия и событийности. Оно уже творится не в свете сакрального и не по предписанным мифом законам, а творит свои собственные мифы и происходит по законам публичного представления, перформанса, саморазворачивающегося игрового действия в саморазвивающейся аутопоэтической коммуникации и социальности.

Человек в условиях множественных медийных реальностей ищет «правду», точку опоры и нуждается в «сборке». Подлинное событие умерло следом за «смертью Бога», но вновь должно возродиться. Событие сегодня так актуально именно потому, что не закончено вопрошание человека об истине, поиски истинных оснований человеческого бытия и их выразительных форм. Поэтому происходит апеллирование к сакральности. Имманентно присутствует и ощущается стремление к «неигровому», «истинному» и «настоящему». Сила влияния специального события возможна именно

в векторе сакральности. Миссия философа и высокая миссия специалиста по событийным коммуникациям состоит сегодня в ресакрализации бытия, в реконструкции традиций как устойчивых ценностных оснований и образцов жизни в потоке «текучей», нестабильной, современности, которые позволяют ощутить укорененность в бытии.

В данном контексте создание событий приобретает важнейший культуротворческий потенциал. В подлинных событиях происходит и ощущается апелляция к смыслу, в противоположных — апелляция только к прагматичной цели. Подлинное событие и есть место «сборки». Только оно может дать возможность обретения идентичности, искомого ощущения «правды», «истины» и сохранения человеческого в человеке и культуре.

УДК 008/ 008.2; ББК 71.0

А.А. Калмыков. Фермионы вещей и бозоны сознания.

Так как коммуникация является типичным постнекласическим объектом, о котором невозможно утверждать: существует ли она в реальности, или только в сознании исследователя. Онтология коммуникации недоопределена. Базовое свойство коммуникации: разделять и соединять, поскольку без разделения невозможно установление соединения. Эти соображения приводят к необходимости использования физических моделей, где подобные парадоксы находят свое методологическое разрешение в рамках постнекласического подхода. Речь идет о квантовой модели социальных коммуникаций.

Ключевые слова: коммуникация, теория коммуникации, квантовая модель социальных коммуникаций, постнекласическая наука.

Калмыков Александр Альбертович, профессор кафедры теории и практики общественных связей Российского государственного гуманитарного университета.

Alexander Kalmykov. Fermion stuff and Bozon Consciousness.

Since communication is a typical postclassical the object about which it is impossible to say: does it exist in reality or only in the mind of the researcher. Ontology communication nudepreteen. The basic property of communication: to share and to connect, because without separation it is impossible to establish a connection. These considerations lead to the necessity of using physical models where such methodological paradoxes find their resolution in the framework of postclassical approach we are Talking about a quantum model of social communication.

Keywords: communication, Communication, quantum model social communications.

Alexander Kalmykov, Professor at the Department of Theory and Practice of Public Relations Russian State University for the Humanities, Docent, Doctor of Philological Sciences, Candidate of Pedagogic Sciences

alex.kalmykov@gmail.com

УДК 316.77; ББК 60.0

Д.В. Лукьянов. «Номинализм» и «реализм» в социально-гуманитарном познании.

В основе статьи – попытка рассмотреть имеющиеся противоречия в характере выстраивания междисциплинарных взаимосвязей в социально-гуманитарном познании через давнишний спор т.н. *номиналистов* и *реалистов* на природу социума. Социальный номинализм, начиная с М. Вебера, основывается на идее о том, что понимание общества опирается на некоторые «базовые кирпичики» (социальные индивиды и их действия), из которых выстраиваются прочные «стены» самой социальной действительности. В основе социального реализма (Э.Дюркгейм) изначально признается субстанциональность природы социального как независимая (не сводимая к способам своих манифестаций) и *пред-*заданная сущность, как регулятивная идея («несущая балка») для возможностей самообоснования социального в нем же самом, как «особая реальность». Последний - зачастую трактуется как «ориентация на метод» и стремление к универсализации научных теорий, тогда как первый – номинализм - ориентирован на проблему и составляет суть «возврата к реальности» в гуманитарных науках.

Исходные различия в установках «номиналистов» и «реалистов» парадоксально совмещаются сегодня в таких сферах социально-гуманитарного знания как т.н. «перекрестная история» (Б. Циммерман, М. Винер), «когнитивная история» (О.М. Медушевская), изучение «межкультурных трансферов» (М. Миддель, И. Паульманн), интерес к роли негативного в приращении социальных инноваций (Л. Бляхер, Д. Гаспарян), и т.д.

Для современного социального и гуманитарного знания наличие «диффузных» проблемных полей и трендовая трансгрессивность применяемых в них теорий и методов, воспринимается сегодня как актуальная данность и не вызывает принципиальной критики, между тем сама наличествующая *дивергенция* существующих научных практик может быть понята и как своеобразное *единство*, которое вполне очевидно проистекает из самих данных дисциплинарных различий. Концепт «современность», на наш взгляд, может сегодня служить именно прояснению данного «нового» качества интеллектуальных практик, которые выражают парадоксальным образом никуда не исчезнувшую *унидисциплинарную* перспективу социального анализа и познания общественного человека во времени.

Ключевые слова: номинализм, реализм, социально-гуманитарное познание, междисциплинарность, критика социальных наук, современная историография, поиск «теории настоящего», концепт «современность».

Лукьянов Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный Университет, Москва

Dmitry V. Lukyanov. "Nominalism" and "realism" in the social and human cognition.

The core of the article is an attempt to consider the contradictions existing in the nature of building interdisciplinary relationships in the social and humanitarian knowledge

through the so-called long-standing dispute of nominalists and realists on the nature of society. Social nominalism, starting with M. Weber, is based on the idea that understanding society relies on some "basic building blocks" (social individuals and their actions), from which are built the solid "wall" of the social reality. In the framework of social realism (E. Durkheim) initially recognized the substantiality of nature as independent of social (not reducible to the methods of their manifestations) and pre-specified entity, as a regulatory idea ("beam") for opportunities of social samooborone in it, as a "special reality". The latter is often interpreted as "focus on method" and the pursuit of the universalization of scientific theories and nominalism - is focused on the problem and is the essence of "return to reality" in the Humanities. Initial differences in the attitudes of the "nominalists" and "realists" paradoxically combined today in the areas of socio-humanitarian knowledge as the so-called "cross-history" (B. Zimmerman, M. Wiener), "cognitive history" (O. M. Medushevskaya), the study of "intercultural transfer" (M. Middel, I. Paulmann), the interest in negative role in the increase of social innovation (L. blyakher, D. Gasparyan), etc. For modern social and humanitarian knowledge, the presence of "diffuse" problem fields and the trend transgressively underlying design theories and methods, is accepted as actual fact and does not raise fundamental criticism, however present itself the divergence of existing scientific practices can be understood as a kind of unity, which obviously stems from the data of disciplinary differences. The concept of "modernity", in our opinion, can serve precisely to clarify this "new" quality of intellectual practices that Express, paradoxically, was never resolved unidisciplinary perspective for social analysis and social knowledge of man in time. Key words: nominalism, realism, socio-humanitarian cognition, interdisciplinarity, criticism of social science, modern historiography, the search for "theories of present", the concept of "modernity"

Dmitry V. Lukyanov, lecturer, Ph. D. in History, Russian State University for the Humanities, Moscow.

lukadmiv@mail.ru

УДК 101:316.3; ББК 87.6

Л.В. Мурейко. Традиция и массовое сознание.

Современные теории традиции и истории не должны обходить вниманием проблему масс, массового сознания и массовой коммуникации. Особенно это касается обстоятельств, связанных с проблемой восприятия и понимания времени, памяти и забвения, а также – с симуляцией традиции, ее искусственной или «вторичной» формы, продуцируемой социальной инженерией.

На основе анализа неоднозначности феномена забвения делается вывод о неправомерности утверждения, согласно которому массы полностью безразличны к традиции.

Ключевые слова: традиция, массовое сознание, время, забвение, беспамятство

Мурейко Лариса Валериановна, доцент кафедры «Философия, политология и социология», кандидат философских наук, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I

L. Mureyko. Tradition and the mass consciousness.

The modern theory of tradition and history should not overlook the problem of the masses, mass consciousness and mass communication. This is especially true of the circumstances connected with the problem of perception and understanding of time, memory and oblivion, as well as with the tradition of simulation, artificial or "secondary" forms produced by social engineering.

Based on the analysis of the ambiguity of the phenomenon of forgetfulness, the conclusion about the illegality of the approval, according to which the masses are completely indifferent to tradition.

Keywords: tradition, mass consciousness, time, oblivion. *Keywords:* tradition, mass consciousness, time, oblivion, memory loss.

L. Mureyko, Associate professor of philosophy, political science and sociology department of the Petersburg State University of transport communications, PhD (in philosophy), Petersburg State University of transport communications

lamureiko@gmail.com

В самом общем виде традицию можно определить как совокупность относительно устойчивых элементов культурного наследия, формирующегося в истории посредством социально оцениваемого времени.

Особую роль в трансляции знаний, норм, ценностей, опыта в социально-культурной среде играет «*надындивидуальная память*», транслирующая во времени нормы коллективной идентичности и мировоззренческое знание.

Массы часто упрекают в том, что они лишены рациональности, поскольку не знают традиции, лишены исторической памяти. Однако «беспамятство» как момент забвения не так однозначен.

Забвение как феномен культуры в целом, включая массовую культуру, не является лишь противоположностью памяти, что обусловлено конечностью жизни и ограниченностью познавательных возможностей человека. Забвение может выступать как инобытие памяти. Когда забвение вбрасывает в континуальность человеческого восприятия элемент дискретности, тем самым «разрывая» пространство памяти на отдельные моменты-воспоминания, то этим оно создает для человека возможность подвергнуть рефлексивному пересмотру как собственный, так и коллективный опыт. Таким образом, подготавливается возможность *перехода* к другой, может быть, более совершенной системе организации жизни.

«Беспамятство» масс демонстрирует актуальность идеи о бесконечной делимости, о проблематичности поиска устойчивой универсальной микрочастицы конкретного пространственно-временного отрезка.

Продуцируемый массовым сознанием феномен «взрыва» прежней устойчивой знаково-символической системы социально-культурной среды тесно связан с проблемой пространственно-временной особенности зоны схождения субъективного и объективного, личного и безличного. Игнорирование этой проблемы делает непродуктивным поиск концептуального единства разорванного множества эпистемологических моделей понимания времени истории, возможностей субъекта.

Нельзя однозначно утверждать, что массовое сознание никак не связано с традицией. Рассмотрение «беспамятства» масс в социокультурном плане через призму феномена забвения свидетельствует, что массы опосредованно вносят свой вклад в связь времен, связь ценностей разных поколений. Массовое сознание демонстрирует присутствие в современном знании объекта или события всех забытых (и тем самым многообразных) форм знания в качестве вневременных, равнозначных с актуальным знанием, обостряя вопрос об исторически конкретных социокультурных факторах, обуславливающих в ту или иную эпоху *отбор того, что нужно забыть*.

УДК 101.3:37; ББК 74.58:87

Н.И. Осмонова. Университетское образование в контексте философии и философия в контексте университетского образования.

Раскрывается становление и развитие университетского образования, его специфика и задачи в контексте формирования философии как пропедевтики к универсальному знанию. Ставится проблема места, роли и предназначения философии как фундаментальной гуманитарной науки в контексте глобализационных процессов в современном обществе, дегуманизации культуры и модернизации современного университетского образования.

Ключевые слова: университетское (универсальное) образование, философия, философская культура, воспитание, гуманитарная практика.

Осмонова Нургуль Исраиловна, Кыргызско-Российский Славянский университет (Кыргызстан)

Nurgul Osmonova. University education in the context of philosophy and philosophy in the context of university education

It is revealed of formation and development of the university education, it's specifics and goals in the context of formation philosophy as propaedeutics to universal knowledge. Raise a problem of place, role and mission philosophy as the Humanities in the context of globalization processes in the modern society, dehumanization culture and modernization of modern university education.

Key words: university (universal) education, philosophy, philosophical culture, education, humanitarian practice.

Nurgul Osmonova, Kyrgyz-Russian Slavic University (Kyrgyzstan)
osmonova_ni@mail.ru

УДК 316.77; ББК 60.0

Палей Е.В. Время образования: исторический характер образовательной коммуникации

Образование представляет собой обнаружение уже известного. Обращенность образования в прошлое принципиально не может рассматриваться как повторение какой-либо активности. С другой стороны, образование строится на проекте, образе-образце будущего человека и общества. Поэтому время в образовании играет важную

роль. В сфере образования мы имеем дело с особенностями построения временных отношений, связанными с сущностью человека и социума.

Образование актуализирует нечто давно известное, в том числе «общеизвестное», являясь инструментом его переосмысления. Это можно назвать пребыванием в состоянии предвосхищения «еще не случившегося», укорененного в недостаточности своего прошлого. Если понимать вслед за М. Хайдеггером и Х.-Г. Гадамером историю как «возвращение возможного», то мы можем говорить о том, что *сущность любого образования - историческая*. Обучающийся как историк и часть истории приобщается к разворачиванию человеческой сущности во времени. Образование - это состояние одновременности настоящего, прошлого и будущего (образ, к которому стремится человек, сейчас наполняется «уже бывшим»). Обучающийся по-настоящему «нов» для обретенного в прошлом знания и опыта, это оно открывает его как носителя.

Образовательная сфера выстраивает свое смысловое пространство, где течение времени подчиняется иным закономерностям. Физическое время играет незначительную роль и с легкостью трансформируется. Учебное расписание буквально заставляет студента перемещаться в различных промежутках опыта.

Время характеризует образование как завершенность и как бесконечность, обозначая границы образовательной сферы и одновременно расширяя коммуникативное пространство образования до масштабов известной нам истории человечества. Человек себя раскрывает как мир, в котором есть прошлое, настоящее и будущее в форме еще не познанного и еще не понятого, постигаемого сейчас и уже познанного. Это и можно считать подлинной открытостью – как сопричастность уже случившемуся, где есть подчинение традиции и деятельное со-участие в ее поддержании и развитии.

Разные образовательные практики выстраивают свою иерархию времен, рассматривая в качестве высшей ценности то прошлое, то будущее. Современная система образования с ее установкой на эффективность, прагматизм, акцентом на интерактивность опирается на безусловную ценность настоящего.

Палей Елена Вадимовна, доцент кафедры философии, кандидат философских наук, Ивановский государственный химико-технологический университет

Elena Paley. The formation of the historical nature of educational communication.

Education is a discovery already known. Focus on education in the past is not fundamentally can be considered as a repetition of any activity. On the other hand, education is based on the project, the image-sample of the future of man and society. Therefore, the time in education plays an important role. In education we deal with the construction features of the temporal relations associated with the nature of man and society. Education actualizes something long-known, including "well-known" as a tool of rethinking. This can be called being in a state of anticipation "which hasn't happened yet", is rooted in failure of its past. If you understand the following M. Heidegger and H.-G. Gadamer's treatment of history as "the return of the possible", we can say that the essence of

any education is the historical. The student as historian and part of the history attached to the deployment of human nature in time. Education is the condition of simultaneity of past, present, and future (the way that people seek, now is filled with "former"). The student really "new" for acquired in the past knowledge and experience, it opens it as a carrier. Education builds up its semantic space, where time obeys different laws. Physical time plays a minor role and easily transformed. The curriculum literally forces the student to move to different spaces of experience. Time characterizes education as perfection and as infinity, indicating the borders of the educational sphere and at the same time expanding the communicative space of learning to the scale of the known history of mankind. The man reveals himself as a world in which there is past, present and future in the form is not yet known and not yet understood, comprehended now and had already known. This can be considered a genuine openness – a sense of ownership as already happened where there is submission to the traditions and active co-participation in its maintenance and development. Different educational practices build a hierarchy of times, considering that the highest values of the past, the future. The modern system of education with its installation on the efficiency, pragmatism, a focus on interactivity relies on absolute value of the present.

Paley Elena Vadimovna, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Docent at the Department of Philosophy, Candidate of Science in Philosophy
ev-paley@mail.ru

УДК 168.522; ББК 87.0

С.В. Чёренькая. **Традиции университетского образования и новые коммуникативные технологии.**

В статье анализируется гипертекст как одна из информационных технологий, применяемых в учебном процессе, выделяются особенности его построения и восприятия.

Ключевые слова: образование, информационные технологии, гипертекст, интенциональность, интертекстуальность.

Чёренькая Светлана Васильевна, доцент, к.ф.н, Московский городской педагогический университет, общеуниверситетская кафедра философии.

Svetlana Chiornenkaya. **Traditions of University education and new communication technologies.**

The article analyzes the hypertext as one of the information technologies used in the educational process. The author allocates the peculiarities of its construction and perception.

Keywords: education, information technologies, hypertext, intentionality, intertextuality.

Svetlana Chiornenkaya, docent, Ph. D. (Philosophy), Moscow City Teachers' Training University, all-university department of Philosophy

Schernenkaja@yandex.ru

Факт, что организация учебного процесса прямо влияет на его эффективность, не оспаривается никем, тем не менее этот вопрос при

обсуждении проблем преподавания философии, как правило, не поднимается. Современное требование обязательного использования интернет-технологий в преподавании философии, в истории которой имеются веками сложившиеся и проверенные временем традиции подачи учебного материала (диалоги Сократа, вопросы учеников и ответы Учителя в школе Конфуция и др.) поднимает проблему представления учебного курса философии в информационном пространстве современного образования.

Нужно отметить, что широкое применение интернет-технологий в дидактических целях совмещается в нашем образовании с отсутствием теоретического рассмотрения сущности этого процесса, его влияния на обучаемых. Компьютеризация образования оказалась не теоретико-методологической проблемой, а конкретно-практической задачей [1,2].

В частности, гипертекст как один из способов подачи электронного текста до сих пор не является в нашей стране объектом философского анализа, соответственно, не выявлены категории, принципы, составляющие его специфику (отличие от традиционного письменного текста), особенности восприятия, при том, что электронные, гипертекст прежде всего, способы организации и подачи информации принципиально меняют характер коммуникативных процессов.

По мере развития ИТ-технологий усиливается значимость вербального, текстового контента сети, усложняется его структура. Если в момент появления сети Интернет обращалось внимание просто на «её словесное наполнение» и быструю передачу текста с помощью сервиса электронной почты, затем чата, а потом более разнообразных коммуникативных платформ (форум, персональная страница, блог и т.д.), то постепенно это словесное наполнение сети или текст, а также и сам коммуникативный процесс стали изменяться кардинально.

В докладе на материале учебных гипертекстов по философии рассматривается влияние ИТ-технологий на структуру текстовых сообщений, используемых в образовательном процессе, выделяются принципиальные различия между обычным линейным текстом и гипертекстами и методологические ограничения применения интернет-технологий в учебно-коммуникативном пространстве.

Гипертекст – это электронный способ подачи письменного текста на экран монитора компьютера. Возникнув как техническое средство, он превращается в самостоятельный способ существования информации, имеющий свои особенности. Информационные единицы, составляющие структуру гипертекста, выступают не как рядоположенные, а связанные в единое семантическое пространство, и учебный гипертекст, сам по себе потенциально бесконечный, порождает лишь те интерпретации, которые предусмотрены его собственной стратегией.

Имея опыт работы с учебными гипертекстами по философии, хотелось бы остановиться на специфике их создания. Следует отметить, что использование гипертекстов в учебном процессе является *всегда дополнительным, вспомогательным средством*. В рамках аудиторных занятий гипертекст, как и другие информационные технологии, выступает скорее фоновым средством. Тем

не менее гипертекст более, на наш взгляд, нежели другие формы организации учебного материала, позволяет учитывать особенности философского знания, стимулировать активность студентов [3].

Гипертекст представляет нелинейный, дискретный текст, распадающийся на фрагменты, которые выступают самостоятельными композиционными единицами. Естественно, что они снабжены определённой системой поиска и доступа к информации. Традиционный печатный текст также обладает некоторой структурой в соответствии со своей жанровой спецификой (главы, параграфы, абзацы и т.д.), имеет определённую систему доступа к ним (оглавление и т.д.). Специфика гипертекста – он не имеет жесткого направления в развёртывании информации, точнее, оно не задаётся только автором, а определяется в большей степени самим читателем. Интерес читателя, его свободный выбор организуют порядок следования единиц текста, соответственно, устанавливаются контекстные связи, конструирующие смысл. Традиционный книжный текст позволяет вернуться к уже прочитанному, забежать вперёд, но последовательность составляющих текст языковых единиц читатель изменить не может. Идеология гипертекста позволяет совместить замысел автора с интересами читателя. Таким образом, гипертекст принципиально меняет процесс порождения и восприятия информации, соотношение автора и читателя, применение его в учебных целях создаёт новые возможности для организации и понимания учебного материала.

В условиях письменной коммуникации автор и его текст – начальное, определяющее звено. Гипертекст, меняя отношения автора и читателя, ослабляет «диктат» автора, требует соучастия читателя в организации информации. Усиливается творческая активность читателя(студента).

При рассмотрении гипертекста можно использовать категории *интенциональности* и *интертекстуальности*. В печатном тексте, как правило, один предмет авторского описания и анализа, в гипертексте, в том числе и учебном, может возникнуть явление множественной интенции. Студентам предлагается завершённый материал (что не отрицает его открытости), который должен быть воспринят определённым образом, но поскольку студенты вовлекаются во взаимодействие с преподавателем в рамках информационного пространства, то такое соучастие неизбежно привносит в гипертекст их интересы, точки зрения, жизненный (а возможно, и профессиональный) опыт. Но следует отметить, что семантические связи между структурными элементами гипертекста не позволяют принципиального изменения проблематики текста, смысла высказывания, замены его на противоположный. Выявление различных точек зрения, с которых текст может быть воспринят и понят, модифицирует и обогащает содержание гипертекста без ущерба для начального «смыслового» ядра. Интертекстуальность проявляется во взаимосвязях текстовых единиц, с одной стороны, и текста с различными метатекстами, с другой. Гипертекст явно, «зримо» демонстрирует плюральность нашего понимания, явление множественности интерпретации текста

и в то же время границы возможной интерпретации, соотношения текста с контекстом.

При создании учебных гипертекстов основным вопросом является определение семантики информационного пространства. Этот вопрос сегодня остаётся открытым. Преподаватель исходит из определённого понимания содержания предмета и собственного опыта изложения данного материала. Построение учебного гипертекста требует учитывать природу, особенности излагаемого материала и особенности его восприятия. Если при подготовке учебного материала мы некоторое содержание преобразуем в определённое выражение, то при восприятии текста план выражения переходит в план содержания. Здесь каждый преподаватель «практически» сталкивается с проблемой «герменевтического круга» в рассуждении, проблемой соотношения понимания и изложения определённого материала. Мы излагаем материал в зависимости от того, как его понимаем. В то же время понимаемый материал уже должен быть словесно, в том числе логически, оформлен. В герменевтике данный круг определяют как выражение двусторонности акта понимания, требующего для своего осуществления наличности говорящего и komponующего, с одной стороны, слушающего и понимающего, с другой.

Философский анализ (и текст, в том числе учебный) предполагает, что, выбирая формы изложения, мы обращаемся к смыслу. Создавая учебный гипертекст, мы имеем дело с анализом содержания учебного материала. Фреймы, из которых состоит гипертекст, выступают смысловыми единицами, актуализация которых читателям (студентам) помогает понять содержание предложенного им материала.

Следует отметить, что гипертекст – это не просто сумма отдельных текстов. Попытки непосредственно конвертировать печатные тексты в гиперсреду, как правило, не удаются, что связывают с имплицитностью структуры печатного текста. В гипертексте важна соотносимость его отдельных частей друг с другом. Разработка алгоритмов такого соотношения и составляет специфику гипертекста. Работая с учебными гипертекстами, важно выделять семантические связи между его структурными единицами. Образующийся смысловой каркас, в рамках которого разъясняются учебные вопросы, помогает сформировать у студента целостное представление о предмете, систематизировать имеющиеся знания. Смысловые единицы требуют не только от преподавателя, но и от студентов определённого категориального развёртывания мысли, выступая условиями и средствами их мышления, способствуют выработке навыков и склонности к рациональному, а не интуитивному построению рассуждений.

Литература

1. *Абрамова Н.Т.* Ценности образования, новые технологии и неявные формы знания // Вопросы философии. 1998. №6. С.58–66.
2. *Войскунский А.Е.* Метафоры Интернета // Вопросы философии. 2001. №11. С.64–79.
3. *Чёренькая С.В.* Гипертекст как способ организации учебного материала // Вестник МГПУ(сер. Философские науки) №2(14) 2015. с. 74–81

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Э.В. Баркова.</i> Масштаб личностного развития в целевых установках проектирования экокультуры информационного общества	5
<i>Е.М. Гашикова.</i> Проблема понимания в виртуальной и социальной реальности	8
<i>Е.А. Каверина.</i> Культурно-исторический опыт событийных коммуникаций: от традиционализма к модернизму	10
<i>Н.Г. Кац.</i> Общее наследие: диалог культур города	13
<i>В.В. Рябухина.</i> Эволюция культуры в эпоху глобализации	20
<i>А.Т. Кулсариева, А.Р. Масалимова.</i> «Активное гражданство» как модель построения социально-активного общества	26
<i>Л.П. Халяпина.</i> Интернет-коммуникации как новая коммуникативная реалья глобального мира	31
<i>О.Г. Филатова, А.В. Чугунов.</i> Электронное управление в процессах евразийской интеграции	40

Секция 1. ФИЛОСОФИЯ КОММУНИКАЦИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДЫ И ТОПОСЫ СОВРЕМЕННОСТИ

<i>В.А. Серкова.</i> Является ли язык надежной основой коммуникации	43
<i>В.А. Лобастова.</i> Апперцептивное переживание «другого» как <i>alter ego</i>	47
<i>И.А. Авдеева.</i> К проблеме факторов нормативного регулирования интернет-пространства	49
<i>Е.К. Барановская.</i> Сетевые ресурсы как новый вид коммуникативного пространства	51
<i>О.Н. Багаева.</i> Специфика конституирования диалогических отношений в современном обществе: попытки преодоления Чуждости	55
<i>Н.В. Даниелян.</i> Трансформация процесса коммуникации под влиянием развития новых технологий	69
<i>Е.Г. Поздеева.</i> Прекариат: проблема развития коммуникативных стратегий	62
<i>М.В. Джиган.</i> Информационное общество как инновационное общество: философия, технология, политика	64
<i>Т.Б. Карулина.</i> «Эволюция» или трансформация: морфология культур Освальда Шпенглера	65
<i>Е.К. Луговая.</i> Традиционная культура и проблема спасения реальности	72
<i>О.А. Сусская.</i> Методология научного осмысления социальных коммуникаций как регуляторов социальной реальности	74
<i>А.А. Колосова, Н.В. Поплавская.</i> Инновационная журналистика: определения и толкования	76

Секция 2. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ СРЕДЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА – НАУКА, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Л.Д. Петряков.</i> Философский дискурс: вечные проблемы против «вечных» истин	80
<i>А.Б. Белозеров.</i> Познавательный потенциал коммуникативной рациональности	82
<i>Е.В. Сапрыкина.</i> Научная коммуникация как предмет философского анализа	84
<i>Е.С. Некрасова.</i> Профессиональные ученые и интернет-энциклопедии «Википедия»	86
<i>Т.Ю. Гранчак.</i> Социокультурный дискурс национальных библиотек как источник определения приоритетных маркеров национальной памяти	89
<i>И.Б. Горбунова, М.С. Заливадный.</i> Жанр музыкальной заставки: некоторые коммуникационные и просветительские возможности	91
<i>И.Б. Горбунова, М.С. Заливадный.</i> Эйлерова категория «приятности» музыки как предвосхищение понятия информации в эстетической оценке явлений	94
<i>И.Б. Горбунова, М.С. Заливадный, И.О. Товтич.</i> Ценность традиции: музыкально-теоретические воззрения Л. Эйлера и информационные технологии в музыке	97
<i>Т.Б. Синицын.</i> Проявления византийской эстетической традиции в современной художественной культуре Севастополя и Крыма	104
<i>Р.А. Иванова.</i> О значении информационных технологий в музейной сфере	119
<i>В.А. Колычева.</i> Рынок русского искусства: изнутри и снаружи	111
<i>А.С. ШUTOва.</i> Анализ форматов коммуникативного взаимодействия музейной экспозиции с посетителем	113
<i>В.А. Сергеев.</i> О нормативах функционирования информационно-коммуникативного пространства	118
<i>В.А. Сергеев.</i> Сертификация коммуникативной информации	126

Секция 3. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДЫ И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>И.П. Березовская.</i> Российское университетское образование. История и современность	132
<i>А.Б. Бушев.</i> Обучаемый эпохи масс-медиа	134
<i>А.А. Карташова.</i> Актуальные сдвиги в образовательном процессе информационного общества	136
<i>А.В. Чистяков.</i> Социально-коммуникативные опасности и перспективы информационно-коммуникационных технологий в виртуальном образовательном пространстве	138
<i>Е.В. Палей</i> «Право на ошибку» vs стратегии достижений в системе ценностей современного образования	140
<i>Л.М. Волкова, А.А. Голубев.</i> Теоретические основы физической культуры в университетском образовании гражданской авиации	143

Секция 4. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА – ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Е.Н. Журавлева.</i> К вопросу о взаимодействии культур и культурного многообразия	145
<i>Л.Т. Подвойская.</i> Истоки консенсуса в евразийской идее в контексте межкультурной коммуникации	147
<i>Е.В. Папченко.</i> Межкультурная коммуникация в современной социокультурной среде	152
<i>Н.В. Симанова.</i> Роль коммуникации и медиаиндустрии в диалоге культур и межкультурном пространстве	154
<i>М.Н. Панова.</i> Событийные коммуникации территориального бренда	156
<i>Т.Е. Сиволап.</i> Проблема ценностных ориентаций современной молодёжи и отношение к культурному наследию	158
<i>Ю.Ю. Черный.</i> Глобальная борьба за киберпространство и языки	160
<i>Т.В. Шелепанова.</i> Трансформация социокультурной среды в современном информационном обществе	166
<i>Н.В. Меднис.</i> Традиции и коммуникация в информационном обществе (геронтологический аспект)	169
<i>Н.П. Безуглова.</i> Два подхода к понятию «культура» в межкультурной коммуникации	172

Секция 5. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СРЕДЫ В СОЦИОТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

<i>А.А. Калмыков.</i> Коммуникационный менеджмент – трудности дефиниции	178
<i>И.Г. Шестакова, А.Д. Булдыско.</i> Борьба за человеческий капитал как новый аспект конкуренции в современном мире	180
<i>А.К. Бордунос, С.В. Кошелева.</i> «Эффект колеи» в понимании оптимальности стратегии управления человеческим капиталом фирмы	181
<i>О.В. Джиган.</i> Введение в STS – технологии	184
<i>Л.О. Кокоулина.</i> Циркулярная модель экономики – новый подход к устойчивому развитию?	186
<i>В.В. Морозов.</i> PR–технологии в социотехнических системах	188
<i>Г.Ю. Носаненко, Э.Ю. Галкина.</i> Добровольческие объединения как один из индикаторов успешного развития человеческого капитала в гражданском обществе	190
<i>А.Д. Трахтенберг.</i> «Через Интернет удобнее»: электронные услуги глазами граждан	192
<i>А.Г. Танова.</i> Роль PR в управлении персоналом организации	194
<i>Т.Ю. Семёнова.</i> Информация в условиях регионального инновационного развития	196
<i>В.А. Сергеев.</i> Политическая внесистемная благотворительность	199

Секция 6. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДЫ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

<i>И.П. Салтанович.</i> Управление инновациями как часть стратегии успеха	204
<i>В.В. Варавва.</i> Малотиражная пресса локального сообщества и власть	209
<i>Т.В. Владимирова.</i> Информационная безопасность как социальная практика	217
<i>Е.Г. Дьякова.</i> Единый портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации: акторы и компетенции	220
<i>Л.И. Евсеева, И.Е. Тимерманис.</i> Коммуникативные ресурсы власти в стабилизации политической практики	221
<i>А.С. Орлов.</i> Информация, необходимая для принятия стратегических решений в области ценообразования на фармацевтическом рынке, и предъявляемые к ней требования	223
<i>А.А. Шнайдер.</i> Социальные медиа как новый социальный институт современного общества	227
<i>М.В. Блохина, Л.Г. Григорьев.</i> Проблемы и перспективы деятельности клубов молодого избирателя в Тверской области: опыт контент-анализа Интернет-ресурсов	231
<i>Стефано Мария Капилуни.</i> Свобода и власть у Достоевского	236
<i>И.В. Коломейцев, О.Д. Шипунова.</i> Неолиберальная доктрина социального порядка в русской традиции	244

Секция 7. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДЫ И ТЕХНОЛОГИИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Н.А. Соколова.</i> Парадокс технологии манипуляции сознанием в современном западном мире	247
<i>Л.В. Мурейко.</i> «Человек-машина» в среде масс-медиа: понятия «робот» и «зомби»	249
<i>Р.И. Селецкий, Д.Ю. Клюев.</i> Медиа и конструирование социального опыта: траектория развития	254
<i>Н.В. Вертянкина, А.Л. Пересторонин.</i> Коммуникативные стратегии в современном блогерском дискурсе: к постановке проблемы	260
<i>А.А. Ефанов.</i> Конституирование медиапсихоза в отношении терроризма	262
<i>О.Э. Иванова.</i> Сетевая «гаджет-коммуникация»: «пряжка» vs «хомут»?	266
<i>М.М. Козлова, А.В. Хохлов.</i> Роль СМИ в манипулировании общественным мнением	269
<i>Ю.О. Обухова.</i> Коммуникативные практики использования мобильного телефона: трансформация пространственно-временного восприятия	272

Секция 8. ЛИЧНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СРЕДАХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

<i>Е.Б. Тимерманис.</i> Особенности становления личности в современном информационном обществе	275
<i>Д.Ю. Бакулин, М.В. Терехова.</i> Негативное влияние социальных сетей на подростков	277

<i>Д.С. Быльева.</i> Использование несобственных знаков самоидентификации в социальной сети	279
<i>Е.Н. Клеменова, И.А. Кудряшов.</i> Диалогическое движение в современной лингвистике: прагматическое исследование личности в информационном обществе	281
<i>Я.А. Саморукова.</i> Опыт осмысления проблемы самоубийства в культурном пространстве России и Европы	289
<i>А.В. Чистяков.</i> Социализация личности в информационном и сетевом обществе	293
КРУГЛЫЙ СТОЛ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ФИЛОСОФИЯ КОММУНИКАЦИИ: ЦЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ»	295

CONTENTS

Стр.

PLENARY REPORTS

<i>Eleonora Barkova.</i> The scale of personal development in the objectives of the design of ecological culture of the information society	5
<i>Elena Gashkova.</i> The problem of understanding in virtual and social reality	8
<i>Elena Kaverina.</i> Cultural-historical experience of event communications: from traditionalism to modernism	10
<i>Naum G. Kats.</i> A common heritage: the dialog of cultures of the city	13
<i>Victoria Riabukhina.</i> Evolution of culture in time of globalization	20
<i>Aktolkyn T. Kulsariyeva, Aliya R. Massalimova.</i> "Active citizenship" as a model for building socially active society	26
<i>Liudmila Khalyapina.</i> Internet-communication as a new communicative reality of global world	31
<i>Olga Filatova, Andrey Chugunov.</i> E-governance in the processes of Eurasian integration	40

Section 1. PHILOSOPHY OF COMMUNICATION: SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT AND THE TOPOS OF MODERNITY

<i>V.A. Serkova.</i> Is language a solid foundation of communication	43
<i>Vera Lobastova.</i> The apperceptive experience of the "other" as alter ego	47
<i>Irina Avdeeva.</i> About the problem of regulatory factors of the Internet space	49
<i>Evgenia Baranovskaia.</i> Net resources as a new kind of communication space	51
<i>Olga Bagaeva.</i> The specifics of the constitution of dialogic relations in modern society: attempts to overcome the Strangeness	55
<i>Naira Danielyan.</i> Transformation of Communication Process under Influence of New Technological Developments	59
<i>Elena Pozdeeva.</i> Prekariat: the problem of development of communication strategies	62
<i>Maria Dzhigan.</i> Information society as innovation one: philosophy, technology, politics	64
<i>Tatiana Karulina.</i> «Evolution» or transformation: the morphology of the cultures of Oswald Spengler	65
<i>Elena Lugovaya.</i> Traditional culture and the problem of salvation of the reality	72
<i>Olga A. Susskaya.</i> The methodology of scientific comprehension of social communication as regulators of social reality	74
<i>Alevtina Kolosova, Natalia Poplavskaya.</i> Innovative Journalism: Definitions and Interpretations	76

Section 2. INTELLECTUAL AND COMMUNICATIVE ENVIRONMENT OF INFORMATION SOCIETY – SCIENCE, CULTURE, EDUCATION

<i>Leonid Petriakov.</i> Philosophical discourse: against the eternal problem of eternal truths	80
<i>Alexandr Belozherov.</i> Cognitive potential of communicative rationality	82

<i>Ekaterina Saprykina</i> . Scientific communication as an object of philosophical analysis	84
<i>Elena Nekrasova</i> . Groves of Academe end Wikipedia	86
<i>Tetiana Hbranchak</i> . Socio-cultural discourse of national libraries as a source to determine the priority of national memory markers	89
<i>Irina B. Gorbunova, Mikhail S. Zalivadny</i> . Genre of musical advertisement: some communicative and educational possibilities	91
<i>Irina B. Gorbunova, Mikhail S. Zalivadny</i> . Euler category of the "pleasures" of music as an anticipation of the notion of information in the evaluation of aesthetic phenomena	94
<i>Irina B. Gorbunova, Mikhail S. Zalivadny, Irina O. Tovpich</i> . Information Technologies In Music And Leonhard Euler's Theoretical Views On Music	97
<i>Tihon Sinitsyn</i> . The manifestations of the Byzantine aesthetic tradition in contemporary art culture of Sevastopol and Crimea	104
<i>Rimma Ivanova</i> . About value of information technologies in the museum sphere	109
<i>Valeria Kolycheva</i> . Market of the Russian art: inside and outside	111
<i>Alyona Shutova</i> . Analysis of formats of communicative interaction museum exposition with the visitor	113
<i>Vladimir Sergeev</i> . About standards of performance of information and communication space	118
<i>Vladimir Sergeev</i> . Certification of communicative information	126

Section 3. SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT AND EDUCATION

<i>Irina Berezovskaya</i> . Russian University education. The history and modern-ness	132
<i>Alexandre B. Bouchev</i> . The student of mass media epoch	134
<i>Anna Kartashova</i> . Current developments in the educational process of the information society	136
<i>Anatoly Chistyakov</i> . Socio-communicative risks and prospects of information and communication technologies in virtual education space	138
<i>Elena Paley</i> . «The right to a mistake» vs strategy of achievement in the system of values of modern education	140
<i>Ludmila Volkova, Alexander Golubev</i> . Theoretical bases of physical culture in the University education of civil aviation	143

Section 4. SOCIAL CULTURAL ENVIRONMENT OF INFORMATION SOCIETY – PROBLEMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

<i>Elena Zhuravleva</i> . On the problem of interaction of cultures and cultural diversity	145
<i>Love Podvoiskaya</i> . The origins of consensus on the Eurasian idea in the context of intercultural communication	147
<i>Elena Papchenko</i> . Intercultural communication in contemporary socio-cultural environment	152
<i>N.V. Simanova</i> . Role of communication and media in the dialogue of cultures and intercultural space	154
<i>Maria Panova</i> . Event-based communications of the territorial brand	156
<i>Tatiana Sivolap</i> . The problem of value orientations of modern youth and related to cultural heritage	158

<i>Yuri Chernyy</i> . The global fight for cyberspace and languages	160
<i>Tatiana Shelepanova</i> . The transformation of the sociocultural environment in the modern information society	166
<i>Natalia Mednis</i> . Traditions and communication in the information society (gerontological aspect)	169
<i>Nadezhda Bezuglova</i> . Two approaches to the concept of culture in intercultural communication	172

Section 5. HUMAN RESOURCES AND COMMUNICATION ENVIRONMENT IN SOCIO-TECHNICAL SYSTEMS

<i>Alexander Kalmykov</i> . Communication management – the difficulty of determining	178
<i>Irina Shestakova, Aleksandra Buldysko</i> . The struggle for Human Capital as a new aspect of competition in today's world	180
<i>Aleksandra Bordunos, Sofia Kosheleva</i> . Path dependence in perception of value of a corporate Human Capital Management strategy	181
<i>Olga Dzhigan</i> . The introduction to STS	184
<i>Liudmila Kokoulina</i> . Circular economy model – a new approach to sustainable development?	186
<i>V. Morozov</i> . PR–technologies in socio-technical systems	188
<i>Galina Nosanenko, Eleonora Galkina</i> . Volunteer Associations as one of the indicators of successful human capital development in civil society	190
<i>Anna Trakhtenberg</i> . «Internet is more convenient»: e-services from the citizens' standpoint	192
<i>Anna Tanova</i> . PR role in human resource management	194
<i>Tatyana Semenova</i> . Information in conditions of innovation development	196
<i>Vladimir Sergeev</i> . Political non-systemic charity	199

Section 6. SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT AND COMMUNICATIVE STRATEGIES IN PUBLIC ADMINISTRATION

<i>Iryna Saltanovich</i> . Innovation management as a part of success strategy	204
<i>Valentina Varavva</i> . The administration of local society and the local newspaper	209
<i>Tatyana Vladimirova</i> . Information security as a social practice	217
<i>Elena Dyakova</i> . The Unified Portal for State and Municipal Services of the Russian Federation: actors and competences	220
<i>Lidiya I. Evseeva, Igor E. Timermanis</i> . Communicative power resources in the stabilization of political practice	221
<i>Alexander Orlov</i> . Necessary information for adoption of strategic decisions in the field of pricing in the pharmaceutical market, and requirements imposed to it	223
<i>Anna Shnaider</i> . Social media as a new social institute of modern society	227
<i>Marina Blokhina, Leonid Grigorev</i> . Problems and prospects of activity of the young voter's clubs in the Tver region: experience of the content analysis of Internet resources	231
<i>Stefano Maria Capilupi</i> . Freedom and power in Dostoevsky	236
<i>Ivan Kolomeyzev, Olga Shipunova</i> . Neo-liberal doctrine of social order in the Russian tradition	244

Section 7. SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT AND TECHNOLOGIES MASS COMMUNICATION

<i>Nina Sokolova.</i> Paradox of technologies of influence on consciousness in modern Western world	247
<i>L. Mureyko.</i> "Man-machine" in the mass media: the concept of "robot" and "zombies"	249
<i>Ruslan Seletskiy, Dmitry Klyuev.</i> The Media and its Evolving Role in Constructing Social Experience	254
<i>Natalya Vertyankina, Aleksandr Perestoronin.</i> Communicative strategies in a current blogger discourse: to form the problem	260
<i>Alexander Yefanov.</i> Constitution of media psychosis concerning terrorism	262
<i>Olga Ivanova.</i> Network «gadget-communication»: «buckle» vs «collar»?	266
<i>Maria Kozlova, Alexander Khokhlov.</i> The role of the media in manipulating public opinion	269
<i>Iuliia Obukhova.</i> Communication practices in mobile phone usage: the transformation of time-space perception	272

Section 8. IDENTITY IN THE SOCIOCULTURAL ENVIRONMENTS OF NETWORK SOCIETY

<i>Elena Timermanis.</i> The personality features in modern information society	275
<i>Dmitry Bakulin, Marina Terekhova.</i> Negative influence of social networks on teenagers	277
<i>Daria Bylieva.</i> The usage of another's signs of self-identification in social net communication	279
<i>Elena Klemenova, Igor Kudryashov.</i> Dialogic movement in contemporary linguistics: pragmatic investigation of personality in the informational society	281
<i>Yana Samorukova.</i> Experience understanding of the problem of suicide in the cultural space of Russia and Europe	289
<i>Anatoly Chistyakov.</i> Socialization of personality in the information and network society	293

ROUND TABLE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION "PHILOSOPHY OF COMMUNICATION: THE VALUE OF TRADITION"	295
---	-----

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДЫ
И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Труды
Международной научно-теоретической конференции
28 – 31 октября 2015 года

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т.2; 95 3004 – научная и производственная литература

Подписано в печать 21.10.2015. Формат 60×84/16. Печать цифровая
Усл.печ.л. 20,0 Тираж 132 Заказ 13558b

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного
Издательством Политехнического университета,
в Типографии Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел.: (812) 552-77-17; 550-40-14.